

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)
Социально-гуманитарный институт

КЛАССИКА САМАРСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Антология. Выпуск 6

**Дневник и воспоминания самарского губернатора
Александра Дмитриевича Свербеева**

Под научной редакцией
проф. П.С. Кабытова, проф. Э.Л. Дубмана, доц. М.М. Леонова

*Одобрено редакционно-издательским советом федерального
государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»*

С а м а р а
ООО «Слово»
2019

УДК 93/99(093.32)
ББК 63.3(2)46-63(2)
К47

Рецензент д-р ист. наук, проф. В.Н. Данилов

Руководитель проекта – проф. П.С. Кабытов

Составители: П.С. Кабытов, М.В. Батшев, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин, А.А. Мякотин

К47 Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева / сост.: П.С. Кабытов, М.В. Батшев, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин, А.А. Мякотин; под науч. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, М.М. Леонова. – Самара: ООО «Слово», 2019. – 268 с.

ISBN 978-5-6042347-8-5

Серия «Классика самарского краеведения» основана в 2001 г.

В шестой выпуск серии вошли ценнейшие личные документы видного государственного деятеля Российской империи второй половины XIX – начала XX в., самарского губернатора А.Д. Свербеева, его дневник и воспоминания.

Книга предназначена для учащихся и студентов, преподавателей школ и вузов, а также для всех интересующихся историей России и Самарского края.

УДК 93/99(093.32)
ББК 63.3(2)46-63(2)

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного
РГНФ научного проекта №16-11-63002*

ISBN 978-5-6042347-8-5

© Составители, 2019
© Самарский университет, 2019
© ООО «Слово»

СОДЕРЖАНИЕ

Кабытов П.С., Батшев М.В., Тюрин В.А., Дубман Э.Л. Российский «просвещенный консерватор»: дневник и воспоминания А.Д. Свербеева	4
Дневник самарского губернатора	20
Мои воспоминания	86
Русская провинция в конце девятнадцатого столетия (1867–1891)	132
Часть 1. Тверь и Кострома (1867–1878)	132
Часть 2. Самара (1878–1891)	196
Встречи и знакомства	201

Кабытов П.С., Батшев М.В., Тюрин В.А., Дубман Э.Л.

Российский «просвещенный консерватор»: дневник и воспоминания А.Д. Свербеева

Личность видного российского государственного деятеля, «просвещенного консерватора» Александра Дмитриевича Свербеева (1835-1917 гг.) до сих пор не получила исчерпывающего изучения в отечественной историографии. Тем не менее, он заслуживает пристального внимания, как талантливый имперский управленец, бывший костромским вице-губернатором в 1868-1878 и самарским губернатором в 1878-1891 годах; умный и тонкий наблюдатель, отразивший в своих дневниках и воспоминаниях картину целой эпохи русской столичной и провинциальной жизни.

Характер А.Д. Свербеева, черты личности этого незаурядного человека, государственную деятельность и напряженную внутреннюю жизнь позволяет детально раскрыть и понять его обширное рукописное наследие, сохранившееся в российских архивах и до настоящего времени практически не опубликованное. Огромное влияние на воспитание Александра Дмитриевича, родившегося в Москве 25 марта 1835 г.¹, оказала принадлежность к известному дворянскому роду, входившему в высший слой российской элиты. Его отец, Дмитрий Николаевич (1799-1874 гг.), состоял на дипломатической службе. Уйдя в отставку, он стал литературным критиком, автором мемуаров о пушкинском времени [10], ярким представителем прогрессивных московских интеллектуальных кругов середины XIX в. Мать, Екатерина Александровна (в девичестве княжна Щербатова), являлась душой и хозяйкой семейного литературного салона. Ею восхищались Е.А. Баратынский, П.Я. Чаадаев, Н.В. Гоголь и многие другие. Семья Свербеевых была открыта всему новому и передовому. Каждую пятницу у них собиралось просвещенное, либерально настроенное общество. Друзьями семьи являлись В.А. Жуковский, К.С. и И.С. Аксаковы, С.Г. Волконский, Н.И. Тургенев, Н.М. Языков и еще десятки передовых общественных деятелей, многих из которых Александр Дмитриевич будет впоследствии упоминать на страницах дневников. Дом Свербеевых являлся одним из центров «возрождения» общественно-политического движения в Москве 1840-х гг. Становление личности и мировоззрения молодого человека происходило в передовом либеральном окружении, фактически, в эпицентре острейших дискуссий между «запад-

¹ Все даты во вводном очерке, примечаниях и текстах А.Д. Свербеева приводятся по старому стилю.

никами» и «славянофилами» [4, с. 26]. Отзвуки этих либеральных идей, искреннее уважение к базовым ценностям «свободы, равенства, братства», гуманизм и жажда справедливости — все это характеризует А.Д. Свербеева, который в зрелые годы, находясь на традиционно «консервативно-охранительном» губернаторском посту, был обязан защищать устои имперской России. Тем не менее, современники очень часто называли его «просвещенным консерватором».

Изучение неопубликованных мемуаров Свербеева позволяет восстановить этапы биографии, которые ранее в литературе упоминались неточно, нередко искажались. Карьера Александра Дмитриевича была весьма успешной, благодаря обширным связям семьи и его личным способностям. В 1856 г. он окончил Московский университет, где слушал курсы лекций Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева и других известных российских ученых. Службу он начал в том же году в ведомстве Министерства внутренних дел, чиновником рижского генерал-губернатора князя А.А. Суворова. Затем, с 1862 по 1867 гг., Свербеев служил в русской императорской миссии в Вюртенбергском королевстве, живя в Штутгарте с женой В.Ф. фон Менгден, детьми Дмитрием и Зинаидой. Все это время семья Свербеевых проводила в европейском светском обществе, посещала приемы правящих династий, общалась с иностранной и русской знатью, бывавшей на европейских курортах. Именно в эти годы Александр Дмитриевич обрел дружбу с И.С. Тургеневым, жившем тогда в Баден-Бадене, но знакомым еще по Москве. Материальных затруднений Свербеевы не испытывали никогда, они владели именьями в Московской, Тульской, Орловской и Тверской губерниях, которые давали высокий доход. В 1864 г. ему было пожаловано Александром II звание камер-юнкера Высочайшего двора. Казалось бы карьера и семейные отношения молодого дворянина из знатной семьи складывались удачно. Однако, внезапно в плавном и великосветском течении жизни Свербеева произошел крутой поворот. В 1865 г. Александр Дмитриевич выехал в Петербург в связи с болезнью сестры и для аттестации в Министерстве иностранных дел на должность дипломата. Но, неожиданно для близких он решил остаться в России, мотивируя это тем, что: «...во мне пробудилось страстное желание остаться в России и посвятить мою дальнейшую жизнь служению моему отечеству» [7, Д. 104. Л. 72]. Зимой 1866-67 гг. Свербеев провел в Петербурге, претендуя на должность вице-губернатора. К нему весьма благосклонно отнесся Министр внутренних дел П.А. Валуев, с которым Александр Дмитриевич был знаком еще по Прибалтике. Свообразную практику Свербеев прошел в 1867-68 гг., находясь в распоряжении тверского губернатора, что позволило ему ознакомиться с работой губернского аппарата.

Но были и другие мотивы, которые повлияли на выбор вектора его государственной службы. Судя по всему, желание А.Д.Свербеева оставить дипломатическую службу было обусловлено семейной трагедией. Летом 1867 г. у Свербеева произошел разрыв с женой Верой Федоровной фон Менгден, которая оставив мужа и детей, ушла к сотруднику русской императорской миссии в Вюртенберге, Д.Е. Шевичу, в дальнейшем русскому послу в Японии, Португалии и Испании. А.Д. Свербеев стоически переживал разрыв с женой, но вынужден был передать детей на воспитание своим сестрам. В последующие годы он жил один, официально оформив развод с женой только в 1887 г. Уладив заграничные и, насколько это было возможно, семейные дела, в 1868 г. Свербеев занял должность костромского вице-губернатора. В 1869 г. он получил чин статского, а в 1871 г. — действительного статского советника. Затем, с конца 1878 по 1891 г. Александр Дмитриевич находился на посту самарского губернатора [7, Д. 104. Л. 80].

Судя по дневникам и воспоминаниям, Александр Дмитриевич проявлял искреннюю любовь и почитание к родителям. Необычайно сильные родственные чувства не ослабевали у него на протяжении всей жизни. Кроме родителей, Свербеев поддерживал близкие отношения и состоял в переписке с четырьмя братьями и пятью сестрами. *«Вера в бессмертие наших близких, в силу их любви ... особенно дорога в такие минуты, когда совершается перемена в судьбе человека, и я благодарю Бога, что во имя такой веры и с таким упованием я мог помолиться у гроба моего брата и столь горячо любимого моего отца»* [8, Л. 4]. Его любовь к членам семьи нельзя объяснять иначе, чем счастливыми годами детства и юности, проведенными в окружении близких родственников и той теплой «атмосферой» знаменитого московского дома Свербеевых.

Несомненно, наиболее почитаемым для Свербеева являлся отец, Дмитрий Николаевич, который был для него образцом «передового» человека середины XIX в. В чувствах Свербеева к отцу мы видим любовь и восхищение, гордость; он являлся для Александра Дмитриевича нравственным и интеллектуальным эталоном. Образ отца сопровождает его повсюду: *«Молитва и его благословение со мной непрестанно»* [8, Л. 4об.]. Будучи самарским губернатором, он пишет: *«Пятая годовщина кончины отца, я смог тихо помолиться в Соборе ... и еще раз вспомнить его заботы о Самаре перед смертью»* [8, Л. 31об.]. Свербеев имеет в виду самарский голод 1873 г., имевший большой российский резонанс. Призыв к российскому обществу оказать помощь населению Самарской губернии тогда был брошен Л.Н. Толстым и другими общественными лидерами, среди которых отчетливо звучал голос Д.Н. Свербеева.

Реконструируя исторический портрет Александра Дмитриевича нельзя не отметить его глубокую религиозность, что так же являлось семейной чертой. На страницах самарского дневника мы видим постоянное обращение к Богу. Искренняя вера Свербеева требовала частого участия в богослужении, даже тогда, когда осуществить это было физически сложно: *«успел я еще помолиться за заутренней в прекрасном храме ... и в 6 часов отправиться далеко в путь»* [8, Л. 17об.]. В апреле 1879 г. он узнал о смерти московского святителя Иннокентия, близкого друга семьи Свербеевых. Это известие потрясло автора дневника: *«молитвою соединился я с моим семейством, которое всё теперь собирается у гроба незабвенного для нас архипастыря...»* [7, Д. 83. Л. 1].

Свербеев был большим знатоком и почитателем атрибутов православия — церковной архитектуры, иконописи и церковного пения. Знакомство губернатора с каждым населённым пунктом предусматривало обязательный осмотр и посещение церквей и монастырей. В ходе командировок он обязательно знакомился со святынями и подвижниками Самарской земли. Прежде всего, нового губернатора впечатлили своей древней благодатью Иргизские монастыри и святыни: *«одна инокиня громко произнесла мне напутственное пожелание, верно за подробный осмотр и похвалу иконописи»* [8, Л. 29об.]. Почитание и превосходное знание церковного искусства всегда были яркой чертой его личности. Вот как описывает в воспоминаниях губернатор свою встречу со старцем-старообрядцем: *«...я подошел полюбоваться с ним на три им же пожертвованные иконы, древнего если не письма, то облика (копии)»* [8, Л. 38].

Напомним также и о том, что в конце 1880-х гг., именно самарский губернатор сумел оценить святость и талант иконописца Григория Журавлева. Он немало сил и личных средств вложил в развитие его мастерства. Григорий Николаевич Журавлев родился в 1858 г., в с. Утевка Бузулукского уезда Самарской губернии; будучи увечным с рождения, был не способен ходить и держать что-либо руками. Тем не менее, этот «божий человек» рано обрел страсть к иконописи и научился делать копии с образов местной сельской церкви держа кисть зубами. Он был замечен А.Д. Свербеевым во время губернаторских ревизионных поездок. Губернатор взял на себя затраты на обучение талантливого мастера, специально возил его знакомить с фресками московских соборов. Вернувшись из Москвы с иконами прекрасного письма, Г. Журавлев начал делать их копии и через несколько лет напряженного труда, имя его обрело российскую известность. В 1891 г. А.Д. Свербеев пригласил иконописца на торжественную встречу наследника престола Николая Александровича в Самарской губернии, где цесаревич пожаловал 100 руб. калеке, а взамен художник подарил будущему императору икону [7, Д. 104. Л. 20].

Почитание прекрасного было характерной чертой А.Д. Свербеева. В губернаторском доме регулярно устраивались музыкальные вечера и литературные чтения, а его хозяин ценил русскую литературу: *«начал я читать новую повесть Достоевского «Братья Карамазовы». Она много обещает интереса и отличается той же теплотой чувства и изумительною тонкостью анализа человеческого сердца, которыми так богато одарен ее автор»* [8, Л. 37].

Безусловно, в центре внимания дневника А.Д. Свербеева находятся события, связанные с его губернаторской административной практикой. Эта деятельность была интенсивна и весьма насыщена, т.к. в управленческих реалиях императорской России конца XIX в. должность губернатора замыкала на себя основные управленческие сферы региона [6, с. 29]. Кроме того, в 1870-80-е гг. Самарская губерния вступила в период стремительного экономического и инфраструктурного роста. Самара стала важным волжским торгово-промышленным и транспортным центром. В губернии увеличивалось городское население, открывались современные фабрики, магазины, склады и пристани; появился водопровод, несколько электростанций, десятки паровых мельниц и т.д. [3, с. 230].

Назначение А.Д. Свербеева в Самару, на должность губернатора последовало 23 октября 1878 г. Примечательны первые его дневниковые впечатления о Самаре, датированные январем 1879 г.: *«объехал некоторые городские кварталы, дивился громадности губернского города и полному беспорядку построек, несмотря на пожары, лепящихся друг около друга. Все это каменные и деревянные авоси, ждущие нового пожара ... Как тут не подивиться русскому Богу, творящему чудеса над беспечным людом, всегда рассчитывающим на эти чудеса»* [8, Л. 7об.]. Все последующие годы на посту губернатора Свербеев боролся с теснотой построек и неустроенностью городского пространства. В 1882 г. он отменил постановление городской думы с планом излишне тесной, в пожарном отношении небезопасной, застройки торговыми лавками Троицкой площади [2]. В 1889 г. он указал городским властям на частое несоблюдение обязательного постановления о запрете деревянной пристройки к каменным домам. Он обратил внимание гласных городской Думы на необходимость обеспечить город водой и высказался за увеличение ночных караулов [1]. В конечном счете, именно настойчивость губернатора позволила кардинально снизить пожарную опасность в губернской Самаре, путем постройки долгожданного городского водопровода. Проект создания водопровода обсуждался властями Самары с конца 1850-х годов. Но только содействие Свербеева в получении городом разрешения на облигационный займ в 400 тыс. руб. помогло завершить его строительство в 1887 г.

Конечно, у Свербеева, недоумение вызвали ветхость деревянных зданий и удручающий внешний облик города. Московский дворянин, многие годы живший в Европе, не мог не зафиксировать в дневнике свои первые впечатления о губернском городе: *«эскортируемый как всегда тьмою тем полицейских всяких чинов и званий проехал вдоль берега Волги по непроходимым грязям, взобрался в город по канавам и рытвинам занимающим улицу. Самара раскинулась широко, богатеющая ... [но — комм. сост.] без мостовых, хотя уже и железный путь дошел до нея»* [7, Д. 83].

Для А.Д. Свербеева всегда были важны вопросы санитарного и медицинского обеспечения местного населения. В дневниковых записях находим многочисленные предложения и мероприятия, направленные против распространения эпидемий. Здесь же даны впечатления губернатора о несоблюдении гигиены и чистоты, как обывателями, так и чиновниками: *«дома, после бумаг, принимал я губернскую канцелярию и губернское правление. Такие же забитые, усталые лица, как в Костроме, один из советников Десницкий показался мне толковым, а врач-инспектор возбудил мое сочувствие требованием очистки города, подобно Авгиевым столпам. Хорошо бы найти на них Геркулеса, не могут ли нам астраханские болезни, страха ради которых **постараться двинуть русское купечество** [здесь и далее выделено авторами статьи] отказать от предков унаследованной вони и грязи»* [8, Тоб.].

Приезд Свербеева в Самару совпал с эпидемией астраханской чумы, в 1878–79 гг. всколыхнувшей всю Россию. Чума, печально знаменитая по средневековым хроникам, но основательно подзабытая в России, вызвала настоящий ужас среди всех слоев российского населения, а власть откликнулась на нее решительными действиями. Борьба с эпидемией была поручена герою русско-турецкой войны 1877–78 гг. М.Т. Лорис-Меликову, назначенному временным Астраханским, Саратовским и Самарским генерал-губернатором. В дневнике Свербеева подробно описана поездка в Царицын, где под руководством генерал-губернатора разрабатывались меры по борьбе с эпидемией. На страницах дневника воссоздан портрет выдающегося государственного деятеля Лорис-Меликова. Автор дневника особо подчеркивает такие его черты как энергичность, работоспособность, склонность к систематизации, требовательность и волевое осуществление решений: *«генерал-губернатор показался мне толковым, энергичным человеком, ... решившимся во имя ея бороться с грязью и запущением русских городов»* [8, Л. 18].

Из личных бесед с генерал-губернатором Свербеев узнал немало интереснейших подробностей назначения Лорис-Меликова на ответственный пост. Император Александр II, принимая Лорис-Меликова

в своем кабинете для напутствия, зачитал письмо отца, Николая I, адресованное Дибичу в ходе русско-турецкой войны 1828 г., с мерами против чумы, начинавшейся в Турции. Далее Свербеев пишет: *«при прощании поцеловав графа, он [император – комм. сост.] взял его руку и сказал: «Помни же, Лорис, ты и я, мы отвечаем перед Россией»* [8, Л.40]. Министр финансов, напутствуя генерала, просил только одного: *«тратить в 10 раз больше, чем предполагает Лорис-Меликов, честность и скромность коего известны»*, а председатель Комитета министров П.А. Валуев, анекдотично, *«во избежание худых последствий от заражения рыбной пищей»*, предложил обратиться к Синоду с просьбой разрешить на Великий пост мясную пищу [8, Л. 26]. Все эти эпизоды ярко иллюстрируют страх российской власти перед масштабным распространением заболевания. В условиях распространения эпидемии А.Д. Свербеев в январе 1879 г. предложил городским управам губернии немедленно составить и передать на рассмотрение полиции обязательные постановления по санитарному делу. Он также распорядился: *«...немедленно принять меры к очищению городских площадей, улиц и других публичных мест в городах»* [11, Оп. 199. Д. 24. Л. 4об].

Личные документы А.Д. Свербеева и его деловая переписка показывают хорошее знание им крестьянского мира. Отметим, что самарский губернатор неоднократно писал об опасности расслоения крестьянства Среднего Поволжья. В 1889 г. в губернаторском отчете указывается, что поток переселенцев в губернию слишком велик и это приводит к недостатку скота и инвентаря. По его мнению, данный факт мог сказаться в голодные годы, следовательно, *«стихийное переселение желательно ограничить»* [9]. Он предлагал меры по поддержке и развитию крестьянского хозяйства в губернии.

Одну из значительных бед крестьянской жизни Александр Дмитриевич видел в необразованности, юридической неграмотности, пассивности русского крестьянства. Все это приводило к появлению в крестьянской среде «мироедов», к самоуправству мелких уездных чинов и выборных старшин. *«На каждой станции ожидали волостные старшины, большей частью неграмотные и руководимые писарями...»* [8, Л. 16].

Описывая уездную жизнь губернии, А.Д. Свербеев не проходит мимо проблем многонационального крестьянства. Яркую картину он увидел в селениях украинских переселенцев: *«...взошли в чистую, опрятную избу малороссийскую, все селение населено хохлами ... черномазые, красивые ... лица хохлов приветливо на вас смотрят, на всех лежит отпечаток зажиточности и довольства»* [8, Л. 26об].

И конечно его не могли не удивить немецкие колонии южных уездов губернии, которые «возвышались» своим уровнем культуры

и общим порядком над остальными этносами региона. *«Опять пошли мелькать волостные правления и немецкие колонии и опять резко броса-лась в глаза разница их управления и состояния ... я осмотрел прекрасную Лютеранскую церковь и послушал в ней орган»* [8, Л. 17об.], *«снова в Германии [на самом деле в Новоузенском у. — комм. сост.] у гостеприим-ных немцев ... славный, честный, хотя и небольшой дом, мебель в чехлах, 2 рояля, а чистота и опрятность самые завидные...»* [8, Л. 27об.]

В Екатериненштадте (Николаевский уезд), А.Д. Свербеев осмотрел памятник императрице Екатерине II, вокруг которого был разбит сад. Но это яркое впечатление затем сменилось таким грустным рассужде-нием: *«...не того хотела эта великая женщина, ставшая Русскою совер-шенно. Не такого особничества от Русских, не такого узкого себялюбия в Колониях»* [8, Л. 29]. Иными словами, при несомненном успехе раз-вития немецких колоний, к числу существенных недостатков он отнес их слабую интеграцию в губернское социокультурное пространство, подчёркивая и тот факт, что поволжские немцы все еще живут в своем замкнутом пространстве и пренебрегают изучением русского языка.

Выполняя обязанности губернатора, А.Д. Свербеев не мог не уви-деть вопиющие недостатки системы местного управления. К их числу, как и большинство просвещенных современников, губернатор отно-сил волокиту и низкую эффективность работы аппарата коронной администрации, по этому поводу в дневнике появилась такая фраза: *«Больница рядом с кожевенными заводами, о сносе коих идет переписка. И тут канцелярская крыса помешала полному гигиеническому устрой-ству»* [8, Л. 31об.]. Возможно, традиционная русская лень и нежела-ние принимать ответственность на себя и были причиной неудовлет-ворительной работы имперской администрации: *«Позднее собрались у меня земские, дворянские и полицейские власти ... все люди мирные и добрые, но делами заниматься не любят, а большие охотники до комис-сий и обсуждений»* [8, Л. 31об.]. Более того, некоторые пороки россий-ской бюрократии Свербеев считал заразными: *«Что же делать, если служба на Руси в нашей администрации развивает фразу и пустословие. Дай Бог мне от них уберечься...»* [8, Л. 20об.].

Обязательным для Свербеева в Самаре и в поездках по губернии являлось посещение образовательных учреждений: гимназий, училищ, школ и т.д. Бывали случаи, когда он специально отводил первую по-ловину дня для объезда и осмотра нескольких учебных заведений: *«Ут-ром совершал странствие по городским училищам с Директором школой Херувимовым, Предводителем Путиловым, врачом Городо-вым и Полицмейстером. Был в 4 мужских и 2 женских, все переполнены и требуют больше простора. Осмотр наш был в гигиеническом отношении, а посему учителя не могли подробно заняться»* [8, Л. 35]. На следующий

день он вновь записывает: *«Опять провел утро в училищах, 2 мужских и 1 женское нашел очень изрядными, зато одно женское до того переполнено, в одной комнате 103 ученицы, что описать трудно...»* [8, Л. 35об.]. *Здесь его интересовало все: состояние самих зданий и внутренних помещений, положение преподавателей, уровень знаний; поведение, знания и облик учащихся.* Так при посещении в Бузулукском уезде села Борского он пишет в своем дневнике: *«Зашли мы ... в оба училища, мужское, где в одной комнате учится у одного учителя 140 мальчиков, что вызывает у меня желание помочь ему назначением помощника и устройством 2 классного училища, что при средствах и многолюдстве Борского, села торгового и богатого, будет возможно. Оттуда перешли в новое, удобное и красивое женское училище, где нашли 5 девочек, пришедших заняться рукоделием и ночевать у одинокой учительницы, молодой, скромной девушки, ученицы Самарской женской семинарии, производившей на меня доброе впечатление»* [8, Л. 14].

Характерно, что, посещая больницы, приюты, школы, тюрьмы, административные и другие учреждения Свербеев сразу же, когда это было возможным, на месте принимал решение о том, как можно исправить имеющиеся недостатки, выделить средства, поощрить добросовестных служащих, наказать виновных.

Нового губернатора отличало особое внимание к деловым, честным и толковым людям. В своих дневниках Александр Дмитриевич постоянно выделяет таковых, а впоследствии неоднократно с ними встречался. Ему явно не хватало компании умных, образованных людей. Свербеев не раз высказывал свое удовольствие от общения с ними не только по рабочим вопросам, но и от непринужденных дружеских бесед. В ежедневных записях приступающего к своей деятельности самарского губернатора постоянно встречаются фразы, типа: *«Вечер провел у меня сперва Бузулукский Исправник Шишкин и произвел на меня хорошее впечатление, человек умный, дельный, знающий свой уезд и служащих в нем, держит себя умно и хорошо. После с 9-го до 2-го часу просидел у меня прокурор Булгаков, очень приятный, умный и во всех отношениях порядочный человек, с коим хочется сблизиться»* [8, Л. 10об.]. Повседневные дневниковые записи показывают, что Свербеев пытался сделать из них опору губернаторской власти, создать свою своеобразную «партию» перемен губернской жизни к лучшему.

Уже этот краткий обзор некоторых сюжетов из личных документов А.Д. Свербеева позволяют реконструировать основные черты его личности. В первую очередь стоит отметить высочайший уровень воспитания, образования и моральных устоев Александра Дмитриевича.

Атмосфера родительского дома, одного из московских центров либеральных идей середины XIX в., воспитала в нем гуманизм, уважение к чужому мнению, представление о ценности общественного служения. На губернаторском посту он был невольным проводником охранительного курса, но на страницах личных документов мы видим умеренно либеральные воззрения.

Личные документы позволяют убедиться в высоких административных способностях самарского губернатора, его ответственности и работоспособности, значительно ускоривших социально-экономическое развитие Самарской губернии в конце XIX в. Дневники и последующие воспоминания А.Д. Свербеева являются ценнейшими и до сих пор абсолютно не востребованными историческими источниками, в которых честно и без прикрас зафиксированы каждодневные дела высокопоставленного имперского чиновника. При этом, личный характер документов позволял автору отмечать не только события губернской службы, но и выражать собственные мнения о явлениях внешней и внутренней политики государства, размышлять о событиях происходивших в губернии, о светской жизни, литературе, музыке и т.д.

Парадоксально, но факт — доступный для историков огромный массив личных документов А.Д. Свербеева, — дневники, мемуары, научные очерки, личные письма, до сих пор не введен в научный оборот. Совершенно очевидно, что все эти материалы генетически связаны друг с другом. Так, привычка вести постоянные дневниковые записи стала основой для создания мемуаров. Тем самым А.Д. Свербеев продолжил семейную традицию. Его личные документы в определенной степени продолжают «Мои записки» главы семейства Д.Н. Свербеева, полное издание которых было впервые осуществлено в 2014 г. [10]. Тем самым, дневники и мемуары Александра Дмитриевича являются составной частью документального наследия большой и дружной семьи Свербеевых.

Фонды, содержащие рукописные материалы этой семьи, хранятся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, ряда областных центров. Основная их часть сосредоточена в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 472: Свербеевы) и в Рукописном Отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (РО ИРЛИ. Ф.598). Только в Российском государственном архиве литературы и искусства, насчитывается 34 дела — личных документов Д.Н. Свербеева, объем которых превышает 2500 листов. Самые ранние из них относятся к периоду учебы Свербеева в Московском императорском университете. Среди этого комплекса находятся выписки из исторических источников, переводы и даже подробный

конспект лекций Т.Н. Грановского (на 230 листах), а также несколько первых научных работ студента Свербеева: «Нашествие татар на Русскую землю», «О пользе истории», «Тацит», «Христианство и варвары». Как видно, Александр Дмитриевич уделял особое внимание изучению истории, что позволило будущему губернатору и государственному деятелю, впоследствии использовать эти знания при исполнении своих служебных обязанностей [7. Ф. 472. Д. 80, 110–113].

Поистине, ценнейшим источником является дневник А.Д. Свербеева – «Мои записки», который автор вел, по существу, ежедневно, в том числе во время всех своих многочисленных поездок. В нем представлен громадный массив сведений и впечатлений. Всего в указанном фонде РГАЛИ отложились 68 тетрадей дневника за период с 1877 по 1898 г. [7. Ф. 472. Оп. 1. Д. 81–102], общим объемом 2071 (!) стандартных канцелярских листов, исписанных 28–30 строками мелкого почерка (в среднем 1200–1300 знаков на странице). К сожалению, в этом массиве имеются лакуны, далеко не все материалы сохранились. Так, например, за 1878 г. дневники имеются только за несколько месяцев и т.д.

В 1915 г. А.Д. Свербеев неожиданно утратил эти бесценные для него дневники. Но, оказалось прав был М.А. Булгаков, который устами Воланда произнес знаменитую фразу «Рукописи не горят». Вскоре дневники нашлись. Вот, как об этом событии сообщает в своих воспоминаниях Александр Дмитриевич *«... первые десять лет моего самарского губернаторства, я писал свои записки и они хранились в моей спальне в особом помещении у меня на глазах. В прошлом году я заболел, и прислуга вынесла все ящики из спальни. В марте месяце нынешнего 1916 года... мне сообщил мой племянник, князь А.В. Голицын, что недавно в Академию Наук было сделано пожертвование, а именно моих записок с приложенными к ним документами; тогда я приказал принести тот чемодан, в котором эти записки хранились и нашёл в нём только две тетради; оказалось, что остальные были похищены и проданы старьевщику одним из прежних моих слуг, большому любителю старинного добра, торговлей коего он, как я теперь узнал, всегда любит заниматься. Похищение это лишило меня всех собранных мною подробностей, которые были бы мне теперь особенно полезны»*². Действительно, в конце марта 1916 г. Свербеев начинает работу над воспоминаниями о времени своей вице-губернаторской и губернаторской деятельности. К сожалению, о 12-летнем пребывании в Самаре, куда он приехал в январе 1879 г., Александр Дмитриевич смог написать всего несколько листов. Возможно, пропавшие дневники, которые начинаются как раз с после-

² См. на с. 199.

дних месяцев 1878 г., когда его назначили губернатором в наш город, очень быгодились ему для продолжения воспоминаний.

Сложности работы с дневниками обусловлены трудностью прочтения и подготовки к публикации их текстов, написанных непростым, мелким почерком А.Д. Свербеева, зачастую искаженным походными условиями или усталостью автора. В последних случаях почерк, утрачивал свои характерные начертания, становился более размашистым и неряшливым, что в значительной степени затрудняет его прочтение. Многие слова автор сокращал, большинство названий должностей, учреждений и ряд других терминов начинаются прописными буквами. По приблизительным оценкам, объем неопубликованных, большей частью неизученных, дневниковых записей может превышать 120 а.л.

К публикации в предлагаемом читателю томе «Классики самарского краеведения» были подготовлены материалы дневника А.Д. Свербеева за январь («Записки за январь 1879 года Александра Свербеева») и февраль («Заметки за февраль 1879 г. Александра Свербеева») 1879 г. [8, Л. 2-20об., 26-39, 40-41об.]. Они помещены в первых 2 тетрадах, насчитывающих примерно по 20 листов с записями А.Д. Свербеева из 3-х, составляющих все дело 83. Дополняют каждую тетрадь материалы, представляющие собой свод самых различных документов за январь – март 1879 г. Из них особый интерес представляет приложение к тетради с дневником А.Д. Свербеева за январь 1879 г., содержащее данные об самарских чиновниках и местах их проживания. Этот текст написан без указания автора четким, легко читаемым почерком и очень хорошо дополняет сведения, приведенные в самом дневнике [8, Л. 23-24об.].

Каждая из таких тетрадей сшита нитками из сложенных вдвое, как правило, 11 больших листов бело-желтоватой, разлинованной для удобства письма, бумаги. Первый из них составляет своеобразную обложку, на остальных с обеих сторон листа записан текст. В результате, размер каждого тетрадного листа (половины большого) близок к современному формату А4 (297 на 210 мм).

Дневники А.Д. Свербеева заполнены впечатлениями о прошедшем дне. Он неустанно записывал свои впечатления почти каждый вечер, на протяжении многих лет не только находясь в своем губернаторском доме, но и на почтовых станциях, постоялых дворах; везде, где ему приходилось оставаться на ночлег. Так он сообщает, что заночевал «на грязной почтовой станции ... пишу эти строки, пока не позовут поужинать а затем и заснуть до 4 утра» [8, Л. 26]. Эта запись явно диссонирует с другими впечатлениями: «успел закусить свежей икрой у гостеприимного хозяина и в 6 часов отправился далеко в путь» [8, Л. 17об.]. Судя по всему, для автора дневника уважительных причин не вести

ежедневные записи практически не существовало. Ведение дневника для Свербеева очевидно было элементом самодисциплины, способом привести в порядок собственные мысли, систематизировать впечатления дня: «... часу в 9-м вернулся я домой, и после целого дня, посвященного делам и приемам, едва пишу эти строки, а должно еще ехать в *Благородное Собрание* [8, Л. 28].

На страницах дневника зафиксированы многочисленные встречи, портретные характеристики и интересные мысли собеседников, даются оценки и различные комментарии. Впечатляет описание тягот и трудностей, которые он преодолевал во время командировок: «*повезли нас одну станцию на санях и ввергли в колдобину ... где и просидел всю ночь в санях, ожидая подмоги ...*» [8, Л. 26об]. В дневнике, не предназначенном к публикации, Свербеев нередко осуждал сложившиеся в России порядки: «...сама раба себя бьет, только и можно сказать про *Россию*» [8, Л. 37]. Губернатор весьма критически оценивает деятельность начальствующих лиц: «... сообщил как *Губернскому Предводителю, так и Председателю Губернской Управы ... Оба плохи умом, а господин Предводитель еще и мнит о себе много, на что не имеет никакого права, как по глупости, так и по бестактности...*» [8, Л. 32].

Уже на закате жизни Александр Дмитриевич приступил к написанию своих воспоминаний. Подготовленные им тексты составили цикл произведений мемуарного жанра. К ним, прежде всего, относятся: «*Мои воспоминания*» (192 л.), «*Русская провинция в конце XIX в.*» (33 л.) и «*Встречи и знакомства*» (123 л.), общим объёмом 348 л. Все они сохранились в рукописном виде в Российском государственном архиве литературы и искусства [7, Д. 103-105]. Тексты «*Моих воспоминаний*» [7, Д. 103] и «*Русской провинции в конце девятнадцатого столетия (1867-1891 г.)*» [7, Д. 105] составляют в определенной степени единое целое.

Работу над «*Моими воспоминаниями*» Свербеев завершил в марте 1916 г. и, видимо, сразу же приступил к написанию их продолжения. «*Мои воспоминания*», содержат детские и юношеские впечатления и рассказ об обширных родственных связях семьи. Текст написан на листах бумаги большого формата без водяных знаков и филиграней, исписанных тёмными чернилами, с одной стороны. На некоторых листах сделаны вставки с оборотной стороны. В нашей публикации они даны в качестве примечаний внизу страницы. В ряде мест встречаются авторские зачёркивания и исправления отдельных слов, отражающие работу над текстом. Данные места не были специально отмечены в силу того, что эти исправления носят исключительно уточняющий характер и не влияют на смысл текста.

Текст «Русской провинции в конце девятнадцатого столетия (1867-1891 г.)» состоял их двух частей³. Первая из них, названная «Тверь и Кострома (1867-1878)» и посвященная, прежде всего костромской службе Свербеева, была завершена в июне 1916 г. Ко второй части «Самара (1878-1891)» мемуарист смог только приступить и успел подготовить всего 4 листа, написанных, также, как и остальные на листах серой бумаги большого формата. Последующего текста этой части в фондах РГАЛИ выявить не удалось. Сам Александр Дмитриевич писал: «... 30 Июня [1916 г. — комм. сост.]. Приезд мой из Чутова ... вместе с моим сыном прекратил моё самарское повествование прежде чем буду его продолжать, мне необходимо сделать некоторые объяснения. С 1879 года прошло 37 лет и потому у меня не сохранились в памяти достаточно ясно все события тех 12 лет моей самарской службы и мне придётся многое забытое мною оставить нерассказанным и только подробнее остановиться на тех выдающихся событиях, которые я хорошо помню» [7, Д. 105].

Еще один важный документ рассматриваемого фонда представляет собой черновик и копию, переписанную на бело и, озаглавленную автором «Встречи и знакомства» [7, Д. 104]. Оба варианта написаны на бумаге серого цвета без водяных знаков. Листы черновой рукописи по размеру немного длиннее, чем листы чистового варианта. Записи в первом варианте выполнены чернилами синего цвета, во втором — коричневого и синего. Чистовая рукопись занимает 90 листов написанных с одной стороны, черновая — 33 листа исписанных с двух сторон. Основной темой этих воспоминаний А.Д. Свербеева являются его встречи с представителями правящей династии. Об этом красноречиво говорит полный заголовок «Встречи и знакомства. Цари и императоры, императрицы и другие августейшие особы». В черновом варианте в заголовок был добавлен еще один вариант названия «Мои знакомые», но потом его зачеркнули. Текст рукописи состоит из 10 глав, каждая из них рассказывает о встречах Свербеева с одним представителем императорской фамилии. Автор подробно воссоздает все эпизоды неоднократного личного общения с императорами Александром II, Александром III, Николаем II, императрицами Марией Александровной, Марией Фёдоровной, Александрой Федоровной, государем-наследником Николаем Александровичем, великой княгиней Еленой Павловной и многими европейскими монархами и государственными деятелями.

³ Писал их Свербеев в имении Чутово П.П.Дурново, расположенном в Полтавской губернии.

Предпринятая нами работа является первой попыткой введения в научный оборот личного документального наследия Александра Дмитриевича Свербеева. Для публикации были выбраны его дневниковые и мемуарные произведения. Предлагаемое издание носит научно-популярный характер и предназначено для широкого круга читателей. Поэтому подготовка архивных материалов к публикации проходила с рядом упрощений. При этом мы ориентировались, прежде всего, на максимально возможное бережное отношение к тексту и авторскому стилю. При подготовке текста соблюдались особенности авторской орфографии и пунктуации, в крайне редких случаях вносились небольшие исправления. Авторский текст А.Д. Свербеева готовился к изданию в соответствии с современными правилами письма, осуществлялась только очень осторожная стилистическая и орфографическая правка. На наш взгляд, следует сохранить систему употребления прописных букв, применяемую Свербеевым при обозначении учреждений, должностей, титулов, ряда событий и т.д. Она практически не затрудняет прочтение текста дневников и воспоминаний и в тоже время позволяет лучше понять логику рассуждений самого автора. Восстановлены, постоянно используемые автором сокращения слов, за исключением только общепринятых, используемых и в настоящее время. Вычеркнутые самим Свербеевым фрагменты текста, опускались.

Особо сложные проблемы при подготовке издания возникли при работе с текстом самарского дневника А.Д. Свербеева. Выше уже говорилось, что значительная часть сохранившегося текста была написана во время многочисленных переездов, в возках, на постоянных дворах, и прочитать его достаточно сложно. Выверить и переписать его набело, как это было с частью воспоминаний, автор не смог. В связи с этим, именно самарский дневник А.Д. Свербеева представлен в данном издании с некоторыми лакунами.

В ряде случаев, трудночитаемые слова или предложения пропускались. Пропуски отдельных слов выделены многоточием. При более значительных лакунах использовался знак < ... >. В сомнительных местах прочтения текста или при необходимости использования слов, связующих текст предложения в единое целое, использовалась вставка в квадратных скобках с указанием *комм. сост.*

Цитаты, названия журналов, книг и т.д. в тексте А.Д. Свербеева выделялись кавычками. Фрагменты из документов или публикаций, где авторское влияние оказалось настолько серьезным, что его трудно было выправить, мы воспринимали как текст самого Свербеева, его пересказ. Те цитирования, которые не удалось выверить, были ос-

тавлены полностью соответствующими передаче их Свербеевым, без какой-либо даже легкой стилистической и орфографической коррекции.

Уточняющие справочные данные по людям, населенным пунктам, событиям и т.д., помещены в подстрочных примечаниях.

В отношении всех текстов, написанных Свербеевым, для удобства современного прочтения были сделаны следующие сравнительно небольшие исправления. В соответствии с современными требованиями расставлены знаки препинания, заменена «ять» на созвучные ей буквы, употребляемые сейчас. Убрана буква ъ, там, где в настоящее время она не употребляется. Сокращения в словах восстановлены полностью.

Библиографический список

1. Журнал заседаний Самарской городской думы. 1879. 19 июня.
2. Журнал заседаний городской думы. 1882. 29 января.
3. История Самары (1586-1917 гг.): монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2015.
4. Кабытов П.С., Тюрин В.А. Самарский губернатор А.Д. Свербеев // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.1. С. 26-32.
5. Красноперов И.М. Воспоминания земского статистика (1872-1902). М., 2008.
6. Мякотин А.А. Губернаторская власть в годы правления А.Д. Свербеева: обзор архивных источников // Самарский земский сборник. 2016. № 1(26). С. 25-31.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 472. Оп. 1.
8. РГАЛИ. Ф.472. Оп. 1. Д. 83.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Научно-справочная библиотека (НСБ). Всеподданнейший отчет Самарского губернатора за 1889 г.
10. Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3.

ДНЕВНИК САМАРСКОГО ГУБЕРНАТОРА

ЗАПИСКИ ЗА ЯНВАРЬ 1879 ГОДА АЛЕКСАНДРА СВЕРБЕЕВА⁴

Москва, 1 января 1879 года.

Воскресенье, вечером 1 января 1879 г. [31 декабря 1878 года. Воскресенье, вечером 31 декабря 1878 г. — видимо описка Свербеева — комм. сост.]

На заре Нового 1879 года пишу эти строки. Господи благослови всех и каждого на всякое дело добра и пользы и подкрепи силы наши на служение ему и всем ближним, наставь нас и умудри в предстоящий год и на многие годы, в деяниях наших подаждь нам радость и утешение⁵. Сейчас разошлись мы встретив семейно с Маменькой, сестрами Катей и Соней, Зиной⁶ и ее сыновьями Новый Год, помолвившись предварительно за всех далеких и близких и поблагодарив от всего сердца Господа за многие богатые его милости в мимошедшем лете. В Кострому послали своим телеграмму, впрочем, они также нас вспомнили. Еще раз Господи благослови! Второй час ночи и пора в постель, только напишу два слова детям и сестрам в Кострому.

Понедельник вечером, 1 января 1879 г.

После обедни в нашем приходе я по обычаю отправился к старушкам тетушкам Кикиной и почти 90-летней княжне Щербатовой, к которой привез также весьма старую сестрицу Шаховскую⁷, все они живые памятники близкой мне семейной старины и на их глазах стареем и мы сами и подрастают наши дети. У дяди Щербатова, в так называемом ... А его дядю все еще занимают службой по железной дороге несмотря на пожилые годы и слабое здоровье. Хотя и сам он испортил себе существование, но нельзя не уважать его за постоянный труд его и за всегдашнее желание самому зарабатывать свой хлеб. Маленькая его дочка очень мне симпатична, а жена его, хоть из дворовых, но держит себя умно и с достоинством. Помолвившись в Церкви Скорбящих радости за концом вечерни я дома нашел всю семью,

⁴ Оригинальный заголовок из дневника Свербеева за январь 1879 г.

⁵ Молитва о начале нового дела.

⁶ Зинаида Сергеевна Свербеева (1837-1924), дочь декабриста С.П. Трубецкого, жена Николая Дмитриевича Свербеева (1829-1860).

⁷ Щербатова Елизавета Дмитриевна (1794-1885), княгиня и Щербатова (Шаховская) Наталья Дмитриевна (1795-1884), двоюродные сестры матери А.Д. Свербеева Екатерины Александровны Щербатовой (Свербеевой).

собранную к обеду у Маменьки⁸. 3 маленьких птенцов брата Дмитрия всех нас потешали, особенно старший Сережа⁹, наряженный в мою звезду¹⁰, а после обеда мы устроили с ними общий пляс под звуки нашего семейного пьяниста племянника Сергея Николаевича ... Часть вечера провел я у милого и умного старика Декабриста, одного из последних, Петра Николаевича Свистунова¹¹. Удивительно мирно переносил он свое недавнее горе, кончину молодой дочери, умершей в родах. Весь в Боге, он деятельно занят чтением Женевского проповедника ..., истинно христианский дух коего, благотворно на него действует. Много переговоровили мы с милым стариком, а когда он стал мне передавать о намерении литератора Льва Толстого написать повесть из времен Декабрьского восстания 1825, то так одушевился, что рассказ его сменялся быстро другим и мне не хотелось его оставить. Толстой последние годы посещает особенно часто тех немногих Декабристов, которых еще пощадила смерть или их детей и из устных рассказов составляет свои письменные, не избрав по обычаю исторических романистов особенной фантастической канвы, долженствующей связать все эти лица, а напротив называя всех их именем и ограничиваясь действительным их прошлым по рассказу их семейных. Как в «Анне Карениной» и Гомере будут рядом тянуться 2 рассказа, один из крестьянского быта того времени с процессом крестьян государственных с графом Григорием Чернышевым, а другой из жизни высшего Петербургского мира...чного круга, сосредоточием коего будет семья того же графа Чернышева, старшая дочь коего Александра была замужем за одним из первых заговорщиков Никитой Муравьевым и с ним разделила ссылку в Сибирь, где они оба и умерли. Картинно, образно передавал подробности будущего рассказа мой собеседник, сам деливший с Муравьевым как предварительные до ссылки похождения, так и самую ссылку. Правильно воззрение Свистунова, что такое безличное отношение автора к своей повести, как ее предполагает Толстой, приведя в пример Гомера, у коего нет никакой завязки в его произведениях, очень повредит самому его рассказу и затруднит его печатание. Ибо немислимо, чтобы родственники разрешили печатание.

⁸ Екатерина Александровна Свербеева (Щербатова) (1808-1892), мать А.Д. Свербеева.

⁹ Свербеев Сергей Дмитриевич (? – 14.05.1905), сын Д.Д. Свербеева, старший флаг-офицер, лейтенант, погиб в ходе Цусимского сражения на броненосце «Князь Суворов».

¹⁰ Большая серебряная звезда – знак ордена Св. Станислава I степени, которым А.Д. Свербеев был награжден в 1876 г.

¹¹ Свистунов Петр Николаевич (1803, Санкт-Петербург – 1889, Москва), корнет лейб-гвардейского Кавалергардского полка, декабрист, мемуарист.

тать, что либо враждебное их отцам, а правительство потерпит какое либо слишком благоприятное о них мнение. Разве, как также выражается Толстой, его работа появится через десятки, даже сотни лет. Можно ожидать новых талантливых страниц, какого-то тонкого психологического анализа, но вряд ли составитя что-либо оконченное и цельное. Недостаточность синтеза чувства цельности, особенно поражало и в последнем произведении Толстого «Анне Карениной». Упомянув о вопросе Толстого, были ли какие попытки к бегству между Декабристами, Свистунов сказал мне, что помнит только 2 и оба неудачные: одну капитан-лейтенанта Бестужева¹², от самой площади Дворцовой вбежавшего в квартиру неизвестного ему господина, давшего ему возможность переодеться и добраться до Кронштадта, в предместье коего он был узан и выдан какой-то мещанскою девушкою и Кюхельбекера¹³ поэта, в крестьянском платье дошедшего через Смоленскую губернию, где сестра и помещица Глинка дала ему на дорогу денег, до самой Варшавы, тут и этот был передан дежурному офицеру каравальному, которому он почему-то показался подозрительным.

Сегодня утром у большого Генерала Россета¹⁴ долго спорил я с Помпеем Николаевичем Батюшковым¹⁵, бывшим Виленским попечителем, о министре просвещения Толстом¹⁶, он его считает не только полезным и умным, но и доступным и приятным. Я же передавал ему Петербургские вопли против сего недоступного сановника. Батюшков меня уверял, что Толстой снова утвердился в своем Министерстве после сильной стычки с Военным Министром у Царя за разрешение сходиться их *[ведомств — комм. сост.]* студентам. Мне что-то эта твердость положения больно сомнительна, хотя я и не одобряю никакой ломки учебной системы у нас, введенной Толстым. Верю в смену лица, а не перемену системы.

¹² Бестужев Николай Александрович (1791, Санкт-Петербург — 1855, Селенгинск), капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа, декабрист.

¹³ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797, Санкт-Петербург — 1846, Тобольск), поэт, общественный деятель, декабрист, друг А.С. Пушкина.

¹⁴ Аркадий Осипович Россет (1811-1881) — генерал-лейтенант, Виленский и Минский гражданский губернатор, сенатор, товарищ министра государственных имуществ.

¹⁵ Батюшков Помпей Николаевич (1811-1892) — государственный деятель, книгоиздатель, историк и этнограф. Младший брат поэта Константина Николаевича Батюшкова. Состоял членом многих религиозных («Православное миссионерское общество»), благотворительных и просветительских организаций. Известность получил в качестве издателя сборников, посвященных истории, археологии и этнографии западных районов Российской империи.

¹⁶ Толстой Дмитрий Андреевич (1823-1889), граф, русский государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (1865-1880), министр народного просвещения (1866-1880).

Вторник 2 января, 9 ч. вечером, Москва.

Среди бесчисленных скитаний по магазинам успел я только повидаться в банке Взаимного Кредита с его председателем Иваном Сергеевичем Аксаковым¹⁷, вернувшимся в Москву очень недавно из своего изгнания в Владимирской губернии. Он передавал мне, что в Самаре влиятельными людьми [*являются — комм. сост.*] Тургеневы и Наумовы, последние мне несколько сродни. У него встретил я профессора Московского Университета Нила Попова¹⁸, от которого узнал, что движения в Университете производятся 2 коноводами из Медиков, известными Жандармам, но которых не арестуют и что Университетское Начальство обратилось к Начальству как Технического училища, так и Петровской Академии для избавления Университета от приплыва их учеников, более всего путавшихся при этом случае. Им объявили, что не студентов Университета станет хватать полиция, они все тотчас и убралась. Попов говорил, что на доклады Попечителя о протестах московских студентов против сходак Царь сделал надпись: дай Бог, чтобы и прочие последовали примеру Московского Университета, и что на жалобу Толстого о том, будто всему причиною раздвоение власти, поминал неподчинение их академий Военному Министру, Государь спросил, как понимать волнения Харьковских ветеринаров, подчиненных Министерству Просвещения. Но все-таки Толстой пока держится. Зато в Министерстве Военных Дел состоялось неожиданное назначение Товарищем Министра Сенатора Мартынова, бывшего Полтавского Губернатора.

Воронеж, 5 января 1879 года. Пятница вечером.

Со среды я странствую по России-матушке и сегодня вечером добрался сюда в 8 часов к брату Михаилу¹⁹ и познакомился с милой его женошкой Марией Вячеславовной²⁰. Очень она мне понравилась, и я с нею как старые знакомые. В среду утром прежде всего съездил я проститься с Владыкой Митрополитом и принял его благословение

¹⁷ Аксаков Иван Сергеевич (1823-1886), публицист, общественный деятель, поэт, участник движения «славянофилов».

¹⁸ Попов Нил Александрович (1833-1891) — русский историк, славяновед и архивист. С 1871 г. — профессор кафедры русской истории Московского университета. Трижды избирался деканом историко-филологического факультета. Член-корреспондент СПб АН (1883 г.). Н.А. Попов считается основателем российского сербоведения. В должности управляющего (с 1885 г.) Московского архива Министерства юстиции (ныне РГАДА) провел реформу архивного дела. Был учеником и первым биографом С.М. Соловьева.

¹⁹ Свербеев Михаил Дмитриевич (1843-1903), сын Д.Н. Свербеева, чиновник.

²⁰ Шидловская (Свербеева) Мария Вячеславовна (1853-1912).

на новое дело и на путешествие. Старец снова страдает удушьями с нашего последнего свидания, но оживленно и весело со мной разговаривал и особенно много о высших учебных заведениях, не совсем одобряя классную систему. Несколько раз прощались мы и я ушел напутствуемый его благословениями и с надеждою на свидание. Господь укрепит и сохранит достойного нашего Архипастыря. Лик его в этот раз оставил во мне тоже грустное впечатление, несчастная страсть к вину искажает его уже с утра и вероятно побуждает на дела, которые ему приписывают по части денежной. Грустно видеть его нетрезвого и слышать о его корыстолюбии, все это отзывается на мнениях о Владыке, который сам олицетворенное нестяжание и добродетель.

Пришлось докупить еще кое-что, а потом заехал в Успенский Собор помолиться Московским Святителям и молитвенно благословиться перед ними на новое служение. У самой иконы Владимирской Божьей Матери встретились мы с Принцем Арнульфом Баварским²¹, коему показывались достопримечательности собора. Молодой военный в мундире немецкого офицера с Георгиевским крестом, полученным под Плевною, любопытно оглядывал Русскую Святыню. Дома после напутственного молебна позавтракал я с Маменькой, принял ее благословение и сопровождаемый сестрами и племянниками отправился на Казанскую железную дорогу, наперед помолившись Иверской Божьей Матери. Брат Митя с женою и милый их Сережа тоже проводили меня в вагон и в 4 часа мы двинулись. Начало пути мы прокалякали с Сережей Лопухиным и его новобрачной супругой, рожденной графиней Барановой, и я рад был послушать рассказ сего моего молодого родственника, бывшего Сумского Гусара, о его Болгарских впечатлениях. Так сочувственно он отзывался о Болгарах, хотя и указывал на непостоянство их симпатии благодаря частому переходу их территорий под разные иноземные владычества во время самой войны, хвалил их расположение к школам и грамотности и особенно негодовал на Румын, которых по его словам ненавидело все Русское войско за постоянное недружелюбное отношение и отказ во всякой помощи; удивил меня упоминанием о дружелюбном гостеприимстве ему Турок, когда он сопровождал больных солдат из-за Балкан и о том радушии которое они оказали его больным. Пообедав в Серпухове мы разошлись по своим отделениям и так я докатил до Орла, а в первом часу был уже в Сетухе²², где остановился у всегда любезного Управля-

²¹ Арнульф, принц Баварский (1852-1907), сын принца-регента Луитпольда Баварского, генерал-полковник инфантерии. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. находился при русском Главном штабе.

²² В селе Сетухе Новосильского у. Тульской губ., располагалось главное имение Свербеевых – Михайловское.

ющего Зинаиды Сергеевны²³ Видеман. С ним уже неделю мой новый Управляющий Миллер, коему я поручаю свою часть Михайловской Усадьбы, на вид честный молодой этот немец и мне полюбился. И веруя в первое впечатление, я надеюсь у нас с ним дело пойдет на лад. Много говорили о продаже леса, о необходимости подержать его до хорошей цены, о необходимости уплатить долги и обещали письменно решить всё это по зрелом обсуждении. Поклонившись дорогим могилам отца и брата в склепе Сетушинской церкви, я пообедал с семьей Видеман и как всегда полюбовался немецкому и местному строю, так все порядочно, просто и хорошо; а вечером пошел ко все-нощной в ту же церковь и отслужив панихиду на дорогих могилах. Казалось и их благословение снизошло на меня, отца и брата и утешительно было мне соединившись с ними молитвенно и поклонившись их могилам начать дальнейший свой путь. Вера в бессмертие наших близких, в силу их любви и за гробом особенно дорога в такие минуты, когда совершается перемена в судьбе человека и я благодарю Бога, что во имя такой веры и с таким упованием я мог помолиться у праха моего брата и столь горячо любившего нас отца. Верю, что его молитва и его благословение со мною непрестанно и всегда невольно вспоминаю о нем при каждом решительном действии. Как бы передавался он моему назначению. На неумирающей любви его созижду и новое мое жилище, его благословением и благословением матери, по слову Писания, да укрепится дом мой. Поздно, еще раз поклонившись дорогим могилам, выехал я с Миллером из Сетухи и часа 2 еще поболтал с ним в вагоне до Хомутово, где он оставил меня уже одного. Сегодня в 11 часов был я в Грязях, станции железной дороги, где соединяются 4 пути железные и там просидел часа 3, ожидая поезда, запоздавшего от снежных заносов, столь частых в этих степных равнинах. Стоял великий мороз, но на станции было тепло и мы приятно разговорились с неким Тамбовским учителем Женского Института и Гимназии, враждебного классной системе и не очень расположенного к деятельности земских учреждений, беспечности, лени и корысти деятелей коих он удивлялся. Наконец и наш поезд пришел и было совсем темно, когда на Воронежской платформе встретил меня брат Михаил и привез в свой уютный уголок к милой своей хозяйке.

Суббота вечером, 6 января 1879 года.

Как истый провинциал мои первые посещения были сегодня у Губернатора и Архиерея, между ними же я был у обедни в великолепном Монастырском Соборе, где почивают мощи Святого Митрофания.

²³ Вдова Н.Д. Свербеева, дочь декабриста С.П. Трубецкого.

Собор громадный с мраморным разноцветным иконостасом и богатой серебряной ракой Святителя. Несмотря на множество народу он казался пустым, публика отгорожена от солея и среднего прохода для духовенства решетками. В половине 2-го [*здесь и далее подчёркивания автора Дневника — комм. сост.*] пополудни мы приехали к Херувимской. Так как на Руси может дурить каждый Архиерей у себя в Епархии, преподобный Серафим по немощи ранее часу не может начинать обедни, а преподобный Игнатий Костромской по немощи же служит ее и в Царские дни до 8 часов утра. Что Епископ, то обычай. Здешний Серафим²⁴ благолепный, седой старец с ужимками несколько распушенными и изысканной неряшливостью, хлебосол и великий охотник до духовных песен. Хор его велик и отличается славными голосами, выбор музыки плох. Долго тянулась обедня, во время причастного какой-то иерей читал бессвязно нескончаемую проповедь для удобства Владыки, а все служение отличалось полною распушенностью, несмотря на все велелепие голосов, риз и сонма служащих. Водосвятие в самом храме совершал вместо Архиерея Архимандрит и когда я взошел к преподобному Серафиму после молебна Митрофанию, то застал у него сонм трапезующих дам и иереев. Он любезно меня принял, накормил, благословил иконой и перекрестил своим обычным размашистым крестом. У него свиделся с милой кузиной Еленой Чертковой, дочерью княгини Ольги Оболенской, много с нею схожей и познакомился с ее славным мужем Федором Дмитриевичем Чертковым, Председателем Воронежского Мирового Съезда Судей²⁵. Побывал у них и пообедал дома с братом, его женой и ее симпатичным братом гимназистом Борисом Шидловским, долго проспорил о невозможности брату оставаться чиновником Особых Поручений Губернатора. Здешний его игнорирует, а он его за то бранил не лучшее ... Мне губернатор Александр Васильевич Богданович²⁶ понравился,

²⁴ Архиепископ Серафим (в миру Александр Николаевич Аретинский) (1812, Орел — 1886, Воронеж), епископ Русской православной церкви, архиепископ Воронежский и Задонский.

²⁵ Чертков Федор Дмитриевич (1845, Воронеж — 1899, Санкт-Петербург), земский деятель, действительный статский советник. Участковый мировой судья Воронежского уезда (1871-80), председатель Воронежского съезда мировых судей (1875-1880). Гласный губернского земского собрания (1886-1899). Был женат на Елене Михайловне Оболенской (1855-1924), дочери князя М.А. Оболенского.

²⁶ Богданович Александр Васильевич (1820-1898 гг.) — государственный деятель, тайный советник (1883 г.). Состоял на военной службе (1838-1849 гг.). В 1868 г. был назначен вице-губернатором Полтавской губернии. В 1878-1890 гг. «исполнял должность» воронежского губернатора. После увольнения с должности губернатора был членом Совета Министерства внутренних дел.

он человек простой, умный и не светский, говорил, что ожидал себе назначения в Самару и почему в Воронеж посадили. Очень не хвалил нового товарища Министра Внутренних Дел Сенатора Мартынова²⁷, с коим в Полтаве 12 лет прослужил, Мартынов Губернатором, Богданович Вице-губернатором. Последний сказывал о Мартынове, что он умен, желчен, консерватор до крайности, если бы родился лет 300 тому, то был бы Иваном Грозным. От него ожидает Богданович много перемен в Министерстве Внутренних Дел, где его все директора терпеть не могут, думает, что он будет играть немалую роль, но что же и как же тогда сам Управляющий Министерством Маков²⁸? Кто кого съест, вот вопрос?

Самара, 9-го января, вторник.

Итак я у пристани. Сегодня в 7 часов вечера на станции железной дороги встречен Вице-губернатором фон Бринкманом²⁹, Полицмейстером и чинами полиции, привезен был в свой Губернаторский дом, теплый, светлый и поместительный. Общее впечатление хорошее, Вице-губернатор добрый приятный человек, Полицмейстер расторопный и умный, так что и большое жалование, более 3 тыс. руб. ему впрок. Вечер проговорил с ними и совершенно освоился с новым своим делом, хотя вокруг меня все чужое, начиная с прислуги, с собой никого не привез, а кроме полицейских нашел бывшего слугу прежнего Губернатора Емельяна, нанятого мною по телеграфу, благодаря любезности Вице-губернатора. Множество комнат, все с иголки и чисто, даже вода проведена и есть ванна, так что помещение мне нравится, несмотря на проходной Кабинет и отдаление от него моей спальни. В большой столовой на столе огромный сахарный рог изобилия, приношение Полицмейстера, говорят мне. Но необходимо начать *ob ovo*, т.е. с Воскресенья 7-го января, когда в 9-м часу утра поднялись мы после всенощной укладки моих чемоданов с служителем Миши, доблестным Кондратием, таланты коего я здесь теперь вполне оцениваю, ибо все дошло сюда благополучно и в целости даже в развалившемся от пути в Воронеж чемодане.

²⁷ Мартынов Михаил Алексеевич (1828-1891), товарищ министра внутренних дел (1874-1878), сенатор (с 1878).

²⁸ Маков Лев Саввич, министр внутренних дел в 1878-1880 гг.

²⁹ Бринкман, Александр Германович, фон (1835-1899 гг.) самарский вице-губернатор, действительный статский советник. Из курляндских дворян. В 1870-1872 — старший чиновник особых поручений при воронежском губернаторе. С 1875 г. по 1888 г. занимал должность самарского вице-губернатора; в 1888-1899 гг. — астраханский вице-губернатор.

Итак, раннее вставание и спех на чугунку увенчались быстрым возвращением обратно по случаю запаздывания поезда и я не только успел отстоять обедню в церкви Дворянского Собрания, где молодежавое Духовенство быстро совершило литургию при недурном хоре певчих, но даже позавтракать у молодых хозяев и посмеяться с ними на прощание, весело поболтав с Машей и милым ее братцем Борисом Шидловским, который проводил меня с братом моим Мишей на станцию железной дороги и усадил в вагон 1-го класса во втором часу полудни, увы с 2 дамами или лучше сказать гусарами женского пола, так непозволительно вольно и распущено вели себя женщины с тремя мужчинами, двумя юношами судебного ведомства, а 3-й уже пожилой военный, встретившими их на станции перед самым выездом. Одна из женщин молодая лет 20, свежая и недурная собой мне была жалка своим странным поведением, видимо брошенная на произвол судьбы; другая уже немолодая, белокурая немка с сжатыми губами в синих очках должно быть способна на всякое дурное дело, как после подтвердил это мое впечатление, подсевший ко мне, ее знавший помещик, экс ремонтёр и артиллерист. Покинутые своими спутниками, веселые особы рассчитывали на мою любезность, но я, пребывавший дорогой в молчании, спасая в купе к казаку-полковнику Астраханского полка, оказавшемуся немцем Адеркас из острова Эзеля, возвращавшемуся из Астрахани, где распустил свой казачий полк, любезно мне предложившему разделить его одиночество. Интересно рассказывал он о своих походах, последнем под Карс и ... *[стычках — комм. сост.]* в Средней Азии, где брал Махрам, Ташкент и Хиву, и где дивился доблестям, скромности и всем изумительным качествам стойкости и терпения Русского солдата. Похвалами солдату полюбился мне казачий немец и я долго его слушал с удовольствием. Почти всю ночь проболтали мы и много дурных впечатлений своих о Великом Князе Николае Константиновиче, с коим ходил он в Хиву, рассказал мне Адеркас, повторив и сказания о продаже воды из ванны Великого Князя по огромным ценам, о баснословных ценах за эль и вино из обоза того же Великого Князя и заключил, что он очень дурной и злой человек, способный на все дурное. Признаться, невесело было мне это слушать, но зато рад я был узнать, что чумы в Астрахани нет никакой, но что болезнь там только развилась тифозная, от отсутствия всяких санитарных мер при появлении тифа.

Об Английском войске говорил Адеркас, что не верит успехам Англичан и что их там побьют и вырежут непременно. Он опять собирается вернуться в Среднюю Азию и очень хвалит Генерала Кауфмана. В Рязани мы расстались и пролежав там часть ночи на короткой скамье в вокзале, я тронулся 8-го января по направлению в Моршанск,

куда мы приехали около полудня. Омывшись и пообедав там часу в 3-м, мы переселились в новые вагоны Сызранской дороги и мерзли в них часа 4, когда нашли уже к ночи нечаянно теплое отделение. Молодой механик Оренбургской дороги и молодой же Тамбовский помещик были моими спутниками, последний бранил земство как все прежние, встретившиеся мне, а механик интересно рассказывал про Самару, где живет и про свою работу на Уфимских заводах кн. Белосельского. Умный, предприимчивый этот малый переходит в Петербург на завод Nickel. С ним доехали мы до Сызрани, снова пересели в другой вагон и к двенадцати часам, сегодня, 9 января, были в Батраках на берегу Волги в виду строящегося моста, который через несколько лет обещает быть чудом постройки³⁰. Тут встретили меня первые Самарские Полицейские власти, Становой Воронцов с Урядником, усадив меня в троечные сани помчали меня через Волгу мимо громадных сооружений в виду возведенных и возводимых устоев будущего моста, сиротливо поднимающихся из замерзшей Волги-матушки. Резко дул нам ветер навстречу, когда мы проезжали реку, но вот уже и другой берег, поворот и мы у небольшой деревянной станции на Самарском берегу. Самарский Исправник с Владимиром в петлице, приличных форм и наружности, меня встречает и подводит ... крестьян с хлебом и солью, то исполняющие дела старшины с другими крестьянами из Ново-Костычевского общества и волости, первого на моем пути из Самарских поселений. С благодарностью принимаю я этот сердечный, Русский привет и вхожу в пассажирскую комнату, где нахожу родственника, несимпатичного, уезжающего из Самары, мало мне знакомого Владимира Петровича Обраскова, свояка моего двоюродного дяди. С Исправником Александром Аркадьевичем Дмитриевым, в купе, в хорошеньких вагонах Оренбургской железной дороги доехали мы до Самары. Этот Исправник мне понравился толковыми ответами и совершенно приличным своим поведением, так просто, скромно, а вместе с тем и достойно держал он себя со мною, недаром же служит у 5-го губернатора. Удивил меня рассказом, что Самара не может решиться устроить водопровод в городе и все только занимается к тому сборами. Хвалился отношением к земству, суду, и всем ведомствам, рассказывал про волнения татар вследствие циркуляров Консistorии о переписке всех православных прихожан и казанским

³⁰ Александровский (сейчас Сызранский) железнодорожный мост через Волгу, у современного г. Октябрьска Самарской области. Открыт 30.08.1880 г. и получил название в честь 25-летия царствования Александра II. Первый железнодорожный мостовой переход через Волгу в её среднем и нижнем течении. На момент открытия – являлся самым длинным мостом Европы (1436 м., 13 пролётов).

выдумкам вешать колокола на мечетях на случай пожара. Говорил, что в Самарском уезде все утихло, а в Бугульминском тоже ничего нет серьезного. В 7 часу показались огни Самарские и у ярко освещенного подъезда железнодорожной станции встретили меня Вице-губернатор и Полицейские власти, довели меня до моего дома. Снова повторяю, впечатление все они оставили во мне хорошее и теперь, выложив свои вещи, написав в Москву и Кострому благодарные письма за телеграфистские приветствия всех моих родных, встретившие меня уже на железной дороге здесь в Самаре на пороге моего нового жилища, собираюсь я спать. Радостно мне было прочитать сердечные пожелания моих близких, детей, сестер и Машеньки при вступлении в новое мое служение, в новую мою жизнь, умилительно было получить и телеграмму сестры Зины Сергеевны³¹, легкой руке коей я всегда верю. Всем им написал я и теперь ложусь спать, но сперва хочу записать, что вечер 6-го января провел в Воронеже в сонме знакомых — брата и жены его, Давыдовых, он брат Костромской Игуменьи, добрый, недалекий человек, жена его бойкая, неглупая барыня Тергукасова; Товарища Председателя Воронежского Суда, умного, даже симпатичного Армянина, брата Кавказского Героя, Ададунова³², Управляющего железной дорогой, памятного мне прорицанием завтрашней теплой метели с вьюгами и заносами, буквально осуществившейся, и милой четой Чертковых. Прочие Мужчины и Государыни были для меня фигурами без речей, но кроме Чертковой особенно занимала и пленила меня умом, простотой обращения и своей милой внимательностью ко всем милая моя хозяйка и новая сестрица Маша, жена счастливого моего брата Михаила. С такими хорошими воспоминаниями о его гостеприимстве и ее прелести начинаю свое Самарское житье, спрашивая себе у Господа мир, безмятежие и всякого благополучия, а также полезного для всех и успешного служения на новом поприще и месте. Господи благослови!

Самара, 10 января, среда вечером.

День начался с молитвы, в небольшом Самарском Соборе отстоял я обедню, прекрасно совершенную, и потом с Полицмейстером объехал некоторые городские кварталы, дивился громадности Губернского города и полному беспорядку построек, несмотря на пожары лепящихся друг около друга. Все это каменные и деревянные авоси, ждущие нового пожара. Особенно страшно смотреть как около Щепного ряда и в виду Волги множество деревянных амбаров с хлебом скучен-

³¹ Именует вдову брата сестрой.

³² Ададунов Иван Евграфович (1841-1907), инженер-железнодорожник, в 1869-1884, 1887-1907 — председатель правления Рязано-Уральской железной дороги.

но построены все на тот же авось и небось вдали от всяких пожарных обозов и от воды. Как тут не подивиться Русскому Богу, творящему чудеса над беспечным людом, всегда рассчитывающим на эти чудеса. Отвратительная по размерам, грязи и неудобству 3-я Полицейская часть меня ужаснула, зато Полицейское Управление оказалось чисто, просторно и ново, пожарный обоз в порядке и сборе в полторы минуты (впрочем такова 3-я часть всего обоза, его 3-е отделение). Дома после бумаг принимал я Губернаторскую Канцелярию и Губернское Правление. Такие же забитые, усталые лица, как в Костроме, один из Советников Десницкий показался мне толковым, а Врачебный Инспектор возбудил мое сочувствие требованием очистки города, подобного Авгиевым столпам. Хорошо бы найти на них Геркулеса, не помогут ли нам Астраханские болезни, страха ради коих постараюсь двинуть Русское Купечество отказаться от привычной, от предков унаследованной вони и грязи. Чиновник Особых Поручений Князь Кугушев меня успокоил насчет Бугульминских татар и их восстания по поводу слухов о перекрещивании. Вряд ли есть Правительство терпимее нашего и более хлопотушее о процветании чужих религий, впрочем это и справедливо. Совесть каждого должна его руководить в деле веры. Между неожиданными гостями видел я Губернского Непременного Члена Крестьянского Присутствия Нудатова, которого интересует его дело и обязанности, не чета же он костромскому Карцеву, и Губернского Предводителя Дворянства Юрасова³³, полного брюнета с претензиями на представительность, по его словам приехавшего как частный человек познакомиться до общего представления завтра. Ни глуп ни умен, так себе полный, то есть дородный человек. С Вице-губернатором отправились мы сперва в Губернское Правление, только что переходящее в новое наемное помещение. Меня поразило оно каким-то сиротским видом бездомного странника после костромских насаженных удобных помещений. Здесь, как и во всем, вы чувствуете, что вы словно в Америке, край будто пустовал и начинает устраиваться. Нет исторических воспоминаний, даже семейных преданий будто нет, так все ново, голо и пусто. Семья Вице-губернатора Бринкмана мне понравилась, хорошенькая 16-летняя девочка, дочка, прикрывшаяся

³³ Юрасов Сергей Павлович (1836 г. – ?) – дворянин, коллежский ассессор (1877-1878 гг.), владелец имения (более 1,2 тыс. га) в Озерской волости Ставропольского уезда. Был ставропольским уездным предводителем дворянства и председателем уездного земского собрания в 1875-1880 гг. В 1878-1881 гг. – самарский губернский предводитель дворянства. Председатель Самарского земского собрания в 1878-1881 гг. В марте 1881 г. возглавлял депутацию от самарского дворянства на похоронах императора Александра II.

как-то шерстяным вязаным платком, глядела словно картинка, вся семья приличная и на всем добрый немецкий отпечаток. Там же видел милую даму из Казани, там встретившую прошлым летом М. и моего сына, она здесь замужем за кем-то из служащих. Не застал Архиеерея и посидев у Юрасова, побранившего мне нашего приятеля профессора Дмитриева, вернулся я домой и отслужил у себя молебен с водосвятием во освящение моего жилища и нового служения. Соборный причт благолепно совершил служение и посидел со мною без ужимок. Сильная головная боль заняла меня до вечера, когда бумаги официальные и письменные занятия поневоле ее заменили. Дом мой сегодня оказывается неудобен для прислуги и мало уюта от множества дверей и проходных комнат. Головная боль преувеличивала мои разные на него неудовольствия, но теперь пора и на боковую, а то завтра принимать весь город и ему себя рекомендовать. Еще раз Господи благослови!

Самара, 11 января 1879 г., 7 часов вечером.

Утром с Полицмейстером обошел свой двор и открыл комнату для кучера и его жены, что меня помирила с квартирою немного. В полдень одевшись в мундир принял в длинной зале более 100 человек, явившихся мне представиться как Губернатору. Все ведомства были тут, кто в мундире, кто в вишмундирах, как Суд, Прокуроры и Удельное ведомство. Не было только железнодорожных и 2 Председателей Казенной Палаты, Анучина больного и Акцизного, тоже нездорового. Я просил о содействии, о дружеском согласии, которым так облегчалось служение моего многоуважаемого Предшественника, обещал свою помощь и словом и делом. Обойдя всех и пожав им руки, я пригласил Председателей в гостиную курить и с ним побеседовал, Городского Голову уговаривал устроить водопровод и приняться за чистку города и обезопасение его от огня удалением множества деревянных построек. Губернский Предводитель и Председатель Губернской Управы Крылов³⁴ после посидели еще и просили открыть Санитарную Комиссию. Проводив и их принимал Преосвященного Серафима, Самарского Епископа³⁵, прежде Рижского и Смоленского, скромного и приятного Владыку, не похожего на манерного Воронежского, а затем и

³⁴ Крылов Павел Саввич (1828-1891) – административный и общественный деятель, действительный статский советник (1879 г.). В 1858-1865 гг. занимал должности правителя дел в Самарской комиссии народного продовольствия, старшего чиновника особых поручений при самарском губернаторе. В 1865 г. был утвержден членом Самарской уездной управы, в 1867-1872 гг. являлся ее председателем. В 1873 г. избран председателем Самарской губернской управы, которую возглавлял до своей смерти в январе 1891 г.

³⁵ Серафим (Протопопов), самарский епископ в 1877-1891 гг., умер в Самаре.

сам поехал с визитами. В три часа был у Великого Князя Николая Константиновича³⁶. Высокий молодой мужчина с окладистой русой бородой, с редкими волосами на голове встретил меня в своей восточной гостиной, обвешанной коврами и прелестными картинами (славный портрет Петра Великого современного писания с натуры (Nattur), Кабинетное Совещание при Бироне, где Волынский резко воодушевляется, а Бирон подслушивает, кисти Якоби³⁷ и картина Ге «Петр и Царевич Алексей»³⁸) и у нас пошел разговор о картинах, о Хивинском походе, о Средней Азии, о моем знакомстве с Великой Княгиней Верой Константиновной³⁹ и её покойным мужем герцогом Евгением. Умно разговаривает Великий Князь, как будто меня конфузится немного, но оставляет хорошее впечатление. Я был во фраке со звездой и белым галстуком совершенно неофициально, через полчаса встал и раскланялся, он проводил до входа с лестницы. Думаю, наши отношения будут любезны, но не близки, так и лучше. Графа Ростовцева⁴⁰ еще не видал. Еще несколько визитов, из коих Удельного [*Управля-*

³⁶ Николай Константинович Романов (1850–1918) – великий князь, внук императора Николая I. В 1873 г. в чине полковника участвовал в походе генерала Скобелева на Хиву. В 1874 г. по обвинению в краже фамильных драгоценностей был лишен всех званий, наград и выслан из Петербурга. До конца жизни находился под административным надзором; местами ссылки были Владимирская, Киевская, Винницкая губ., Оренбург, Самара; с 1881 г. – Ташкент. Занимался предпринимательством, культурным строительством, прокладкой оросительных каналов в Голодной степи. Возглавлял Самарскую ученую экспедицию (1879–1880 гг.), коллекция которой вошла в экспозицию Самарского краеведческого музея.

³⁷ Возможно «А.П. Волынский на заседании кабинета министров» (1875), Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

³⁸ «Петр Первый допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (одна из авторских копий, 1872), поступила в Государственный музей искусств Узбекистана из коллекции великого князя Николая Константиновича.

³⁹ Вера Константиновна (1854, Санкт-Петербург – 1912, Штутгарт, Вюртемберг), младшая дочь великого князя Константина Николаевича, внучка императора Николая I, супруга герцога Евгения Вюртембергского.

⁴⁰ Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897) – военный и государственный деятель, флигель-адъютант, генерал-лейтенант (1892 г.). Сын Якова Ивановича Ростовцева – руководителя подготовки крестьянской реформы 1861 г. Участник Венгерской кампании 1848 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. Был начальником штаба армейского корпуса, начальником 4-й стрелковой бригады. В 1877 г. назначен «воспитателем» и распорядителем дел опального великого князя Николая Константиновича; участвовал в проведении трех экспедиций (1877, 1878 и 1879 гг.) великого князя в Среднюю Азию. С 1890 г. – военный губернатор Самаркандской области. По оценке исследователей, был одним из наиболее успешных губернаторов в истории Российской империи.

ющего — комм. сост.] Рыхлевского нашел в прелестном доме и с умной женой. Затем обед у Вице-губернатора с Шампанским за мое здоровье. Она простая, милая, хорошая женщина, старшая дочь у них хорошенькая, а прокурор Булгаков за нею ухаживает. Губернский Предводитель любит вести туманные речи, показывать деятельность и вдвоем с Вице-губернатором, слишком наивным и болтливым, но добрым несли турысы на колесах⁴¹. Булгаков умнее обоих, но способен быть развязным. Кажется, впрочем может это так только кажется. Заехал в женский Монастырь⁴² ко всеношной (завтра там престол, Иверской Божьей матери), безвкусно, низко и некрасиво вот впечатление самой зимней церкви, много пелен, шитья, женского рукоделья; пение тоже под стать словно хороводное, пищат насколько хватит голосу, а ртов не открывают как следует, так что самые лучшие напевы делаются неприятны. Монахинь множество, но суеты мало. Может игуменья их и избрала дело Евангельской Марии, самой ее не слышно и не видно, не то, что у нас в Костроме, где Мария совсем превратилась в Марфу, хотя и не самую худшую. Вечером сидел у меня Председатель Губернской Управы Крылов, я толковал о мерах против чумы и о Санитарной Комиссии. Простой, недалекий, но работающий человек, готовый выслушать всякий совет. Я ему передал мой протест на постановление Губернского Земского Собрания с правилами против пожаров, пусть прочтет и скажет, что еще можно добавить, а Сенат уже разъяснить земству должен. Старик этот мне нравится, с ним можно дело делать. Полицмейстер после долго сидел, говорил, что Великий Князь очень его расспрашивал, не говорил ли о нем со мною Царь и казался сконфуженным, почему уж не знаю. Забыл сказать, что Николай Константинович мне сообщил, что в марте едет в Среднюю Азию на обследование линий Средне-Азиатской железной дороги и не думает вернуться в Самару после. Пора спать, два часа, а завтра я собираюсь к обедне в Монастырь.

Пятница, 12 января 1879 г., вечером, Самара.

После обедни в женском Монастыре, где я застал уже проповедь я зашел к скромной игуменье Антонине, облобызавшей мою руку в ответ на мое лобызание, но должен был поспешить на пожар в конце города, сопровождаемый моим конным стражем ловким Романенко. Оказалось что горел санный сарай и слава Богу опасности не было. По дороге домой я посмотрел третью полицейскую часть, несколько более удобную и в полдень занялся бумагами. Граф Николай Яковлевич Ростовцев, Попечитель Великого Князя Николая Константино-

⁴¹ Метафора вздора, пустой болтовни.

⁴² Самарский Иверский женский монастырь, основан в 1850 г.

вича и сын известного Якова Ивановича, навестил меня и мы долго побеседовали о ложном и странном положении Великого Князя, которого он называет человеком рыцарских правил. Ростовцев сам милый и хороший человек, мы обещали друг другу обо всем сообща переговаривать до принятия какого-либо решения. Великий Князь прервал нашу беседу и присидел с нами около получаса. Он приехал в сюртуке, а я его встретил и проводил до входа, то есть на лестницу. Показал ему точный снимок с Федоровской иконы Божьей Матери и рассказал ее историю, он не знал, что это родовая икона Романовых, коей Мать первого Царя Михаила Романова благословила сына на царство. Нашел наконец Григория Сергеевича Аксакова⁴³, бывшего Губернатора и посидел с ним и его женой, они меня приняли как хорошие друзья и напомнили как последним желанием отца моего было послать деньги в Самару для голодающих. Помнится действительно письмо с первыми деньгами к Григорию Сергеевичу Аксакову было последним им подписанным, а теперь эти строки и это послание принималось как будто благословение на мою Самарскую деятельность. О Самарцах была его последняя сердечная забота и он определил сумму, которую должно было послать для них после его смерти, словно поручая мне в будущем также сердечно о них позаботиться. Эта связь с отцом меня уже роднит с Самарою. Дай Бог в добрый час. Из виденных мною сегодня очень мне понравился Товарищ Председателя Суда Десницкий⁴⁴, славный, открытый, дельный человек. Я его застал с детьми и обласкал их, а тем кажется и понравился их отцу. Григорий Сергеевич Аксаков провел у меня вечер и очень хвалил моих сослуживцев по Канцелярии и Губернскому Правлению, что мне было большое утешение. Теперь могу работать без опасения после рекомендаций такого славного человека и бывшего Самарского Губернатора как Аксаков. Ума невысокого и без способностей своих знаменитых братьев, он богат своею честною, прекрасною душою и я рад найти в нем старого друга семьи нашей. Это тоже благословение моего отца, им зиждется теперь здесь дом мой, слава Богу.

Суббота вечером, 13 января 1879 г. Самара.

Первые три заседания Губернского Крестьянского Присутствия, Комитета Воинских Повинностей и Тюремного Комитета под моим

⁴³ Аксаков Григорий Сергеевич (1820-1891), сын писателя С.Т. Аксакова, тайный советник. Самарский губернатор в 1867-1872 гг.

⁴⁴ Десницкий Иван Степанович, выпускник Московского университета, в 1866 г. начал службу в Московском окружном суде, продолжил в Нижегородском окружном суде, Саратовском окружном суде, Саратовской судебной палате.

председательством сегодня состоялись в Губернском Правлении согласно Самарскому обычаю, в Костроме они бывали в доме Губернатора. Докладчики, из коих в 1-м Губернский Непременный Член Нудатов, все толковы и добросовестны, присутствующие слушают доклады и дело быстро идет, пока что могу быть доволен сослуживцами и подчинёнными. Вечером, после Всенощной в Крестовой у Архиеерея с плохими певчими, но хорошей музыкой, провел часа полтора у Пресвященного Серафима и вышел с таким же впечатлением мира и спокойствия. Невелик умом, но по смирению истый Пастырь. Живет хорошо, но скромно. Потом до 2-го часу сидел у четы здешних Тимротов⁴⁵, он Присяжный Поверенный, умный, совершенно обруселый, нисколько не похож на костромского брата Генерала. Жена его, милая Ярославлика, умная, бойкая и гостеприимная. Из гостей умна Софья Александровна Аксакова⁴⁶, жена бывшего губернатора, и во всех отношениях симпатичен умный Товарищ Председателя Суда Смирнитский⁴⁷.

Воскресенье вечером, 14 января 1879 г. Самара.

После обеда в Соборе, где понравился старик благообразный Протоиерей, уже 35 лет служащий при Соборе, до учреждения еще Губернии и начавший, я принимал много народу, между прочими издательницу Самарского монастыря, умную барыню Фролову. Она жалуется на малое число подписчиков до 500. Я же удивился, что в губернском городе их столько. Между посетителями меня заинтриговал Инженер, состоящий при Великом Князе по изысканиям железной дороги в Среднюю Азию, своими рассказами об их прошлогоднем путешествии. Долго сидел у меня товарищ Председателя Окружного Суда Смирнитский и называл мне тех из Самарцев, на помощь которых я могу рассчитывать для Санитарного Комитета и вообще всякой деятельности по городу. Сам этот умный и толковый человек гласный

⁴⁵ Тимрот Георг (Егор) Александрович (1831-1908) – административный и общественный деятель, действительный статский советник. Был первым председателем Ярославской губернской земской управы (1866-1868 гг.). Присяжный поверенный в Самаре (с 1877 г.). Неоднократно избирался гласным Самарской городской думы. После отъезда в Петербург был служащим во втором отделении Собственной Е.И.В. канцелярии. Дочь Софья Егоровна была замужем за приемным сыном А.Д. Свербеева Дмитрием Александровичем.

⁴⁶ Софья Александровна Аксакова (1830?-1883). Окончила Смольный институт (1852), владела имением под Бузулуком (1860 г.), с 1848 жена Г.С. Аксакова.

⁴⁷ Смирнитский Александр Иванович (1821-1895), председатель Самарской соединенной палаты уголовного и гражданского судов в 1869-1870 гг., товарищ председателя Самарского Окружного суда, действительный статский советник.

Городской Думы и пользуется влиянием ... в уезде. Несколько визитов я сделал и сам, но застал немногих, выехав поздно. Все уже либо обедали, либо принимали участие в обычном катании по Дворянской улице мимо Губернаторского дома. Только Непременного Члена Нудатова застал я окруженного детьми и как всегда рад был поболтать с подрастающим поколением. Затем, после обеда долго беседовал с Правителем Канцелярии Кузьминым, Исправником Дмитриевским и Полицмейстером об Урядниках и вообще об отношениях полиции к обществу и наоборот, и должен повторить, что они все трое кажутся мне дельными и хорошими людьми. Видно в Самарской губернии закваска Чиновничья лучше и чище, чем в других, хотя и в Костроме, так же лица весьма порядочны, но эти толковее и умнее. Забыл записать, что Игуменья здешнего монастыря была у меня и привезла в благословение икону Иерусалимской Божьей Матери, то есть ту самую, помолясь перед коей в Костроме в день ее чествования 12 октября, я послал свое согласие принять должность Самарского губернатора. Не знаменательно ли это совпадение, мне оно очень приятно. Заезжал я и к Аксаковым поблагодарить его за дружеский прием и советы и очень рад был сойтись с ним. Славный, честный он человек. От Масленикова вчера получил телеграмму, что мои выехали из Костромы, значит, сегодня они должны быть в Москве. Дай Бог им хорошо там пожить и благополучно добраться до Самары и прожить в ней.

Понедельник, вечером 15 января 1879 г. Самара.

Все утро провел в приемах и делах, и разговорах, а потом осмотрел здешнюю Тюрьму, состоящую из 2 отделений, одно на 300 человек, в разных клетушках, деревянных и скученных, и другое, на 200 человек, состоящее из двух длинных деревянных же корпусов высоких и просторных, но с легким деревянным забором, весьма удобным для бегства, между тем, как в первом отделении есть каменная стена вместо забора. Бедность и неряшливость изумительные, и невольно удивляешься выносливости Русского человека. Смотритель уверял, что смертность не превышает 10%. Арестанты выгодно занимаются работами вне замка и в оном, это объясняется отсутствием арестантской роты, обыкновенно исполняющей городские работы в других городах, вследствие чего там арестанты терзались и безденежьем. Здесь кроме того в обоих отделениях устроена школа для взрослых арестантов, любопытно посмотреть на результат ученья. Зато поразило меня самое простое устройство отхожих мест, просто на вольном воздухе, без крыши потому что легче очищать арестантам. Как же не ужаснуться такому санитарному и гигиеническому устройству. В Костроме куда как здания и их очищение лучше. Содержат арестантов хорошо, множество

Татар составляют особенность Самары, в Костроме они были редки. Вечер провел у меня сперва Бузулукский Исправник Шишкин и произвел на меня хорошее впечатление, человек умный, дельный, знающий свой уезд и служащих в нем, держит себя умно и хорошо. После с 9-го до 2-го часу просидел у меня прокурор Булгаков, очень приятный, умный и во всех отношениях порядочный человек, с коим хочется сблизиться. Говорили о Вице-губернаторе, его щепетильности, обидчивости и бестактности; вспльчивом нраве и совершенной безукоризненной честности. О Великом Князе Булгаков говорит, что он много говорит публично лишнего и невозможного, причем иногда вспоминает, что он ведь сумасшедший. Булгаков тоже думает, что сблизиться с ним не следует.

Вторник вечером, 16 января 1879 г. Самара.

Все утро в бумагах, приемах и визитах, затем неожиданный обед в семье Тимрот, где нравится мне очень милая хозяйка и ее дочь, хозяин тоже умный и приятный. С детьми провозился я долго и звал их к себе в воскресенье. Вечером снова бумаги и доклад Полицмейстера, Правителя Канцелярии и Управляющего Государственными Имуществами, а теперь уже ночью чтение бесконечного дела о волнениях Магометанского населения в 3 уездах Самарской губернии в ноябре и декабре, вызванных требованием Духовной Консистерии от священников о доставлении клировых ведомостей с обозначением иноверного поселения для равномерного распределения приходов. В некоторых селениях дело дошло до побоев, повлекших за собой и смерть. Башкиры и Татары стали далее отказываться принимать урядников и страховые сборы. Циркуляры Управляющего Губернией и личные объяснения Исправника, Полиции и Прокурора успокоили разыгравшуюся Магометанскую Фантазию, но и доселе поступают от Магометан просьбы об избавлении их от урядников и страхований. Неужели тут нет и дела Английского влияния и вся эта буря поднялась из неумных требований Консистерий Самарской и Казанской, кроме того, Казанская Губернская Управа будто предписывала повешение колоколов на мечетях для пожаров и Казанскому Губернатору пришлось войсками усмирять взволнованные толпы.

Завтра собираю Санитарный Комитет в Губернском Правлении. Сегодня вечером получил письма Ольги⁴⁸ и детей из Ярославля уже на пути в Москву. Грустят о Костроме, есть о чем, ибо хорошо там прожили 10 лет и мы поставили детей на ноги. Благослови их Господь и в будущем и нас сохрани и соблюди здесь в Самаре.

⁴⁸ Ольга Дмитриевна Свербеева, сестра А.Д. Свербеева, посвятила себя воспитанию его детей.

Среда, 17 января 1879 г. вечером, Самара.

Общее Присутствие Губернского Правления для санитарных мер было весьма многочисленно, тут встретил я Гласного Алабина⁴⁹, бывшего Губернатора Софийского в Болгарии, отличающегося фразами и множеством незнакомого народу. Мы ограничились выбором Комиссии и назначили следующее заседание на 25-го, то есть на следующую среду. Вечером должны были собраться врачи для обсуждения своего доклада избранной нами Комиссии. После был я в двух приютах Алексеевском на 30 мальчиков и Николаевском на 60 девочек, оба просто и хорошо устроены. В оба послал я детям гостинцев. Кроме того, был в Уездном Полицейском Управлении и все нашел изрядно.

Вечером в Благородном клубе был танцевальный вечер, я отправился туда, помещение прекрасное, но народу было мало и мне как-то было дико при моем незнании с обществом. Милая С.П. Тимрот и Смолькова (она жена Полковника) спасли меня от скуки и одиночества. Он, Тимрот приезжал за мной и повез меня в клуб. Но я полагаю, что нечасто буду там появляться.

Четверг вечером, 18 января 1879 г. Самара.

Утром телеграмма Саратовского Губернатора просит об установлении наблюдательных постов в селениях Кольшкине и Курнаеве на границе Самарской губернии. Сейчас сделал я об этом по телеграфу распоряжение, переговорил с Врачебным Инспектором Укке⁵⁰ и с Председателем Губернской Управы Крыловым, 2 всегда готовыми помочь своею деятельностью людьми, потом велел напечатать 5 тысяч экземпляров телеграммы Саратовского Губернатора, чтобы успокоить жителей Самары. После ездил с Головой Кожевниковым⁵¹ и Полицеймейстером в 2 городские богадельни, одну 2-этажную, великолепно

⁴⁹ Алабин Петр Владимирович (1824-1896), государственный и общественный деятель, действительный статский советник, почётный гражданин городов Вятка, Самара, София. С 1866 года в течение десяти лет состоял управляющим Самарской палатой государственных имуществ. С 1871 года – гласный Самарской городской думы. В 1877 г. – губернатор Софии. В 1884-1891 гг. – Самарский городской голова. Председатель Самарской губернской земской управы.

⁵⁰ Укке Юлий Богданович, по распоряжению Медицинского департамента МВД 1852 года назначен врачом в Самарскую губернскую больницу, в дальнейшей – уездный врач Самарской губернии, инспектор врачебного отделения Губернского правления.

⁵¹ Кожевников Ефим Тимофеевич (1840, Самара – после 1914), купец, обучался на юридическом факультете Казанского университета, с 1872 г. гласный Самарской городской думы, городской голова Самары в 1875-1881 гг.

выстроенную с высокими залами для призреваемых и отвратительными отхожими местами, как водится везде в России, другую помещенную в нескольких деревянных хижинах среди сада. Замечательно, что несмотря на убогость последней, воздух в ней и чище и здоровее и само содержание больных дешевле. Затем осмотрел здание Окружного Суда, залы ожидания хороши, но Костромское здание Суда во всех отношениях лучше и даже больше. Обед у Прокурора Булгакова с моим хозяином купцом Субботиным⁵², управляющим Волжско-Камским банком умным Соколовым⁵³, глупым Губернским Предводителем Юрасовым и добрым, но недалеким Вице-губернатором был мне приятен как отдых между бумагами. Юрасов подробно рассказал мне свои глупые выходки относительно Великого Князя, неофициальное и ложное положение коего ему дало мысль потребовать, чтобы Великий Князь был у него, как Губернского Предводителя первый. Засим разумеется после многих глупых речей и Губернский Предводитель и многие господа Дворяне, с ним артачившиеся, побежали представляться Великому Князю и даже в мундирах, что не следовало и делать. Дома нашел бумаги, доклады и до 11 часов ими занимался, а после 12 слушал подробный рассказ доктора Укке о заседании Комиссии врачей, собиравшихся сегодня по чумному вопросу⁵⁴ (хотя официально болезнь так и не должна называться). Все пришли к соглашению и завтра будут уже толковать с членами избранной нами Комиссии из земских и городских деятелей, а в среду внесут свой доклад в наше Общее Присутствие Губернского Правления по делу санитарному.

Сестра Соня извещает о приезде моих в Москву и о том, что квартира Мики отлично устроена для Ольги Дмитриевны и Зины. Дай Бог им в добрый час начать московскую жизнь свою, а мне с действительной пользой вести свою деятельность в Самаре и с Божьей помощью победить и устранить страшную Астраханскую болезнь. Великий князь Николай Константинович прислал мне еще одну свою брошюру по вопросу о Средне-Азиатской железной дороге, завтра зайду его поблагодарить, первую брошюру о том же прислал еще вчера. Я в ответ послал ему статью «Голоса» о прорыве воды в старое русло Аму-Дарьи, куда он собирается весной. Хочется еще потолковать с ним об этом вопросе, у него великолепная военная топографическая карта этого края.

⁵² Субботин Петр Семенович (1843-1899), купец, городской голова Самары в 1883-1884 гг.

⁵³ Соколов Арсений Дмитриевич, управляющий Волжско-Камским коммерческим банком.

⁵⁴ Вспышка чумы в станице Ветлянской (Ветлянке) Астраханской губернии в 1878-1879 гг., вызвавшая огромный испуг российского и европейского общества.

Пятница вечером, 19 января 1879 г. Самара.

Все утро занимала меня забота об ограждении Самарской губернии от Астраханской заразной болезни, или чумы, как называет ее доктор Боткин⁵⁵. С вызванным мною Бузулукским Исправником толковали мы о его командировке на место наблюдательных постов к Камышинскому уезду Саратовской губернии и решили разделить на 2 Новоузенский уезд, предоставив ему часть на Волге, а степную оставить Новоузенскому Исправнику Энглези. Но как устроить карантин на расстоянии нескольких сот верст без войск и даже жителей как в степной части уезда. Не окажутся ли все мероприятия одним мифом, ибо какой же карантин может быть устроен без организованного кордона из войск. Мнение Боткина о бесполезности карантина верно при тех недостаточных мерах, какие у нас принимаются, а Германия уже хочет двинуть 80 тыс. армию на границы России для своего ограждения. После многих свиданий по делам и многочисленных докладов я отправился завтракать к Великому Князю Николаю Константиновичу. Мы были вчетвером с 2 его офицерами, инженером Ляпуновым и Полковником Лункевичем⁵⁶. Разговор был очень оживлен и Великий Князь разговорчив.

Среди многих разговоров о разных предметах Великий Князь при упоминании о Болгарии, сказал, что Генерал Гейнс⁵⁷, бывший Тургайский Губернатор, теперь Градоначальник в Одессе, извещал его, что в Болгарии хотел избрать его Великого Князя, государем этой страны, часто и много упоминал он о своем отце и своей матери без всякого огорчения и вообще разговаривал живо и весело. В 4 я отправился покататься по городу и на берег Волги к хлебным амбарам и Шепному ряду и поражен был близостью маленьких харчевен, из которых шел дым, как признак готовящейся пищи, к амбарам, содержащим столько ценного хлеба. Нужно отдалить эту возможность пожара непременно. Обедал у меня Бузулукский Исправник Шишкин и опять долго говорили ли о мерах против чумы, о предстоящей его поездке, Спокойно, умно рассуждал он и я рад, что наметил туда такого дельного чиновника. После толковали о том же с Правителем Канцелярии пока не пришел ко мне толковый Непременный [*Член — комм. сост.*]

⁵⁵ Боткин Сергей Петрович (1832, Москва — 1889, Ментона, Франция), выдающийся русский врач, общественный деятель. С 1861 г. профессор Медико-хирургической академии, тайный советник, лейб-медик.

⁵⁶ В деле 84 этого же фонда РГАЛИ есть программа экспедиции, предпринимаемой его Императорским Величеством Государем Великим Князем Николаем Константиновичем в Среднюю Азию летом 1879 года (Л. 52-53об.) и там указан не полковник, а артиллерии подполковник Лункевич (С. 52).

⁵⁷ Александр Константинович Гейнс (1834-1892), генерал-лейтенант Русской императорской армии, этнограф.

Губернского Присутствия Нудатов, с которым перечитали даже дела Губернского Присутствия на завтрашнее заседание.

Опять бумаги и почта, затем телеграмма Астраханского Губернатора, что в Сенате решили, на нашей, таким образом, Самарской стороне Волги больных 8, умерло 15 и что необходимо разобшение. О бесполезности наблюдательных постов без многочисленного кордона напишу завтра в Петербург.

Из вечернего заседания Комиссии по чуме явилось 2 Исправника, Полицмейстер, ... *[исполняющий — комм. сост.]* Голова. Последний рассказал, что утром в собравшейся Думе решено просить Правительство, буде необходимо сжигать жилища зараженных, что бы и город Самара был допущен к возмещению вызванных тем расходов. С своей стороны я думаю дать несколько урядников Бузулукскому Исправнику для содействия на границах Саратовской Губернии и всячески усилить его людьми для достижения необходимого разобшения. На мой взгляд, в такое экстренное время необходимы экстренные меры, облечь одного человека большою властью, чем именно, мы губернаторы даем ему людей и средства для борьбы со страшною болезнью.

Помоги нам господь своею милостию.

Суббота вечером, 20 января 1879 г. Самара.

Утром целая вереница Присутствий в Губернском Правлении заняла меня до вечера и едва успел я подышать свежим воздухом именинного обеда у Тимрот, где праздновали день Ангела 4-летней Инны, одной из моих приятельниц. После обеда, за коим нас было довольно много, дети распелись в хоре с отцом и весело было смотреть на эту многочисленную, здоровую, веселую семью. Помолвившись в Соборе у всенощной я дома застал приехавшую Дуню и Александра с семьей, неожиданно для меня приехавших, я хотел их задержать по слухам о чуме. Не успел я их устроить, как пришлось принимать народ по делу и до полуночи досидел с Прокурором, предварительно объяснившись с Председателем Губернской Управы Крыловым, от излишнего усердия наделавшего переполоху в уездном городе Бузулуке. Вчера в Комиссии Депутат Духовных сторон заявил о каких то слухах будто в одной из деревень Бузулукского уезда есть болезнь с чумным характером, Председатель сегодня *[уведомил — комм. сост.]* о сем по телеграфу предписанию Управы, а усердный Управитель немедленно открыл Санитарный Комитет и командировал на место врача, Члена Управы и Помощника Исправника. Пришлось просить Председателя не пугать народ и не посылать телеграмм без объяснений со мною. Добрый, глупый этот человек подбивается другими и от усердия делает такие паники и затруднения. Надеюсь, что умный Исправник Шишкин все это исправит на месте, он туда сегодня уехал.

Деревня Малая Мальшевка, Башкирка тож, Бузулукского уезда, Самарской Губернии. Понедельник утром, 22 января 1879 года.

Сижу в Волостном правлении того селения, где будто появилась заразительная болезнь вроде чумы. Оказывается, что и слуху о ней не было, а есть один больной крестьянин Федор Денисов, у которого Сибирская язва, да и тот дня 2 увезен в больницу в Село Борское, куда и мы сейчас отправимся. Виновник всех слухов здешний Священник (по уверению Троицкой Церкви в Самаре настоятеля Жданова, заседавшего в Комиссии Санитарной от Дворянства) явился передо мною и совершенно отказался от всяких подобных слов, в доказательство рассказав совершенно ничего не объясняющую сцену и винит какого-то Самарского жителя. Очевидно батюшка смутился и не знал, что и сказать. Оба врача, мне сочувствующий из Самары Земский участковый Мартын Егорович Ещинский (Башкирке находится имение Д ...) и врач Губернской Земской больницы Бодде обошли все 441 двора (с 2390 жителями) и не нашли ни одного серьезного больного, а вообще 62 человека, только одного с воспалением легких. Пока я осмотрел дела и книги волостного Правления, довольно неряшливо ведущиеся, и разобрал несколько жалоб. Волостной старшина Яков Никифоров умный, хитрый и сам управляет мужиком, при мне должен был отдать за увезенные им у крестьянина для волостного правления 2 доски четыре рубля и получил должное поставление, также как и многие из крестьян жаловавшиеся на Волостной Суд, будто бы их неправильно обидевший. Оказывалось, что сами они самоуправно распоряжались свозом хлеба, будто бы у них у них украденного, с чужих полей. Народ все безграмотный, но рослый и бойкий. Избы очень порядочные, есть впрочем и черные или курные, не более 20. Составляем акт о своем осмотре и сейчас двигаемся далее, чтобы с поездом проехать в Борское.

Управление Оренбургской железной дороги уступило мне вагон в мое распоряжение, где я ночевал с обоими врачами в тепле и удобстве на станции Грачевки. Проехали Чудовку в 10 часу вечера вместе и долго рассуждали, оба они люди образованные и умные, с ними до Грачевки ехал и Товарищ Прокурора Р. Крицкий, долго мы с ним толковали о нашей политике и я как всегда защищал Германию от нападков Русских.

Выехал я из Самары, рассудив, что всего яснее мне представится все дело о не зараженности чумой на месте, и что моим присутствием я могу успокоить и Бузулукские поселения в теперешнее тревожное время.

Утро после обедни в семинарии прошло в приемах, была бездна посетителей, а часа 2 у меня в моих огромных залах поиграли дети Тимрот. Обедал я у Губернского Предводителя с многими пригла-

шенными, пили мое здоровье, а я за хозяина и все Дворянство. Председатель Губернской Управы был видимо смущен моим отъездом, но сам поспешил мне командировать в помощь земского врача Боде. Здесь в Грачевке была Комиссия из Бузулукской Уездной Управы, врач и помощник Исправника, все они не дождалась больного сибирской язвой и ограничились расспросом жителей, как всегда и делается в подобных случаях. Самого то виновника слухов не видели. Сделаем это за них. С нами здесь исправник Шишкин, нравящийся мне, толковостью и спокойствием.

Село Борское, 22 января 1879 г., после 7 часов вечера.

Пишу в квартире земского врача Ещинского, который только что меня накормил хорошим, сытным обедом после моих странствий по его 2 больницам, невзрачным, но недурным. В одной из них мы наконец нашли того больного Федора Денисова из Малой Малышевки, хворь коего вызвала все слухи о чуме. Он только сегодня поступил в больницу и по мнению обоих врачей, моих спутников, находится в скором выздоровлении. Зашли мы и в большой, красивый и холодный деревянный храм и в оба училища, мужское, где в одной комнате учится у одного учителя 140 мальчиков, что вызывает у меня желание помочь ему назначением помощника и устройством 2 классного училища, что при средствах и многолюдстве Борского, села торгового и богатого, будет возможно. Оттуда перешли в новое, удобное и красивое женское училище, где нашли 5 девочек, пришедших заняться рукоделием и ночевать у одинокой учительницы, молодой, скромной девушки, ученицы Самарской женской семинарии, произведшей на меня доброе впечатление. Она получает 250 руб. жалования и имеет теплый уголок в своей школе. В Волостном Правлении просмотрел Книги, порядка больше, но и тут ведется делопроизводство по произволу Писаря. Кассу, здесь присутствующую разумеется только номинально, трудно проверить, недоимок же на волости такая бездна, более 50 тыс. рублей, что при базарной площади и больших суммах получаемых с кабаков и трактиров непростительно. Народ здесь зажиточный, но недавно погорел. Обедали у милой хозяйки, жены Директора, все трое с Исправником, и я опять приятно убедился, что все эти люди себя держат по-человечески без угодливости и излишней развязности. Путешествие наше, совершенное в собственном вагоне так удобно, что нельзя себе представить, что мы на таком отдаленном востоке Русской Земли. Иду теперь на ревизию Станового.

Бузулук 23 января 1879 г. Вторник вечером.

Ночью прибыли мы сюда усталые от путешествий по волостям и разбору разных дел и бумаг. В квартире купца Зотова чистой и пара-

дной поместились мы с врачом Бодее⁵⁸ и прекрасно уснули в приготовленных кроватях. В одиннадцать часов представлялись мне Городские и Полицейские власти, Мировые судьи и т.д. Уездный Предводитель Жданов, молодой еще, добрый малый приехал пораньше и заявил, что город, дворянство и земство собираются депутацией просить меня оставить у них Исправника Шишкина и не командировать его в Новоузенский уезд. Я разумеется, поблагодарил за их сочувствие к Шишкину и обещал вернуть его при первой возможности, уверил их также что новым дознанием убедился в совершенной безопасности их уезда от чумы. Все утро затем прошло в езде по обширному городу. Земская больница в трех домиках опрятно и разумно содержится, недурны казармы для батальона, очень хорошо помещение для Мирового Съезда Судей и Земской Управы и слишком хорошо помещение для арестованных Мировыми Судьями, они живут без решеток на прекрасной квартире, нет и признаков заключения. Зато Тюремный Замок в огромном сыром и темном каменном доме весьма плох, хотя все же лучше Самарского, придется перевести его поскорее в новый частный дом, нарочно для него устроенный с платой ежегодно по 3 тысячи рублей. Зашел в две прекрасные церкви, в переполненное (180 девочек) женское училище, впрочем теплое и высокое, где девочки среди класса плохо читали, толкнулся в очень плохое уездное училище, уже пустое, был 3-й час, посмотревши близко Сиротский Суд, отправился в Женский Монастырь, где простая Игуменья из крестьянок показала мне свои обширные и прекрасные храмы (у нее 200 инокинь). Проехал даже верст 4 за город посмотрел на живописно лежащий среди гор и лесу Мужской Монастырь над рекой Самарой. Картинно возвышается над садами и лесом, уходит в горы и окруженная другими многими горами, обитель с высокой красивой колокольней. Игумен о. Нифонт сопутствовал мне по обители в теплой большой церкви, прослушал я тропарь Богородице и Нерукотворному Спасу и затем осмотрел и первую по времени, теперь уже ветхую деревянную церковь, устроенную в 1845 году при возникновении обители. Она предполагается к сносу и переделке и смотрится дряхлым старцем среди новых, молодых построек. В мале⁵⁹ был еси верен, над многими ты поставлю, сказал я Игумену, выходя из ветхой церкви, так очевидно на нем и на обители исполнилось это евангельское слово и посоветовал ему престол в новоустроенном храме освятить во имя Смоленской

⁵⁸ Бодее Юлий Карлович, самарский врач, директор Алексеевского детского приюта. В апреле 1909 г. в Самаре широко праздновался юбилей и 25-летие профессиональной деятельности Ю.К. Бодее, один из поздравительных адресов был прислан сенатором А.Д. Свербеевым.

⁵⁹ В малом, старославянский.

Божьей Матери в память первого этого храма, соединив с оным и память Святого Николая согласно пожеланию. В городе нас ждал обед у Предводителя, где я обедал в сонме властей с 2 дамами, его простой, милой хозяйкой и женой Председателя Управы, тут же нашел Председателя Округного Суда Анненкова⁶⁰, находящегося здесь ... и члена Суда с ним. Общество хотя мне и незнакомое, показалось мне очень порядочным и совершенно без отпечатка северных уездных городов, то есть без особого провинциализма, все себя держали с достоинством. Отдохнув часочек я осмотрел Уездные Воинское и Крестьянское Присутствия, Дворянскую Опеку и наконец Полицейское Правление, откуда зашел к Исправнику напиться чаю и познакомиться с его женою, желая тем ему выразить мое уважение за то, что он так умно и хорошо себя поставил в уезде. Жена его мне также понравилась, она собирается с ним в Новоузенский уезд и не боится чумы. Я рад, что удалось начать в Самаре с такого уезда, где Полиция пользуется таким уважением и просил Председателя Суда и Товарища Прокурора письменно мне засвидетельствовать все свои похвалы Исправнику Шишкину.

Среда вечером, 24 января 1879 года.

Сегодня в 8 часов утра вернулись мы домой в Самару, до 3-го часу провозился с бумагами и делами, а там зашел к Графу Ростовцеву и познакомился с его милыми, две копии, их мать Англичанка и мы поболтали по Английски. Хороший он человек, кажется, ждет жену с ее семьею сегодня из Англии, любопытно познакомиться.

Обедал запросто у Тимрот и отвел у них душу от официальности, они продолжают мне нравиться, а дети их мне очень любы. Вечером снова собралось много народу по делу и поздно просидели мы с Прокурором, а завтра опять предстоит путь и дальний путь в Новоузенский уезд на границе с Астраханской Губернией, везу с собой снова толкового врача Боде посмотреть на устройство наблюдательных постов и карантина против эпидемий. Дай Бог в добрый час!

Четверг вечером, 25 января 1879 г. Самара.

Перед выездом в уезды Николаевский и Новоузенский пишу эти строки. Едем большою кампанией, я с доктором Боде, Чиновником Особых Поручений Князем Кугушевым с Николаевским исправником, нас сопровождающим по своему уезду, а Бузулукский Исправник Шишкин едет уже к месту назначения для жительства на каран-

⁶⁰ Анненков Владимир Иванович (1831-1898), действительный статский советник, председатель Самарского окружного суда в 1878-1898 гг. Сын декабриста Ивана Александровича Анненкова.

тинной линии на границах уезда. День был таким занятым, что и оглянуться не успели. В 9 часов торжественный молебен в соборе с Архиереем, было холодно, малоллюдно, но служение торжественно, хотя голоса Епископа и не слышно. Затем прием и бумаги до часу, после двухчасовое заседание Санитарного Присутствия в Губернском Правлении, где я сам читал доклад и кажется успел провести хоть некоторые меры. Нечаянный обед у Архиерея, к кому заехал проститься, в честь годовщины его прибытия в Самару отнял у меня часа 2 и я не успеваю теперь кончить свои дела и письма, столько около меня народу. В 11 вечера сегодня Бог даст тронемся в путь. Господи благослови!

Город Николаевск Самарской губернии, 26 января 1879 г. Пятница вечером.

Вчера в 11 часов ночи выехали мы из Самары, ночь была светлая, лунная и мы тронулись в 3 экипажах, я с доктором Боде в городском возке и благодаря длинным ногам не мог ни вытянуться, ни заснуть, так что сопровождающие меня чины сострадательно предложили поменяться возками и тогда я отлично заснул и пропала даже усталость. На каждой станции ожидали Волостные Старшины с ведомостями, большей частью неграмотные и руководимые Писарями, один был замечен тем, что перебил ямщику волостную у другого крестьянина, хотя и взял рублем дороже за лошадь. Бывшие тут крестьяне согласились, что этот произвол должен быть устранен. По всем волостям заметно, что волостные судьи по большей части неграмотны, не имеют своих печатей, посему грамотные из них за неграмотных подписываются, что я нахожу нужным устранить во избежание произвола грамотного судьи или писаря. В Марьевке в чистой въезжей избе напились мы чаю часу в 9-том, а потом на следующей станции осмотрели училище, выстроенное волостью на деньги, полученные за кабак. Здоровые, веселые ребяташки прибежали показать мне свое знание, числом около 20 и получили по гривеннику на орехи. Ивантеевская волость оказалась вся раскольничья, люди все чистые, здоровые и с открытыми лицами, вообще народ здесь гораздо свободнее северных губерний и живет куда лучше. Под Николаевском в последней волости встретили нас с хлебом и солью. Затем в верстах в 7 от городу, близ реки Иргиз в лесу нашли мы единоверческий Монастырь, возникший лет 40 тому из скита, здесь родина раскольников и Пугачев когда-то защищался в этом Спасопреображенском Монастыре. Через озеро стоял когда-то женский скит и Полиция того времени, проезжая в эти страны закидывала в озеро невод, что символически изображало необходимость скитам доставить ей богатый улов. Так рассказывал мне Ни-

колаевский расторопный Исправник, провожавший нас от Самары. В Монастыре взошли мы к благообразному 70-летнему старцу Архимандриту Иоасафу, постояли у вечерни в его домовой церкви, где столбовое [столповое — комм. сост.] пение мне даже понравилось, обошли с ним три другие монастырские церкви, в коих нашли много ценных по древней живописи икон, особенно хороши большие Распятия, Деисус и Евангелисты. Напившись чаю у доброго старика и дальше, и в 6 часов были в огромном Николаевске, раскинутом не то городом, не то селом с немногими каменными домами. Перед окнами могли возвышаться едва выведенные до половины стены каменного собора, имеющего строиться еще многие годы на громадной площади. На город Николаевск не похож вовсе. Отобедали мы хорошо из кухни клира и отдохнув немного, осмотрели плохой острог, изрядную земскую больницу и Полицейское Управление, где я все же посмотрел бумаги, а теперь думаем спешить далее, надеясь завтра к вечеру или рано в воскресенье быть напротив Саратова в селе Покровском.

Царицын, вторник 30 января 1879 г.

Человек предполагает, а Бог располагает. Вот и я нечаянно, негданно очутился в Царицыне после 4-суточного с небольшим странствия вдоль всего Волжского побережья, начиная с Балакова и кончая Царицыном. Когда в субботу утром прибыл в большое торговое село Балаково, то нашел там телеграфное приглашение (сообщение из Самары) Генерал-Губернатора Графа Лорис-Меликова приехать на свидание с ним в Царицын и догадавшись, что назначение его временным губернатором Астраханским и сопредельных с ним губерний последовало, как о сем толковали газеты, после быстрого обзора Балакова, где нашел плохую больницу и горы навоза на улицах, напившись наскоро чаю и приняв хлеб и соль Общества, двинулся дальше. В продолжение трех суток ехали мы сюда безостановочно, кроме необходимых стоянок для еды и самого поверхностного осмотра волостных правлений, как Немецких, так и Русских. Птичьим полетом неслись мы эти 600 верст по обычаю Петербургских комиссий для изучения всяких административных и экономических вопросов, обегая беглым взором мелькавшие перед нами села, колонии и посадки. Смутное представление осталось в моей голове всего виденного, повсеместно резко бросились в глаза благосостояние и чистота новых колоний, спокойная представительность их волостных старшин, всяких сельских начальств и писарей. Порядок в волостях образцовый, архивы в таком порядке, какой и не снится никому в любом Губернском Правлении, не то что в Полицейском Управлении, а кассы вспомоществования и мирские по волостям достигают не только десятков, но даже

сотен тысяч. Во всем чувствуется немецкая аккуратность, немецкая распорядительность, даже в упряжке лошадей и в сопровождении нашего поезда верхами молодых людей, сменявших друг друга у границ каждой колонии, все было тихо, разумно и удобно. В Екатериненштадте, иначе Баронске, самой многолюдной колонии, куда приехали мы в сумерки, поместили нас у бывшего тысяческого Якова Асмуса, во время Самарского голода исполнявшего эту должность, богатого поселянина, заслужившего своими умными и благодетельными распоряжениями общую благодарность и звание Потомственного Почетного Гражданина. Прекрасный, поместительный его дом был украшен огромными олеандрами и другими растениями и когда наконец сели мы за отлично сервированный и приготовленный обед, то и хозяин, 34 лет благообразный мужчина и волостной старшина, еще более джентльмен на вид, поразили меня умением держать себя со мною, коему они выражали все приличные моему положению знаки уважения, не теряя ни на минуту чувства своего достоинства. Положим оба люди состоятельные, хозяин даже очень богатый, имеет паровую мельницу и оба учились в Саратовской немецкой семинарии. Но и дальше нашел я это же самое, когда перевалил через Саратов, куда ездил из лежащей на противоположном берегу Покровской слободы на часовое свидание с Вице-губернатором Тимирязевым⁶¹ (Губернатор уехал навстречу Графу Лорис-Меликову). Сквозь ночные тени едва выделся огромный город и у меня в памяти осталась только уютная квартира Тимирязева, сообщившего мне как его Префект огорчен назначением Генерал-Губернатора и как все сказание о чуме преувеличено не в меру. Помнится еще большой собор с садиком вокруг него. Попытался я было на возвратном пути, заслышав благовест, заглянуть в один из саратовских храмов, но церковь была пуста и я только поставил свечу перед местными иконами и помолившись на них отправился через Волгу обратно в Покровскую Слободу. Шириною Волга 7 верст говорили мне, но и это трудно было разобрать мне сквозь сумерки ночи. В Слободе ждал Новоузенский Исправник Энглези, больной, немолодой уже человек и мало распорядительный. Тут успел я еще помолиться за заутреней в прекрасном храме, закусить свежей икрой у гостеприимного хозяина в богато убранной растопленной квартире и в 6 часов отправиться далеко в путь.

⁶¹ Тимирязев Федор Иванович (1832-1897) – административный деятель, действительный статский советник. Двоюродный брат известного биолога К.А. Тимирязева. В 1878-1879 гг. занимал должность саратовского вице-губернатора. С мая 1879 г. после отставки саратовского губернатора исполнял обязанности «начальника губернии». В мае 1880 был утвержден саратовским губернатором, уволен с этой должности в сентябре 1881 г.

Опять пошли мелькать волостные правления и немецкие колонии и опять резко бросалась в глаза разница их управления и состояния. В 9 часов были мы в г. Узморье, где я еще поспел к концу обедни и был предметом любопытных взоров толпы, хлынувшей за мною в церковь. У богатого немца в Колонии Привольной закусили мы и напились кофею, а я осмотрел прекрасную Лютеранскую церковь и послушал в ней орган. Все дальше и глубже подвигались мы и наконец доехали до угла, образуемого Саратовской, Астраханской и Самарской губерниями, где в селениях Колышкине, Курнаеве и Потемкине устроили наблюдательные посты над проходящими с Юга. Окруженный верховыми ехал наш поезд, останавливаясь перед каждым пикетом, каждой кибиткой (Новоузенское Земство запаслось для стоянок киргизскими кибитками по 30 руб. в месяц, взяв их из Букеевской орды).

В отдаленной избе последнего селения нашли мы содержимых в карантине 2 людей, шедших без свидетельства и переодетых в чистое земское белье. Один из них испугал жителей, объявив что идет из Пришиба (имя станицы где была болезнь Астраханская), здесь уже в Царицыне я узнал, что этот Пришиб село Царевского уезда Саратовской губернии и вовсе не страшен.

В Курнаеве пришлось удалить старосту, совместившего в себе все сельские звания, и Писаря, и Попечителя училища и державшего ямщину, все будто бы по приговору общества, разумеется им же составленному для безграмотного общества. Этот ловкий мошенник видимо держал в страхе и самого старшину и радость сельского люда была велика когда я возвестил, что его удаляю. Нельзя себе представить в каких толпах встречало и провожало меня сельское население и эти толпы можно только объяснить, зная, что никогда еще ни один Губернатор не заезжал в эти страшные захолустья.

Было около 2 часов ночи, когда мы направились в сторону Камышина, оставив большую часть нашей Полицейской Свиты и жену Бузулукского Исправника, умную, хорошую женщину, решившуюся сочувствовать своему мужу, в селение Колышкино.

Царицын, 30 января 1879 г.

В Камышине, утром 29 января приветливо встретили Полицейские власти, согрелись чаем и мы снова в путь. Уже второй день возвестил, что мы приближаемся к Югу, снегу было мало и началась оттепель. Так что подвигаясь к Царицыну все больше находилось сомнений, доберемся ли мы до цели на санных экипажах. Далее верст за 60 от Царицына возможно было так проехать в возке по Волге, а из Дубовки, где останавливались и накормлены были опять благодаря Полиции у богатого купца Патрикия Федоровича Дмитриева пришлось пере-

сесть в тарантасы, на коих сегодня в 9-м часу утра подъехали к Царицыну и в полуверсте от города остановлены были пикетом с требованием свидетельства о безопасности места откуда едем. Прodelав и эту последнюю формальность опять не без содействия Полицейского офицера, явившегося нам на подмогу ... поселились мы в подготовленной и новой гостинице на огромной базарной площади, где я теперь и помещаюсь со своими спутниками. Из окон виднелась Волга с покрытым кое-где уже водою льдом и множеством деревянных лавок и каменные ряды. Пока у меня еще смутное о Царицыне понятие, я успел только познакомиться со своим новым Начальством, Генерал Адьютантом Графом Лорис-Меликовым⁶², героем Авлияра и Карса, поставленным в охранители от чумы Русского государства. С умным армянским лицом, с 2 Георгиями, 3-й и 2-й Степени бантом на шее, новый Генерал-Губернатор показался мне толковым, энергичным человеком, мало верующим в искореняемую им чуму⁶³, но решившимся во имя ея бороться с грязью и запущением Русских городов, на что указывал и мне, обещал свое всесильное покровительство, показав мне свои громадные полномочия, объявлять Высочайшие повеления и требовать беспрекословного исполнения всеми учреждениями всех указываемых им санитарных мер. В 2 часа вернулся я к нему обедать, уже запросто с его молодой свитой, где нашел несколько мне знакомых — флигель-адьютантов, графов Кутузова и Орлова-Денисова и 2 незнакомых, адьютанта графа и с ними двух братьев Писаревых. Позже пришел и генерал Ильяшевич⁶⁴, начальник штаба, кажется мне очень умный и сердечный человек. Граф Лорис-Меликов говорил много и умно и больше о последней Кампании, справедливо указывал на необходимость иметь много сменных войск при нынешней системе кончания войны в короткий период времени, удивлялся выносливо-

⁶² Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825-1888), российский государственный деятель, граф (с 1878 г.), генерал от кавалерии (1875 г.). В русско-турецкую войну 1877-1878 гг. командовал отдельным корпусом; взял штурмом Ардаган и Карс. В январе 1879 г. был назначен астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором, в апреле 1879 г., в связи с ростом терроризма, — генерал-губернатором Харькова. В феврале 1880 г., после взрыва в Зимнем дворце, возглавил созданную Верховную распорядительную комиссию по охране государственного порядка и общественного спокойствия, наделённую чрезвычайными полномочиями. Сочетая репрессии против революционеров с уступками умеренным слоям общества, он добился стабилизации положения. Автор проекта либеральных реформ названных «Конституция Лорис-Меликова».

⁶³ На тот момент точной уверенности, что распространяется именно чума не было даже у светил медицины.

⁶⁴ Ильяшевич Лука Иванович (1832-1901), генерал-майор русской армии, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в 1880-1884 гг. военный губернатор Забайкальской области, наказной атаман Забайкальского казачьего войска.

сти русского солдата, бесстрашию и самоотвержению русских врачей, коих у него в Кавказской армии умерло 90, рассказывал про страшный тиф под Эрзерумом, когда не получили ни одного фургона с лекарством и когда на 116000 армии было 24 тысячи больных, а в ротах оставалось по девяти человек. Об Эрзеруме сказывал, что это такая житница Малой Азии, о коей нельзя себе представить всего её богатства, так что на другой день занятия его русскими вся армия была совершенно обеспечена продовольствием и прибавил, что Эрзерум относительно Турции все та же Москва для России.

Насчет карантина повторил мне еще раз, что если для блокады Карса признавал недостаточным 33 тыс. корпуса, то есть ли возможность оцепить 800 верст Астраханской Губернии 2 полками. Особенно картинно представил небывалое преследование через Балканы Турецкой армии, когда в С. Стефано пришло так мало русских, что только один дурак Турок мог бежать в таком страхе ..., а между тем, этим геройским подвигом как мало сумели воспользоваться.

Презабавное сообщил нам Граф так же повествование (со слов военного министра Милютина) о письме Шир Али⁶⁵, Афганского Эмира к полковнику Рарокову, заменившему Столетова при нем, как Эмир пишет, что собирается в Петербург, где просит своего друга Императора Русского собрать конгресс обсудить неправильное относительно его поведение Королевы Английской, объявившей ему войну совершенно им ничем не вызванную. Перейдя к европейским делам мы заговорили о Франции, перевороте, совершившемся в выходе Мак-Магона⁶⁶ и выборе на его место Греви⁶⁷, и о постоянном обожании себя Гамбетты⁶⁸, чующего, что силой только удержит власть за собою. А все-таки он ломает себе шею, прибавил Граф, и я совершенно разделяю его мнение и жду диктатуры во Франции с новым Наполеоном, чему поможет и популярность Мак-Магона во Французской Армии.

Вернувшись в свой номер я было вздумал вздремнуть, но взошел Саратовский Губернатор Галкин-Враский⁶⁹ отдать мне мой утренний

⁶⁵ Шир-Али-хан (1825-1879) – эмир Афганистана.

⁶⁶ Мак-Магон, де Мари-Эдм-Патрис-Морис (1808-1893), политический деятель, военачальник, маршал, сенатор. Президент Франции периода Третьей республики (1873-1879).

⁶⁷ Греви Франсуа-Поль-Жуль (1807-1891), политический деятель, президент Франции периода Третьей республики (1879-1887).

⁶⁸ Гамбетта Леон Мишель (1838-1882), политический деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881-1882 гг.

⁶⁹ Галкин-Враской Михаил Николаевич (1832-1916), государственный деятель, действительный тайный советник, эстляндский (1868-1870) и саратовский губернатор (1870-1879), статс-секретарь (1904).

визит. Он не постарел в эти 10 лет, что мы не видались, все также деятелен и производит приятное впечатление, разумеется тяготится неожиданным назначением себе Начальника и провозвещает, что к 17 апрелю Лорис-Меликов кончит свою деятельность. Что-то мне это не верится. Вечером собираемся на любительский спектакль в пользу недостаточных учеников прогимназии, сегодня день 50-летия гибели Грибоедова, вот где пришлось мне его отпраздновать.

Царицын, 31 января 1879 года, среда вечером.

Вчерашний спектакль в светлой, красивой и обширной зале Клуба был довольно удачен, по исполнению пьесы Островского «Счастье хорошо, а правда лучше», и по пению мальчиков прогимназии, и менее хорошо по неудачности декларирования одним из учеников отрывка из «Горя от ума», да по сухости изложения биографии Грибоедова. Но для уездного города и такого захолустья общее впечатление было хорошее; и публика особенно занималась необычными гостями, то есть новым Генерал-Губернатором и его Свитой беспрестанно подносившей ему и нам телеграммы. Сегодня спозаранку особенно для меня, недоспавшего прежней ночи в дороге, пришлось встать в 10 часов утра и с бумагами отправиться к Графу Лорис-Меликову для доклада о необходимых в Самарской Губернии мерах против эпидемии. Около часу занимались мы моими бумагами, подошел и Саратовский Губернатор Галкин со своими докладами и таким образом целое утро почти до 3-го часа прошло в деловых беседах. Генерал-Губернатор сжато, умно и не без некоторой язвительности резюмировал слышанное и постановлял скорые и дельные резолюции, видно, что человек привык командовать. Вопрос карантинный, телеграфный, почтовый (открывается новый почтовый тракт до Астрахани вдали от заразы и карантинной линии), продовольственный, все это обстоятельно обсуждалось и решалось сейчас. Лука Иванович Ильяшевич, Генерал Генерального Штаба бывший за Балканами в Рушукском отряде у славного, но бездарного Корпусного командира Гала, а после Сливенским Губернатором подробно объяснил нам об карантинной и наблюдательной линии: 1-ую, охраняемую по побережью Волги двумя полками и 2 казацкими сотнями по наблюдению от внутренней линии, доходящей до границы нашей Самарской губернии, много спорил с Галкиным о полезности последней и вообще несколько иронически относился к его мероприятиям, и когда Лорис-Меликов указывал на необходимость устройства общественных бань, и Губернатор мало тому сочувствовал, прибавив, что он на банях не останавливал особенного внимания, то Генерал едко заметил ему, ну да, это вопрос не видный, совершенно правильно охарактеризовав постоянную ри-

совку собою и витиеватость Галкина-Враского. Эта настоящая Валуевщина⁷⁰, заявлял мне Лукашевич, когда мы отправились после к нему, много слов и мало дела, и я должен с ним согласиться, не смотря на то, что сам удивлен безустанной работой, блистательности изложения и дипломатической способности вывертываться из затруднительных положений Саратовского Губернатора. Истый оказался он мне Француз и Министерский чиновник, но деловой и дельный, хотя гонящийся постоянно за фразою и за славою, кажется даже и за популярностью.

Совершенно противоположен ему Генерал Ильяшевич, к кому я заходил переговорить о карантине еще подробнее и заговорился до 5-го часу, так интересно и подробно рассказывал он мне о деятельности Черкасского⁷¹ в последние дни его жизни, когда он глубоко оскорбленный тем, что его Гражданское Управление должно было уступать место военному и Главнокомандующий ясно ему высказал, что интересы армии должны теперь идти впереди интересов Болгарского народа, уже болел тяжело и лежал в постели в Адрианополе. Даже в эту минуту у него больного ярко выступило все его себялюбие и он сказал Ильяшевичу, что его глубоко оскорбило то, что по назначении в Сливно он не пришел ему представить и просить советов. Так у этого человека до последней минуты царствовало его Я, и по рассказу Ильяшевича это раздраженное самолюбие и было причиной его смерти. Он был деспот не по уму и дарованиям, выразился Лука Иванович, и репутация его была выше его способностей. Но все таки после его смерти Ильяшевич не хотел остаться с Дондуковым⁷² потому, что Черкасский был выразителем идеи, хотя и не своей, а Дондуков не мог быть ее представителем, как пришелец в этом политическом мире.

Кстати, расспросил я его и о нашем Самарском Алабине, бывшем Софийском Губернаторе и он мне подтвердил справедливость моего о нем мнения, что он фразер и хвастун и всего более занимался адресами и демонстрациями *ad majorem gloriam* [*к вьщей славе — комм. сост.*] своего имени, передавал, что о нем даже ходили слухи, что он

⁷⁰ Стиль административной деятельности министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева.

⁷¹ Черкасский Владимир Александрович (1824-1878), князь, общественный деятель, панславист, славянофил, московский городской голова (1869-1871). Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. устанавливал гражданское управление в Болгарии.

⁷² Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820-1893), князь, русский военный и государственный деятель, участник Кавказских походов и Крымской войны, генерал-губернатор Юго-Западного края (1869-1878). Глава оккупационной администрации в Болгарии (1879-1880).

много истратил денег на украшение своего губернаторского в Софии дома. Маловероятно, но возможно при его тщеславной природе.

В 6 часов обедал я у Губернатора с его Правителем Канцелярии, очень на вид порядочным и безмолвным человеком и удивлялся их крайне лихорадочной деятельности и до обеда и после. Суета сует и всяческая суета. Но опять не могу не отдать справедливость ловкому и деловому уму Галкина. Что же делать, если служба на Руси в нашей административной сфере развивает фразу и пустое тщеславие. Дай Бог мне от них уберечься и считаю для себя удачею что свое Губернаторство приходится начинать подчинением себя нечаянному Генерал-Губернатору. Это смирение пусть будет мне оплотом от всякой суетной гордости, так незаметно подкрадывающейся, так сильно охватывающей и хорошего человека. Буду надеяться, что избегну этой мелочности и делом, а не словом только послужу своему отечеству. Мои любезные спутники теперь списывают мне наши утренние доклады и бумаги для завтрашнего их разрешения Генерал-Губернатором. А теперь переходим в Февраль и начнем его с доброго сна.

Время стоит теплое, грязное, словно начало апреля. О болезни нет новых слухов, но по линии Царицынской железной дороги будто пока далее тиф. Врач железнодорожный обещал статистическими данными за несколько лет доказать, что эта болезнь самая здесь обыкновенная. Берлинский врач Леван, к кому сейчас заходил мой врач Боде уверял моего спутника, что чума выдумана Астраханской администрацией и что весь этот шум затеяли даром, о чем он даже и писал в Берлин. Сам теперь собирается в Ветлянк, куда Генерал-Губернатор хочет двинуть и всю Европейскую Комиссию, наипаче же врачей и знаменитостей Русского медицинского мира. Увидим, что они скажут и дождусь ли я их в Царицыне, как того видно желает Граф Лорис-Меликов.

РГАЛИ. Ф.472. Оп.1. Д.83.Л.2-20об.

ЗАМЕТКИ ЗА ФЕВРАЛЬ 1879 ГОДА АЛЕКСАНДРА СВЕРБЕЕВА⁷³**Четверг вечером 1 февраля 1879 г. Царицын⁷⁴.**

По утру я имел свой доклад у Графа Лорис-Меликова и, окончив все бумаги, принятые им сочувственно, выслушал его предложения, которые должны быть разосланы нам Губернаторам к руководству для принятия мер к оздоровлению края, а затем мы имели весьма интересный разговор о его командировке. Накануне отъезда Царь принял его еще раз и пригласив ему сказал, что имеет ему сообщить нечто для него весьма интересное, пошел к своему шкафу в Кабинете и вынув 3 толстые желтые тетради сказал: вот письма батюшки к Дибичу⁷⁵ во время Турецкой Кампании 1828, прочел ему коротенькое письмо Императора Николая, где Государь поручал Дибичу в мирном договоре непременно отстоять для России Карс и Батум. Вот теперь наконец совершилось желание батюшки, сказал Царь, и затем уже стал читать Графу длинную на 3-х страницах подробную инструкцию Государя Николая Дибичу о мерах против чумы, тогда появившейся в Турции, где были рекомендованы самые суровые, неумолимо строгие меры с наказаниям для больших и малых нарушителей, письмо кончалось словами: помни Дибич, ты и я мы отвечаем теперь перед Россией чтобы чумы не было. Закрыв книгу, Государь спросил, неправда ли как интересно и перешел к другим предметам. Затем уже при прощании поцеловав Графа он взял его руку и сказал: Помни же, Лорис, ты и я, мы отвечаем перед Россией, словно речью отца своего давая инструкцию отъезжающему Графу. При этом Граф присовокупил, что в Петербурге существуют разные мнения об Астраханской болезни, Царь и Царица под влиянием Боткина видят в ней чуму, Наследник и другие преувеличение Боткина и простой тиф. Хотя Граф и сам не признает за эпидемией столь большой важности, находя, что раздута опасность, но его неприятно поразила телеграмма Астраханского Губернатора, что эпидемия прекратилась и он видел в сем как будто протест Биппена⁷⁶ против его назначения, прибавив, что ничего командировкой своей не приобрел, ибо имеет уже все, что только дает Служба кроме

⁷³ Оригинальный заголовок из дневника Свербеева за февраль 1879 г.

⁷⁴ Свербеев пишет о погрешности при формировании тетради. В результате текст дневника с записями за 1–3 февраля оказался на листах 40–41 об.

⁷⁵ Дибич, фон Иоганн Карл Фридрих Антон (1785–1831), граф, генерал-фельдмаршал, известный русский военачальник, участник наполеоновских войн, главнокомандующий в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., польской кампании 1830 г.

⁷⁶ Биппен Николай Николаевич (1828–1900), русский государственный деятель, Астраханский губернатор, сенатор.

Андрея и получая кроме своего состояния еще пожизненно 12 тысяч рублей ежегодно. От Графа я отправился в Прогимназию и осмотрел ее подробно. 2-этажный Каменный дом, выстроенный Обществом Городским, вмещает в себе высокие светлые залы, актовую и для 6 классов, а внизу библиотеку, канцелярию, несколько классов и квартиру Директора. Воспитанников застал я за уроками, довольно изрядно нашел немецкие познания, а во Французском классе немца учителя воспитанники имеют вид приветливый и незабитый, учителя все из Казани. Директор кажется толковый человек, я посидел и у него, а затем зашел к Жукову, знакомого мне по Костроме лет 6 тому назад, где он служил в акцизе. За обедом у Генерал-Губернатора было очень оживленно. Назавтра отъезжали в знаменитую по чуме Ветляну⁷⁷. Флигель-Адъютант Граф Орлов-Денисов, Уполномоченный Писарев от Красного Креста угощали нас разными десертами, а Граф Лорис-Меликов много и интересно рассказывал. Позанявшись вечером дома я снова к 8 часам был у Генерал-Губернатора тоже со своим штатом и представил ему своих Врача, Исправника и Чиновника Особых Поручений а затем долго слушал пререкания о карантинных линиях Губернатора Галкина и Генерала Ильяшевича. Новые вопросы о пропуске рабочих с Юга на рыбные и соляные промыслы передаются в Санитарную Комиссию, имеющую собраться завтра под председательством Саратовского Губернатора. Около 10 часов сели мы за ужин и выпили шампанского за здоровье отъезжающих в Ветляну спутников Графа, совершенно беззаботно, не только что без страха туда едущих, и скорее всего без всякого напускного молодечества. С нами ужинал и Уполномоченный Красного Креста Юзефович и Скалычевский, заведующий Канцелярией Графа, все разговорились, стали передавать друг другу воспоминания и вечер прошел приятно и интересно. Граф Лорис-Меликов безмерно умный и талантливый человек и враг всяких фраз как человек дела. Зашла речь о Министре Валуеве⁷⁸ и о его слабости слушать себя и постоянно сохранять свою величавую осанку и один из присутствующих рассказал, что однажды входя в гостиную к жене для приветствования одной гостьи Министр не видав лежавшей поперек двери собаки, упал через нее, но сохранив все свое величие все таки подошел с пышными фразами к даме, которую жена его упросила показать вид как будто ничего не видела. В ответ на сие Лорис-Меликов рассказал смотр фельдмаршалом Бярятинским первых полков его командования и как он Лорис-Меликов

⁷⁷ Станица Ветлянская Астраханской губернии.

⁷⁸ Валуев Петр Алексеевич (1815-1890), действительный тайный советник, государственный деятель, курляндский губернатор (1853-1858), министр внутренних дел (1861-1868), председатель Комитета министров (1879-1881).

заслужил нелюбовь наместника вследствие весьма забавного и неожиданного случая. В вечер приезда фельдмаршал спросил имя лучшего офицера и узнал, что это Середин, вызвал его на другой день из строя во время смотра, благодарил его и хотел подать ему руку, но тут собака Середина, заметив подававшее, бросилась на подаваемую фельдмаршалом руку и не допустила рукопожатие, которое несмотря на трехкратные попытки, так и осталось в руке благодаря ученому псу. Бярятинского взбесила эта сцена и он не мог ее простить Лорису-Меликову ни в чем неповинному, и остался все время своего наместничества с ним не в ладах. Вернувшись домой, я списывал копию с Инструкции Комитета Министров новому Генерал-Губернатору и уже поздно отправился спать.

Пятница 2 февраля 1879 года. Царицын.

Рано поднялся я, разбуженный благовестом к обедне и благодаря непролазной грязи поехал в церковь рядом на извозчике. Затем долго рассуждали мы с Доктором Ронтнингером, прикомандированном при Генерал-Губернаторе о санитарных мерах и только в полдень добрался я до Графа Лорис-Меликова, посмотрел, как он делал осмотр казакам, отправлявшимся на карантинную линию и пришедшим с Дону, все brave ребята, на лихих лошадаках. Время совершенно весеннее, 9 градусов тепла и солнышко греет порядком, внизу лед уже слабеет и я не знаю, как мы двинемся сегодня в путь, то есть будет невозможно из Дубовки ехать на санях или придется ехать в тарансаках. Мой спутник Доктор Бодэ уехал на чугунке в Самару, а я отправился обедать к Графу Лорис-Меликову. Опять весьма оживленно и много говорил он и сделал характеристику болгарского Дондукова, сказал, что он так и остался прапорщиком и благодаря ухарству и беганью за популярностью не будет никогда государственным деятелем, имея и ум, и находчивость, и ловкость, но никакой настойчивости, никакой программы. Принесли газеты и журналы, стали читать Графу телеграммы и статьи о нем, особенно одну весьма хвалебную в «Петербургских Ведомостях». И тут понравился очень мне тем, что долго вдумывался, кто бы мог написать это, не останавливаясь на хвалебных песнях и так подтвердив, что сказал перед отъездом, что мало верит в чуму.

Полночь на субботу, Царицын, 2/3 февраля 1879 г.

Сейчас простился с Графом и собираюсь ехать. Комиссия была многочисленна, открылась речью Генерал-Губернатора, весьма кратко и дельно, затем Граф уехал и председательствовал Галкин, умно и ловко проводил свои мысли и меры, только Доктор Рейтлингер дал

несколько добрых советов относительно дезинфекции. 2 главных вопроса об освидетельствовании рыбных товаров и движении 10 тыс. рабочих к Астрахани через карантинные местности остались нерешенными, хотя и предлагались многочисленные карантинные в 10 местах. Местные люди говорили мало, хорошо и толково говорил один Инженер Путей Сообщения. Местный Голова показался мне умен и осторожен. В 16 часов ушел я к Графу и ужинал с ним, опять пленялся его разговором, умом и образованием. ... о Кавказе он говорил о времени наместничества Барона Розена и ставил его выше всех остальных Кавказских Наместников, не исключая Ермолова и Воронцова. Удивил меня сообщением, что Волостные Старшины из зараженных мест давали пропуски, что у них все благополучно. Отпуская Граф обещал мне приехать в Самару. Бог даст мы с ним также хорошо расстанемся, как и встретились. А теперь в добрый час и в дорогу.

Дубовка, суббота вечером, 3 февраля 1879 г.

Вот мы и в дороге, и в 15 часов сделали только 48 верст, так плоха дорога, так плохи были лошади данные нам в Царицыне, откуда мы тронулись в 3 часу утра, чтобы в 7 часов сделать всего десять верст ... реки разлились, сбросили ледяную крышку и текут вольно и быстро ... Утром прошел небольшой, но сильный дождь ... везде видна одна голая земля, травка стала зеленеть и конечно скотина пасется уже в поле ... Признаться все наши неудачи меня сердят⁷⁹ и только умный и спокойный Исправник Шишкин восстанавливает мое равновесие. Едем мы очень холмистой страной в виду Волги, на которой по окраинам стоит вода. Огромные овраги, быстрые реки и ручейки, множество ветряных мельниц и кое где дымные села с вишневыми садами, окруженные плетнями и с беленою церковью в середине останавливают взор, на деревьях есть еще пожелтая листва, везде слышен и виден Юг, по его непривлекательной грязи, и хотя чувствует глаз, что летом здесь должно быть красиво, однако нетерпеливо ждешь ... зимних картин. На р. Пичуге нашли мы затонувшую в колдобину повозку с почтою у самого берега и наши ямщики стали вытаскивать ее из беды, один бодро действуя руками, а другой языком указывал, что делать и повторял, что ни за что не полезет в воду, так как вчера на этом же месте застрял и снимал свои штанишки ... а почтовый чиновник нам объяснил, что до Камышина все та же грязь ... Шибче поехали мы потом и в 6 часов были в посаде Дубовки, где остановились было сперва на грязной почтовой станции, откуда нас перевез к себе наш Дубовский знакомец купец Дмитриев, уговорив нас дожидаться утра

⁷⁹ Имеются ввиду трудности пути.

чтобы двинуться в путь. Я согласился и теперь пишу эти строки пока не позовут поужинать, а затем и заснуть до 4 утра. Хочу записать сегодня интересные подробности о назначении Лорис-Меликова, он сам их мне рассказывал. Первою причиной моего назначения был в сущности Трепов⁸⁰, как скоро в Петербурге стали говорить о необходимости назначить одно уполномоченное лицо, Трепов стал громко себя рекомендовать для этого. Тогда в Комитете Министров один из 15 предложил Гурко⁸¹, а прочие были за меня. В то заседание Комитета Министров, когда был приглашен новый Генерал-Губернатор, Министр Финансов обращаясь к нему сказал, что открывает для него Портфель Государственного Казначейства и просит только одного — тратить в 10 раз больше, чем предполагает Лорис-Меликов, честность и скромность коего известны⁸². Петр же Валуев во избежание худых последствий от заражения рыбной пищей, предложил обратиться к Синоду с просьбой разрешить на Великий Пост мясную пищу. Но этот вопрос был замят другими не потому, чтобы они знали что Устав Церкви воспрещает рыбу в Великий Пост, а потому что министры устали от заседания. — Каково невежество церковных установлений!

Камышин, 5 февраля 1979 г., понедельник, утро, 10-й час.

Более суток ехали мы из Дубовки эти 140 верст и как дурно ехали, рассказать не хочется. В Дубовке перед отъездом зашел я к заутрене в Собор, показавшийся мне красивой архитектуры, хотя и были сумерки. В 6 часов выехали мы и несмотря на скверных лошадей путешествие наше было довольно благополучно, до предпоследней станции, а я совершенно было успокоился попавши в немецкое царство, немцы (кантониисты) держат станции с половины пути, а 1-ю часть держит Предводитель Дворянства Царицынского Уезда Корбутовский, навеки памятный мне своими ободранными, некормленными клячами, которые могли бы получить медаль за безобразие и худобу. Но в наказание мне, хвалившему разум и аккуратность немцев, немец же и засадил нас в зажору [*скопление шуги, донного льда — комм. сост.*], где мне и пришлось просидеть всю ночь в санях (эту станцию решили

⁸⁰ Трепов Дмитрий Федорович (1855-1906), генерал-майор, московский обер-полицеймейстер, Санкт-Петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел, участвовал в русско-турецкой войне 1878-1879 гг. под командованием И. Гурко, был ранен под Телешем.

⁸¹ Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (1828-1901), русский генерал-фельдмаршал, под его командованием Россия одержала серию побед в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

⁸² Этот факт показывает огромный испуг петербургского общества угрозой чумы.

везти нас в санях), пока мои более счастливые спутники, перелетевшие через овражень (как здесь называют эти залитые водой ямы), доехали до станции и выслали мне спасителей моих. Счастливо еще было, что ночь была теплая и не дождливая, дорога была самая ужасная, снегу почти нет, много гололедицы еще, а по оврагам глубокий снег. Повезли нас одну станцию на санях и ввергли в колдобину. С последующей станции немцы были умны и осторожно довели в сей град, откуда предстоит еще 600 верст пути до Самары, а сейчас передавал помощник Исправника, что и за Волгой распутица. И не придумать какие новые нас ожидают напасти. Едем на телегах и сейчас переезжаем Волгу.

Село Кольшкино Новоузенского уезда Самарской области. Понедельник вечером 5 февраля 1879 года.

Наконец сегодня вечером добрались мы до своей Губернии и ночуем в знаменитом для нас теперь селе Кольшкине, первом наблюдательном от заразы пункте, ради коего и натерпелись столько напастей и неудобств. Из Камышина под предводительством 2 Урядников и Помощника Исправника Камышинского уезда переехали мы Волгу и доехали в Слободу Николаевскую Астраханской Губернии Царевского уезда, где сменили лошадей и опять сопутствуемые верхом ... полицейской властью и деревенскими обывателями мы домчались до деревни Слободни, где взошли в чистую, опрятную избу Малороссийскую, все селение населено хохлами, как и следующая станция Молчановка и потому обе замечательны как чистотою, так и прекрасно выстроенными и красиво в разные цвета выкрашенными, обмазанными глиною домами. Черномазые, красивые, нередко умные лица хохлов приветливо на вас смотрят, на всех лежит отпечаток зажиточности и довольства. Еще дальше и по самой границе губернии широко разлившаяся река Еруслан, вчера прорвавшая три ... плотины, заставила нас покинуть наши тарантасы и пересесть в лодки, чтобы переехать в пограничную деревню Потемкино, где земство устроило свой 1-й наблюдательный пункт независимо от правительственных в Кольшкине и Курлаеве. Здесь зайдя в Волостное Правление переговорил с крестьянами о неизбранных ими Секретаре и Писаре, последний тут же и отрекомендовался пьяницей (хотя и уверял, что больно меня утрашил, а вовсе не пьян) и вспомнив об оставленных в карантине 2 лицах [*в прошлый приезд — комм. сост.*] и получив удостоверение, что они послушны и здоровы и получили всю новую одежду, вытребовал их из 12-ти дневного карантина. Предстали они предо мной и приши-

⁸³ Пришиб, село Царевского уезда Астраханской губернии.

бенский солдат оказался действительно из Астраханского Пришиба⁸³, страшного своею заразой и пришел сюда без всякого карантина, выйдя из Пришиба 12 декабря после самой заразы. От него и его спутника узнал я, что они в той же верхней одежде, в коей пришли, несмотря на мое настояние сжечь ее, рекомендованное мне врачом и поддержанное здешней Полицией и Земством, когда я проезжал в Царицын дней 8 назад. Как всегда, всякий из них (начальства) уверен, что другой исполнил поручение, т.е. требуемое сожжение. Так оказалось и когда, приехав в Колышкино, я ... расспросил Исправника, врача, 2 членов Земства и т.д., все они стали ссылаться друг на друга. За такое полное невнимание приходится сменить Станового Пристава в назидание всем прочим, и за то, что он меня обманул, уверяя, что вся одежда сожжена и переменена на новую. Старшина же оштрафован мною тем, что на свои деньги должен *[был — комм. сост.]* одеть 2 задержанных в карантине.

Новоузенский Исправник Энглези, совершенная рохля, объяснял, что это одна ошибка, не постигая, что от подобной же ошибки зашла и самая чума в Россию. По дороге в Молчановке говорили мне, что у них живет фельдшер из Ветлянки, уже месяц и неделю, он выдержал в Астраханском Карантине всего три дня, я не мог его добиться, следует сообщить о нем Астраханскому Начальству. А теперь ложусь спать на съезжей квартире, довольно чистой, надеясь соснуть до рассвета. Только что заходил к жене Исправника Шишкина, поблагодарить ее за службу мужа, которого сожалею оставить здесь, но ему поручается наблюдение за всем уездом Новоузенским. Толпа любопытных у крыльца ее смотрела *[сквозь — комм. сост.]* ночную темноту, на мой вопрос нет ли каких просьб, возразила, что нет, пришли только на вас поглядеть, так может возбудить любопытство и приезд Губернатора в это захоlustье, особенно при многолюдном сопровождении верховыми с фонарями разного большого и малого Полицейского начальства. Пикеты по дороге найдены в порядке.

Время теплое, весеннее дует южный ветер, а многочисленные зазоры затрудняют путешествие. Последние 16 верст проехали мы в сопровождении толпы верховых с фонарями. Я чувствовал, как все они будут рады отъезду начальства.

Вторник, 6 февраля 1879 года. Колония Привальная.

Снова в Германии у гостеприимных немцев, хочу записать имя и отчество моего хозяина — Фридриха Леогардип, у коего пристаю во второй раз на пути. Славный, честный, хотя и не большой дом, мебель в чехлах, 2 рояля, а чистота и опрятность самые завидные, так что и самому захотелось понежиться и побриться. В кабинете хозяина, где

я пишу теперь передо мною висит портрет масляными красками его дяди, бывшего Головы и несколько медалей ему пожалованных, а хозяин и сам был когда то Головой. Нужно спешить, а потому иду победать и завтра в дорогу. Утром встали мы в 8-м часу, в Колышкине и перед отъездом зашли в деревянную церковь, светлую и просторную, где православный священник прочел краткий молебен. Псаломщики и деревенские мальчики очень исправно ему вторили, а затем я позвал к себе мальцов, наделил их гривенниками, чаем и сахаром и отобрал их имена, чтобы послать им книг из Самары. Славно читают дети, недурно пишут, смотрят умно и весело. ... приятелями и проехав в одну запряжку 50 верст до Колонии Ровной по голой земле и водам многим, окруженный конную стражей из обывателей человек в 20, остановились в Ровном на перекладе. Там пришел Католический Священник, молодой, учившийся в Саратове, с ним пошли мы смотреть католическую церковь, тоже деревянную, большую и с прекрасными образами. Он быстро оповестил приход колокольным звоном и совершил в сонме своих верующих простое молитвословие при пении всего прихода. Обыватели наполнили всю церковь, чтобы поглазеть на губернатора, а из церкви мы тронулись в путь до Привальной.

Покровская Слобода, 7 февраля, 6-й час утра против Саратова.

Сейчас вернулся от Тимирязева, которого разбудил, чтобы рассказать Царицынские впечатления. Саратов виден еще меньше 1-го раза, так как еще темно на дворе. Семиверстный переезд через Волгу, хотя и с фонарями, весьма неудобен. Зато со всеми почестями довели нас до сюда из Привального, конный конвой с фонарями провожал нас из Узморья, где я останавливался толковать с крестьянами. Все большею частью хохлы и мне очень симпатичные своим говором и манерой. Часов 5 ехали мы сюда и так к 2 часам ночи взошли в нарядные покои купца Ухина, встретившего нас тем же чаем и той же закуской, отличающейся славной зернистой икрой. Кстати, вспоминаю что у нас теперь Масленица *[в немецких колониях ее не праздновали — комм. сост.]*, время катанья, по крайней мере, я катаюсь не мало.

В Привальном приходил ко мне старичок Пастор, уже 46 лет руководящий своей паствой. Я просил его разъяснить необходимость колонистам чисто держать дворы от навоза и успокоить их насчет эпидемии. Добродушный старец отобедал с нами и с любезными хозяевами и вместе со мною признавал необходимость изучения Русского языка Немцами. Признаюсь, что меня сердило такое их незнание языка земли, где они живут и пользуются всеми благами, тем более удивляет, что все их делопроизводство ведется по-русски, а одни их подписи — немецкие. Значит и тут писари могут творить произвол. В приговорах

волостных судов розги играют важную роль и старики этим довольны.

Здесь нашел я множество писем от своих из Москвы с вестями о дебюте Зины⁸⁴ в Московском Свете. Весело ей, моей милой девочке, а я доволен, что ей хорошо. Благослови ее Господь!

Хочу лечь на часочек и с рассветом в путь-дорогу, говорят снова — в возке!

Самара, пятница вечером, 9 февраля 1879 г.

Сегодня рано утром, часу в 9-м вернулся я домой, и после целого дня, посвященного делам и приемам, едва пишу эти строки, а должно еще ехать ... на бал в Благородное Собрание, даваемом в пользу Приюта. Мое путешествие из Покровской Слободы продолжалось успешно, были мы у одного богатого колониста Крафта Кофен и закусывали калачом, а обедали и завтракали блинами у старого знакомого Асмуса в Екатериненштадте. Эту столицу Колоний я осмотрел на сей раз подробно, начав с прекрасной Православной Церкви, Каменной с замечательно красивым деревянным иконостасом и прекрасной работы иконами. Теплая церковь тут же в нижнем этаже со сводами, все устроено Генералом Исаковым в память своей жены. Не понял я только почему он построил церковь именно в Екатериненштадте, вероятно чтобы помогать бедным прихожанам, у которых нет приличной церкви. Мысль прекрасная, ибо рядом почти поставлены огромные и красивые Католическая и Лютеранская церкви и православному приятно видеть, что богослужение наше среди немцев совершается в таком приличном храме. Из Лютеранского храма зашел я в школу приходскую, огромную, но грязную и не носящую вовсе следов заботливости богачей Колонистов. На учителя приходится около ста учеников, я обратил внимание сопровождавших меня джентльменов — Волостного Старшины и Асмуса на такое несоответствие школы со средствами Колонии и встретил удивление, что научить здесь Русскому языку и тем самым лишить народ 2-х летней льготы по воинской повинности. В Католической школе учеников меньше, помещение небольшое, но там учат по-русски. Кроме того, в Центральном училище, содержимом казной на средства Колоний, обязательно преподавание на Русском языке для распространения учителей между колонистами. Ежегодно должно кончать до 14 человек, но цель все-таки не достигается. Помещение училища прекрасное, об успехах судить не могу, я был после классов. С гордостью повез меня Асмус в устроенное богатыми колонистами высшее Немецкое училище, стоящее им до 9 тыс. рублей, с курсом Гимназии. Оно пока еще частное. Я застал мальчиков 30,

⁸⁴ Зинаида Александровна Свербеева, дочь А.Д. Свербеева.

слушал их декламацию немецких стихотворений, чтение Русское, смотрел их тетради, и вынес хорошее о всем впечатление. Иностранцы преподаватели получают огромное содержание (Директор — до 2 тыс. рублей) и приготовили уже нескольких в университет, разумеется, Дерптский. Тем страннее показалась мне маленькая больница на 10 кроватей, устроенная земством, на которую колония не дает ни гроша, и я вынес убеждение, что огромные капиталы, собранные при прежнем управлении мало расходуются на насущные нужды бедного населения. Прекрасный памятник великой Екатерине, с безграмотным русским переводом немецкой надписи, так например «из благодарности», вместо «благодарные» (aus Dankbarkeit), окруженный молодым садом, заявляет о благодарности колонистов ея памяти, но не того хотела эта великая женщина, ставшая Русскою совершенно. Не такого особенчества от Русских, не такого узкого себялюбия, какое видно в Колониях. Не такого доброго мнения я о них, не только уже какого-либо сочувствия к Русскому отечеству вы не находите, капиталисты стали хозяевами и вожаками, о бедных же и *своей* национальности мало помышляют. На вопрос мой, как не заведут они врача, как не устроят больницы, они отвечали, что болеют дома, а за докторами тогда посылают в близкие уездные города и Саратов, ясно указывая, что заботятся только о зажиточных жителях. В длинной беседе развивал я свои замечания в последней Колонии Шафгаузен, где около меня собралось сельское население, указывал им на необходимость врачебной помощи и Русского языка, необходимого и для молодежи теперь ходящей как без языка по разным Присутственным местам и в воинской службе, и для стариков, подмахивающих по-немецки приговоры сельских и волостных сходов и волостного суда, не понимая Русского текста, полагаясь на богато оплаченных писарей, так же полновластно ими руководящих, как безграмотным Русским людом. Согласились со мною добрые немцы, но выйдет ли что из этого Бог весть, а Тимрот мне сегодня подтвердил мое замечание о том, что благами всеми более пользуются в Колониях богачи, прибавив, что воровство денежное у них не сильно в ходу, как и в русских волостях.

Далее путь наш лежал по Русским селениям до Балакова, где мы пробыли часа 2 и откуда поспешили в уездный город Николаевск, куда и приехали в 9 часов утра в четверг и были встречены Городским Обществом с хлебом и солью, приняли Уездных Членов всякого рода, осмотрели Сиротский Суд, пожарный обоз и отвратительное помещение Почтовой конторы, затем съездили в два женских Монастыря, один в $\frac{1}{2}$ версты от городу, с прекрасной каменной холодною церковью, светлой с красивой живописью, и версты в 3, единоверческий женский Монастырь, с 1834 года из старообрядчества перешедший

в единоверие. На этом месте стояли прежде древние раскольничьи Иргизские скиты (Николаевск на Иргизе), о древности сей обители свидетельствовали оба иконостаса теплой и холодной церкви да множество древних икон прекрасного древнего письма с осмысленными строгими ликами на них изображенными. В первый раз довелось мне видеть икону Спасителя ... с скрещенными руками и надписью Благое Молчание. Обе Игуменьи встретили меня у крыльца, обе поили чаем, обе провожали по светлым храмам, где встретили меня и сестры. Особенно поражали меня строгие лица некоторых инокинь старообрядческого Монастыря, т.е. единоверческого. Одна инокиня громко произнесла мне напутственное пожелание верно за подробный осмотр и похвалу иконописи. Я еще раз вынес убеждение, что женские монастыри лучше устроены, красивее обстроены и больше требуют труда от своих инокинь, чем мужские от иноков. Тем больше, теснее и грязнее показался мне единственный храм в Николаевске, священник это объяснял малочисленностью прихода до 3 тыс. душ (прочие все раскольники), но и в селах церкви чище и лучше, а в женской обители что тут же, рядом, православная церковь годилась бы в Собор и большого губернского города.

Сановный город Николаевск огромная, грязная деревня с Татарской Слободой и застроенной опасно для пожара Торговой площадью. В 5 часов пополудни производил перетасовку всей Николаевской Полиции, командированием в Новоузенский уезд Исправника и двух Становых на время эпидемии. Отбыли мы из городу, ехали споро и хорошо, несмотря на Масленицу, следы которой застали в одном Волостном Правлении и на почтовой станции Николаевской, где пришлось всех начальствующих лиц, для протрезвления отправить в уездный город с Симоновым. Но на наше счастье пьяному ямщику не удалось сломать нам шеи и вот мы в Самаре. В 3 часа закрыл я Чрезвычайное Земское Собрание, пересмотрев перед этим множество земских деятелей, а потом обедал у друзей своих Тимрот. Вечером пил у себя чай с купцами Шихобаловым, Назаровым, Головкиным и товарищами и просил сих столбов [*видимо, столбов — комм. сост.*] Самарских поддержать меня и ускорить городскую лечебницу. А теперь иду смотреть на Самарские забавы в Благородный Клуб, но только на полчаса.

Суббота, вторник, 10 февраля 1879 года, Самара.

С утра много было народу по делу, умный Бугульминский Предводитель Витновский и менее умный, но весьма порядочный с виду Председатель Новоузенской Уездной Управы Земский Альбрандт из Саратовских Колонистов. Ему передал я свои жалобы на его не деятельных членов Управы, опростоволосившихся в Потемкине и просил

всячески баловать Книгами жену Исправника Шишкина за ее соупутствие мужу.

Альбрандт сам из Саратовских Немецких Колонистов подтвердил мои мысли, что в Колониях заботы только о богачах Капиталистах, и что большая часть бедных и безграмотных и мало пользуется благами цивилизации и богатства. Разница между ними и Русскими безграмотными мужиками не существует вовсе по словам Альбрандта, все такой же черный и темный народ, только живет почище. Удивил меня Альбрандт земским собранием [*сбором — комм. сост.*] на училища, Новоузенский уезд расходует до 60 тыс., едва ли много таких в России. О распространении Русского языка Альбрандт говорит, что следует осторожно и понемного его вводить, чтобы не возбудить страха обрусения. Но если в 100 лет это дело не подвинулось, то как же дать чего-либо и теперь, если и воинский устав с его 2 летней льготой не побудил учиться Русскому языку. Приходила ко мне жена врача нашего Догадкина, помощника Врачебного Инспектора, прося вернуть его с Карантинной линии около Астрахани, я убедил ее оставить мужа на месте, обещал всякое содействие и о нем ходатайство и успокоил отсутствием всякой опасности от эпидемии.

В час прочел я в Общем Присутствии Санитарного Комитета Губернского Правления циркуляр Генерал-Губернатора о предложении им мер оздоровления. Голова мне сообщил, что Дума сегодня постановила отдать и устроить временную больницу на 50 кроватей в городе, а Управляющий железной дорогой Оренбургской передал бумагу о мерах, которые принимает их железнодорожное Начальство. Оживленные прения вызвал вопрос об учреждении городских боен, так как я заявил, что теперешние следует закрыть немедленно, они служат местом постоянной заразы и совершенно неустроены, как я убедился лично вчера. Постановили в продолжение поста устранить городские бойни, а пока завести временные, почище теперешних (у частных владельцев) или другом месте. Долго посидел я после того у Англичанки графини Ростовцевой. Она мне понравилась простотой и радушием, а старик отец ее тоже кажется хороший человек, он приехал погостить к ним с 2 сестрами из Англии. Этих дам видел я вчера на бале в клубе, где пестрая толпа не отличалась ни красотой лиц, ни нарядами и где я был как в лесу. Передав свою лепту на приют, для коего был устроен бал, я поспешил домой лечь спать. Сегодня позвали обедать к Вице-губернатору, несмотря на любезность его жены я не чувствую себя дома у них, так надоедает мне хозяин пустою болтовней и претензиями на великосветскость.

Нет никакой простоты в отношениях и недовольно ума или образования, чтобы завлечь им к себе гостя. Не думаю, что бы когда либо

мы сошлись, да оно так и лучше, служить будем дружно и не ссориться. Вечером, взяв с собою мальчиков Бринкмана, Графа Ростовцева и старшего Тимрота (лет уже 16) я повел их в казармы на солдатский театр. Играли плохо, но солдаты видимо заняты были своими ролями и 2 были даже недурны. Песни и пляски произвели фурор и моя молодежь хохотала от души, а я на них порадовался. Буду себе по Воскресеньям устраивать праздники и собирать у себя детей.

От Маменьки добрые вести и рассказы об успехах моей дочки в Московском свете. Дай бог ей остаться навсегда, тем же милым существом, каким она теперь.

Воскресенье, вечером, 11 февраля 1879 г.

После архиерейской обедни у Преосвященного Серафима, посидел у него довольно долго, он очень симпатичен и приятен, но не орел умом и вообще ничем особенно не выдается. Сделал несколько визитов и затем принимал у себя детей Тимрот, коим устроил угощение, мелочь эта 7, 5 и 3 лет бегала по моим залам, грызла орехи, лакомилась всякими сластями и куда как была довольна. Старшие 2, сын и дочь, тоже были тут, пришел и отец и пока мы с врачами Укке и Боде читали какие-то их соображения, дети резвились и наполнили мое пустое обыкновенно жилище звонким своим смехом.

Обедал я снова запросто у Тимрот и с ними же ездил в Театр смотреть новую пьесу ... Играли недурно, а пьеса очень талантливая, сам же Театр выглядит грязным балаганом и моя Губернаторская ложа с особой Комнатой весьма грязна и неказиста. Тимроты мне все более нравятся и мне у них свободно и хорошо дышится.

Понедельник вечером, 12 февраля 1879 г. Самара.

С утра до позднего вечера день был занятый и я только что отпустил Правителя Канцелярии с бумагами, а теперь полночь. Утром пришлось быть на панихиде в доме Шелашниковых, где вчера умер старик хозяин Степан Петрович⁸⁵, сестра его была за моим двоюродным дядей Князем Оболенским, а вдова сестра нашего Посла в Константинополе Князя Лобанова-Ростовского. Она меня проняла и удивила своим спокойствием. Недавно лишилась единственного сына, Полковника Конной Гвардии, внезапно умершего в деревне, а теперь 2 месяца неустанно ходила за умирающим мужем. Шелашникова

⁸⁵ Шелашников Степан Петрович (1812-1879), первый Самарский губернский предводитель дворянства (1852-1853), почётный мировой судья, гласный губернского и уездного земских собраний, член губернского крестьянского комитета. Во многих исследованиях годом смерти С.П. Шелашникова значится 1866.

я когда то встречал в Костроме, где у него так же большие имения. По рассказам он был тип консерватора и крепостника и водил только знакомство с дворянами, оставил огромное состояние дочери, не успев еще учредить майорат как того хотел. Здесь в губернии развел у себя в имении рябчиков, хотя и не был охотником, вот все что я узнал о нем сегодня. Побывав у милой Бузулукской Предводительши Ждановой и отдав ее мужу 100 руб., для вручения жене врача Колшина, командированного на Кордон к Астраханской границе без усиленного содержания благодаря беспечности моих сослуживцев в Самарском Губернском Правлении до моего сюда приезда.

Я помолился за мезимонами в Соборе. Плохо читался Канон и один иерей только пел прекрасные молитвы, которые привык я слышать в исполнении целого хора певчих. Немного было молящихся, но все тихо и чинно стояли и усердно клали поклоны, видно все говельщики. Невольно вспомнилась мне Кострома, где эти вечерни первой недели [*Великого поста — комм. сост.*] собирают такую толпу в Монастырях и Соборах и где пение Канона и торжественнее и полнее и лучше. После обеда заехал ко мне Великий Князь Николай Константинович и посидел с полчаса, оказывается, что приезжал ходатайствовать о возвращении с Астраханского Кордона врача Догадкина и услышав, что я сказал, что он теперь словно солдат на часах, не решился выговорить своей просьбы. Так мне после передавал Полицмейстер. Оно и лучше, ибо, по моему убеждению, теперь никто не может и не должен оставлять своего поста, разве по тяжкой болезни. Как ни жаль мне его жены и семейства, я все таки уговаривал его не тревожить и не смущать просьбами о возвращении, благо же и вести из Астрахани все лучше и лучше. Позднее собрались у меня земские, дворянские и полицейские власти кучно с Губернским Воинским Начальником и врачами толковать о кордонной службе ... в Новоузенском уезде. Поболтали, чаю напились и решили передать инструкции Генерал-Губернатора на обсуждение Новоузенских местных властей. Все люди мирные и добрые, но делами заниматься не любят, а большие охотники до комиссий и обсуждений. Долго после беседовал я со своим Правителем Канцелярии и дело он знает хорошо и отличный редактор. Утром Секретарь Статистического комитета передавал Петербургские вести об упразднении Губернских Правлений и замене их Советами при Губернаторах. Интересно, что это будет за Совет такой.

Вторник вечер, 13 февраля 1879 г. Самара.

Пятая годовщина кончины отца, я мог тихо до вечерни помолиться в Соборе за панихидой и еще раз вспомнить его заботы о Самаре

перед смертью⁸⁶. Не думали мы тогда, что я буду призван действовать в ту же Самару и ограждать ее от другой беды, Астраханской Эпидемии. Дай Бог чтобы наши меры были также успешны, как были те, которые принимались в 1874 году для предупреждения нового голода. У вечерни были в домово́й церкви Архие́рея. Влады́ко читал сам Канон внятно и хорошо, его небольшой хор пел прекрасно. Утром осмотрел огромную Земскую больницу, построенную за городом в 3 верстах. 13 павильонов на 170 больных, 3 каменных корпуса для конторы, квартир, приемного покоя, фельдшерской и акушерской школы, все устроено на широкую ногу, воздуху много, но чистоты недостаточно, около ванн находились шубы и рухлядь прислуги, коей всего 75 человек. Врачей 5, они дежурят и по ночам. Больница рядом с Кожевенными заводами, о сносе коих идет переписка. И тут Канцелярская Крыса помешала полному гигиеническому устройству.

Среда вечером, 14 февраля 1879 г. Самара.

Утром много времени отняли у меня вынос и погребение старика Шелашникова, на коем было все кроме искреннего горя. Отпевали в Женском Монастыре и тело поставили до отправления в деревню в громадном по размерам Соборе этого Монастыря. Вечером рассматривал постановления Земского Собрания о попечительствах против эпидемий. Замечательно учреждение особого Попечительства, как Губернского, так и Уездных, помимо Управ, но с правами оных, я принимаю такое постановление за недоверие к существующим Управам и не понимаю такой излишней двойственности и временных Управ, так и буду протестовать и писать Генерал-Губернатору, что и сообщил как Губернскому Предводителю, так и Председателю Губернской Управы, собравшимся ко мне для выслушивания моего мнения. Оба плохи умом, а господин Предводитель еще и мнит о себе много, на что не имеет никакого права, как по глупости, так и по бестактности. От них не услышишь и дельного слова. Председатель Крылов по крайней мере человек хороший, но уж больно прост. Лорис-Меликов на разные предположения о закрытии ярмарок и других подобных стеснений торговли, просит их избегать без особой надобности, так пишет сегодня в ответ на бумагу о мерах, придуманных Николаевским Санитарным Комитетом.

⁸⁶ Голод 1873-1874 гг. в Самарской губернии вызвал живой отклик деятелей культуры, фактически о голоде русское общество узнало из письма Л.Н. Толстого в «Московских ведомостях». Помощь литераторов выразилась в издании сборника «Складчина» URL <http://www.kraeved-samara.ru/archives/504>.

Четверг вечером, 15 февраля 1879 г. Самара.

Между многими посетителями поутру неглупый Бугурусланский Городской Голова, очень радеющий о своем городе, устроивший там водопровод и хлопочущий даже о прогимназии, говоря о Городском 2 классном училище и жалуясь на недостаток в нем учителей он прибавил, что их мало потому, что школа эта устроена ... по Прусской системе, а Пруссия ведь теперь отжила уже. После некоторых визитов был у вечерни у Архиерея, а после обеда посидел у себя сперва с Тимротом и Нудатовым, Губернским Непременным Членом и отдохнул в беседе с 2 умными людьми, они здесь на редкость. Между тем, Великий Князь прислал мне 3 Телеграммы из Петербурга о болезни и кончине своего брата Великого Князя Вячеслава Константиновича⁸⁷ и просил телеграфировать в Петербург за подробностями, а также просил о панихиде завтра, Архиерей согласился служить ее после обедни. Газеты принесли весть о выстреле в Харьковского Губернатора Кропоткина⁸⁸ из личной мести. Вечер очень приятно кончил у Тимрот после отправки и получения почты.

Пятница вечером 16 февраля 1879 г. Самара.

После обедни в Соборе Преосвященный Серафим отслужил панихиду о скончавшемся вчера Великом Князе Вячеславе, сказав перед тем несколько слов о его кончине. Церковь была полна губернских служащих. Кроме меня и Полицмейстера были Генерал Риман и несколько военных, да свита Великого Князя. Сам он стоял впереди, среди народа, своим штатским костюмом ни от кого не отличаясь. Видимо, тяжело ему такое его непризнанное поведение в таком публичном месте. Я стоял поодаль, чтобы избежать всякой официальности и облегчить ему его странное положение. После панихиды он встал со мною в алтарь поблагодарить Епископа. Позднее был я у Великого Князя, застав его занимающимся с Инженером Ляпуновым и Графом Ростовцевым Средне-Азиатской дорогой, он мне указал вырезки из Times, где сказано, что он подвергся опале за статью свою о Средней Азии и за указание серьезного значения для России этих стран. Утром, из Петербурга получил телеграмму, что Великий Князь Вячеслав скончался после 11-ти дневной болезни от менингита. После обеда у Тимрот, где возился нещадно с детьми и позабавился с ними, полу-

⁸⁷ Вячеслав Константинович Романов (1862-1879), великий князь, младший сын Константина Николаевича и Александры Иосифовны Романовых.

⁸⁸ Кропоткин Дмитрий Николаевич (1836-1879), государственный деятель, генерал-майор, губернатор Гродненской (1868-1870) и Харьковской (1870-1879) губерний. Убит в Харькове террористом-народовольцем Григорием Гольденбергом.

чил телеграмму из Харькова, что Губернатор Князь Кропоткин вчера скончался, бедная вдова его прибавления Бог дает силу перенести горе. И за что разрушено таким образом счастье целой семьи, ужель это также политическое убийство. Весь вечер просидел дома с бумагами и под конец с газетами. Среди наших забот о чуме заключен был мир с Турцией, но как-то мало он на Руси празднуется, хотя и освободил часть Болгарии, обеспечил независимость Сербии, Черногории и Румынии, платящей нам новым занятием ... Трансильвании ... форто из коего теперь ее заставили выйти.

Надобно ли этот мир и чем окончатся Английские и Французские хлопоты о Турции, предвидеть трудно. Вся Европа как-то тревожно озабочена своими внутренними и внешними делами, словно тучи несутся по горизонту перед новой грозой. Где-то она разрешится?

Суббота вечером, 17 февраля 1879 г. Самара.

День бесчисленных Губернских Комитетов. Суббота сегодня доставит нам такой работы часа на 4. Сидим в Воинском, Тюремном, Распорядительном и наконец Городском, где пришлось разбирать жалобы на недавние городские выборы, которые мы оставили без последствия, и тем порадовали Городского Голову. Он человек хороший, но не особенно энергичный и талантливый, кончил курс в Казанском Университете и был Участковым Мировым Судьей. После комитетов съездил к Архиерею и у него посидел, слушая его рассказы о Риме. Он человек мира и соглашения и потому напал на порывы Русского Правительства в Остзейском крае, обвиняя его в непоследовательности и отсутствии всякой выдержки, даже хотя бы в своих требованиях введения Русского языка в официальную переписку. Перед тем ко мне заглянул Лютеранский пастор одной из немецких колоний и еще больше подкрепил все мои убеждения в заботливости тамошних немцев только о зажиточных своих поселянах. Обещал лишь на днях рассказать обо всем подробнее. Постарался у всенощной в Соборе простоять в толпе незаметно для полиции и успеть хотя полчаса быть там простым смертным, не тревожа окружающих пинками слишком усердных Полицейских. Вечером, часа 2 посидел у Ростовцевых в Английском обществе. Лучше всех сама Графиня и ее милый сын Яша, такой умный, веселый и бойкий. Сестры ее истые британки одна даже в вечернем полуоткрытом туалете дома в семье. Сам Ростовцев больше слушает, но должно быть добрый малый. Утром сидел у меня немного Председатель Казенной палаты Анучин, интересный по давнему знакомству с Самарской Губернией, необходимо повидать его подольше.

«Московские Ведомости» принесли весть о случае будто бы чумы в Петербургской больнице у Боткина, приняты меры оцепления, боль-

ной дворник, 4 года не выезжал из Петербурга, что-то не верится этому Правительственному Сообщению. Если же оно правительство, то к чему привели Генерал-Губернаторство, кордоны, карантин и т.д. Поистине, началось царство врачей, как выразился один простой самарец, уверяющий, что для того и выдумали они саму чуму. Не знаешь кому верить, а главное, что делать при таких изумительных скачках болезни.

Мирный трактат с Турцией и Болгарская конституция напечатаны в газетах, оба документа *des pieces curieuses* [*любопытные — комм. сост.*], желательно чтобы последняя более оправдала ожидания и надежды, чем мирный трактат.

Воскресенье вечером 18 февраля 1879 г. Самара.

При необычном стечении народа совершалось сегодня утром торжество Православия в Соборе и я вошел только благодаря стараниям своих полицейских спутников, высших и низших. Всех занимало пение соборне всем духовенством от Епископа и выпевы анафемы, которую простой народ принимает за проклятие, не понимая, что она означает просто отлучение от церкви. Все философские учения, все ереси перебираются в этом длинном списке отлучаемых, отдана и дань политическим лжеучениям, о будто бы не по воли божьей поставили в Государи Царей наших. Странно между ревнителями Православия слышать имя Петра III-го.

Все утро произошло в изучении положений о Земских Учреждениях, для опротестования последних постановлений Чрезвычайного Земского Собрания о Попечительствах Народного Здравия по Губернии. Вечером, наконец, нашли необходимое и сочинили протест, покажем его завтра Земской Управе. После обедни раздавал я медали Полковым Солдатам, присланные из Министерства, а обедал у своих друзей Тимрот. Он Тимрот и сейчас заходил почитать мои замечания на земские постановления по моей просьбе и ответ мой одобрил. «Московские ведомости» после длинной передовой статьи против, изобретенной Петербургом Астраханской чумы, передают телеграфическое известие будто Петербургский случай с дворником оказывается вовсе не чумою. Ну как не сказать, что в России все порядка не видать, если можно знаменитостям медицинским как Боткин такие страхи напускать на столицу и на Россию без всякой нужды.

Понедельник вечером 19 февраля 1879 г. Самара.

Обедня в Соборе с молебном по случаю дня восшествия на Престол и Манифеста о мире длилась долго. Некто Священник Разумовский сказал очень разумную проповедь на текст: Бога бойтесь, Царя

чтите и указал, что в процветании пагубных политических и социальных учений виноваты отцы и матери, не умеющие давать нравственное воспитание детям и служить им благим примером. Мысль верная и выражена была хорошо, не знаю, почему не понравилась моему соседу Губернскому Предводителю, хотел было порасспросить, да стоит ли?

В прекрасных молитвах за Царя, сегодняшнего молебствия, как справедлива о Нем молитва да подаст ему Господь по сердцу его. Этот человек живет и действует именно по сердцу и оно одно хранит его от вредных советов и пересиливает их в решительные минуты. Из церкви был я на молебне в Приюте для сирот солдат, убитых на войне, видел здешних Благотворительниц и хорошее помещение для 18 малюток. Дети милые и малые, их совместно с детьми 2 других приютов посылал я смотреть Панораму из ученых собачек, поселившихся под моей квартирой. Собачки занимались арифметикой, складывали, даже музыкальной не хуже людей, а ребята мои так весело ими забавлялись. Из приюта и до Панорамы съездил я в Ремесленное училище, но опоздал к молебну и попал на кончающуюся трапезу, где выпил здоровье Государя, а там должен был принять свой собственный тост ... за училище. Среди ремесленников застал пирующих Уездного Предводителя и Графа Ростовцева, вероятно ради завтрака посетивших училище. Самое помещение показалось мне грязным, но работа учеников, я видел больше всего обувь, очень порядочна. После дети Тимрот с родителями, 2 Ростовцевых с милой их Маменькой и 2 Бринкман с матерью и отцом собрались у меня, детей я свел к тем же собачкам и порадовались там на большое собрание детей (из 3 приютов их было до 70) привел своих маленьких гостей обратно к себе на сладкое угощение. И старые и малые были довольны, а я ... *[тем — комм. сост.]* паче, так меня веселит звонкий детский смех.

Газеты принесли официальное опровержение Петербургской чумы. Сонм врачей освидетельствовал при другом сонме всяких официальных чинов дворника Прокофьева и нашел у него признаки застарелой сифилитической, болезни, не то ли была и в Ветлянке и принята тем же Боткиным за чуму. Ну как не извериться во врачей после такого промаха и мороки, весь Петербург попусту пугать Карантином. Как же Европе не издеваться над нами, столько ребячества проявляется у нас в самых серьезных Правительственных действиях и сообщениях. И каковы рекомендации в столице в Казенном Управлении, в подвалах коего если и заболел знаменитый теперь этот дворник, недаром же Управление Министерством нам прислало циркуляр, чтобы казенные здания служили примером, хорош пример Петербурга.

Вторник вечером 20 февраля 1879 г. Самара.

Меня навестил сегодня утром гость из Костромы, купец Пастухов, сообщивший, что в Костроме перевод прежнего Полицмейстера в уезд и замена его новым из Перми, поколебал прежнюю популярность Андреевского благодаря дурной репутации назначенного Полицмейстера, жалею о том, так как Андреевский человек хороший. О моем преемнике Пастухов отзывался одобрительно, что он больше Андреевского похож на Губернатора.

Утро у меня было занятое, а потом я сделал несколько визитов, начав с Курлиной, председательницы здешнего Городского Попечительства о бедных. Она дочь молоканского купца, живущего здесь же за Самаркой, от живого мужа вышла за купца Курлина, предварительно приняв православие. Молода еще на вид и вполне Русская красавица, так не довольно полна. Понравилась мне простотою обращения, никаких ужимок и гримас; сказала, что мать ее простая крестьянка и вообще ничего из себя не представляет, несмотря на богатство мужа и на то, что играет некоторую роль в Самарском обществе и особенно дружна с Великим Князем, впрочем *etent bien, tout* [?- *комм. сост.*]. На деле ж была даже восприимчивей его сына, родившегося в Декабре. Надежда Александровна Дрейер⁸⁹, непризнанная, но обвенчанная с Великим Князем, хотя под чужим именем, за что Синод и расторг брак (он назвался Волынским), жена его, только и знакома с 2 домами Купцов Курлиных. А ее ребенок крещен под именем Артемия Волынского, так как Великий Князь великий поклонник этого Министра Анны Иоанновны. Вечером толковал с Директором Народных Училищ Херувимовым очень порядочным человеком и с умнейшим и весьма передовым Членом Губернского Присутствия Нудатовым. Он да Тимрот обокрали кажется Самарцев насчет ума. С ними поговорить приятно и полезно.

Среда вечером 21 февраля 1879 г. Самара.

После весьма занятого утра и после дел около часу у Графини Ростовцевой я отправился на катание по городу и пробрался к длинному

⁸⁹ Дрейер Надежда Александровна, фон (1861-1929), дочь оренбургского полицмейстера Александра Густавовича Дрейера. Обвенчалась с Великим князем Николаем Константиновичем 15 декабря 1878 г., однако брак был расторгнут Священным Синодом и остался гражданским. Брак узаконен Александром III, в 1899 г. дворянке Надежде Дрейер высочайше повелено именоваться впредь фамилией «Искандер». Старший сын — Артемий (род. в 1878 года в Самаре), высочайше пожалован фамилией «Искандер» и правами личного дворянина. Младший сын — Александр (род. в 1887 г. в Ташкенте), высочайше пожалован фамилией «Искандер» и правами личного дворянина.

ряду деревянных хлебных амбаров, выстроенных по р. Самарке, почти сплошной стеной с Самарским малым перерывом и содержащих в себе хлеба на многие миллионы до самой Волги и щепного на набережной ряда. Оттуда, через р. Самарку поднялся я на противоположный берег, проехав слободку, загроможденную бесконечными хлебными обозами и сотнями, пожалуй, тысячами саней, нагроможденных друг на друге у бесчисленных постоянных дворов, потом насыпью и близь Казачьего моста подъехал к Салотопенным заводам, о запахе которых столько слышал рассуждений.

Весною должно быть он невыносим, но сегодня, несмотря на яркое уже согревающее солнце, стоял легкий морозец, и я воня заводов не ощутил. Город Самара от заводов кажется огромным поселением, почти селом по отсутствию всякой городской или сколько-нибудь своеобразной архитектуры и по редкости церквей, их всего 10 на 60 т. жителей.

Среди встретившихся обозов с хлебом, задерживающих нас на пути встретил я и верблюда тянувшего сани, это гость из Уральска, откуда идет постоянный наплыв обозов с хлебом. Осенью видно здесь много верблюдов, говорил мне мой извозчик Иван. Обедая дома грибами и, глядя на светлую солнечную погоду, опять пошел погулять. Теперь вечером получил секретную бумагу Управляющего Министерством о разрешении Великому Князю путешествия весною на Оренбург и Туркестан и о не оказывании ему никаких почестей, приемов и так далее членам Царствующего дома приличествующих. Тьмы разнородных бумаг меня заняли весь вечер, хорошо, что позже чтения заходил отрезвиться от официальности к Тимротам, и дети и родители на меня производят добрые, освежающие впечатления.

Четверг вечером, 22 февраля 1879 г. Самара.

Утром совершал странствие по городским училищам с Директором школ Херувимовым, Предводителем Путиловым, Врачем Городовым и Полицмейстером. Был в 4 мужских и 2 женских, все переполнены и требуют больше простора. Осмотр наш был в гигиеническом отношении, а посему учителя не могли подробно заняться. Городские учителя хорошо оплачиваются по 500 р. И производят доброе впечатление, уездное училище только грязно и темнее прочих, предполагается к перестройке и переформированию в городское. В рисовальном классе, несмотря на произвольное всякого ученика рисование, что ему угодно, без всякой системы в ученьи, видел... изрядные рисунки и много карикатурных.

В заключение осмотрел Женское Епархиальное училище на 175 девочек. Новое здание огромное, светлое, чистое с прекрасными раз-

мерами комнат, большой церковью, славною начальницею меня поразило и порадовало. Учителя также выглядят толково, девочки чисто одеты, отвечают без робости и ужимок, видно хорошее руководство. Недаром же Архиерей особенно заботится об училище и ему помогает учебными пособиями. Духовенству такое устройство училища делает честь.

Одно плохо, холодно и дурно устроенные ретирадные места, камень преткновений каждого русского училища. Зато больница очень уютная и чистая. В училище 3 рояля и преподавание музыки очень изрядное. После катались с Саней Тимрот, отобедал грибами у Ф. Бринкман. Она не глупа и если бы не бессвязная бессодержательная болтовня мужа, то было бы очень сносно. Вечером среди бумаг застал меня Председатель Губернской Управы Крылов, знакомил с местными интригами и своею глупостию. Говорил, что станет просить об экстренном Губернском Земском Собрании для рассмотрения моего протеста. Что-то много объяснял мне о чуме, о частицах заразы приносимых воздухом с юга, с военных полей Малой Азии и наконец о том, что культ (вместо культуры) народов может только увеличиваться веками. Туп и увертлив, не пользуется никаким влиянием, но место за собою удержит видно. Завтра выборы в Городские Головы. Утром я вызвал к себе настоящего для сообщения ему, что Городская Санитарная Комиссия не имеет права входа в Тюрьму, между тем член ее Алабин был в Тюрьме вчера и был допущен глупым Смотрителем. А еще сам был Губернатором, не только Болгарским в Софии, но и исправлял должность Самарского моего предместника и в бытность свою Управляющим Государственными Имуществами, стало быть законы и порядки тюремные должны быть ему известны. Но для русских законы не писаны, а сочиняются произвольно и для произвола каждого.

Пятница вечером 23 февраля 1879 г. Самара.

Опять провел утро в училищах, 2 мужских и 1 женское нашел очень изрядными, зато одно женское до того переполнено, в одной комнате 103 ученицы, что описать трудно. Вентиляции никакой, а у учительницы рядом квартира в 4 комнатки. Хочу предложить Городской Управе рассмотреть помещение. В заключение осмотрел роскошную Земскую женскую семинарию с превеликими удобствами, всякими кабинетами и т.д. На 150 учениц расходуетя до 15 т. ежегодно, эти девушки, разумеется, не посятся, ибо готовятся в сельские учительницы. Только ради Пятницы нашел рыбную пищу.

Тут же 2 пригготовительных класса для приходящих детей, учат прекрасно. Заезжал на именины к добряку жандармскому Полковнику

Смолькову, славный человек, никому не способен вредить, как настоящий русский жандарм. Вечером сидел у меня сперва с делами Крестьянского Присутствия Нудатов, а после Григорий Сергеевич Аксаков, с ним долго толковали о протесте моем против земского постановления о мерах против чумы. Он согласился, что земство превысило права, но объяснял, что это так временные меры и по случаю чрезвычайности, то есть чумы, посему и понятны и извинительны. Полицмейстер вечером же доложил о избрании в Самарские Городские Головы Купца Назарова. Хорошо, что не Алабин, жаль, что не Тимрот. Увидим, как будем жить вместе.

Суббота вечером 24 февраля 1879 г. Самара.

Сильнейший насморк и еще сильнейший наплыв бумаг и людей с бумагами, вот что меня сегодня занимало почти весь день. Несмотря на них, успел побывать в 9-ой городской школе у мальчиков. 80 из них стеснены в одной комнате, бойкие мальчики хорошо решали задачи, я им обещал прислать орехов и пряников и заказал Полицмейстеру разослать тоже лакомство по всем школам, где мы уже бывали. Необходимо 6 пудов орехов и 4 пуда пряников и все это будет стоить на 1400 детей около 30 руб. Но зато сколько радости ребятам, а значит и мне. Уже сегодня на улице при встрече 2-х мальчиков на меня смотрели так весело, поклонившись. Спрашиваю, еще не получили, ждут гостинца. Как легко приобрел я приятелей. Был я в мужской гимназии, грязное, неудобное, тесное здание, мало воздуха, скверный вход, нет сборной, шинельная низка и грязна. Предложил директору уступить под сборную, библиотеку и физический кабинет, огромную светлую комнату во все здание. Он плакался, что негде поместить казенное имущество. Я предложил оставить шкапы в зале, расставив по стенам, выйдет отличная сборная для ребят, обещал покуситься на квартиры Инспектора и Директора, если не исполнят справедливого требования моего и желания родителей, которые вон жалуются на Директора, что я ему и сказал. После часа 3 просидел в Губернском Правлении в Воинском и Крестьянском Присутствии. Умный Нудатов как и все имеет свои слабости пускать либеральные ракеты, так и сегодня на мой вопрос о ссылке административной обществами мещанскими и крестьянскими отвечал, что всегда против всякой административной ссылки без суда (разумея высылку политических и иных нарушителей Министерством и выше) хотя и находит полезным оставить за обществами право ссылки. Пойдите, поймите такую несообразность. Тимрот пришел меня навестить, ругал нового Голову⁹⁰

⁹⁰ Самарский городской голова Назаров М.И.

(он из 24 шаров налево, на право избираться было 44 шара, все купечество), говорит вор и мошенник, но ловкий, нажился на казенных постройках, надеются его скоро сбыть, он с гонором, не позволяет себя ругать в Думе публично и за какое то публичное нареkanie сбросил уже раз с себя цепь, ушел из Собрания и вышел из Голов. Редкое для России исключение, обыкновенно избранники мало обижаются публичными упреками и даже бранью. Замечательно, что все Самарские избранники, Губернский Предводитель, Председатель Губернской Управы и теперь новый Городской Голова одинаково осуждаются своими избирателями. К чему же выборы или разве только для осуждения своих же собственных действий. Весь вечер дома с делами и письмами. Анна Дмитриевна пишет, что едет в Одессу на свидание с Княжной Гагариной и осматривает ее общины. Дай Бог в час добрый!

Воскресенье вечером, 25 февраля 1879 г. Самара.

Насморк удержал меня целый день дома. Утром собрались у меня Городской Почетный Судья, Член училищного Совета, обещал мне всякое содействие Города на расширение помешений и другие улучшения, потом Директор Гимназии с планом своей гимназии и делом о найме дома, который только что возобновлен на 10 лет по 5 тыс. рублей в год, несмотря на все сознаваемые Директором же неудобства. Я возобновил совет устроить сборную в библиотеке и, кроме того, посоветовал уступить одну из комнат Директорской квартиры под класс для экзаменов. Он обещал и надеюсь дело сладится ... Протоирей Собора Хол..., умный представительный старик, Член Суда Антонов, молчавший большую частью и Помощник Мирового Судьи Шошнин, женатый на дочери Минского Губернатора Чарыкова⁹¹, очень симпатичный господин. Кроме обыденного разговора о чуме, толковали о новом Голове, избрание коего для всех неожиданно. Оказывается что он избран только потому, что опасались избрания Алабина. Позднее зашел ко мне Тимрот, с ним всегда приятно побеседовать, он так ясно и прямо смотрит на все, так знает законы, и так толково выражается. Совсем хороший человек, но не без сарказма, что для меня увеличивает еще его привлекательность, потому что в нем нет злости никакой, не смотря на меткость иногда неумолимую. Этим напоминает он мне моего отца, а лучшего человека я не знал. В присланном мне Тимротом же «Русском Вестнике» начал я читать новую повесть Достоевского «Братья Кармазовы» *[у Свербеева*

⁹¹ Чарыков Валерий Иванович (1818-1884), тайный советник, симбирский вице-губернатор в 1867-1869 гг., вятский губернатор в 1869-1875 гг., минский губернатор в 1875-1879 гг.

действительно Кармазовы – комм. сост.]. Она много обещает интереса и отличается той же теплотою чувства и изумительною тонкостью анализа человеческого сердца, которыми так богато одарен ее автор. Тимрот говорил, что 2 раза перечел и я понимаю его, в один раз не оценишь всей глубины этого наблюдательного ума. После обеда посидел у меня мой молчаливый, но симпатичный врач Боде, и, предписав мне нюхать нашатырный спирт, перечел со мною злостные нападки на Боткина в «Московских Ведомостях», приводящих статью Берл Лазет [*из – прим. сост.]. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», удивляющегося, что Боткин, требующий карантина для чумного дворника, сам от него же едет во дворец к Государю. Легкомыслие Русское как видно безгранично и аккуратные немцы бьют нас за него тяжело по карману, учреждая неумолимые осмотры, карантин, запреты товаров на границах. Сама раба себя бьет, только и можно сказать про Россию, как же пенять тогда на Бисмарка, иронически выразившегося по поводу чумы..., что он уважает авторитеты и умеет им подчиняться. А мы даже здесь на границах Астраханской чумной Губернии не умеем и не хотим подчиняться авторитетам Санитарной Комиссии. Сейчас вышел от меня Председатель Губернской Управы Крылов охавший, что крестьяне должны вывозить за 2 версты свой навоз из деревень и требующий моего тут вмешательства. Я посоветовал обратиться за обложением повинности в тот же Николаевский Санитарный Комитет и ему предоставить отступление от выработанных им правил по местным условиям. Крылов, как трость ветром колеблемая, испугавшись нападений Губернских гласных, снова приходил за ходатайством нового экстренного Губернского Земского Собрания, для рассмотрения моего протеста и только на мое указание, что так как в Бузулуке испрашивается на 8 марта Уездное Собрание, прежде Апреля нельзя испрашивать нового Губернского, ушел не вполне успокоенный, хотя и заявил, что Уездным Собраниям и собираться незачем, я же нахожу, что они могли бы в пределах закона принять санитарные меры против эпидемий. Предвижу море переписки, бездну непроходимую пререканий.*

Сегодня «Правительственный Вестник» сообщает официальные сведения о сожжении колдуньи в Новгородской Губернии при 200 свидетелях и вслед за сельским сходом в присутствии старосты. Как уживаются такие средневековые нравы с либерализмом передового Новгородского Земства, пригласившего на места земских врачей женщин, что за ирония судьбы. Такое близкое сопоставление изуверства и передовых убеждений. И много подобного встречаешь в необъятном своем отечестве, но здесь эти два полюса сошлись вместе в Колыбели Русского царства, где Гостомysl изрек Слово об отсутствии порядка. Не внесли же его и Варяги, не принесли и передовые представитель-

ницы науки. Видно недаром непроездимые проселки существуют и теперь рядом же с прямыми дорогами и преграждают всякие с ними сообщения.

Dura patria, sed patria, вспоминаю я любимое слово отца моего.

Понедельник вечером, 26 февраля 1879 г. Самара.

Молебен в Соборе ради дня рождения Наследника, другой молебен в Алексеевском приюте, где 20 мальчиков мал мала меньше премило пропели все молитвы и все молебствия, все это заняло меня вплоть до часу. Особенно рад я был посмотреть на этот маленький народ в приюте, так довольны были личики певчих, так усердно клались кресты и молитвы прочими молящимися. Так вся эта мелочь была занята тем, что делала, столько было в этом правды, что невольно радовался, смотря на них. Напившись чаю с Начальством, перекинувшись словом с седым как лунь стариком раскольником Духиновым, членом Приюта, глубокий поклон коего Архиерею мне указал на его старую веру, я подошел полюбоваться с ним на три им же пожертвованные иконы, древнего если не письма, то облика (копии) и по-позже сошел в детскую столовую, где ребятишки кусали свои пироги с рисом, захлебывая грибною же похлебкой. Отправив тех, кто в прошлый раз не попал в Панораму на это зрелище, я поспешил домой и в 2 часа у меня сошлись мои малолетние гости, 11 человек, дети Бринкман, Ростовцевы, Тимрот с Малышками, да Жандармский Полковник Смольков⁹² с женою и дочкою. Все мы от души веселились, глядя на раздолье, смех и радость детей и я всякий раз все больше доволен, что могу залучить их раз в неделю на детские их забавы, чем доставляю удовольствие и родителям. Всех нас забавляли также полученные мною печатные бумаги из Царицына о предохранительных мерах против болезни, где по законам 1857 года сделаны выписки, упоминающие, что для помещичьих крестьян за лекарства платят их помещики, так зря сочиняют эти циркуляры в Канцелярии Генерал-Губернатора, поручат: выпишите де из Свода законов, а писарь валяет прямо из издания 1857 года, забыв даже об освобождении крестьян. Не типична ли такая рассылка печатных приказаний по огромному Генерал-Губернаторству 3 громадных Губерний. Я по телеграфу указал ошибку Председателю Совещания Санитарных Комиссий в Царицыне Саратовскому Губернатору. Увидим, что ответит. Из Саратова получена официальная бумага о розысках в Самаре, нет ли связи у сосланных

⁹² Смольков Александр Иванович, начальник Самарского губернского жандармского управления, с 1879 жандармский генерал-майор, с 1885 жандармский генерал-лейтенант, с 1884 за службы причислен к самарскому потомственному дворянству.

здесь ветеринаров с убийством Харьковского Губернатора. «Московские Ведомости» сегодня приводят опять статью немецкой газеты «Post» о политических убийствах в России, где прибавлено, что ложные пугающие известия о чуме суть не что иное как дело революционной партии. Немало удивится Боткин такому подозрению его в революции. Ай да Катков⁹³! А ведь пишет-то не он, заметьте, а немецкая газета.

Понедельник [Вторник – описка Свербеева – комм. сост.], 27 февраля 1879 г. Самара.

Ответная телеграмма Саратовского Губернатора так оригинальна, что приведу ее целиком: Предохранительные меры не упоминаются в протоколах и только приложены к ним и составляют сочинения Снегирева (Доктор, Член Медицинского Совета МВД), вернее выписку из старых законов, их можно легко игнорировать. Вызван Астрахань, уезжаю завтра. Галкин-Враский.

Такое халатное отношение к собственным предписаниям, даже в виде приложений, меня возмущает. Как не подвергаться самой злой критике Правительственным учреждениям, если они так легкомысленно действуют.

Все утро сидели у меня новые лица, между прочим Бугурусланский Предводитель Филиппович и Городской Голова, встретившийся у меня со своей же Городской депутацией, которые требовали в виду исключительного времени утверждения обязательных правил очистки реки около города посредством натуральной повинности. Я им разрешил жаловаться Лорис-Меликову. Уделом Управляющий Рыхловский тоже приходил говорить об очистке Балакова и утешил меня тем, что уже готов уступить этому Посаду свои земли в черте его, разумеется, за известное вознаграждение.

Среди многих вечерних посетителей был снова Бугурусланский Голова, очень он обо всем толково рассуждает и мы нашли с ним дельное средство к требуемой очистке города и загрязненной реки. Зашла речь о депутации сегодняшнего утра и он сказал, что у них есть рибералы, которые любят поговорить и написать и находят, что все самые высокие права имеют, почему из их Думы бывали и протесты в Самаре на Городском Присутствии, но он, мой собеседник, вступив в должность Головы, усмотрел, что все таковые протесты Сенатом оставались без последствий и потому старается действовать по согла-

⁹³ Катков Михаил Никифорович (1818 или 1817-1887), редактор газеты «Московские ведомости», публицист, литературный критик консервативного направления.

шению, партия же рибералов ведет в Бугуруслане свое начало от Нудатова (тоже Бугурусланского гласного и жителя) до Губернских Присутствий, где он также членом, и один из Гласных депутации его воспитанник; Нудатов и привел депутацию ко мне.

Напились мы чая с Бугурусланским Головой Казановым и он мне дал весточку о моей Матушке, которую навестил в Москве на прошлой неделе и застал ее Слава Богу здоровою.

Среда вечером, 28 февраля 1879 г. Самара.

Сейчас вернулся от Ростовцевых, где провел вечер, обе сестры Графини премило пели и играли на рояле, она же их всех милее и приветливее, совершенно меня полонила своей изящной простотою. Общество же придородное [*? – комм. сост.*] и 2 из свиты Великого князя ... Я больше оставался с хозяйками и только сказал два слова вернувшемуся из Петербурга Управляющему Оренбургской дорогой Повалишину, который подтвердил слух о задушении в Одессе жандарма, при нем нашли записку: туда тебе дорога, опричник. В Харькове и Санкт-Петербурге появились революционные прокламации в день погребения Кропоткина. И все это совершается бесследно, т.е. убийц не находят. Государь и Императрица в половине марта собираются в Крым. Из Астрахани вести становятся все успокоительнее – Карантин должен кончиться в конце мая по телеграмме Генерал-Губернатора.

РГАЛИ. Ф.472. Оп.1. Д.83.Л.26-41об.

Приложение к тетради с дневником А.Д. Свербеева за январь 1879 г. со сведениями о самарских должностных лицах⁹⁴.

Его Императорское Величество Великий Князь Николай Константинович — по Панской улице в доме Реутовой.

Состоящий при его Высочестве Генерал Штаба Полковник Граф Николай Яковлевич Ростовцев — по Панской улице, в доме Кисловского.

Вице Губернатор, Статский советник Александр Германович Фон-Бринкман — по Панской улице, в доме Новокрещенова.

Преосвященный Серафим — в Архиерейском доме.

Архимандрит Тихон — в Семинарии.

Губернский Предводитель Дворянства, Коллежский асессор Сергей Павлович Юрасов — по Казанской улице, в доме Дворянства.

Управляющий Государственными Имуществами Действительный Статский советник Аким Кузьмич Горецкий — по Дворянской улице, в доме Винника.

Управляющий Казенною Палатою Действительный Статский советник Евгений Николаевич Анучин — по Заводской улице, в доме Обратнова.

Управляющий Акцизными Сборами Действительный Статский советник Василий Петрович Донец-Хмеленецкий — по Дворянской улице, в доме Литвинова.

Губернский Военный Начальник Генерал-Майор Александр Федорович Римас — по Преображенской улице, в доме Синягина.

Управляющий Удельной конторой Статский советник Павел Андреевич Рыхлевский — по Предтеченской улице, в доме Удельного Ведомства.

Председатель Окружного суда Действительный Статский советник Владимир Иванович Анненков — по Дворянской улице, в доме Паньшина.

Председатель Окружного Суда Коллежский асессор Борис Павлович Булгаков — по Дворянской улице, в доме Стройкова.

Городской голова Действительный Студент Казанского университета Ефим Тимофеевич Кожевников — по Преображенской улице, в своем доме.

Уездный предводитель Дворянства подпоручик Николай Аристархович Путилов — по Алексеевской улице, в своем доме.

Председатель Губернской Земской Управы Действительный Статский советник Павел Саввич Крылов — по Москательной улице, в своем доме.

⁹⁴ Текст написан четким, хорошо читаемым почерком. Автор не указан.

Начальник Губернского Жандармского Управления полковник Александр Иванович Смольков – по Саратовской улице, в доме Никольского.

Управляющий почтовой частью Надворный советник Матвей Григорьевич Волков – по Успенской улице, в Почтовом доме.

Директор Губернской Гимназии Статский советник Александр Иванович Соколов – в доме Гимназии.

Директор Народных училищ Надворный советник Алексей Петрович Херувимов – по Дворянской улице, в доме Ромодановского.

Директор Учительской Семинарии Коллежский советник Петр Николаевич Адияевич – по Дворянской улице в доме Пальшина, вход с Предтеченской улицы.

Управляющий железной дорогой Надворный советник Алексей Михайлович Повалитин – на углу Воскресенской и Казанской улиц, в доме Шапошникова.

Товарищ Председателя Окружного Суда Действительный Статский советник Александр Иванович Смирнитский – по Самарской улице, в своем доме, 3 части.

Товарищ Председателя Окружного Суда, Губернский Секретарь Иван Степанович Десницкий – по Предтеченской улице, в доме Кройкова, против Удельной конторы.

РГАЛИ. Ф.472. Оп.1. Д.73. Л.23-24об.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Приближаясь к концу дней моих и пригвождённый уже вторую зиму, если не к одру болезни, то к близкому к нему кабинету, вздумалось мне написать мои воспоминания о нашей семье Свербеевых и особенно о моих братьях и сёстрах, покинувших нас для лучшего мира. Не стану подробно писать о моих родителях, потому что оставленные моим отцом записки достаточно с ними знакомят нашу семью, а изданная кн. Н.В. Голицыным книга о Е.И. Поповой⁹⁵ знакомит и с моею матерью, и потому я стану упоминать о них, говоря о моих братьях и сёстрах.

Если Богу не угодно дать мне будет окончить эти воспоминания, то я поручаю моей дочери заняться этим делом и подробно описать моих сестёр, в которых наше молодое поколение найдёт весьма интересные типы русских женщин, посвятивших себя служению ближним.

В нынешнюю грозную и трагическую эпоху русской исторической жизни особенно ярко вспоминаются священные слова Спасителя: «Весь елей сотворите из моих слов, меня сотворите». Таким светлым делом занимается теперь вся Россия и потому я кладу в основание своих Записок эти великие слова.

Посвящаю эти воспоминания моим дочерям и внукам, а также всем молодому поколению Свербеевых, которому совершенно неизвестен состав нашей семьи, её воспитание, развитие и дальнейшая жизнь, а только имена, отошедшие от нас. Я желал бы возбудить в нём интерес к исчезнувшему поколению, в жизни которого они найдут для себя поучительный урок и для своей общественной деятельности.

Семья наша в начале 19-го столетия т.е. в 1800 году состояла из двух его родоначальников, талантливо описанных отцом моим в его Записках и его единственного сына, отца моего Д.Н. Свербеева, а также робкой его тётки Елены Яковлевны Свербеевой⁹⁶, до конца своей жизни обитавшей в Москве и сельце Солнышкове Московской губернии Серпуховского Уезда.

⁹⁵ В 1911 году вышла книга «Из московской жизни сороковых годов: Дневник Елизаветы Ивановны Поповой», подготовленная князем Н.В. Голицыным.

⁹⁶ Свербеева Елена Яковлевна (? - после 1827), сестра отца автора воспоминаний. Точные годы жизни не установлены.

В настоящее время (1916 году) из многочисленного семейства нашего составившегося в половине прошлого столетия, из десяти человек сестёр и братьев, остались в живых того же поколения, только трое: сестра моя Варвара Дмитриевна, поселившаяся в Сергиевом Посаде под покровом преподобного Сергия, я и меньший брат мой Дмитрий Дмитриевич, о коих, также как и о последующем поколении я распространяться не буду, так как с ними лично знакома вся наша молодёжь.

Начинаю с самого обворожительного человека в нашей семье, старшего её члена, брата моего Николая Дмитриевича. Рано оставил он свою семью (31 г.), но оставил её с такой обаятельной о себе памятью, что только можно удивляться, как несмотря на малое число прожитых им лет он успел оставить о себе такую светлую память. Родился он в 1829 году в Киеве. Родители его особенно любили, а мы его братья и сестры им не только любовались, но усиленно искали постоянного с ним общения, так он мило и дружески с нами обходился и с такими криками радости встречали его, когда он появлялся в нашей детской. Товарищи с ним по университету были с ним особенно близки и дружны, и я с удовольствием вспоминаю всё оживление последних двух комнат Кротковского дома в Москве в нашем же коридоре, напротив детской, в которой жили мы, где жил наш общий любимец, первый студент Московского университета из нашей семьи, брат мой Николенька. В Московском светском обществе один он был частым посетителем, и также среди нашего многочисленного родства один он пользовался большой популярностью, был самым любимым гостем, ввёл в те дома много интересных своих товарищей среди коих были прекрасные музыканты и певцы, образовался целый музыкальный оркестр, которым мы наслаждались по Воскресеньям, среди слушавших его постоянно были А.С. Хомяков, братья Аксаковы и Гоголь.

Все мы братья и сёстры получили образование исключительно домашнее, кроме брата моего Михаила Дмитриевича окончившего своё учение в 3-ей Московской гимназии⁹⁷. Так и брат Николай Дмитриевич занимался дома с гувернёрами и учителями, дававшими нам частные уроки. Первым его гувернёром на моей памяти был англичанин Белль: необычный, весёлый, забавлявший нас бесчисленными анекдотами о своём незнакомстве с русским языком из коих самый забавный состоял в следующем: Беллу захотелось купить себе пастилы в Гостином дворе, и он отправился туда на извозчике, тот немедленно его вывалил и испачкал его платье. Едучи он всё повторял: пастила, пастила, а после своего падения: пустяки, пустяки. Когда в лавке потре-

⁹⁷ 3-ая Московская гимназия открыта в 1839 году. С 1843 года функционировала в доме № 12 по Большой Лубянке.

бовал, чтобы ему выдали именно этот товар он был встречен громким хохотом торговцев и вернулся вспять без пустяков и без пастилы. Белла ... второй гувернер, который после воспитывал и меня с братом Владимиром и прожил у нас почти 20 лет. То был уроженец ... Венедикт Яковлевич Герстен один из самых больших поклонников нашего имения Солнышково и его прекрасных окрестностей, которые мы исследовали пешком вдоль и поперёк. Кроме них жили в нашем доме многие иностранки, по преимуществу англичанки (или и испанки).

Главным самым почтенным лицом в этой среде была красивая старушка Елизавета Фоминишна Деннет, поступившая в дом моей бабушки Кн. Щербатовой⁹⁸ в бонны моей матери, когда ей было три года. Из дома бабушки Е.Ф. перешла к моей матери и вынянчила всех её десять человек детей, начиная с её любимца брата Николеньки. Старушка эта так и осталась в нашем доме 86 лет⁹⁹, окружённая любовью всех нас, почитавших её как родную бабушку. Несмотря, на долгую жизнь, проведённую в России, она плохо говорила по-русски, заменяя «пчелу печалой», а «птицу петицей». О других педагогах я упомяну, когда буду говорить о воспитании сестёр.

Таким образом брат Николенька поступил в Университет в 1846 году и окончил курс в 50-м на историко-филологическом факультете. Товарищами его были: А.П. Базилевский,¹⁰⁰ П.А. Васильчиков¹⁰¹, Грабер, Г.С. Строганов¹⁰², Н.И. Новиков¹⁰³ и известный учёный Пётр Алексеевич Бессонов¹⁰⁴, а также милый казак Червлённой станицы

⁹⁸ Щербатова (урождённая княжна Оболенская) Варвара Петровна (1774-1843), княгиня. Дмитрий Николаевич Свербеев пишет о своей теще в «Моих записках»: «Мать двух княжон, вдова княгиня Варвара Петровна Щербатова, урождённая княжна Оболенская, была давно мне знакома. Она была в полном смысле этого слова честная, прямая и благородная женщина» (Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 457).

⁹⁹ Деннет Елизавета Фоминишна (1777-1864) – в фонде семьи Свербеевых в РГАЛИ сохранилось дело (Ф.472. Оп.1. Д.702) состоящее из двух документов: Билет данный на пребывание в России британской подданной Елизавете Деннет и свидетельство о её смерти.

¹⁰⁰ Базилевский Александр Петрович (1829-1889) – дипломат и коллекционер.

¹⁰¹ Васильчиков Пётр Алексеевич (1829-1898).

¹⁰² Строганов Георгий Сергеевич (1829-1910) – после окончания Московского университета поступил на военную службу. Затем служил в Министерстве Народного Просвещения. Получил известность как крупный коллекционер итальянского средневекового искусства.

¹⁰³ В данном случае Свербеев неправильно приводит инициалы Новикова. Скорее всего, речь идёт о Евгении Петровиче Новикове (1826-1903), дипломате и историке славянофильской ориентации.

¹⁰⁴ Бессонов Пётр Алексеевич (1828-1898), филолог, славист, собиратель фольклора, издатель сборников фольклора.

Области Войска Донского Александр Семёнов, чаровавший нас постоянно своим дивным тенором. Все оживлённые сборища студентов происходили на квартире моего брата и для нас, его маленьких соседей они составляли крайне приятное зрелище. Все эти милые студенты были нашими друзьями и так образовалась наша связь с Московским Университетом, куда я поступил в 1852-м году 17-ти летним юношей. Вся эта молодёжь, собиравшаяся у брата наверху в его комнатах, постоянно сходила вниз к моим родителям в их большие апартаменты и пользовалась их широким гостеприимством, знакомясь с обширным кругом родных и друзей.

У нас собирались в то время так называемые «славянофилы» и сходящиеся с ними вначале дружелюбно так называемые «западники». Среди них выделялись следующие: Хомяков¹⁰⁵, Аксаковы¹⁰⁶, Гоголь¹⁰⁷, Чижов¹⁰⁸, Князь Одоевский¹⁰⁹, Языковы¹¹⁰, Киреевские¹¹¹, Мельгунов¹¹², а с другой стороны Чаадаев¹¹³ (троюродный брат моей матери) и знаменитые Грановский¹¹⁴ и Соловьёв¹¹⁵ и многие другие.

¹⁰⁵ Хомяков Алексей Степанович (1804-1860) — поэт, драматург оригинальный мыслитель, один из основоположников славянофильства.

¹⁰⁶ Вероятно, имеются в виду Сергей Тимофеевич Аксаков (1791-1859) — знаменитый писатель и его сын Константин Сергеевич Аксаков (1817-1860), философ, поэт и литературный критик.

¹⁰⁷ Гоголь Николай Васильевич (1809-1852) — писатель, классик русской литературы.

¹⁰⁸ Чижов Фёдор Васильевич (1811-1877) — уникальная личность в кругу московских славянофилов. Сочетал литературную деятельность с участием в крупных предпринимательских проектах. В пореформенное время участвовал в строительстве железных дорог и в деятельности частных банков. За счёт собственных средств спонсировал некоторые издания славянофилов.

¹⁰⁹ Одоевский Владимир Фёдорович (1804-1869) — русский писатель, философ, музыкант, педагог, критик. Отец А.Д. Свербеева Д.Н. Свербеев оставил интересные воспоминания о В.Ф. Одоевском (См. Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 547-556).

¹¹⁰ Языковы, кого конкретно имеет в виду автор из братьев Языковых установить не удалось.

¹¹¹ Киреевский Иван Васильевич (1806-1856) — философ, публицист, один из первых славянофилов. Пётр Васильевич Киреевский (1808-1856) — археограф и фольклорист.

¹¹² Мельгунов Николай Александрович (1804-1867) — литератор, журналист, музыкальный критик, путешественник.

¹¹³ Чаадаев Пётр Яковлевич (1794-1856) — русский философ, автор знаменитых произведений: «Философические письма» и «Апология сумасшедшего».

¹¹⁴ Грановский Тимофей Николаевич (1813-1855) — историк, заведовавший кафедрой Всеобщей истории в Московском университете.

¹¹⁵ Соловьёв Сергей Михайлович (1820-1879) — профессор русской истории Московского университета, автор фундаментального курса «История России с древнейших времён».

По пятницам, для нас маленьких ещё недоступные, собирались у наших родителей самые лучшие по образованию и личному развитию люди и бывали часто чтения этими лицами своих образцовых произведений, а после этого начинались бесконечно остроумные, но и весьма горячие споры. Не могу не упомянуть об одном посетителе, крайне замечательном по оригинальности своего костюма и всей своей фигуры. То был знаменитый доктор Гааз¹¹⁶, приехавший на своей забавной пролётке — гитаре с больной лошастью. Лишь только он появлялся в нашем доме, как нельзя было удержать стремление всей нашей братии, прибегавшей к нему с распростёртыми руками, чтобы передать ему пастилу и многое другое для детей, осуждённых в пересыльной тюрьме.

Кстати скажу о Гоголе. На воскресном собрании, где пел хор студентов, он всегда сидел в стороне и мало разговаривал. Помню отец мой, который любил нас детей подразнить и назвал брата Володю и меня Добчинским и Бобчинским¹¹⁷, а сестру Ольгу Бабусей, в один из таких воскресных вечером, повёл нас к Гоголю и представил под этими названиями. Разумеется, мы были страшно сконфужены, но, к удивлению моему, Гоголь сконфузился ещё больше и стал нас спрашивать в какой гимназии мы учимся, тогда как прекрасно знал, что нас никуда из дома не отдадут. Был он частый посетитель нашего дома и особенно часто бывал у моей матери в то лето, которое мы провели с больной сестрой Варенькой в Петровском парке¹¹⁸. Влиянию Гоголя мы были обязаны тем, что нас заставляли поститься не только все посты, но и по Средам и Пятницам, за что мы его совсем не благословляли. До такой степени Гоголь менялся в своём обращении, когда он был вне многочисленного общества и особенно когда оставался один с несколькими слушателями, доказывает тот последний вечер, который он за несколько недель до своей смерти провёл у отца моего на Собачьей площадке. Слушателями были, кроме отца моего, один я и брат Владимир. Гоголь был в особенном ударе и рассказывал нам самые смешные и забавные анекдоты, причём пока мы раздражались громким смехом Гоголь оставался в себе сосредото-

¹¹⁶ Гааз Фёдор Петрович (1780-1853) — московский врач, известный своей филантропической деятельностью, который много сделал для улучшения быта заключённых.

¹¹⁷ Добчинский и Бобчинский — персонажи Н.В. Гоголя.

¹¹⁸ Популярная у жителей Москвы дачная местность в районе нынешней станции метро «Динамо».

ченным и невозмутимым¹¹⁹. После того я больше не видел его в живых, но стоял у его гроба среди многочисленных Московских Студентов и прочей толпы из всей Москвы, когда его отпевали в церкви Московского Университета.

Самым милым, самым увлекательным собеседником нашим, кто любил беседовать со всеми детьми, как равными себе, был А.С. Хомяков. Чего он нам не рассказывал, о чём не говорил с нами, юными детьми при частых наших встречах (я был постоянным посетителем и поклонником его старушки матери, которая в юности была современницей Екатерины II, что о встречах с ней говорила, как будто это было вчера). Вспоминается мне длинный его рассказ о яблонях, всех их разновидностях и их культурах, целый трактат типологии, а потом неожиданный переход к живописи и очень оригинальной теории о уважении и красках. В это время он писал портреты своей жены или сына в особом и необычном тонах. Позже, когда я был студентом, часто слышал я его чтение, поэму «Семирамида», куда он записывал все свои философские и исторические рассуждения. Целые ночи сидели мы вместе до 6-ти часов утра и слушали его интересные сочинения. В то лето, когда он писал свои знаменитые богословские письма, а я готовился к поступлению в университет и жил рядом с ним вместе с профессором Ешевским¹²⁰, готовившим меня к экзаменам. Алексей Степанович прислал нам написанные им наконец уже почти страницы из этих писем, читал их с увлечением и приводил длинные цитаты из Священного Писания и из многих исторических сочинений (Гиббон)¹²¹, что мы едва с Ешевским успевали проверять эти цитаты по подлинникам, и теперь ещё я слышу его, А.С. громкий

¹¹⁹ О похожей манере Гоголя при выступлении в дружелюбной для него аудитории пишет И.С. Тургенев: «Гоголь, напротив, поразил меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет, есть ли тут слушатели и что они думают. Казалось, Гоголь только и заботился о том, как бы вникнуть в предмет для него самого новый и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект выходил необычайный — особенно в комических, юмористических местах, не было возможности не смеяться — хорошим, здоровым смехом, а виновник всей этой потехи продолжал, не смущаясь общей весёлостью и как бы внутренне дивясь ей, всё более и более погружаться в самое дело — и лишь изредка на губах и около глаз трепетала лукавая усмешка мастера» (Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания. М., 2017. С. 70).

¹²⁰ Ешевский Степан Васильевич (1829-1865) — историк, специалист по истории Средневековья.

¹²¹ Гиббон Эдуард (1737-1794) — английский историк, автор фундаментального труда «История упадка и разрушения Римской империи», который пользовался большой популярностью в первой половине XIX века.

голос, если мы успевали поймать его на какой-нибудь неточности в текстах. С особенной гордостью вспоминаю я, как написав новое стихотворение Хомяков приносил его в нашу семью и я с его слов его записывал, так например известные его стихи «Россия, оставайся Россией; «Жаль мне вас людей бесстыжих» [*бессонных у Хомякова – прим. сост.*]. Позже брал он у меня эти записки для печатания. Помню ещё раз, как Алексей Степанович, заехав в Солнышково прочёл нам свою злостную сатиру под именем «Навуходоносор» на тогдашнюю действительность.

Из Аксаковых мы особенно часто видели у родителей старшего брата Константина Сергеевича¹²² (с младшими Иваном¹²³ и Григорием¹²⁴ я сблизился уже гораздо позднее, а у отца их Сергея Тимофеевича¹²⁵ не раз бывал с моим отцом). Живой, сильно увлекавшийся Константин Сергеевич был большим энтузиастом, ярым поклонником Москвы и во время прений с отцом моим всегда сильно жестикულიровал, даже до такой степени, что раз почти что выбил ему глаз, ударив его нечаянно по лицу. Это обстоятельство я помню потому, что в одном из своих юмористических стихотворений, отец обращается к К.С. со словами: «но погоди мой глаз», рифмой к чему было: «но всё люблю же вас». Особенно близок к семье Аксаковых был брат мой Николай Дмитриевич и часто бывал у них в Москве и в подмосковном имении Абрамцево, где часто встречался с Гоголем, подолгу жившим у Аксаковых. Константин Сергеевич очень любил Николеньку и посвятил ему стихотворение, напечатанное недавно в I томе сочинений К.С. Аксакова под редакцией Н.В. Голицына¹²⁶. Мать Аксаковых, Ольга Сергеевна¹²⁷, очень страстная женщина, была дочерью русского генерала и турчанки и потому два её сына Иван и Григорий отличались

¹²² Аксаков Константин Сергеевич (1817-1860) – славянофил, поэт, драматург, литературный критик.

¹²³ Аксаков Иван Сергеевич (1823-1886) – публицист, общественный деятель, издатель. славянофил.

¹²⁴ Аксаков Григорий Сергеевич (1820-1891) – после окончания училища правоведения, в отличие от своего брата, не занимался литературной деятельностью, а все свои силы отдал исполнению служебных обязанностей. Дослужился до должности губернатора. В 1860-1867 – оренбургский губернатор. В 1867-1872 – самарский губернатор.

¹²⁵ Аксаков Сергей Тимофеевич (1791-1859) – писатель, мемуарист, театральный критик.

¹²⁶ Первый том собрания сочинений Константина Аксакова вышел в 1915 году. Его подготовил к изданию Голицын Николай Владимирович (1874-1942), историк, архивист. Был женат на племяннице Александра Дмитриевича Свербеева.

¹²⁷ Аксакова Ольга Семёновна (Свербеев ошибается в отчестве) (1793-1878), жена С.Т. Аксакова, в девичестве Заплатаина.

чисто турецким типом лица, что было особенно оригинально для славянофила. Припоминаю также, что мать Жуковского была турчанка, а Пушкин походил на араба, потому что мать его происходила из рода Ганибалов [*Ганнибалов – комм. сост.*] (араб Петра Великого).

О Киреевском мало что могу сказать, что по юности видал его больше издали у моих родителей, но не могу умолчать о матери его Авдотьи Петровны Елагиной, что часто нас навещала и нежно любила и мама с ней была в постоянной переписке. Студентом и даже позже я часто бывал у Авдотьи Петровны Елагиной¹²⁸ у «божественной старушки», как называл её Владимир Павлович Титов¹²⁹, наш посол в Константинополе до Крымской войны.

Реже встречал я у них сестру Авдотьи Петровны известную писательницу и автора священной истории для детей Анну Петровну Зонтаг¹³⁰. Последнюю книгу она посвятила моим сёстрам Варваре и Катерине, чем мы дети были очень довольны, как ровно и тем, что мне и Володе какие-то английские рассказы посвятил гувернёр Николеньки Бёльль. Мы с гордостью читали на этой английской книжке надпись to Sashinke and Volodinke ... Мы считали себя причастными к русской литературе потому, что родственник отца моего Дмитрий Александрович Валуев¹³¹ известный по своим трудам о русском местничестве привлёк нас маленьких детей к проверке его статей в детском журнале «Детское Воспитание» и я как теперь помню, что лет восьми в Солнышково держал корректуру этого журнала, получая по конфете за каждую найденную орфографическую ошибку. Тут же в Солнышково закончил и Валуев разборки старинных русских грамот, которые зас-

¹²⁸ Елагина Авдотья Петровна (1789-1877) – урождённая Юшкова, в первом браке Киреевская, мать славянофилов Ивана и Петра Киреевских. Вторым браком за своим дальним родственником и литератором Алексеем Андреевичем Елагиным. Д.Н. Свербеев писал о ней: «Мать этой семьи, друг Жуковского, всё ещё милая и в настоящее время, хотя уже в преклонной старости Авдотья Петровна Елагина» (Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 298).

¹²⁹ Титов Владимир Павлович (1807-1891) – литератор, дипломат.

¹³⁰ Зонтаг Анна Петровна (1786-1864), урождённая Юшкова. Детская писательница, переводчица.

¹³¹ Валуев Дмитрий Александрович (1820-1845) – дальний родственник Д.Н. Свербеева. Выпускник Московского университета. Организатор и редактор первых изданий кружка московских славянофилов. Специализировался на исторических и педагогических исследованиях. Самым известной его исторической работой было «Исследование о местничестве». Свои педагогические идеи он старался воплотить в журнале «Библиотека для воспитания». Подробнее о нём см.: Батшев М.В. Европа глазами славянофила // Архив наследия: Вып. 15. 2016 года. М., 2016. С. 8-39.

тавил он для него списывать. Ещё одна русская писательница Каролина Карловна Павлова¹³² была видной гостьей по Пятницам у моих родителей, где вслух читала свои произведения нам: «Двойная жизнь», «Квартет» и «Разговор в Трианоне». О Чижове и Одоевском я буду говорить позднее, когда перейду к моим сёстрам.

Особенно частым посетителем нашей семьи был Пётр Яковлевич Чаадаев, близкий родственник и друг моей матери. Он был её троюродным братом по матери кн. Щербатовой и его красивая, элегантная фигура запечатлелась в моей памяти. Настоящий Европеец, всегда прекрасно одетый, он отличался изысканной французской речью. Он был блестящим гвардейским офицером, но карьера его быстро оборвалась после истории Семёновского полка при императоре Александре I. После его кончины в 56-м году отец мой написал его краткую биографию, приложенную к его «Запискам»¹³³, почему я более о нём распространяться не буду. Прибавлю только, что он прославился своим известным письмом в журнал Надеждина, за что был по высочайшему повелению, много лет пользуем врачами и объявлен душевнобольным. Около него, по Понедельникам в его квартире на Басманной собиралась вся Москва и литературная, и светская. Всё это подробно описано в «Записках» моего отца.

Вторым назову Константина Дмитриевича Кавелина, известного Петербургского профессора, который в бытность свою в Москве, ранее того, занимался с моим братом Николаем. Среди бумаг, переданных мною вдове моего брата, Зинаиде Сергеевне имеется и прекрасное письмо Кавелина, написанное после смерти моего отца¹³⁴, который очень его любил и много помогал ему в молодости, как и многим другим образованным русским людям.

¹³² Павлова Каролина Карловна (1807-1893), урождённая Яниш. Известная московская поэтесса. Была замужем за писателем Н. Ф. Павловым.

¹³³ См. Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 518-533.

¹³⁴ Кавелин Константин Дмитриевич (1818-1885) – русский историк, правовед, социолог, психолог. Вероятно, Александр Дмитриевич имеет в виду следующее письмо: «К.Д. Кавелин – Е.Д. Свербеевой 8 марта 1874 года.

Глубокоуважаемая Екатерина Дмитриевна!

Я только на днях, и притом совершенно случайно, узнал о кончине вашего достоянейшего батюшки. Сколько дорогих воспоминаний связано для меня с вашим семейством вообще и с покойным Дмитрием Николаевичем, так искренно и глубоко я почитал и любил его и так свежо хранил в памяти всё то, чем ему обязан в дни молодости, что неожиданная весть меня поразила, как бы она не показалась естественной постороннему человеку.

Пишу вам, повинуюсь сердечному влечению, и знаю, что сочувственное письмо, в минуту тяжкой утраты, не может быть некстати. Если бы все те, которые в молодости, подобно мне, были обласканы и пригреты в вашем семействе, написали вам несколько слов, вы бы увидели, как много сделано вашим

Самым выдающимся посетителем по Пятницам был знаменитый тогда Москве профессор Грановский¹³⁵. Он был любимец не только

покойным отцом для бывших юношей, идущих в жизни по разным дорогам. А сколько их уже в могиле и не могут присоединиться к моему голосу!

Теперь вам рано ещё думать о чём-либо другом, кроме горестной утраты, которая вас постигла. Но когда вы немного успокоитесь, постарайтесь сохранить и сберечь для будущей каждую черту из жизни Дмитрия Николаевича и вашего почтенного и дорогого семейства. В течении целых десятков лет в вашем доме соединялась вся мыслящая часть русского общества, жившая или бывавшая проездом в Москве. Ваш дом и ваше семейство принадлежат к истории русской культуры и умственного развития России. Ничего подобного теперь нет, и молодым поколениям негде воспитываться и складываться, как мы воспитывались и складывались в вашем салоне.

Прошу вас передать глубокочитимой Екатерине Александровне и вашим сёстрам, которые меня помнят, чувства сердечного соболезнования и преданной благодарной памяти о покойном. Искреннейше желаю, чтобы печаль о потере смягчилась и облегчалась возможно часто мыслью о всём том добром и полезном, что делал покойный ваш отец, что он делал не на показ, тайно от всех, о чём он не любил говорить, и что живёт и будет жить принося в свою очередь добрые и полезные плоды.

Примите выражение моего глубокого уважения и преданности. В начале мая, если вы будете в Москве, я надеюсь увидеть вас.

Ваш покорнейший слуга К. Кавелин.

¹³⁵ Грановский Тимофей Николаевич (1813-1855) – историк-медиевист, профессор Всеобщей истории Московского Университета. Публичные чтения Грановского происходили в 1843-1844 годах. Они вызвали восторженные отклики со стороны его единомышленников западников: «Вы помните, что, после первого чтения, я решился назвать событием замечательным этот курс – теперь я имею некоторое право сказать, что не ошибся. Участие к чтениям г-на Грановского непрерывно возрастало; его кафедра была постоянно окружена тройным венком дам, и заметьте, доцент читал свой предмет со всею важностью науки, не рассыпая ненужных цветов, не жертвуя глубиной для приятной легкости.» (Герцен А.И. О публичных чтениях г-на Грановского (письмо второе) // Герцен А.И. Полное собрание сочинений. М., 1954 Т. II. С. 121). Не менее восторженно приветствовали его курс и славянофилы. А.С. Хомяков в письме А.В. Веневитинову делится своими впечатлениями от услышанного: «Лучшем проявлением жизни московской были лекции Грановского. Таких лекций, конечно, у нас не было со времён самого Калиты, основателя первопрестольного града, и бесспорно мало по всей Европе. Впрочем, я хвалю его с тем большим беспристрастием, что он принадлежит к мнению, которое во многом, если не во всём противоположно моему. Мурмолка (вероятно, ты знаешь, что это такое) не мешала нам, мурмолконосцам, хлопать с величайшим усердием красноречию и простоте речи Грановского. Даже П.В. Киреевский, прославившийся, как он сам говорит, не изданием русских песен и прозвищем великого печальника земли Русской, даже и он хлопал не менее других. Ты видишь, что крайности мысли не мешают какому-то добродушному русскому единству» (Хомяков А.С. Полное собрание сочинений М., 1904. Т. VIII. С. 69).

Московских студентов, но и всего образованного Московского общества, для которого его публичные лекции были настоящим праздником. Не мало было писано о них в русской литературе, но страшно сказать нигде не были они представлены по достойному своего влияния на тогдашнее общество. Нельзя было не обращать внимание на его красивую фигуру и умное чрезвычайно симпатичное его лицо. А когда он начинал говорить, то все с жадностью слушали его красноречивое слово. А между тем он слегка шепелявил, однако ухо скоро привыкало к этому недостатку, когда лилось его чудесное изложение. Три года подряд слушал я его исторические курсы до самой ранней его кончины в Октябре 55-го года. Замечательными были его 4 публичных лекции об Александре Македонском, Людовике Святом, Бекете и Галейране на которых присутствовало отборное общество и огромная толпа студентов, восторженно встретившие и провожавшие знаменитого оратора. Он был очень доступен студентам и каждый мог приходить к нему за советом и за книгами. Скончался он неожиданно, и мы молодёжь собравшись, решили проводить его до могилы достойным образом. ... что тут мы встретили неожиданное препятствие, которое разумеется ещё более раззадорило нас его преодолеть. Мы хотели окружить его гроб цветами, устелить всю церковь венками и лавровыми ветками и когда нам не позволили это сделать (в то время цветы в церкви не приносили), то мы превратили в огромный сад всю обширную лестницу и весь вход в Университетскую церковь, а после его отпевания несли его на руках 7 вёрст до Пятницкого кладбища¹³⁶, буквально усыпая весь этот длинный путь цветами¹³⁷. Невиданное ещё в Москве такое зрелище не могло не произвести должного впечатления и ... сказал нам профессор Сергей Михайлович Соловьёв, что на памятнике Грановского следовало бы изобразить это похоронное шествие и таким образом увековечить славу достойного

¹³⁶ Пятницкое кладбище расположено недалеко от станции метро «Рижская». Другой студент, бывший свидетелем похорон Грановского, пишет в своих «Воспоминаниях» об этом несколько иначе: «Утром 4-го октября случайно узнал я о смерти Грановского. Оказалось, что встав с постели, он стал натягивать сапоги, повалился навзничь, и дух вон. Я застал его только что положенного на стол. Многолюдные похороны его в университетской церкви. Кетчер распустил слухи, будто Закревский запретил класть венки в гроб покойника, между тем, я положительно знаю, что чрез несколько дней Закревский поехал к его вдове выразить соболезнование. Грановского похоронили на Пятницком кладбище недалеко от могилы Екатерины Филипповны Татариновой» (Бартенев П.И. Воспоминания // Русский Архив Вып. I. М., 1991. С. 71).

¹³⁷ Среди студентов Московского университета до начала XX века существовала традиция собираться на Пятницком кладбище в день похорон Грановского.

учёного. Не могу не добавить ещё подробности по поводу этих похорон. Всю могилу Грановского и внутри, и снаружи мы усыпали лавровыми венками, что и послужило обвинением от Московского попечителя учебного округа генерала Назимова¹³⁸ в язычестве и непочтении к православной церкви. На другой день после погребения Грановского некоторые студенты, которые заведовали этим, вместе с профессорами, из коих я особенно почитал С.М. Соловьёва были вызваны к попечителю и нам было сообщено строгое внушение. При чём было выражено неодобрение нашим поступком, потому что мы не имели права ... только сделать постановление о поднесении венков знаменитым учреждениям Греции, не имели права почтить этим любимого наставника. Поэтому положение лавровых венков на его могилу могло только оскорбить его память, ибо такие выражения чувства дозволяются молодёжи относительно актрис и танцовщиц. Кончив свою несообразную речь, Назимов обратился к профессорам и указал профессору Соловьёву¹³⁹, на то, что он как историк не должен был допустить нашей манифестации и объяснить нам неуместность. На это ему Соловьёв ответил, что не мог бы найти подтверждения такого осуждения в истории какого бы не было народа. О профессоре Соловьёве скажу так же, что он пользовался большим уважением, лекции его слушались с интересом, но его не любили как за сухость его изложения, так и за малолюбезные личные его отношения к студентам. Он был человек книжный, учёный, чуждался общественности и сблизиться с ним было трудно особенно нашей студенческой увлекающейся молодёжи. В его «Записках» среди многих разных суждений о Московском обществе есть несколько слов должны быть приятными для нашего семейства¹⁴⁰.

¹³⁸ Назимов Владимир Иванович (1802-1874) — генерал-адъютант. В 1849-1855 годах, попечитель Московского учебного округа.

¹³⁹ Соловьёв Сергей Михайлович (1820-1879), профессор кафедры истории Московского Университета.

¹⁴⁰ Вероятно имеются в виду следующие слова: «Свербеев был человек почтенный, очень мне нравившейся по умеренности, сдержанности, столь редкой в нашем обществе, хотя, как сказано, он и из этой умеренности любил делать парад. Жена его — в молодости очень привлекательная лицом, женщина крайне самолюбивая, любившая играть роль, окружать себя избранным обществом, особенно мужским: вот почему всякий сколько-нибудь замечательный человек приглашался к Свербеевым на вечера, которые поэтому в описываемое время были очень оживлены и приятны, — это была нейтральная почва для западников и славянофилов. Тут увидел я последних во всей их красе и вывел их из терпения тем, что упорно молчал, когда они задирали меня, начиная споры о предметах, близких мне по занятиям» (Соловьёв С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 304).

Брат мой Николай Дмитриевич окончил курс в Московском Университете весной 50-го года. В том же году, осенью, он по желанию родителей отправился в далёкую Восточную Сибирь на службу к Н.Н. Муравьёву¹⁴¹, впоследствии после присоединения Амура ставшего графом Амурским. Родители мои подружились с ним в Туле, где он был губернатором, по близости его к родной моей тётке А.А. Елагинной, родной сестры моей матери, которой Муравьёв оказывал много участия. Муравьёв был человек выдающийся, чрезвычайно энергичный и страстный, которого в минуты его бешенных порывов едва удерживала от излишеств, его умная и энергичная жена француженка по происхождению. Прославился он во время Крымской компании, и осады Камчатки, куда его сопровождал, в качестве личного адъютанта мой брат, хотя собственно состоял при нём гражданским чиновником особых поручений по дипломатической части. Про генерала Муравьёва много высказал нынешний государь Николай II, открывавший его памятник в г. Николаевск на Амуре в 1891, когда я его сопровождал из Бузулука в Уральск¹⁴². Гр. Муравьёв-Амурский был не только выдающимся генерал-губернатором Восточной Сибири, но единственным человеком, оставившим после себя память о своей патриотической деятельности. Понятно, что при такой должности и служба брата моего была незаурядная. Не один раз исколесил он огромную восточную область и плодом его деятельности были две печатные статьи, появившиеся в Известиях Географического Общества и настолько замечательных, что они удостоились особой резолюции в столице об ... к сожалению не напишу, какого именно года. Между прочим, одну зиму провёл брат Н.Д. в ледяном городе Якутске, где стояла такая стужа (40), что нельзя было оставить лошадей стоять на улице в упряжи, а должно было прямо ставить их в сарай. В Якутске в то время был епископ Иннокентий¹⁴³, впоследствии архиепископ Камчатский и наконец митрополит Московский, религиозный русский миссионер, просветитель язычников в далёкой Сибири, для чего он перевёл на их язык Священное Писание и даже изобретший для сего особенную

¹⁴¹ Муравьёв-Амурский Николай Николаевич (1809-1881) – русский государственный деятель, получил образование в Пажеском корпусе. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Участвовал в Кавказской войне. В 1846-1847 годах занимал должность Тульского гражданского губернатора. В 1847-1861 годах генерал-губернатор Восточной Сибири.

¹⁴² Об этой поездке вместе с Николаем II, в то время, когда он был наследником, Свербеев рассказал в «Встречах и знакомствах».

¹⁴³ Иннокентий (в миру Попов-Вениаминов Иван Евсеевич) (1797-1879). С 1840 года епископ Камчатский, Курильский и Алеутский. В 1868-1879 митрополит Московский.

азбуку, до того не существовавшую. Гораздо позднее в Москве наслушался я увлекательных рассказов сего замечательного человека и всегда наслаждался его удивительной ..., когда он неожиданно касался забавных подробностей своих путешествий. В Якутске жил тогда священником о. Дмитрий Хитрово¹⁴⁴, впоследствии епископ Уфимский Дионисий, сделавшийся большим другом моего брата, посетивший мою мать в подмосковном имении Солнышково. Когда он был епископом в Уфе, я был у него проездом сутки, он показал мне свою огромную переписку с братом Николаем, завещанную им либо Казанской академии, либо Уфимской семинарии. В 1856 г. в Апреле месяце, в Иркутске состоялась свадьба моего брата Николая с младшей дочерью известного декабриста князя Сергея Петровича Трубецкого¹⁴⁵, девятнадцатилетней Зинаидой Сергеевной, которая 60 уже лет украшает нашу семью своей добродетельной жизнью и утешает меня испытанной своей дружбой, в которой вся многочисленная семья Свербеевых, а особенно я лично получили постоянную опору во всех трудных событиях нашей совместной жизни. В том же 56-м году, кажется в ноябре месяце, вернулся брат мой Николай Дмитриевич с женою в Москву к родителям, поселился во дворе во флигеле и прожил там зиму. С ним вместе приехал в Москву его тесть князь Трубецкой, возвращённый из ссылки по манифесту 26 Августа 1856 года и сын его, князь Иван Сергеевич. 13 Апреля 56-го года в Москве родился старший их сын, мой любимый племянник Сергей Николаевич¹⁴⁶, побывший послом в Германии. Служба в Сибири не прошла даром моему брату, от длинных путешествий здоровье его пострадало, и четыре года спустя он поселился в только что купленном для него имении, селе Сетуха Тульской губернии Новосильского уезда, где он и погребён под зимним пределом местной церкви. Скончался он в декабре 1860 г. в день своего ангела, оставив 23-летнюю вдову и двух малолет-

¹⁴⁴ Дионисий (в миру Хитрово Дмитрий Васильевич) (1818-1896). Служил в Преображенской церкви города Якутска с 1841 по 1858 года. В 1867 году назначен Викарием Камчатской епархии, в 1883-1896 годах епископ Уфимский и Мензелийский.

¹⁴⁵ Трубецкой Сергей Петрович (1790-1860) — князь, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, полковник гвардии, один из руководителей Северного общества декабристов.

¹⁴⁶ Свербеев Сергей Николаевич (1857-1922) — по семейной традиции выбрал дипломатическую карьеру. Служил в Министерстве иностранных дел. В 1910-1912 годах чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции. В 1912-1914 годах последний посол Российской империи в Германии. После начала Первой мировой войны вернулся в Россию. После Октябрьского переворота эмигрировал. Скончался в Германии.

них сыновей: Сергея 3-х и Дмитрия¹⁴⁷ 2-х лет, которые выросли и воспитались в Москве и той же Сетухе, где они проживают и в настоящее время.

Кончая этот краткий биографический очерк моего брата, считаю непрямым моим долгом обратиться к его вдове и его сыну с убедительной просьбой издать для семьи Свербеевых и может для немногих из публики, более подробную его биографию с напечатанием его двух вышеупомянутых статей и теми подробностями его службы, которые имеются в его письмах к родителям. Приведу пример: Иннокентий и Дионисий присылают к нему стихотворение Аксакова «К студенту Свербееву»¹⁴⁸ и краткий отзыв о нём в письме А.С. Хомякова к моему отцу, после получения письма от Николая Дмитриевича из Сибири. Хотя жизнь моего брата была и необычная, но не может не быть поучительной для молодого поколения, и оно должно убедиться, как интересна бывает неустанная работа и служба на благо отечества. Архиепископ Иннокентий возвёл ему памятник в виде часовни в станице Свербеево¹⁴⁹, по берегам того далёкого Амура, где протекала его деятельность после встречи в Якутске о которой имеются вести матери нашей в его письмах. Интересно было почитать 2 письма к моей матери митрополита Иннокентия о действиях его при основании городов Благовещенск и Николаевск на Амуре. Думаю, что русская публика с интересом прочтает эту часть нашей семейной истории, если та появится в особом издании.

Старшая сестра моя Варвара Дмитриевна (о ней упоминаю только мимоходом, чтобы сказать несколько слов о её муже Льве Ивановиче Арнольди¹⁵⁰) была особенной любимицей нашей детской, в которой мы её всегда приветствовали, как будто проглянул наш солнечный луч. Весёлая, жизнерадостная, замечательно красивая, она радовала нас своим прекрасным голосом, когда распевала свои и наши любимые песни и романсы. 18-ти лет она появилась в том Московском свете и имела несомненный успех благодаря своей красоте и весёлому нраву. Позднее, тяжёлая болезнь приковала её на долгое время к домашней жизни, и только после заграничной поездки, куда её повезла моя мать с двумя другими сёстрами, она отдохнула от своего недуга

¹⁴⁷ Свербеев Дмитрий Николаевич (1858-1889) – умер во Франции, где проживал по долгу, как ему было рекомендовано врачами из-за слабого здоровья.

¹⁴⁸ «К студенту Свербееву» – стихотворение Константина Сергеевича Аксакова, написанное им в 1847 году.

¹⁴⁹ Свербеево – казачья станица на левом берегу Амура

¹⁵⁰ Арнольди Лев Иванович (1822-1860) – служил при Калужском губернаторе чиновником по особым поручениям, затем был вице-губернатором. Пробовал себя на литературном поприще.

и в 52-м году вернулась в свою семью и родную Московскую среду. В 1854 г. она вышла замуж за умного, красивого и нарядного Льва Ивановича Арнольди, брата по матери известной при русском дворе и по литературе в нашем обществе красавицы Александры Иосифовны Смирновой¹⁵¹, друга Пушкина, Гоголя, Вяземского, Алексея Толстого, и всех замечательных в то время поэтов и писателей, которым она много помогала, часто заступалась за них перед строгим императором Николаем I и спасая их от многих невзгод и неудобств. В этом кругу постоянно вращался талантливый и обаятельный Лев Иванович и пользовался огромным успехом среди и мужского и дамского общества. Он был особенно дружен с графом Алексеем Толстым¹⁵² известным поэтом, писателем, и близок к Гоголю, с которым долго вместе проживал в губернаторском доме в Калуге, когда там был губернатором муж Александры Иосифовны Николай Михайлович Смирнов¹⁵³ и сестра его украшала своим присутствием Калужскую провинциальную жизнь. Сам Л.И. был не чужд литературы, писал прекрасные стихи, которые сохранились у Варвары Дмитриевны и даже написал талантливую повесть, напечатанную за подписью графа Сологуба, которому он передал своё авторство, не желая подписывать неизвестной авторской фамилией. Эту повесть Сологуб ему же и посвятил. Лев Иванович был только что назначен вице-губернатором Калужской губернии, прожил там четыре года с моей сестрой. Там они особенно дружили с Унковскими¹⁵⁴, Оболенскими (князь Евгений Петрович де-

¹⁵¹ Смирнова-Россет Александра Иосифовна (1809-1882) – фрейлина, ме-
муаристка.

¹⁵² Толстой Алексей Константинович (1817-1875) – граф, поэт, прозаик

¹⁵³ Смирнов Николай Михайлович (1807 (1808) – 1870) – служил в российской дипломатической миссии во Флоренции (1825-1828); калужский губернатор (1845-1851), петербургский губернатор (1855-1861), сенатор (1861-1866), с 1832 г. муж А.О. Россети.

¹⁵⁴ Унковские известная в Калуге семья, бывшая в эпоху царствования императора Николая I одним из центров культурной жизни в русской провинции. Семья Унковских состояла из Семёна Яковлевича Унковского (1788-1882), моряка, участника кругосветного путешествия адмирала Лазарева и Варвары Алексеевны Белкиной (1794-1853). У них было десять детей. Большая семья и недостаток денег вынуждали Унковских искать дополнительные источники к существованию. В своём имении Колышево он устроил пансион, где обучались дети калужских дворян. Один из его воспитанников оставил в своих «Записках» описание усадьбы: «Деревня Колышево, в которой мы жили, расположена на берегу реки Угры. Господский дом недалеко от перевоза, на крутом берегу, чрезвычайно напоминает дом, описанный Гоголем в «Старосветских помещиках»; почти тоже расположение, с прибавкою, впрочем, мезонина, те же скрипящие двери, поющие на разный лад, на дворе так же точно

кабрист)¹⁵⁵, много бывали в Калужском обществе и принимали у себя, поселённого тогда в Калуге знаменитого Кавказского врага нашего Шамиля¹⁵⁶. В 55-м году посетил я их тогда, когда они жили за Окой, против города в великолепном имении ... с его знаменитыми стриженными садами и чудесным видом на расположенный против него живописный город Калугу. В 58-м году чета Арнольди была принуждена поехать за границу для лечения грудной болезни Льва Ивановича, прожили зиму в Риме и вернулись в Россию осенью 59-го года. Последнюю зиму совместной жизни они прожили в Москве, где и скончался Лев Иванович Его смерть, в марте 60-го года 38-и лет, за несколько месяцев до кончины моего брата Николая Дмитриевича. В это время у моих родителей, в числе их ежедневных посетителей были вернувшиеся из Сибири декабристы, поселившиеся тогда в Моск-

протопанные тропинки к амбару и кухне. Перед домом к реке палисадник, на который летом слетается бесчисленное количество шпанских мух, распространяющих сильное зловоние. Палисадник этот украшен цветниками разных форм, вышедших уже ныне из моды. Два тополя по краям балкона памятны тем, что на них были вырезаны начальные буквы наших имён. Другая сторона дома обращена была во двор, на котором, кроме кухни и конюшни, находился особый флигель, в котором жила тётушка Унковская, 70-летняя старуха. За амбарами начиналась прекрасная роща, а близ неё фруктовый сад» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского СПб., 2005. С. 45). Пансион не оправдал ожиданий Унковского. Он поступил на гражданскую службу. Был чиновником для особых поручений при Калужском губернаторе, директором училищ Калужской губернии, директором Московского дворянского института.

¹⁵⁵ Оболенский Евгений Петрович (1796-1865) — князь, декабрист, член «Северного общества». Возвратившиеся из ссылки декабристы производили очень благоприятное впечатление на представителей другого поколения. Дальний родственник Евгения Петровича, Дмитрий Александрович пишет в своих «Записках»: «Проездом через Калугу я остановился там на сутки и по этому случаю ближе познакомился с братом княгини Натальи Петровны Евгением Петровичем Оболенским, недавно прибывшим на жительство в Калугу из Сибири вследствие милостивого манифеста о несчастных 14-го декабря. Я прежде много слышал о нём хорошего, о его уме и душевных качествах, мне весьма любопытно было познакомиться с одним из самых ретивых участников во всей печальной истории того времени. Впечатление, произведённое на меня Евгением Петровичем, самое приятное. Я нашёл в нём гораздо более хорошего, чем ожидал найти, его личность дала мне довольно верное понятие о людях того времени, об их стремлении и направлении, а рассказы Евгения Петровича представили мне всё прошедшее в новом свете, гораздо более правдивом, чем как мы привыкли слышать из других источников» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 159).

¹⁵⁶ Шамиль (1797-1871) — предводитель кавказских горцев в их войне против России.

ве князь С.П. Трубецкой, князь Сергей Григорьевич Волконский¹⁵⁷, Батенков¹⁵⁸ (25 лет одиночного заключения в крепости), Свистунов и др. Таким образом, совершилось в нашем доме слияние двух эпох и выдающиеся люди времён Александра I лично знакомились с современниками Александра II, в составлении планов его знаменитых реформ за несколько месяцев до 19 Февраля 1861 года.

Особенным баловнем всей нашей семьи был второй мой брат Владимир Дмитриевич. Он был моложе меня на 1,5 года и третьим сыном моих родителей: красивый очень способный, остроумный, очень ловкий, он своими выходками забавлял весь дом и всю семью и все его учителя... он был ленив к учению, но тем не менее поражал многих учителей своими сведениями. Так, например, на уроке греческого языка профессора Птяковского он знал наизусть все мудреные греческие слова, заданные к этому уроку. Так как он имел привычку размахивать руками и пристально смотрел на свою ладонь, то меня взяло сомнение, что бы это значило и я увидел, что на его ладони были исписаны все эти слова на русском языке. Птяковский никогда не спрашивал их в разбивку, то Володя всегда имел пятёрки за свои ответы. Даровитый профессор математики Лукомов очень занимательно преподававший свой предмет, один удостоил особого внимания моего брата. Пока Лукомов записывал математические формулы на большой доске и устремлял на неё всё своё внимание, мой брат другим мелом рисовал на его спине и плече его фрака очень красивые пейзажи и преимущественно ветвистые деревья с большим количеством на них птиц. К концу урока Владимир успевал вычистить спину и брюки его, но как-то раз Лукомов неожиданно скоро окончил урок и отправился дальше в Институт благородных девиц при Воспитательном Доме¹⁵⁹, при его появлении воспитанницы окружили его с громким хохотом и потом объяснили ему причину своего веселья. На следующий урок Лукомов пришёл весьма грозный и обещал Владимиру пожаловаться на него папеньке. В следующий же за тем урок рассеянность профессора взяла своё и брат мой с ещё большим талантом принялся разрисовывать его фрак ещё более интересными сюжетами. Другой его

¹⁵⁷ Волконский Сергей Григорьевич (1788-1865) — князь декабрист, член Южного общества.

¹⁵⁸ Батеньков Гаврила Степанович (1793-1863) — офицер, декабрист участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов.

¹⁵⁹ Институт благородных девиц при Воспитательном доме, по всей видимости имеется в виду основанный в 1825 году княгиней Т.В. Голицыной «Московский дом трудолюбия», предназначенный первоначально для воспитания бедных девушек сирот. В 1847 году был переименован в Елизаветинское училище, в память о императрице Елизавете Алексеевне, супруге императора Александра I.

дерзостью было насыпать мелу в табакерку и подносить её зазевавшемуся профессору. Всего забавнее были его отношения к нашему учителю Закона Божьего, профессору Духовной Академии Алексею Фёдоровичу Кирьякову¹⁶⁰, весьма скучному и бездарному, который утомил нас своим преподаванием. Всегда прерывал его нескончаемыми вопросами о предмете преподавания, бывшего часто совершенно к нему не относящегося и был бесконечно счастлив, когда доводил учителя до какого-нибудь нелепого ответа. Так, помню я, что на каком-то уроке вспомнилась ослица Валаама, и мы с братом прозвали самого учителя, то Володя начал разговор с Кирьяковым об обязанности всякого христианина смиренно пропустить все нанесённые ему обиды, и когда учитель одобрил такое его христианское мнение, то Владимир Дмитриевич обратился к нему с следующим вопросом: «А как бы поступили Вы, если кто-нибудь нанёс вам словесную обиду, или когда назвал ослицей Валаамовой»? Кирьяков ответил, что он несомненно простил бы своего обидчика и тогда мой брат чистосердечно признался, что между собой мы иногда так его зовём.

Но особенно памятны мне уроки русского языка, товарищем моего брата Николая Дмитриевича, будущим государственным контролёром Терентием Ивановичем Филипповым¹⁶¹. Он обладал красивым незаурядным тенором и превосходно пел русские песни, до чего сам был большой охотник. Т.к. Володя никогда не готовил своих уроков и предпочитал слушать хорошее пение, то обыкновенно целый час проходил в слушании чудесного пения учителя, так ловко наводил его ученик на все новые и красивые песни.

Так прожили мы много лет в одной комнате с братом Володей, под присмотром нашего гувернёра Герстена и сперва эту комнату покинул я, когда поступил в Университет на Историко-Филологический факультет, где проходил и курс брат мой Николай Дмитриевич. Вспоминаю, что в 52-м году мы уже жили в новом доме моих родителей близ Собачьей площадки, купленном у ... за 35 тыс., и опять поселились вместе с братом Владимиром в нижнем этаже, в двух комнатах, выходящих на двор. Володя поступил в Университет позднее меня, кажется в 54-ом году на физико-математический факультет, естественное отделение. Среди студентов своих товарищей он был очень популярен все его очень любили и бесконечно наслаждались всеми его самыми неожиданными забавами, нередко рискованными, но всегда удачли-

¹⁶⁰ Кирьяков Алексей Фёдорович (1804-1892) — филолог, профессор Московской семинарии.

¹⁶¹ Филиппов Терентий Иванович (1825-1899) — публицист, сотрудник молодой редакции журнала «Москвитянин». Участвовал в издании журнала «Русская беседа». С 1878 года занимал должность товарища государственного контролёра, в 1889-1899 гг. — государственный контролёр.

выми. Лекции он мало посещал, но был постоянным посетителем двух знаменитых студенческих трактиров «Британии» на углу Моховой против Университета и «Травника» у Арбатских ворот, превратившегося теперь в известный ресторан «Прагу».

Весёлая их компания часто являлась в нашу студенческую квартиру и отличалась многолюдством. По Воскресеньям вечером у меня всегда собирались товарищи и бывали даже литературные чтения. Разумеется, была и небольшая игра в карты, но особой приманкой для студентов была бильярдная комната в нашем доме, очень близкая к нашей квартире и в ней до поздней ночи слышался стук шаров и шумные разговоры, хотя в 12 ч. по обычаям домашним все должны были расходиться. Скромность нашего угощения для гостей была поразительной. Подавался чай с лимоном и в виде особого лакомства крымские яблоки; каждый такой вечер стоил мне лишь 1/2 бр. чая и десятка три—четыре яблок. О вине не было и помина, а между тем у нас царило веселье и оживление. Кто тогда читал нам свои произведения ... поэт, а слушателями его были Иван Голицын¹⁶², Николай Строганов, Саша Мулетов, К. Биледов, его большой друг Порфирий Николаевич Масленников (умерший попечитель Казанского Округа), Ухтомский, Иван Раевский, Ал. Гатунг (Крест. Кол) [*? — комм. сост.*] и будущий профессор философии в Киеве А.А. Козлов¹⁶³, чрезвычайно даровитый и с весьма удивительным нравом. Он впоследствии женился на дочери своей кухарки и вместе с тем имел двух мусульманских жён, которые вдобавок были родными сёстрами. Такая его жизнь была всем известна и не мешала ему быть наставником и даже гувернёром в разных более или менее аристократических домах. Последние годы моего студенчества началось революционное движение в Московском университете и у меня неожиданно стали появляться разные молодые люди довольно красного направления, но я скоро прекратил их нашествие. Необходимо упомянуть, что некоторая часть моих товарищей вместе со мной и профессором Дмитриевым¹⁶⁴ отправлялись на

¹⁶² Голицын Иван Михайлович (1835-1896) — князь. Служил в Министерстве иностранных дел. Был Президентом Придворной канторы, обер-гофмаршалом.

¹⁶³ Козлов Алексей Александрович (1831-1901) — философ, первоначально считавшийся материалистом, а затем перешедший к спиритуализму. В 1876-1886 годах был профессором Киевского университета.

¹⁶⁴ Дмитриев Фёдор Михайлович (1829-1894) — историк русского права, профессор Московского университета (1859-1868), секретарь великой княгини Елены Павловны. В фонде семьи Свербеевых в РГАЛИ сохранилось письмо Дмитриева к Свербееву о совместном посещении ими православной службы: «Любезнейший Александр Дмитриевич! Уведомите меня, пойдёте ли вы сегодня к заутрене. Если пойдёте, то я приду к Вам часов в 11. Устройте пожалуйста так, чтобы мне не прийти дверьми затворённым» (Ф.472. Оп. 1. Д. 195. Л. 7).

Страстной неделе в Успенский собор к заутреням и выстаивали их до конца, переходя иногда и в Чудов монастырь и накупивши там тёплых просфор шли пить чай в простонародные трактиры в Охотном ряду вместе с извозчиками, единственными их посетителями в такую раннюю пору. Разумеется, мы поили извозчиков чаем, и они из благодарности развозили нас по домам. И тут, во время нашего моления в Успенском соборе Володя забавлялся тем, что поджигал будто нечаянно великолепные шубы Московских купцов, с которыми он непременно вступал в дружеские беседы, и потом с ними вместе тушил их меха. Два раза мы студенты после благополучных экзаменов, ходили пешком в Троицкий Посад и совершали этот 70 вёрстный путь менее чем в сутки. Там занимали мы пустой дом на окраине и очень весело проводили время, но всегда выстаивали длинные монастырские службы, а домой возвращались уже на лошадях.

Когда началась Крымская война, то брат мой Владимир, тотчас стал собираться на Кавказ, и только несогласие на это моих родителей удержало его в семье до Октября 53-го года. 17 Октября ему минуло 18 лет, и он отправился на губительный Кавказ, не окончив университет он поступил юнкером в полк. Слишком рано покинул он отчий дом и его легкомыслие и постоянное баловство его всеми его окружающими повлияло на его дальнейшую судьбу. Смолоду ему было весело, в старости жить трудно и не мало лишений он перенёс в своей жизни. И на Кавказе его встретило и окружило такое же баловство в той среде, в которую он попал. Снабжённый самыми лестными рекомендациями близких родственников тогдашнему Кавказскому наместнику и главноначальствующему Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому¹⁶⁵ он не только был им чрезвычайно обласкан, но и введён им в свою домашнюю сферу, где он так обжился, что вёл себя весьма непринуждённо, забыл всякую дисциплину и стал весьма фамильярно обращаться с состоящими при наместнике генералами и свитой. Так благополучно продолжалась его служба во всё время начальства генерала Муравьёва, но когда последовал заменивший его на

¹⁶⁵ Муравьёв-Карский Николай Николаевич (1794-1866) — потомственный офицер, дипломат и путешественник. Участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах. В дальнейшем служил в Кавказской армии, где и сделал свою карьеру. В 1819-1820 годах совершил путешествие в Среднюю Азию, которое описал в книге: «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьёва, посланного в сии страны для переговоров» (М., 1822). Книга имела большой успех.

Кавказе новый начальник князь Барятинский¹⁶⁶, то всё благополучие Владимира Дмитриевича внезапно окончилось, ибо юнкер Свербеев был князю совершенно неизвестен и при первой его служебной вы-ходке против военной дисциплины он был выслан из Тифлиса в свой полк и там оставался до конца своей службы на Кавказе. Состоял он ... дочь этого генерала 80-ти летняя графиня Монжене с большим со-чувствием упоминала о своём молодом знакомстве с В.Д. В 59-м году он внезапно уведомил родителей, что намерен жениться на юной кра-савице, брак с которой по словам отца моего был будто бы предпочти-тельней и несомненно связывался с её клерикальным происхождени-ем. Красавицу эту он отбил от её жениха в самый день её свадьбы, побившись об заклад со своими товарищами, что удачно выполнит своё намерение. Впоследствии этот брак не состоялся из-за отказа с которой стороны я не знаю, и брат мой оставил Кавказ и местами помогал отцу моему в его имущественных делах. Но зная его опромет-чивый нрав и непрактичность мы уговорили отца передать ему в соб-ственность одно из его имений. Он получил большое имение в Ниже-городской губернии при судоходной реке Ветлуге, унаследованное отцом моим от его матери. Когда брат мой оставил Кавказ и поселил-ся в Нижнем Новгороде, часто наезжая в своё имение, он стал там мировым посредником, и я мало знал о новой его деятельности и жизни. Из доходивших до меня слухов, можно было заключить, что он вёл самый широкий и весёлый образ жизни и пользовался там, как и везде большими симпатиями. Остроумие его часто приобретало ему врагов и особенно в чиновном мире, где он никогда никого не любил и потому устраивал себе самые неприятные инциденты. Так, напри-мер, на официальном приёме всех чинов (во время ярмарки) у Ниже-городского генерал-губернатора на милостивое обещание сего санов-ника оказать ему поддержку своей рекомендацией, Владимир Дмит-риевич ответил, что он думает сам оказать ему свою поддержку, гораз-до более полезную, и вызвал такими словами справедливое негодова-

¹⁶⁶ Барятинский Александр Иванович (1815-1879) – русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант. В 1856-1862 годах командующий От-дельным Кавказским корпусом, затем Кавказской армией. Сломил сопротивление горцев и 1859 году взял в плен Шамиля. Барятинский производил благо-приятное впечатление на современников: «Я нашёл в Барятинском челове-ка отлично честного и благородного, который способен отстаивать и говорить правду и не скрывать своих убеждений. Он весьма настойчиво и серьёзно занимается Кавказом, и в суждениях его видна как бы уверенность, что он в непродолжительном времени будет там наместником. О многих предметах он судит весьма здраво.» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенс-кого. СПб., 2005. С. 131).

ние генерал-губернатора, что не могло не отозваться на служебном его положении. Слышал я также, что Владимир Дмитриевич в Нижнем держал театральную труппу и что эта афера, способствовала его разорению¹⁶⁷, почему через несколько лет очень весёлого житья он переехал в Казань и там решил заняться адвокатурой. Клиенты его были большею частью бедные несчастные люди. Владимир Дмитриевич отличался добротой и участливым отношением к нуждавшимся в его помощи. В этой же Казани женился он гораздо позднее в 80-м году на дочери жандармского генерала Ларионова, Вере Григорьевне немолодой, некрасивой, но умной и с большими претензиями на оригинальность. У неё было небольшое состояние, которое они прожили в течение нескольких лет, поселившись позднее в Киеве. Здесь брат мой продолжал заниматься адвокатурой и составил себе небольшой дружеский кружок, где был весьма популярен. В этом кружке он нашёл и старого моего товарища и знакомого профессора Козлова. С ним подолгу беседовали они о всяких выпретенных материях и вероятно никогда не касались оригинальной жизни самого философа. В 1886 г. внезапно скончался от воспаления лёгких брат мой Владимир Дмитриевич на 50-м году жизни. Мы с сестрой Ольгой Дмитриевной поехали на его погребение, весьма торжественно состоявшееся в ..., где его отпевал великолепный миссионер, тогдашний Киевский викарий преподобный Ювеналий¹⁶⁸, впоследствии архиепископ Литовский и Виленский. В чудесное осеннее утро (29 сентября) проводили мы его до могилы его на живописном скате к Днепру на кладбище у самой «Аскольдовой могилы». Когда мы шли за его гробом, который везли четыре превосходные лошади, давняя его приятельница Бородина, родственница известного музыканта, сказал мне, вспоминая любовь моего брата к лошадям и вообще ко всякой торжественной обстановке: «Как Владимир Дмитриевич был бы доволен своими собственными похоронами». Вдова его осталась жить в Киеве и отличалась своей любовью к бесчисленному количеству маленьких собак, которые наводняли её квартиру к мнимому удовольствию её прислуги. Она уже успокоилась на той же исторической Аскольдовой могиле, несколько лет спустя смерти своего мужа.

¹⁶⁷ Слухи об образе жизни и финансовых проблемах Владимира Дмитриевича Свербеева дошли даже до Л.Н. Толстого: «Пошёл к Свербеевой, умная, добрая. Я глупо говорил (из эгоизма) об об[щем] дурном мнении о её брате к[оторое] я не разделяю» (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 50. Дневники и записные книжки 1888-1889. С. 34).

¹⁶⁸ Ювеналий (Иван Андреевич Половцев) (1826-1904) – архиепископ Литовский и Виленский.

О двух самых младших братьях Дмитрие Дмитриевиче и Михаиле Дмитриевиче мне будет трудно говорить потому, что они были на много лет моложе и когда я оставил свою семью и в 56-м году поехал на службу в Прибалтийский край, брату Дмитрию было всего десять, а младшему Михаилу восемь лет. Оставив их тогда в ребяческом возрасте, я в 59-м году нашёл их ещё юными отроками, и после во время кратких моих возвращений на Собачью площадку не часто с ними встречался и близко познакомился, когда они стали уже зрелыми и обзавелись собственными семьями. Ещё Дмитрие Дмитриевича случалось мне [видеть — комм. сост.] потому, что в 1870-м году я отвозил его по желанию родителей в мужское суровое Лифляндское училище «Биркенру», где он за одну зиму натерпелся немало лишений и не окончив там учения — поехал с нами за границу, где они провели зиму в южной Франции в г. По. В это время, когда я служил при нашей миссии в Штутгарте, приехал туда и Дмитрий Дмитриевич и поселился в Гогенгейме, где было известное сельскохозяйственное училище и он там несколько месяцев был вольнослушателем. Оттуда он вернулся в Россию, где отец поручил ему заняться хозяйством в его имениях. Осенью 1870-го года приезжал я в Москву на свадьбу Дмитрие Дмитриевича. Женился он на прелестной, единственной дочери Фёдора Михайловича¹⁶⁹ Катерине Фёдоровне Сухотиной из почтенного рода Сухотиных, пользовавшихся везде, где их знали, а особенно в Москве и Тульской губернии особенным уважением. Фёдор Михайлович и Любовь Николаевна были выдающиеся по своему благочестию и благородству люди, почти святые, в чём я сам убедился, слушая разговоры внуков, детей Дмитрие Дмитриевича, которого они нежно любили и опекали до самой своей смерти. Всеми нашими хорошими и добрыми побуждениями, говорил мне, подолгу проживавший у меня, любимец мой, племянник Николай Дмитриевич, мы весьма обязаны дедушке и бабушке, которые служили нам примером своей благочестивой жизнью. Фёдор Михайлович постоянно водил своих внуков на длинные службы в Успенском Соборе и по другим церквям. Когда в 74-м году скончался мой отец, Дмитрий Дмитриевич был председателем Серпуховской Земской Управы, откуда перешёл мировым посредником в Новосильский уезд, где и поселился в родовом нашем имении Михайловское, получивши его в наследство по брошенному нами жребью и оставался там до назначения своего вице-губернатором в Тульской губернии. Из Тулы он перешёл в Курляндскую губернию и вышел в отставку в 1906 г. после революции.

¹⁶⁹ Сухотин Фёдор Михайлович (1816-1889) — тайный советник, председатель Московского попечительного о бедных комитета.

Младший мой брат Михаил Дмитриевич был на 13 лет меня моложе, родился в 1848 г. в Москве в доме на Тверском бульваре в доме Кротова, где его крестили старший брат Николай Дмитриевич и сестра Варвара Дмитриевна. Я уже упомянул, что большое расстояние наших лет, а тем более мой отъезд на службу и редкое затем появление в семье, лишило меня возможности говорить подробнее о детстве и юности брата, ибо я едва его знал гимназистом и мало видел после окончания им 3-й Московской гимназии, когда он поступил вольнослушателем (также, как и брат мой Дмитрий Дмитриевич) в Московский Университет. Здесь они очень весело жили со своими многочисленными товарищами и стали весьма известны своими похождениями. Так, например, целой гурьбой они забрались однажды в Никитский женский монастырь, где всё-таки монахини сумели привести одного студента из весёлой компании к матери игуменьи, которая узрев его фамилию сделала ему строгое внушение и прибавила, что только известное благочестие его семьи может его избавить от дальнейшего преследования. Я ближе познакомился с братом Михаилом, когда он поступил на службу в Курск, чиновником особых поручений при губернаторе Жедринском¹⁷⁰, у коего он был в большом почёте и бесцеремонно приносил к нему в дом, когда приглашаем был туда обедать, свою собственную еду в постные дни, так как по благочестию своему постился во все указанные церковью дни. У него собиралась всегда вся оппозиция против губернатора и несмотря на хорошие с ним отношения он весьма откровенно публично критиковал его действия. На моё замечание, что не совсем удобно так действовать чиновнику особых поручений, он мне ответил, что это то и есть его особые поручения, которые он исполняет. Очень он был дружен с курскими епископами, сначала с преосвященным Михаилом¹⁷¹, ... впоследствии митрополитом Московским. В их крестовой церкви он постоянно читал за службами, а читал он великолепно, ... и каноны и держал у себя в повиновении всю архиерейскую челядь и даже духовенство. Из Курска Михаил Дмитриевич перешёл на службу в Киев, где состоял при генерал-губернаторе Дрентелен¹⁷² и был близким к его семье человеком. В Киеве он наслаждался чудесными службами в Софийском соборе и в Киевской Лавре, имея много друзей в высшем духовном мире.

¹⁷⁰ Жедринский Александр Николаевич (?-1892) — в службе с 1847 года, губернатор Курска с 1866 по 1881 год.

¹⁷¹ Михаил (в миру Матвей Иванович Лузин) (1830-1887) — епископ Курский и Белгородский, духовный писатель, богослов, библиист.

¹⁷² Дрентелен Александр Романович (1820-1888) — российский государственный деятель. В 1881-1888 годах — Киевский генерал-губернатор.

Затем приблизил его к себе Константин Петрович Победоносцев¹⁷³, у коего он был чиновником особых поручений и часто разъезжал по России с самыми конфиденциальными поручениями. Знакомства его в Синодальной среде были обширные и не мало способствовал он возвышению разных протоиереев и архимандритов, а потому естественно, где бы не появлялся он, в различных храмах обширной России, везде он пользовался большим почётом у местного духовенства и любезным вниманием православных богомольцев, будь то Московский Успенский собор, или Великие церкви Киевской Лавры или же, например, в Михайловском монастыре в г. Воронеж, где он, единственный из мирян погребён в 1903 году, возле алтаря трапезной церкви.

Женился Михаил Дмитриевич в 1878 г. на Марии Вячеславовне Шидловской¹⁷⁴, умной, симпатичной, из весьма известного в Воронежской губернии многоветвистого рода Шидловских, где её отец, родной дядя и впоследствии двоюродный брат были бессменными губернскими предводителями дворянства. После женитьбы брат мой оставался в Москве, где и прожил последние годы, отъезжая на лето в своё Тульское имение «Хомутово» Новосильского уезда или в имение жены «Гвоздевку», находящееся в Воронежской губернии в 17-ти верстах от губернского города. В Московском обществе он был очень любим и популярен и несмотря на свою Щербатовскую ворчливость, пользовался расположением всех его знавших, не исключая и прислуги. Скончался он 10 Января 1903 года в г. Воронеже от воспаления в лёгких. На похоронах его было ясно видно общее сочувствие, он умел заслужить не только своим искренним благочестием, но и простотой своего открытого русского сердца. Необходимо присовокупить, что не малую роль Михаил Дмитриевич играл в разных церковных вопросах и особенно в вопросе соединения с англиканской церковью и потому многие приезжавшие по этому поводу в Россию англичане, всегда приезжали к нему и часто из хороших знакомых становились его личными друзьями, как например Иван Васильевич Бирбен, часто возвращавшийся в Москву и теперь для того, чтобы помолиться в Успенском соборе на всех продолжительных службах Страстной недели и Святой после, следил за богослужениями по служебнику. Также встречал и архиепископа Йоркского и часто с последним обедал у моего брата. Кончая этот краткий очерк жизнеописания брата Михаила не

¹⁷³ Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) – русский государственный деятель, в 1860-1865 годах – профессор гражданского права в Московском университете, с 1868 года – сенатор, с 1872 года – член Государственного совета, в 1880-1905 годах – обер-прокурор Святейшего Синода. В царствование императора Александра III его ближайший советник.

¹⁷⁴ Шидловская Мария Вячеславовна (1853-1912).

могу не сказать, что его праведная жизнь, искреннее благочестие уже здесь на земле заслужили награду в той доброй памяти, которую он по себе оставил. Хочу ещё прибавить, что 17-го Сентября 1903 года в той же домово́й церкви Дворянского Дома, где состоялось отпевание брата Михаила Дмитриевича, было совершено венчание его единственной дочери Екатерины Михайловны¹⁷⁵ с А.И. Звегинцевым¹⁷⁶, видным Воронежским общественным деятелем и земским гласным, впоследствии выдающимся членом Государственной думы, где он много потрудился во всех комиссиях, в особенности по бюджету и по военной и морской обороне. В Октябре 14-го года он вернулся добровольно в действующую армию, состоял бессменно при генерале Радко-Дмитриеве¹⁷⁷, при его штабе и заведовал военными разведчиками. Здесь погиб он 2-го Ноября 1916 г. при полёте на шаре, при проверке неприятельского расположения, оставил по себе память самоотверженного воина и благородного государственного деятеля. Торжественное отпевание его было в городе Минске, а погребение состоялось в городе Воронеже, при многочисленном стечении депутатов от всех сословий и учреждений.

Прежде чем приступить к рассказам о моих сёстрах, мне хочется передать некоторые подробности о нашем воспитании. Были мы очень строго воспитаны, ибо наша мудрая мать хорошо понимала, что в такой большой семье (нас было 10 человек детей) необходимо послушание для того, чтобы могли мирно жить не только дети, но и окружающие их многочисленные наши гувернёры, гувернантки, приходящие учителя и вся прислуга, которая состояла из большого количества наших же крепостных и представляла из себя собрание разнообразных ремесел и мастерства. Между ними были собственные партии, сапожники, швеи и вышивальщицы и весь этот мир назывался тогда дворней. Следует помнить, что тогда ещё в силе было крепостное право, но мы никогда не видели его плохих сторон и не слышали грубые слова, обращённые к прислуге. Зорко следили за нами тогда все старшие, чтобы мы не кичились своим барством и от нас всегда требовалось участие, доброе отношение к приставленным к нам служащим,

¹⁷⁵ Звегинцева (Свербеева) Екатерина Михайловна (1879-1948).

¹⁷⁶ Звегинцев Александр Иванович (1869-1915) – происходил из старинного дворянского рода. В 1884 году окончил Морское училище. Служил на крейсере «Владимир Мономах». Затем служил в Кавалергардском полку. Слушал лекции в академии Генерального штаба. Совершил путешествие по Корейскому полуострову.

¹⁷⁷ Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859-1918) – болгарский и русский генерал. Участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. С началом Первой мировой войны добровольцем вступил в русскую армию.

которые сами наблюдали, чтобы мы как-нибудь не нарушили добрых обычаев наших родителей. Так как мы были воспитаны по-спартански, то на прислугу были возложены немногие обязанности. Она чистила наше платье, носила воду для умыванья, [если — комм. сост.] убирала и выметала комнату, чистила в наших детских, в следствии нашего неряшества там появлялся сор или на полу оказывались грязь и пятна, то нашей обязанностью было убирать эти следы и потому мы часто сами и убирали свои комнаты, где всегда царили большой порядок и чистота.

Наблюдал за нами наш немец гувернёр и иностранные гувернантки, из которых мы особо любили и уважали, жившую долго при моих старших сёстрах Прибалтийскую уроженку мадмуазель Ленц, сёстры коей много лет содержали в Дерпте, (нынешнем Юрьеве) известный в то время пансион для девиц. От нас требовалось уважение и учти-вость к старшим, доброе отношение между собой и как сказано выше хорошее отношение ко всем домашним. Посторонних детей мы до юношеского возраста почти не видели и довольствовались собственным своим обществом, где всегда было оживлённо и весело. По утрам мы ежедневно в спальне нашей матери читали по главе из Евангелия и Апостолов, а подчас в великие дни Страстной недели мать сама нам читала проповеди Иоанна Златоуста о страстях господних и помнится мне, что мы всегда внимательно слушали просторечивые слова этого великого проповедника. В церковь ходили мы каждое Воскресенье с отцом моим, и я не помню, чтобы мы из-за болезней, не исполнили этого первого долга. Отец сам был очень благочестив и часто заставлял нас читать разные трактаты и притчи и переводить их с мудрёного славянского языка на русский, например, «Всемирную славу», при словах которой знаменитый современник Петра Великого, князь Яков Долгорукий¹⁷⁸ освободился из плена, бросился на шведов, которые его увозили в свой лагерь на лодке по Неве и переплыл Неву, воспевая дальнейшие слова этого стиха «Дерзайте люди Божие». Очень забавляло отца как мы становились в тупик от непонятной для нас конструкции этого византийского сочинения, кажется Козьмы Миунского. Отец очень любил занимать нас этими переводами и таким образом удостоверился в нашем понимании церковной службы, которую он очень уважал и знал превосходно. Был он очень нежен со своими детьми, но также требовал строго исполнения всех предписанных нам правил и обрядов. Мать же моя, урождённая княжна Щербатова, унаследовала от своих предков взыскательный нрав, который всегда отзы-

¹⁷⁸ Долгорукий Яков Фёдорович (1639–1720) — князь, русский государственный деятель, сподвижник Петра I. В 1700 году под Нарвой попал в плен к шведам.

вался в деланных нам замечаниях и взысканиях. По мере того, как мы становились старше, мы всё чётче понимали ту глубокую любовь нашей матери, которая проявлялась в нашем мудром воспитании. Именно это воспитание дало нам силу пережить все горести и скорби, которыми изобиловала наша дальнейшая жизнь, как и всякая жизнь человеческая. Обозревая теперь издали наше детство и юность, я благодарю Господа за то, что он дал нам таких любящих и мудрых родителей, которые своим примером и прекрасною жизнью остались для нас источником всех наших добрых дел и хороших побуждений. Кончая это рассуждение, я не могу не вспомнить родной нашей тётки, сестры моей матери Анны Александровны Елагиной, урождённой княжны Щербатовой. Ей мы были обязаны многими неприятными воспоминаниями нашего детства. Была она ещё большим олицетворением своего Щербатовского рода и отличалась большой строгостью и пристрастностью, последствием коих были громовые словоизвержения, весьма обидные для слушателя. А в сущности, как мы узнали гораздо позднее, она была очень добрым, отзывчивым и даже скромным человеком с очень благородным проявлением характера. На нас она смотрела, как на маленьких извергов, вечно нас подозревала в непочтении к нашей матери и потому измышляла разные наши зловредные поступки, о которых всегда докладывала, где не следовало. Очень гордилась она своим происхождением, считала Щербатовых самым знатным русским родом и с снисхождением говорила об Оболенских (мать её была княжна Оболенская).

Когда я ей сказал, что Щербатовы те же Оболенские, она выразила мне своё неудовольствие. Мне приходится объяснить оригинальность некоторых данных о её предках Щербатовых. Её родной дед и мой прадед князь Фёдор Фёдорович Щербатов¹⁷⁹ был очень богат (25 тысяч душ) и когда-то был разбит на Волге Пугачёвым, за что был замёнён в командовании Бибиковым¹⁸⁰ и заподозренный в измене Екатериной II, был сослан в свои поместья Казанской губернии. Женат он

¹⁷⁹ Щербатов Фёдор Фёдорович (1729-1791) — князь, начал военную службу с 1744 года. Участвовал в Семилетней войне. В 1762 году был произведён в генерал-майоры. Участвовал в работе комиссии по составлению нового Уложения. В ходе русско-турецкой войны 1768-1774 годов командовал отдельным корпусом. Был отозван из действовавшей против турок армии и отправлен сражаться с Пугачёвым. Потерпел от него поражение, после чего был отправлен в отставку «по слабости здоровья».

¹⁸⁰ Бибиков Александр Ильич (1729-1774) — русский военный и государственный деятель, генерал-аншеф, маршал Уложенной Комиссии, главнокомандующий в борьбе с польскими конфедераторами и при подавлении Пугачевщины.

был первым браком на богатейшей княжне Черкасской¹⁸¹, и имел от неё единственную дочь Дарью Фёдоровну¹⁸², вышедшую впоследствии за фаворита Екатерины II графа Мамонова¹⁸³. Княжна Дарья Фёдоровна была взята Екатериной ко двору и состояла у неё фрейлиной. Взята же она была потому, что когда отец её женился вторым браком на княжне Анне Григорьевне Мещерской¹⁸⁴, знаменитой своим крутым нравом и вспыльчивостью, эта её мачеха, так жестоко с ней обращалась, что императрица, узнав об этом взяла её под своё покровительство. От второго брака князя Фёдора Фёдоровича, родился единственный сын князь Александр Фёдорович Шербатов¹⁸⁵, родной мой дед и две его сестры, старшая Мария Фёдоровна¹⁸⁶, вышедшая замуж за сэра Роберта Кер Портера, впоследствии посланника при разных республиках в Южной Америке (существует письмо его к моей матери). Вторая дочь её Анна Фёдоровна¹⁸⁷, в замужестве княгиня Шаховская, похороненная в Москве, в Донском монастыре, возле моего деда, родная бабушка Натальи Ивановны Оржевской¹⁸⁸ и всех близких нам князей Шаховских. Крутой нрав княгини Анны Григорьевны был весь-

¹⁸¹ Черкасская-Бекович Мария Александровна (?-1762).

¹⁸² Шербатова Дарья Фёдоровна (1762-1801) – была взята императрицей Екатериной II в дворец в качестве фрейлины и выдана ею замуж за своего фаворита Дмитриева-Мамонова.

¹⁸³ Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758-1803) – фаворит императрицы Екатерины II. Протеже Г.А. Потёмкина, с течением времени приобрёл большое расположение императрицы. Сопровождал её во время путешествия в Крым. В 1789 году женился на Шербатовой и удалился от дворца. Императором Павлом был возведён в графское достоинство.

¹⁸⁴ Мещерская Анна Григорьевна (1729-1791).

¹⁸⁵ Шербатов Александр Фёдорович (1773-1817) – в 1788 году начал службу в Преображенском полку поручиком. Участвовал в Персидском походе 1796 года. В 1798 году назначен адъютантом великого князя Константина Павловича и вместе с ним принимал участие в Итальянском и Швейцарском походах. Участвовал в войнах с Наполеоном, Отечественной войне 1812 года и заграничных походах. Скорострительно скончался в 1817 году.

¹⁸⁶ Шербатова Мария Фёдоровна (1780-1827. В 1812 году вышла замуж за английского военного, художника, археолога сэра Роберта Кэр Портера (1777-1842). Их свадьба обратила на себя внимание современников: «Недавно была свадьба Англичанина Портера с княжной Шербатовой, которая теперь пишется лэди Портер. Таким образом кончился сей роман, продолжавшийся 5 лет, хотя невеста уже в таких летах, в коих романы казались бы не кстати. Наделав столько шуму в обеих наших столицах, чета сия скоро отправится в Англию» (Архив князя Воронцова. М., 1882. Т. XXIII. С. 91).

¹⁸⁷ Шербатова Анна Фёдоровна (1772-1824), замужем за Петром Ивановичем Шаховским (1764 (1751)- 1827).

¹⁸⁸ Оржевская Наталия Ивановна (1859-1935).

ма известен в Московском обществе и старые кузины моей матери княгиня Наталья Дмитриевна Шаховская¹⁸⁹ и сестра её Елизавета Дмитриевна Щербатова¹⁹⁰ весьма близкая с нашей семьёй, часто мне рассказывали, какой на них напал ужас в те дни, когда отец их, известный историк князь Щербатов¹⁹¹, возил на поклон к грозной тётушке. Своего единственного сына, страстно его любившая Анна Григорьевна собиралась женить на самой знатной и самой богатой невесте. Но случилось иначе. Дед мой встретился с красавицей княжной Варварой Петровной Оболенской¹⁹², из очень небогатой семьи, хотя и знатного старинного рода, тайно увёз её и женился на ней без ведома матушки, которая тогда уже была вдовой. Бабушка так и венчалась в амазонке, кажется в какой-то сельской церкви и шафером её был поэт князь Пётр Андреевич Вяземский, её племянник, живший тогда в семье её родителей (мать её была княжна Вяземская). Когда случилось, княгиня Анна Григорьевна, ведённая под руку своим сыном, бывшим тогда блестящим офицером лейб-гвардии гусарского полка и одним из любимцев императора Павла I (21 года он был его генерал-адъютантом) шла на бал в Московское Благородное Собрание, к ним подошла их знакомая и поздравила князя с их законным браком. Страшно ошеломлённая этим внезапным известием, княгиня мать прекратила всякое сношение со своим сыном и лишила его всякого наследства, передав всё Щербатовское состояние своей старшей дочери (леди Мери Керпентер) с которой потом и должен был судиться мой дед князь Алексей Фёдорович. Вот именно этот брак её отца и лютый нрав её бабушки, объясняет убеждение моей тётки Анны Александровны и преувеличенное её мнение о Щербатовской фамилии, которой равной в России не было. Получив имя своей бабушки, характером своим

¹⁸⁹ Шаховская (урождённая княжна Щербатова) Наталья Дмитриевна (1795-1884) – княгиня, с 1819 г. – жена Ф.П. Щербатова.

¹⁹⁰ Щербатова Елизавета Дмитриевна (1794-1885) – двоюродная сестра П.Я. Чаадаева, мнением которой он очень дорожил. Она не всегда отвечала ему взаимностью. П.И. Бартенев записал в одной из своих записных книжек: «Года два по его кончине был я у его двоюродной сестры, добрейшей княжны Елизаветы Дмитриевны Щербатовой, которая очень его любила, но и ценила по достоинству. У неё большой, масляными красками его портрет. Уходя, остановился я перед этим портретом. «Это вы с Лонгиновым произвели его в герои, а был он вовсе не умный человек» – сказала мне княжна. Я не повинен в этом производстве, потому что никогда Чаадаевым не пленялся, чего, конечно не сказал княжне» (Цитируется по: Чаадаев П.Я. Неопубликованная статья // Звенья. М., Л., 1934. Кн. III-IV. С. 390).

¹⁹¹ Щербатов Михаил Михайлович (1733-1790) – князь. Автор «Истории Российской с древнейших времён» (1770-1791).

¹⁹² Оболенская Варвара Петровна (1774-1843).

представляла её значительно смягчённую копию, хотя мы подвергались её неудержимому и довольно часто несправедливому гневу, то невольно вспоминалось нам грозное горе бабушки про которое рассказывали нам упомянутые выше две тётушки. В молодости своей А.А. была замечательной красавицей и столько же своеобразна. Была она невестой Нелединского-Мелецкого¹⁹³ (брата С.Ю. Самариной), но брак их не состоялся, вероятно, вследствие её капризного нрава. Уже не молодой летами она вышла замуж за очень умного образованного Александра Николаевича Елагина, страстного картёжника и очень легкомысленного со всех сторон. Он сумел прожить и своё и женино состояние и внезапно умер в Петербурге в сороковых годах, оставив вдову без всяких средств. Тогда родители мои, стали опекать мою тётушку, чего её гордая природа простить не могла. Поселилась она в городе Москва, за Москвой рекой, у Серпуховской заставы, где жила в маленьком, очень скромном домике, когда приезжала летом в подмосковное имение Солнышково, где жила во флигеле, откуда очень часто доносились её шумные восклицания, когда она устраивала там [шум — комм. сост.], как в детстве. Так и в позднейшие годы самые неприятные сцены получались в больше праздники на Пасху и Рождество, когда обыкновенно приходилось отправляться на далёкую Серпуховскую улицу к ней с поклоном, и как она постоянно, в самые морозные дни, прогоняла нас со своего крыльца, приказывая сказать, что её нет дома. Как-то раз, совершенно измёрзшие, и потому весьма озлобленные её отказом, мы с братом Володей решились взойти в её квартиру, чтобы погреться и приказали прислуги подать нам горячего чая, который кстати сказать у неё всегда был чрезвычайно вкусен. Когда мы его хотели заставить, вдруг послышался её повелительный голос и громкое неодобрение. Странно, что именно этот случай и повёл к нашему с ней сближению. Она почему то стеснялась выгнать нас и случилась первая между нами дружеская беседа, после которой последовали самые сердечные отношения и большая наша близость, что не мешало повторяться череде безумных её выходов. Жила она в доме проповедника и духовника нашей матери протоиерея Сергея Григорьевича Терновского¹⁹⁴, пастырская деятельность коего в огромном храме Вознесения у Серпуховских ворот была известна не только в Москве, но и привлекала к нему огромное количество духовных детей

¹⁹³ Сергей Юрьевич Нелединский-Мелецкий (1795-1871) — участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, адъютант великого князя Константина Павловича. Софья Юрьевна Нелединская-Мелецкая (1793-1879) — с 1818 года замужем за Федором Васильевичем Самариным (1784-1853).

¹⁹⁴ Терновский Сергей Григорьевич (?-1868) — популярный в Москве в середине XIX века православный проповедник.

из Петербурга и других русских городов. Знаменитый митрополит Филарет¹⁹⁵ особенно отличал отца Сергея Терновского и неоднократно предлагал ему епископский стол, но Сергей Григорьевич предпочитал оставаться на своём скромном месте, где он приносил великую пользу. Во время его проповедей, его в церкви окружала большая толпа, жадно слушающая красноречивые его слова. Тётушка моя очень его чтит и под его руководством прожила в его приходе много лет и осталась даже после его кончины, занималась благотворением и собирая у себя в квартире разных бедных студентов, которых она усиленно кормила и нередко их побранивала. Много бы я ещё мог рассказать про неё, но предпочитаю перейти к её брату, нашему единственному и любимому родственнику дяде князю Петру Александровичу Щербатову.

Забыл ещё сказать, что при тетушке жила на её попечении душевно больная племянница её Варвара Петровна Обрескова, дочь её старшей сестры, рано скончавшейся Софьи Александровны Обресковой, бывшей замужем за двоюродным братом моего отца Петром Александровичем Обресковым¹⁹⁶. Больная Варвара Петровна умерла в 54-м году и погребена в Донском монастыре возле своей матери¹⁹⁷.

Князь Пётр Алексеевич Щербатов был младшим сыном своих родителей. Старший брат, князь Фёдор Алексеевич¹⁹⁸ скончался в очень молодых годах и состоял адъютантом у известного генерала Уварова¹⁹⁹,

¹⁹⁵ Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782-1867) – богослов, настоятель Троице-Сергиевой Лавры (1821-1867). Митрополит Московский и Коломенский (с 1826 г.), ординарный академик (1841 г.), в 1994 г. канонизирован.

¹⁹⁶ София Александровна Обрескова (урождённая княжна Щербатова (1800-1824), родная сестра Фёдора Александровича Щербатова, жена двоюродного брата отца мемуариста.

¹⁹⁷ Сделаю ещё одно примечание. Все подробности о брате моего деда князя Алексея Фёдоровича Щербатова, гнев на него его матери, мне стали случайно известны из сообщенных мне их издателем «Русского Архива» Петром Ивановичем Бартеневым в 1877 или 8 году, официальных бумаг в коих заключалось: 1) письмо императора Павла I Московскому главнокомандующему графу Салтыкову с высочайшим повелением немедленно отправиться к княгине Анне Григорьевне Щербатовой и приказать ей простить её сына, или же вследствие неисполнения сего запихать её в монастырь; 2) Ответ княгини с прощением сына её; 3) Благодарственное посему случаю письмо князя Алексея Фёдоровича к графу Салтыкову. Бумаги эти были добыты П.И. Бартеньевым из какого-то казённого учреждения. В «Историческом Вестнике» в один из последних годов, все эти сведения были напечатаны, но с пропуском некоторых подробностей [*Примечание А.Д. Свербеева*].

¹⁹⁸ Щербатов Фёдор Алексеевич (1802-1827) – князь, брат Е.А. Свербеевой, матери мемуариста.

¹⁹⁹ Уваров Фёдор Семёнович (1786-1845) – генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 года.

брата будущего министра народного просвещения графа Уварова²⁰⁰ николаевских времён. Князь Пётр Алексеевич был на десять лет моложе своих сестёр А.А. Елагиной и моей матери Екатерины Александровны. Так как все они рано лишились своего отца, скончавшегося в Москве, в 1817 году сорока лет, когда матери моей едва минуло девять лет, то они его очень мало знали и потому мало о нём могли рассказывать. Дед мой Алексей Фёдорович, как сказано выше, был генерал-адъютантом императора Павла I, который впоследствии внезапно лишил его звания, за то, что он избил ямщика, и взял при этом большее количество лошадей, чем ему полагалось по чину. Это грозное распоряжение императора, прочёл я в книге генерала Квabri, посвящённой описанию государевой свиты. Такими вспышками был знаменит император Павел I, всегда неожиданно возвеличивавший своих любимцев и также неожиданно их увольнявший. Князь Алексей Фёдорович остался шталмейстером высочайшего двора и жил в том самом доме, который принадлежал впоследствии вдове его заместителя князя Святополка Четвертинского, на Кольмажном дворе, против церкви Антония²⁰¹.

Мой дядя, князь Пётр Алексеевич, воспитывался своей матерью княгиней Варварой Петровной, унаследовавшей после своего мужа значительно расстроенное состояние. Проживала она в Москве, где у неё был дом в конце Тверского бульвара с небольшой оранжереей, где служили садовниками известные впоследствии садоводы братья Фочкины. Летом бабушка моя проживала в своём имении Тульской губернии, Алексинского уезда в селе Симоново, где и теперь в церкви рядом с бывшей усадьбой находится та икона нерукотворного Спасителя, что сопровождала в войну 1812 года тульское ополчение, коим тогда командовал дед мой князь Алексей Фёдорович. Слышал я, что в молодые годы служил на военной службе и вёл очень широкую и весёлую жизнь, почему и растратил совершенно своё состояние и на старости лет много от этого пострадал. Женат он был три раза. Первым браком на красавице Софье Николаевне Горсткиной, от которой имел 2-х детей: князя Алексея Петровича, умершего в начале нынешнего столетия корпусным командиром и прелестную дочь Варвару Петровну, уже впоследствии три раза вышедшую замуж. 1) за пожилого полковника Локтионова, за которого была выдана 18 лет, 2) за графа М. Коткула

²⁰⁰ Уваров Сергей Семёнович (1786-1855) – граф (с 1846 г.), министр народного просвещения (1833-1849), президент Императорской академии наук (1818-1855).

²⁰¹ Кольмажный двор, историческое место в Москве, на месте которого в 1912 году было выстроено здание современного ГМИИ им. А.С. Пушкина. Церковь Антипия сохранилась до настоящего времени.

(дочери его графиня Сумарокова-Эльстон и Варвара Михайловна Столпова), 3) за некоего Георга Локкейна, с которым она развелась после рождения 2-х детей, и оставалась до смерти (по высочайшему повелению) графиней Коткул.

Вторая жена моего дяди П.А. была урождённая Тимирязева и скоро скончалась от чахотки. Я никогда её не видел и жили они тогда в Твери, где у них часто бывали мои сёстры и познакомились с третьей женой моего дяди, бывшей его горничной, Фёклой Григорьевной, от которой он имел дочь, воспитывавшуюся после смерти отца сестрой моей Софьей Дмитриевной и умершей к молодым годам от грубой жизни, погребена она в Донском монастыре, рядом с отцом.

Дядя мой был очень красив и похож на своих сестёр. Нрава он был весьма весёлого, любил шутить, бывало часто сидел у нас в детской, или проводил время с моим отцом, которого он искренно любил. Сестёр своих он боялся и трудно было его принудить пойти в верхние комнаты к моей матери, только в самые торжественные дни он появлялся за нашим обеденным столом. У него была большая магнетическая сила и он любил забавляться тем, что заставлял кого-нибудь из нас или наших гостей внезапно встать из-за обеденного стола и уйти в другую комнату. Раз как-то он это проделал с товарищем моего брата Николая Дмитриевича тенором А. Сегалковым, у которого тут же сделался сильный нервный припадок, и который впоследствии всегда невольно предупреждал неожиданный приезд дяди. Потому, живал он у нас в минуты жизни для него трудные и часто проживал в моей комнате, когда брат Володя уехал на войну. Помню, что тогда он держал молочную ферму, и как у него денег не было, а моего студенческого жалованья не хватало на прокормление его коров, то эта афера плачевно кончилась и он скоро остался без коров и без молока. К большой чести моего дяди нужно сказать, что несмотря на своё легкомыслие в молодости, он, не имея больше средств, поступил на службу, уже стариком на Николаевскую железную дорогу и до самой смерти там работал и машинистом и даже смазчиком, что нам его племянникам внушало глубокое и непритворное уважение. Скончался он внезапно в начале Апреля 1879 года от воспаления лёгких и лежит теперь в Донском монастыре под общим камнем со своей младшей дочерью Екатериной Петровной. Все мы очень дорожили его личностью и добрым словом, и в нашу среду вносил он свои весёлые шутки. К сожалению, он растратил не только своё, но и детское состояние и завещанное его детям «Симоново» так и не попало к ним в руки. Очень умная и красивая его первая жена княгиня Софья Николаевна была чрезвычайно близка с нашей семьёй, и мы уже взрослыми и студентами часто и много её посещали. Скончалась она в 58-м году в городе Орле и погребена там в женском монастыре.

Перехожу теперь к краткому очерку моих сестёр и предварительно должен сделать следующее примечание: молва о нашем строгом и потому особенном для русской барской семьи воспитании дошла и до Петербурга, оттуда, неожиданно, в 1852 году последовало обращение к моим родителям великой княгини Елены Павловны с предложением моей старшей сестре Варваре Дмитриевне поступить в фрейлины её двора²⁰². Тогда последовал ответ моих родителей, что болезнь моей сестры требует лечения и оставления её в семье и великая княгиня просила отпустить к ней вторую сестру мою Екатерину Дмитриевну. На вторичный ответ, что именно эта сестра занята уходом за больной сестрой и не может её оставить, последовало почтительное приглашение третьей сестры Ольги, которой ещё не было 15-ти лет. Впоследствии, во время коронации Александра II в 56-м году великая княгиня, принимая моих сестёр выразила им своё сожаление о том, что они не могли последовать её приглашению. Настойчивое желание великой княгини, объясняется присутствием в Московском обществе моих родителей, собравших около себя самое просвещённое общество, не только русское, но и приезжих иностранцев, как барона Гакстауэна²⁰³, английского богослова Палмера²⁰⁴ и знаменитого декана Виндзорского аббатства, проповедника Стенлея, воспитателя принца Валлийского (Эдуарда VII) и не менее известной супруги его леди Августы Стенлей, дочери вице-короля Индии лорда Элгина²⁰⁵, увезшего в Англию многие великие сокровища Акрополя работы Фидия.

²⁰² Более подробно об этом Александр Дмитриевич пишет в «Встречах и знакомствах».

²⁰³ Гакстауэен Август фон (1792-1866) – немецкий экономист, специалист по аграрным вопросам. В 1843 году по приглашению императора Николая I совершил путешествие по России с целью изучения сельской жизни. Итогом его шестимесячного путешествия стало фундаментальное исследование «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» в трех томах. В книге автор подробно описывает быт и нравы поместного дворянства, провинциальную администрацию и основные принципы её функционирования, хозяйственные отношения, крестьянский быт, основные формы русского общинного землевладения, а также детально анализирует социально-экономическое значение русской общины.

²⁰⁴ Палмер Уильям (? – 1879) – английский богослов, архидьякон, интересовавшийся особенностями православного вероучения и размышлявший о возможном объединении различных христианских церквей. В 1840-1841 годах посетил Россию, где общался с церковными иерархами и философами.

²⁰⁵ Элгин Томас Брюс (1766-1841) – граф, британский дипломат. Свербеев ошибочно называет его вице-королём Индии. Элгин получил известность, когда во время своей службы в английском посольстве в Константинополе договорился с турецкими властями о вывозе в Англию произведений античного искусства, прежде всего скульптур, найденных им в Греции.

Сестёр моих у великой княгини Елены Павловны заменила баронесса Эдита Фёдоровна Раден²⁰⁶, славившаяся своим близким знакомством с Юрием Самариным, Черкасским и Милютиным, женщина редкого ума и выдающихся способностей. Переписка её с Ю.Ф. Самариным известна в нашей литературе. Обе моих сестры Екатерина и Ольга были ей представлены и часто с ней виделись, а я особенно с ней подружился в 1864 году в Швейцарском курорте Рагулы, где часто бывал у великой княгини вместе с моим отцом, которого в. кн. особенно отличала и любила, случайно познакомившись с ним при проезде через Серпухов, где он её встретил, как местный предводитель дворянства.

Живя в Бадене в 1859 г. великая княгиня Елена Павловна, часто видела у кн. Бутера брата моего Николая Дмитриевича и жену его Зинаиду Сергеевну, и очень ими интересовалась. В том же Бадене в 1863 г. был и я представлен великой княгине, и на проводах её на Баденском вокзале был ею представлен кронпринцу Вильгельму I, что и заставило меня быть у его супруги королевы Августы и выслушать от её вел. весьма сочувственные слова о моём брате Николае Дмитриевиче, подробности кончины которого она знала и о нём со мной заговорила.

Великая княгиня Елена Павловна была одна из самых замечательнейших русских женщин, называю её русской потому, что в возрасте 15-ти лет приехала в Россию и вышла замуж за младшего брата императора Николая I, великого князя Михаила Павловича, сейчас же стала изучать русский язык и знакомиться с Россией, где только могла, до того подробно она обо всём его расспрашивала. Всею душой она была предана русским интересам, играла выдающуюся роль в освобождении крестьян, в виду чего она особенно сблизилась с Милюти-

²⁰⁶ Раден Эдита Фёдоровна (1823 (1825)–1885) – фрейлина, камер-фрейлина двора. Происходила из старинного курляндского рода Раденов. Получила прекрасное домашнее образование. В совершенстве владела немецким, французским и русскими языками. Очень хорошо умела читать вслух, за что и была взята ко двору Елены Павловны в качестве чтицы. Она вместе с великой княгиней сумела создать при её дворе один из интеллектуальных центров Петербурга середины XIX века. Часто бывавший там Б.Н. Чичерин, писал в «Воспоминаниях»: «Без неё двор Елены Павловны не мог бы быть тем, чем он был. Чтобы сделать из него умственный центр, чтобы сохранить в нём всегда возвышенную атмосферу, недостаточно одной владывающей особы; надобно, чтобы и подчинённые лица умели поддержать общее настроение, а баронесса Роден разумела это вполне» (Чичерин Б.Н. Путешествие за границу // Чичерин Б.Н. Воспоминания. В 2-х томах. М., 2010. Т. I С. 375).

ным, Черкасским и Самариным, которые имели на неё не малое влияние. Не могу забыть её оживлённый со мной разговор в Рагуле, когда она мне с большим жаром характеризовала Черкасского и Милютину и особенно Самарина, под обаянием которого она находилась. Гораздо позднее, в 1868 г. она непременно хотела устроить для меня выдающееся придворное положение, которое мне едва удалось отменить.

В семье нашей, небезынтересно будет знать, что после смерти великой княгини, особенно близкая к императрице Марии Фёдоровне, баронесса Роден, помогавшая её величеству при управлении учреждениями ведомства императрицы Марии, предложила от её имени место начальницы Смольного института вдове моего брата Зинаиде Сергеевне, которая на это не согласилась. Ещё одно личное прибавление: во время нашей совместной жизни в Рагуле мы все часто бывали на вечерах у великой княгини, где сестра моя Ольга очаровывала всех своим прекрасным пением. Часто великая княгиня каталась с нами по красивым окрестностям, всегда сажая нас на лучшее место, и в ужасный ветер, садясь лично к кучеру. Редко можно было встретить такую любезную хозяйку; у неё встречали мы запросто за обедом в два часа великого герцога Веймарского, принца Николая Нассауского, принцессу Евгению Ольденбургскую, её брата принца Фридриха Вюртембергского, графа Муравьёва-Амурского, графа Киселёва и брата его посланника в Риме Н.Д. Киселёва, Ю. Самарина, В.И. Титова и нашего Парижского посла графа Штакельберга, и знаменитый тогдашний директор Петербургской консерватории Антон Рубинштейн, брат которого Николай Рубинштейн был моим товарищем по Университету, часто посещавшим нашу семью²⁰⁷, которые уходили поочерёдно и в наше скромное помещение, где граф Амурский просил разрешения выкурить одну «маленькую». Великая княгиня Елена Павловна прожила в России почти 50 лет и скончалась за месяц до этого 50 летия. Она была известна своею мирною и просвещённою благотворительностью и была основательницей первой общины сестёр милосердия, названной Крестовоздвиженской, которая начала свою деятельность в Крымской компании 54-года и прославилась при обороне Севастополя.

Вторая моя сестра Екатерина Дмитриевна была на 2 года старше меня и родилась в 1833 году. Лицом она была не особенно красива,

²⁰⁷ Вспоминаю, что будто бы вместо Николая Рубинштейна, которого торжественно провожала вся Москва, в его могиле, по ошибке была похоронена какая-то немецкая баронесса, но м.б. впоследствии произошёл обмен покойников [*Примечание А.Д. Свербеева*].

у неё был Свербеевский тип, белокурые волосы и большие голубые глаза. Редко можно было встретить девушку с таким привлекательным лицом и уравновешенным характером. Всех она умела приветить и обласкать добрым словом, сердечным вниманием, несмотря ни на какое различие сословий и состояний. Её очень любили в Московском обществе, а в кругу наших многочисленных родственников она имела много близких и преданных ей друзей. По себе она оставила такую благодарную память, как не часто это бывает с людьми, ... лично бес- семейными. Замуж она не вышла, как и остальные мои четыре сестры, но жизнь всех их отмечена благородной и полезной деятельностью. Екатерина Дмитриевна была особенно глубоко предана нашей матери, до самой кончины охраняла её здоровье и спокойствие, и сама настолько этим уходом ослабила своё здоровье, что после её кончины также заболела и провела последние лета своей жизни, томясь страданиями, окружённая в свою очередь заботами своих сестёр. Первую молодость Екатерина Дмитриевна провела спокойно и не без веселия и радости, пока не заболела старшая сестра Варвара Дмитриевна. Тогда она себя совершенно посвятила уходу за ней, провела при ней лето в Петровском парке, где очень много видела Гоголя и стала его поклонницей. Осенью 51-го года она вместе с 15-ти летней сестрою Ольгой, мамёнкой и выздоравливающей Варварой Дмитриевной поехала на зиму в Дрезден, а весною в Париж и Италию, где провела лето в Сорренто. Все они вернулись в Октябре 52-го года в наш новый дом на Собачьей площадке и меня уже застали студентом I курса Московского университета. Варвара Дмитриевна вернулась уже совершенно здоровая, очень похорошела и тогда началась для моих сестёр светская жизнь с балами и выездами. И у нас в доме тогда начались еженедельные приёмы²⁰⁸, весело танцевали по пятницам под звуки рояля

²⁰⁸ В те годы, о которых пишет А.Д., вечера в доме его родителей претерпевают определённую эволюцию. «В описываемое время продолжал существовать и прежде столь блестящий литературный салон Свербеевых. Но с упадком умственных интересов он несколько преобразился. Литературные собрания сделались менее часты и менее оживлённы. Взамен того, они открыли свой дом большому свету, стали давать балы и вечера для взрослых дочерей» (Чичерин Б.Н. Последние годы царствования Николая Павловича // Чичерин Б.Н. Воспоминания в 2-х томах. М., 2010. Т. I. С. 217). Об этом же пишет и близкий друг дома И.С. Аксаков: «Е.А. С. [Свербеева] сделала визиты столь презируемой ею прежде графине Закревской, ибо стала теперь вывозить дочь свою в свет, и сама даёт балы, на которые приглашается вся светская дребедень. Впрочем, дан был ещё только один бал и не совсем удачный» (Письма И.С. Аксакова А.О. Смирновой // Русский Архив 1895. Т. III. С. 443).

и появлялись знаменитые красавицы: графиня Орлова-Денисова²⁰⁹, княгиня Четвертинская рождённая графиня Гурьева²¹⁰, Надежда Дмитриевна Беклемешева, из купеческой родни ... наша соседка по Солнышкову. В зиму один раз давался блестящий бал с лучшим тогда в Москве оркестром Закса. Дирижёром был известный, бессменный тогда в Москве Ипат Бартенев, дядя моего друга княгини Марии Дмитриевны Голицыной (урождённой Нарышкиной)²¹¹, вся молодёжь весело плясала до ранних обеден. Выделялась на этом более своей миловидной красотой княгиня Ольга Петровна Горчакова²¹², большая приятельница моих сестёр, вышедшая замуж в 54-м году за Василия Петровича Безобразова²¹³, красивого и достойного молодого конногвардейского офицера. С семьёй последнего мы два раза породнились в лице двух моих старших племянников Сергея и Дмитрия Николаевичей. Ольга Петровна была младшей дочерью Сибирского генерал-губернатора князя Петра Дмитриевича Горчакова²¹⁴, родная племянница князя Михаила Дмитриевича Горчакова²¹⁵, командовавшего всей русской армией в Крымскую войну 54-го года. Она была очень строгого воспитания, отличалась умом и весёлым нравом, очень образована, потому, что много занималась и читала уже вышедши замуж, готовясь таким образом к воспитанию своих многочисленных дочерей, но, к сожалению, скончалась, когда старшей из них минуло всего 17 лет. Ольга Горчакова часто посещала моих сестёр, и мы были с ней большими приятелями. Другой любимой подружкой моих сестёр, и особенно сестры Катеньки, была Александра Павловна Евреинова²¹⁶, впо-

²⁰⁹ Орлова-Денисова Наталья Алексеевна (урождённая Шидловская) (1821-1883) – графиня. Считалась первой красавицей Москвы

²¹⁰ Александр Дмитриевич путает девичью фамилию Четвертинской. Надежда Фёдоровна (урождённая княжна Гагарина, а не Гурьева) (1792-1883). Отец автора Дмитрий Николаевич Свербеев писал в набросках к своим «Запискам» о Четвертинской, как о женщине с вечной молодостью (РГАЛИ Ф. 472. Оп. 1. Д. 11. Л. 7).

²¹¹ Голицына Мария Дмитриевна (урождённая Голицына) (1849-1925).

²¹² Безобразова Ольга Петровна (урождённая Горчакова) (1833-1873).

²¹³ Александр Дмитриевич путает отчество, Безобразов Василий Григорьевич (1837-?) – в 1852-1959 годах служил в Конногвардейском полку. Подал в отставку по болезни.

²¹⁴ Горчаков Пётр Дмитриевич (1789-1868) – князь, принимал участие в войнах с Наполеоном и Отечественной войне 1812 года. Участвовал в завоевании Кавказа.

²¹⁵ Горчаков Михаил Дмитриевич (1793-1861) – князь, генерал-адъютант, участник Отечественной войны 1812 года. В 1853 году, командовал русскими войсками на Дунае, с февраля 1855 года, командующий русскими войсками в Крыму. С 1856 года наместник Царства Польского.

²¹⁶ Евреинова Александра Павловна (1836-1901) – супруга П.Ф. Самарина (1830-1901), брата известного философа и славянофила Ю.Ф. Самарина.

следствии [жена] известного Тульского предводителя Петра Фёдоровича Самарина. Ещё Катенька особенно дружила с семьёй Оболенских, нашего дедушки для моей матери князя Алексея Петровича. Тогда, только что появилась совсем неизвестная наша тётушка, из семьи Молдавских государей Стурдзы и Гика, 20 летняя княгиня Оболенская, 60-ти летней дружбой с которой, я ещё и теперь так счастлив пользоваться. Она, как и все Оболенские часто у нас бывала и мой отец называл её маленьким солнышком *la petit soleil*.

Екатерина Дмитриевна заведовала благотворительными делами моей матери, которая щедрою рукою творила милостыни и два раза в год раздавала бесчисленные подарки всем направо и налево. Бывало скажет повести на Кузнецкий мост, и привезёт в своей карете целые горы гостинцев, которые потом отвозились по разным домам и лачугам. Раз в неделю, в нижней девичьей нашего дома у старушки тихони Ефросиньи Васильевны собиралась целая толпа бедных, что едва можно было протиснуться, где мы дети должны были лично подавать милостыню и знакомиться со многими калеками, уродами и больными, которых мы не мало боялись в начале. Кроме благотворительности, сестра заведовала Александрийскою школой (Московское Благотворительное Общество 1837 г.)²¹⁷, которая сперва была под управлением сестры моей Варвары Дмитриевны и по её отъезду за границу перешла в ведение моей матери, содержалась отчасти на её счёт и была предметом неустанных её попечений. Катенька так долго ею заведовала, что была избрана почётным членом Благотворительного общества. После кончины маменьки и Екатерины Дмитриевны, Александрийская школа перешла к сестре моей Анне Дмитриевне до самой её кончины. Несколько лет прошли спокойно для нашей семьи, в это время состоялись свадьбы: Варвары Дмитриевны в 54-м и Николая Дмитриевича в 56-м году. В 57-м году родился в доме моих родителей первый их

²¹⁷ Московское благотворительное общество 1837 года основано по инициативе жены Московского генерал-губернатора Дмитрия Владимировича Голицына Татьяны Васильевны. Оно состояло под патронажем великих княжон Марии, Ольги и Александры Николаевны и ставило своей целью «доставлять беднейшим девицам свободного состояния образование, соответственное их положению, и, при хорошей нравственности, дать им возможность трудами своими обеспечить содержание себя и своих семейств». Основная деятельность общества состояла в открытии в Москве школ для девочек. На протяжении XIX века в Москве силами этого общества было открыто почти два десятка школ. Как правило, школы получали своё название в честь лица, пожертвовавшего на их учреждение значительную сумму денег. В 1866 году в честь спасения императора Александра II Сущёвская школа была переименована в Александровскую. Варвара Дмитриевна Свербеева являлась попечителем этой школы до 1870 года.

внук Сергей Николаевич, бывший потом предметом особого баловства всей нашей семьи. Сестра Екатерина Дмитриевна была крёстной его матерью, а мой отец крёстным отцом. Настал 1860 год, особенно скорбный для семьи нашей. В Марте скончался муж сестры Л.И. Арнольди, в Сентябре от холеры умер любимый наш друг А.С. Хомяков, а 6 Декабря скончался в Орле брат Николай Дмитриевич и в тот же день на острове Занте в Греции его личный друг Константин Сергеевич Аксаков. Все эти потери тяжело отозвались на нашей семье, родители мои не могли утешиться после кончины старшего и любимого сына, как вдруг внезапно тяжело заболела сестра моя Софья Дмитриевна, младшая из сестёр, общая любимица, красивая, жизнерадостная и весёлая, которой, как нам казалось предстояла радостная и беззаботная жизнь. Много лет прожила она больная во флигеле во дворе нашего дома, окружённая неусыпными заботами остальных трёх сестёр и после лечения её магнетизёром, меня вызвали из-за границы (я тогда служил при миссии в Штутгарте), я перевёз в Петербург больную с двумя сёстрами Катенькой и Анечкой, где они поселились на Невском проспекте, так как Ольга была за границей. В начале весны 1866 года повёз я морем из Петербурга, во избежание железных дорог сестёр моих в Копенгаген, где мы прожили 3 интересных дня, осматривая разные произведения Торвальдсена и дальше в Голландию, где на перепутье остановились в городе Роттердам и поплыли оттуда по Рейну до Альтвиля, а затем достигли курорта Шлангенбад²¹⁸, куда сестру отправили для лечения. В это самое время происходила австро-прусская война, близкий город Майнц был сожжён Пруссакими, в соседний город Висбаден входили победоносные прусские войска, железнодорожные рельсы были сняты и мне лично приходилось путешествовать в омнибусах, когда настала надобность отправиться в близкие Франкфурт и Висбаден. Летом 66-го года проводили мы сестру Ольгу в Москву, а другие сёстры [*были — комм. сост.*] вместе со мной в Гейдельберге, где я слушал известных историков Хайссера и Трептишке. Ранним утром в 8 часов, посещал я лекции богослова Шемкелля, последователя Давида Штрауса²¹⁹ и не могу забыть, как на этих лекциях он издевался над всеми христианскими догматами, что нисколько ему не мешало, по воскресным дням в Университетской церкви произносить самые трогательные и красноречивые проповеди, по которым невозможно было догадаться, что он совершенно не верит

²¹⁸ Шлангенбад — курорт в Германии на территории современной федеральной земли Гессен, известный с XVIII века своими лечебными водами.

²¹⁹ Штраус Давид Фридрих (1808-1874) — немецкий философ, теолог, историк и публицист.

в божество Христа. Так ловко он умел скрывать свои убеждения. По вечерам были интересные colloquium и в этом должны были участвовать его слушатели и заслушать назначенные им темы, кои, например, «о неистинности чудес». В Гейдельберге сестры мои быстро сошлись с знаменитым профессором Гельмгольцем²²⁰ и его семьёй и особенно часто виделись с родственными нам Остзейскими баронами Вольф (Павел, Вольдемар и Елена). Из Гейдельберга сёстры отвезли в Лондон больную, которой было значительно лучше и поместили её в больницу к доктору Радкинбрфу, и тут она после двух лет, уже здоровая в 1870 году переехала в Париж к моему отцу, прожила там зиму, с сестрой Анной, даже немного выезжала на балы в русское посольство и осенью 60-го²²¹ вернулась в Россию со своею семьёй. Екатерина Дмитриевна из Англии вернулась в Москву к матери и опять занялась своею прежней деятельностью. Отец мой с тремя дочерьми вернулся в семью осенью 70-го года, и все вместе отпраздновали свадьбу брата Дмитрия Дмитриевича. Сёстры мои оставались в Москве к 74-му году, когда скончался мой отец, а Катенька оставалась бессменно при матери до самой её кончины, но изредка навещала нас братьев в местах нашего жительства, приезжая в Киев к брату Владимиру Дмитриевичу, в Кострому и Самару ко мне, в деревню, где жил с семейством Дмитрий Дмитриевич, и к Михаилу Дмитриевичу в Воронеж.

После кончины моей матери в 92-м году, сестра моя Екатерина Дмитриевна переехала в Серпухов, где заменила, бывшую председателем Серпуховского Благотворительного общества графиню Марию Фёдоровну Сологуб²²², урождённую Самарину, с которой, как и со всей семьёй Самариных была особенно близка уже много лет. В доме благотворительного общества находился приют для девочек и в том же кажется, где раньше помещалась графиня жила несколько лет сестра моя Катерина, занимаясь этим приютом и вместе с сестрой Софьей Дмитриевной устроила общественную библиотеку и принимала участие в проектах также и других учреждений того же статуса. Там же она учредила больницу посвятив памяти моего отца и только злой недуг заставил её покинуть Серпухов и переселиться на Южный Берег Крыма, где она прожила больше двух лет, вернулась в Москву в начале

²²⁰ Гельмгольц Герман Людвиг Фридрих (1821-1894) – немецкий физик, врач, физиолог, акустик. Изобрёл офтальмоскоп для изучения глазного дня. В Москве в 1923 году его имя было присвоено Алексеевской глазной больнице.

²²¹ Осень 1860-го – явно описка автора, имеется в виду осень 1870-го.

²²² Сологуб Мария Фёдоровна (1821-1888) – графиня, урождённая Самарина, сестра славянофила Юрия Фёдоровича Самарина.

весны 97-го года и скончалась в Лефортовской больнице общества Утоли моя печали²²³ у княгини Шаховской²²⁴ того же года 20-го Октября.

Да будет благословенна память этой труженицы и в семье и в обществе, всю жизнь свою отдавшую уходу за слабыми и немощными.

Теперь перехожу к 4-ой моей сестре Анне Дмитриевне, потому что Анна Дмитриевна скончалась ещё недавно и была известна нашему молодому поколению. Анна Дмитриевна была совершенно другого типа человеком, чем сестра Катенька. В ней было много особенностей Шербаковского характера и отчасти она напоминала тётушку мою А.А. Елагину, своим властным, несдержанным нравом, который в последствии сгладился от забот и скорбей жизни. Детство её было очень болезненное и тяжёлое и потому ей пришлось не мало претерпеть невзгод и неприятностей, а в первой её молодости её встревожили тяжёлые заботы в уходе за боготворившей её сестрою Софьей Дмитриевною, которую она не оставляла ни минуты и в этом уходе подорвала своё и без того слабое здоровье. Только насильно можно было принудить оставлять иногда Софью Дмитриевну и тогда она жила постоянно при моём отце, которому она также была предана всей душой, сопровождала его всюду в его поездках и в последний путь его жизни окружила его своею любовью и попечением. После его кончины она приехала в г. Кострому, где я тогда жил с семьёю и очень тесно подружилась с замечательной русской женщиной, настоятельницей женского монастыря игуменьей Марией (в миру Софьей Дмитриевной Давыдовой)²²⁵ умной, даровитой и властной женщиной, поразившей всю Кострому своею энергией, деятельностью и организаторским талантом. Редко можно было встретить такую обаятельную жен-

²²³ В 1864 году княгиней Натальей Борисовной Шаховской на берегу реки Синички рядом с главным военным госпиталем была создана община сестёр милосердия. Община была названа в честь целительной иконы «Утоли моя печали», которая в течение всего времени существования общины была ее символом и покровительницей. Постепенно община разрасталась и в 1875 году недалеко от военного госпиталя строят первое здание новой больницы. С этого года современная ГKB № 29 ведёт свою историю.

²²⁴ Шаховская Наталья Борисовна (урождённая Святополк-Четвертинская) (1825-1906) в молодости была фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны. Вышла замуж за сына декабриста Шаховского, овдовела. После этого посвятила всю свою жизнь благотворительности, создав упомянутую выше общину сестёр милосердия. На её решение о создании общины и посвящении своей жизни идеалам благотворительности и милосердия большое влияние оказал знаменитый московский доктор Гааз, который был другом и семейным врачом в её доме и который сам своим примером показывал, как надо помогать людям.

²²⁵ Давыдова Софья Дмитриевна (1822-1889).

щину, которая крепостью силы духа, обладала мужеством и всеми прелестями женской красоты. Была она замечательной красавицей, а вместе с тем поражала своими богословскими познаниями, изучивши в совершенстве Святых Отцов и учителей церкви и следила при том постоянно за современной литературой. Бывало просто заслушаешься её, когда она рассказывает про многих стариц и подвижниц своего монастыря и как красноречиво изображала их внутренний духовный мир и жизнь полную смирения. Встречу с этой почти гениальной игуменьей я считаю за особое для себя счастье и в продолжение моей десятилетней жизни в Костроме много наслаждался моими беседами с ней, всегда вынося глубокие от них впечатления. Из разорённого древнего мужского монастыря, отданного в её распоряжение епархиальным начальством, игуменья Мария устроила в нём первый монастырь, куда она поступила простой монахиней и который назывался Крестовоздвиженский; лечебницу, сперва для сестёр, а во время турецкой войны 77-го года и лазарет для раненных. Получивши в своё распоряжение развалины и второго мужского древнего монастыря Богоявленского, она перешла туда игуменьей и возобновила прежние, древние храмы, из которых два ещё были возможны для совершения богослужения, а третий состоял из обгорелых стен, которые она превратила в один алтарь, к нему же пристроили остальную часть обширного храма, подновили великолепный иконостас, и сама расписывала на стенах его фрески. Храм был освящён при мне, также, как и усыпальница во имя преподобного Никиты, где теперь и покоится тело матери игуменьи Марии, вблизи очень древних Салтыковских икон, находящихся над алтарём зимнего Богоявленского собора. Вместе со своей семьёй я почти всегда молился в этом монастыре и все мы пользовались особенным расположением его настоятельницы, строгая жизнь которой была известна всему городу и по всей епархии. Сестра Анна Дмитриевна так же переехала на жительство в Кострому и учредила на свои средства, под руководством матери Марии, небольшую больницу на 4 кровати. Прожила там 5 лет, прослушав и окончив фельдшерские курсы, а затем, вместе с доктором, а иногда и без него, принимала в амбулатории страждущих больных преимущественно из загородных крестьян, а также ухаживала за больными монахинями, лежащими в её собственной больничке. В начале войны 76-го года в том же Крестовоздвиженском или строгом [*монастыре — комм. сост.*], как его называли, был открыт лазарет для раненных солдат и монахини послушницы за ними ухаживали. Скоро после этого, Анна Дмитриевна с несколькими сёстрами обители переехала в город Кинешму Костромской губернии и также заведовала лазаретами для раненных, завела строгую дисциплину, и сама водила в баню ранен-

ных, во избежание каких бы то ни было с их стороны выходов. В её больнице между прочим лежал единственный оставшийся в живых матрос-повар, турок, после взрыва судна «Сеифи», взорванного капитаном Дубасовым²²⁶, в последствии адмирала, сделавшийся предметом забот всех Кинешемцев, даже несмотря на запреты Анны Дмитриевны. В канун зимы она была вызвана в Петербург, представлялась императрице Марии Александровне и была командирована на Кавказ в распоряжение великой княгини Ольги Фёдоровны²²⁷, супруги наместника, которая назначила её старшей сестрой и передала заведывание всеми военными лазаретами в городе Александрополе²²⁸, где ей удалось ввести самые строгие порядки и особое наблюдение за продовольствием солдат, при чём она всегда носила с собой ключ от мясного котла во время варки пищи, и таким образом добилась, чтобы мясо не воровали из котла. В конце войны она объехала все Кавказские лазареты с целью их закрытия, побывала и в только что завоёванном Карсе и можно сказать, что деятельность её была полезна и плодотворна, хотя по её строгости и ...²²⁹.

РГАЛИ. Ф.472. Оп.1. Д.103.

²²⁶ Дубасов Фёдор Васильевич (1845-1912) – во время войны с Турцией 1877-1878 годов командовал минным катером. 14 мая 1877 года капитан-лейтенант Дубасов и лейтенант А.П. Шестаков с несколькими мичманами и матросами на четырёх минных катерах атаковали турецкие броненосцы, взорвали и потопили турецкий однобашенный броненосный монитор «Сеифи». Дубасов, мичманы Персин и Баль подплыли на трёх катерах к затонувшему броненосцу и сняли с него флаг. После окончания войны с Турцией служил на Балтийском флоте.

²²⁷ Ольга Фёдоровна (1839-1891) – великая княгиня, племянница императрицы Елизаветы Алексеевны супруга великого князя Михаила Николаевича (1832-1909).

²²⁸ Александрополь – был назван в честь императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая I, который посетил город в 1837 году. В 1924 переименован в Ленинакан. Современное название Гюмри носит с 1991 года.

²²⁹ На этом месте рукопись обрывается.

РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ В КОНЦЕ XIX СТОЛЕТИЯ (1867–1891)

Часть 1. Тверь и Кострома (1867–1878)²³⁰

Пути человеческие Господом Богом определяются и назначаются, сказал один из лучших сынов России, знаменитый миссионер в Камчатке и дальних азиатских странах митрополит Московский Иннокентий и я лично в своей жизни испытывал всю мудрость этого изречения.

Когда в 1856 году я окончил курс в Московском университете кандидатом историко-филологического факультета, мои родители отправили меня на службу в Прибалтийский край, где я и поступил в канцелярию местного генерал-губернатора князя Итальянского графа Суворова-Рымникского. Прибыл я в Ригу в конце Ноября того же 1856 года и кроме князя Суворова, коему раньше был представлен в Москве во время празднования коронации императора Александра II, и дежурного при нём полковника Иванова, я решительно не знал ни одного человека, но на другой же день познакомился со всей многочисленной свитой князя и ещё более обширной канцелярией. Затем последовало моё знакомство с местным обществом, с русскими властями и со всеми немецкими баронами, из коих со многими скоро сблизился, чему особенно способствовала моя женитьба в 1858 году на графине Менгден, родственнице многим из прибалтийских семейств.

Не стану более останавливаться на тех годах, которые я провёл в Прибалтийском крае, ибо теперь имею целью рассказать про свою службу на берегах Волги, скажу только, что из Риги я уехал с семьёю осенью 1861 года и провёл зиму на берегу Средиземного моря в Ментоне²³¹. В 1862 году мы провели лето на берегу Женевского озера, а в Ноябре 1862 года поселились в Штутгарте в столице Вюртембергского королевства, где я был прикомандирован к императорскому Российскому посольству и оставался там на службе до 1868 года²³².

²³⁰ Полное название в рукописи этой части следующее. Часть I. Тверь и Кострома (1867-1878) писано в Чутове в июне 1916 года.

²³¹ Ментон (Ментона) – город-курорт во Франции на Лазурном берегу.

²³² Об истории службы А.Д. Свербеева в посольстве подробнее см. «Встречи и знакомства».

Приехав в Россию в конце 1865 года, куда я был вызван в следствии болезни моей младшей сестры Софии Дмитриевны, провёл зиму в Петербурге, и весной 1866 года отвёз больную сестру вместе с двумя другими сёстрами для лечения в Германию, вернулся ещё раз в Петербург и тогда именно получил первую мою командировку на берег Волги в Тверь, где я впервые познакомился с Волгой-матушкой, первой русской знаменитой рекой, так и с губернским городом Тверью, куда приехал в распоряжение местного губернатора князя Багратиона для ознакомления со всеми подробностями административной и полицейской службы, совершенно мне не знакомой во внутренних русских губерниях. Приехав в Тверь в марте месяце 1867 года, я нашёл там нескольких родственников. Вице-губернатором был двоюродный брат моей матери князь Михаил Александрович Оболенский²³³, а губернским предводителем князь Борис Васильевич Мещерский²³⁴, женатый на двоюродной сестре моей матери княжне Софье Васильевне Оболенской²³⁵. Привольно мне жилось в этих двух родственных семьях, а квартировал я у третьего родственника, юного губернского чиновника по особым поручениям Бориса Алексеевича Лопухина, мать которого была также княжной Оболенской. Особенностью нашей квартиры против собора и губернаторского дома, в нижних этажах, было полное отсутствие каких бы то ни было занавесок, почему я немедленно устроил эту преграду против местного провинциального любопытства. В конце мая выехали мы с губернатором для ревизии в уездный город Осташков, но когда приехали в Вышний Волочок, то князь Багратион был экстренно вызван в Петербург, в следствии полученной телеграммы из Парижа о неудавшемся, слава Богу, покушении на жизнь государя и его двух старших сыновей²³⁶. Таким образом на ревизию в Осташков я уехал один, совершенно незнакомый со всеми формальностями этой ревизии, и потому боялся её гораздо более, чем те, неизвестные мне чиновники, которые ожидали моей ревизии.

²³³ Оболенский Михаил Александрович (1821–1886). Занимал должность Тверского вице-губернатора с 1866 по 1868 годы.

²³⁴ Мещерский Борис Васильевич (1818–1884).

²³⁵ Оболенская Софья Васильевна (1822–1891).

²³⁶ Покушение на императора Александра II в Париже произошло 25 мая 1867 года. В этот день в императора, возвращавшегося с ипподрома, стрелял поляк Антон Березовский. В этот момент вместе с ним находились великие князья Александр Александрович и Владимир Александрович. Благодаря счастливой случайности смерти царя удалось избежать, так как офицер охраны Александра проявил бдительность и успел оттолкнуть руку террориста. В результате пули попали в лошадь. Из-за слишком сильного заряда пистолет Березовского разорвался и его удалось схватить.

Путь мой в Осташков лежал на Нилову пустынь²³⁷, находящуюся на Столбенском острове посреди озера Селигер, где находится, как известно, начало и исток Волги. Князь Багратион так и сам хотел, и мне посоветовал посетить Нилову пустынь 27 Мая в день памяти преподобного Нила Столбинского [*Столбенского — комм. сост.*] (1667), мощи коего почивают в соборном храме той пустыни, а потому утром 27 Мая я выехал из Вышнего Волочка очень рано и около 11-ти часов достиг пристани на самом озере и переехал его на лодке, приставшей к самым стенам великолепного монастыря, больше похожего на Лавру, чем на пустынь, именем которой он называется. Подъехав к воротам монастыря, я узнал, что литургия кончилась, и что сейчас двинется крестный ход с мощами преподобного Нила для обнесения их вокруг нерушимых стен пустыни. Меня провели в архиерейские покои, пустовавшие по случаю отсутствия Тверского владыки, я поспешил переменить своё дорожное платье на малый придворный камер-юнкерский мундир для того, чтобы по совету князя Багратиона, встретить и сопроводить молебное шествие вокруг монастыря. Моё появление в золотом мундире среди огромной толпы богомольцев не могло остаться незамеченным, и когда я подошёл к многочисленному монастырскому и городскому Осташковскому духовенству, тогда шествие остановилось и я подошёл к местному архимандриту, настоятелю пустыни и пересказал ему телеграмму о чудесном спасении русского царя в Париже, и просил его, когда шествие вернётся обратно в монастырь, немедленно среди монастыря совершить торжественно благодарственное молебствие и дать возможность всем многочисленным богомольцам, собравшимся на поклонение мощам преподобного Нила Столбенского, в количестве 25000 человек, помолиться и поблагодарить Господа за чудесное спасение Государя. Весь двор монастырский и все кровли монастырских строений были усеяны народом и представляли весьма красивую картину общей радости и народного воодушевления. После молебствия мощи были внесены в собор и приложившись к ним, я отправился в обширные келии архимандрита, где я встретился со старшими уездными властями и прибывшими в Осташков членами окружного Ржевского суда, прибывшими к очередной судебной сессии в Осташков, на местный его праздник в Нилову пустынь. По старому обычаю 27-го мая ежегодно из Осташкова приплывает на особой барке в монастырь всё местное Осташковское городское духовенство с иконами и хоругвями всех городских церквей, а обязанности гребцов, сопровождающих их в лодках, везущих на праз-

²³⁷ Нил-Столбенская пустынь (Нилова пустынь) — православный мужской монастырь, расположенный на островах озера Селигер.

дник местное городское начальство, исправляют почётные граждане из самых старинных Осташковских семейств. После весьма обильного обеда, с таким количеством разнорыбной икры, которого мне никогда не приходилось видеть в моей жизни и среди многих вин неизвестных мне, за сем напитком, который хозяин архимандрит назвал именем Мельпоно, потому, что он состоял из равных частей пива и мёду, я должен был уехать из пустыни с Осташковскими властителями и Ржевскими судьями на почётных лодках, богато украшенных по случаю местного праздника. В городе Осташков мне была отведена квартира у местного городского головы, очень богатого купца Фёдора Кондратьевича Савина²³⁸, известного не только в России, но и за границей своими кожевенными заводами, где выделялся особенно ценный товар русский юфть²³⁹, из которой изготовлялись в Англии и Австрии самые красивые и модные предметы, например, портсигары, кошельки и дорогие мешки несесеры, продающиеся у нас в России за невероятные цены. Фёдор Кондратьевич был первым городским головою по новому положению и учредил первую в России пожарную вольную дружину, которую впоследствии ввели у себя все русские города, потому, что она считается самой образцовой и полезной. Умный и образованный Ф.К. Савин, после Крымской компании женился на известной актрисе Московского Малого театра Прасковье Ивановне Орловой²⁴⁰, поступившей с самого начала военных действий в первые сёстры милосердия, прославившей себя в Севастополе свои-

²³⁸ Савин Фёдор Кондратьевич (1816-1890) – филантроп, миллионер, один из представителей знаменитой династии Тверских промышленников Савиных. Был городским головой Осташкова в 1851-1873 годах. Сделал много полезного для благоустройства города. Династия Савиных неразрывно связана с историей Осташкова. При его отце Кондратии Алексеевиче, в 1819 в городе был открыт Осташковский общественный банк. В 1838 г. состоялось учреждение Дома призрения инвалидов, который содержался за счет доходов банка. Кроме того, на эти же средства в Осташкове открыта богадельня для престарелых и увечных. При Фёдоре Кондратьевиче в городе появилась первая в России добровольная пожарная команда, оснащению которой он уделял большое внимание. Федор Кондратьевич всегда лично присутствовал на пожарах и руководил их тушением. Он и умер от сердечного приступа при тушении ночного пожара в 1890 году

²³⁹ Юфть (юхта), русская кожа – особая шкура, которую выделяли из коровьих шкур или из шкур годовалых бычков. Она была трёх видов: белая, чёрная и красная. В XIX веке была одним из важных экспортных товаров России. Белую юфть использовали для производства чемоданов, чёрную для сбруи и обивки экипажей, красная пользовалась большим спросом на Востоке.

²⁴⁰ Орлова Прасковья Ивановна (1815-1900) – популярная московская актриса середины XIX века.

ми попечительными заботами о тех бессмертных героях моряхах во время знаменитой Севастопольской осады, которой справедливо гордится всякий настоящий русский человек. С этой благородной, интересной четой прожил я в Осташкове три дня и никогда не забуду этого времени.

В доме Савина мне было отведено в верхнем этаже несколько светлых обширных комнат, где на стенах висели большие картины, на коих изображено было посещение императором Александром I этого дома, у тогдашнего хозяина²⁴¹, родного отца Фёдора Кондратьевича. Александр I, часто и много путешествовал по России, и к общему удивлению, он весьма быстро проезжал по неустроенным русским дорогам, при чём пробег его лошадей выражался в 22-х верстах в один час. Разговорившись с моим хозяином о необходимой для меня ревизии на другое утро, местного уездного полицейского управления, я передал ему мою просьбу оказать мне помощь в этом деле, и хотя князь Багратион мне говорил, что никакой ревизии городского управления мне делать не приходится, потому, что городской голова Савин слишком известен во всей губернии строгим порядком и закономерностью во всех подчинённых ему учреждениях, но я лично нуждаюсь в знакомстве всех формальностей ревизии, которая мне предстоит и потому, умоляю Фёдора Кондратьевича личное мне одолжение, поручить своему городскому секретарю познакомить с этой процедурой. На другое утро в 10-м часу, появился почтенный старичок, секретарь городского головы с денежным ящиком и всеми книгами входящих и исходящих дел, на которые я посмотрел с большим любопытством, но оказалось, что удовлетворить его я не мог, и вот почему: секретарь, подавая мне заготовленный рапорт о состоянии городских сумм, принесённых им в ящике, забыл проставить итоги этих сумм, и когда я начал свой разговор с ним и просил изустно представить мне эти итоги, то старичок до такой степени испугался, что конфузия его не допустила ни до какого ответа и я принуждён был его отпустить не добившись от него ни единого слова и сам отправился в полицию и приступил к ревизии полицейских книг и делопроизводства. Так как, накануне я провёл несколько часов в чтении тех статей свода законов, где был объяснён порядок предстоящей мне ревизии, я тщательно использовал своё вчерашнее чтение, то ревизия сошла для меня благополучно и отличалась строгостью требований, как и следовало ожидать от молодого неопытного чиновника, впервые занявшегося этим

²⁴¹ Кондратий Алексеевич Савин (1759-1827) – купец, промышленник, основатель одного из первых частных банков России. Много лет занимал должность городского головы в Осташкове.

делом. Помню, что меня очень конфузили многочисленные полицейские чиновники, что меня особенно занимала мысль — какое значение могут иметь стоящие тут сельские заседатели, роль которых мне была неизвестна, и которые в это утро были особенно заняты подаванием мне моего верхнего пальто и калош, что мне казалось совершенно не соответствующим их служебному положению. Вернулся я домой очень довольный, что не оскандалился на первом шаге моей новой административной службы и вместе с моим хозяином присутствовал на смотре назначенной ему смешанной пожарной команды. После домашнего обеда, провёл я вечер в интересной беседе с Ф.К. Савиным и его женой, и ещё больше убеждался, какие это были почтенные, благородные и полезные люди. На другое утро, они любезно проводили меня на принадлежащий моему хозяину пароход, который меня и довёз, как единственного пассажира, мимо Державинского имения, до самой той почтовой станции, где я, двое суток тому назад сел в лодку для переезда в Нилову пустынь. С этой станции добрался я в тарантасе на почтовых лошадях до Вышнего Волочка, оттуда по железной дороге вернулся в Тверь.

Второю и последней моей служебной поездкой был избран город Ржев, где так же была мне поручена ревизия местных учреждений. Это путешествие совершилось на пароходе, где я ближе познакомился с рекой Волгой, гораздо менее широкой, чем я знал её позднее, как в Костроме, так и в Самаре. Помню, что, проезжая мимо невзрачного уездного города Старицы мы едва не пострадали от узкого пространства того моста, который должен был пропустить нас мимо себя, ибо находился на почтовом тракте, ведущем в город Старицу. Меня уверяли потом, что это неудобство проезда, было дело рук тех ямщиков, у которых пароходное сообщение отняло обеспеченный кусок хлеба. Небольшой город Ржев очень живописно расположен на берегу Волги, мне был известен только по двум причинам, что в нём славилась местная яблочная пастила, а за тем по рассказам моего учителя, ржевского уроженца, студента, товарища моего старшего брата Терентия Ивановича Филиппова, достигшего впоследствии высокого звания члена Государственного Совета и Государственного Контролёра, удостоившегося быть епитропом²⁴² Святого Гроба Господня по выбору Иерусалимского Патриарха.

Город Ржев оставил во мне воспоминания своими замечательными церквями и чрезвычайно интересным нарядом местных женщин, из которых семья городского головы меня встретила в этих русских нарядах, когда я посетил голову и пил у него чай. О самой моей ревизии

²⁴² Епитроп — управитель имуществом церковных учреждений (греч.).

могу сказать одно, что когда я приступил к осмотру хранящихся в полиции денежных документов, то провёл у полицейского исправника почти всю ночь до ранних петухов, где разбирали эти документы, заполнившие огромный железный сундук, где они хранились полицейской властью, которой в данное время за отсутствием исправника был его помощник. Никакой описи этих денежных документов не существовало, и мы вдвоём её составили, а потому, никакого особого законного порядка в Ржевской полиции найти я не мог. Сам город Тверь был замечательный своими древними соборами, где почивают мощи святого князя Михаила Тверского, замученного в Орде, собор этот замечателен своею древней архитектурой. Знаменитый Отрочь монастырь²⁴³, где был замучен Малютой Скуратовым Московский святитель Филипп, находится на противоположном берегу Волги и славится той подземной келью, где провёл своё заточение Московский святитель и где принял мучение от злодеев. Само место мучений отмечено находящейся в стене иконой убиенного митрополита. Ещё славится в Твери женский монастырь, весьма благоустроенный и богатый. В моё время игуменьей состояла умная старуха, сестра графа Игнатьева²⁴⁴, отца известных Николая Павловича²⁴⁵ (посла в Константинополе) и Алексея Павловича²⁴⁶, члена Государственного Совета, убитого в Твери во время русского революционного движения, несколько лет тому назад. Тверь в моё время была очень тихим городом, отличалась великолепной Миллионной улицей, на которой пустовал большой местный двор, так как вся торговля вместо него производилась в Москве и Петербурге. В начале этой улицы находился императорский дворец²⁴⁷, известный частым в нём пребыванием императора Александра I, когда в нём проживала его сестра великая княгиня Ека-

²⁴³ Отрочь Успенский монастырь – православный монастырь в Твери основанный в середине XIII века. Во времена Ивана Грозного в этот монастырь был сослан митрополит Филипп (Колычев).

²⁴⁴ Игнатьев Павел Николаевич (1797-1879) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, петербургский генерал-губернатор с 1877 года.

²⁴⁵ Игнатьев Николай Павлович (1832-1908) – российский дипломат и государственный деятель. Был посланником в Пекине (1859-1860) и Константинополе (1864-1877). В 1881-1882 годах министр внутренних дел.

²⁴⁶ Игнатьев Алексей Павлович (1842-1906) – брат Николая Павловича Игнатьева, генерал от кавалерии, отличался крайне консервативными взглядами.

²⁴⁷ Императорский дворец в Твери (Путевой дворец) – памятник архитектуры XVIII века, находящейся в центре Твери на Соборной площади. Построен в 1764-1766 годах в стиле классицизм по проекту архитектора П.Р. Никитина.

терина Павловна²⁴⁸ и её муж был местным генерал-губернатором. Здесь именно в этом дворце Карамзин читал свою Русскую историю государю Александру I. Недалеко от собора, на Волжской набережной стоял губернаторский дом, где тогда жил князь Багратион со своей семьёй. Очень умный и деятельный князь был впоследствии Виленским генерал-губернатором, и был женат на княгине Анне Багратион, урождённой Мартыновой из семьи Харьковских Мартыновых, давних знакомых моих родителей. Умная и образованная княгиня Багратион была чрезвычайно интересная и любезная. Во всех домах я часто встречал своих местных родственников Оболенских и Мещерских и делил свободное время между этими тремя домами. Мой дядя – вице-губернатор²⁴⁹, женат был на племяннице молдавских господарей Ольге Александровне Стурдза²⁵⁰, мать которой была княжной Гикой и сестрой Сербской королевы Наталии. 18-ти лет Ольга Александровна вышла за князя М.А. Оболенского и скоро приехала в Москву, где и жила в доме своего тестя, почётного опекуна А.П. Оболенского. С этой милой женщиной, ставшей мне тётушкой, подружились мы 64 года тому назад и теперь ещё продолжаем делиться своими воспоминаниями. В семействе Мещерских жила мать княгини весьма благочестивая 84-х летняя старушка Екатерина Алексеевна урождённая графиня

²⁴⁸ Екатерина Павловна (1788-1819) – великая княгиня, четвёртая дочь императора Павла I и императрицы Марии Фёдоровны. В 1809-1812 годах была замужем за принцем Георгом Ольденбургским (1784-1812), который в 1809 году был назначен генерал-губернатором трёх губерний – Тверской, Ярославской и Новгородской. Центром генерал-губернаторства была Тверь. При великой княгине постепенно сформировался общественно-политический кружок, в котором Н.М. Карамзин читал первые отрывки из «Истории Государства Российского».

²⁴⁹ Мой дядя вице-губернатор был человек очень умный и даже даровитый. Любил широко пожить и не стеснялся в своих расходах. Имел одну оригинальную, но не удобную особенность: он никогда не с кем не здоровался и раз как-то на моё о том замечание, мне ответил: что не ужели тебе это нужно? И продолжал тоже самое странное поведение, которое доводило его иногда до самых неприятных объяснений, и тут, чуть не вызвало у него дуэли с известным генералом, которого по словам его он искренно уважал. Его природные лихость и беззаботливость только могли объяснить такой его кажущейся неучтивостью. Был он впоследствии сперва Ковенским, потом Воронежским губернатором и с началом турецкой войны, в 1876, был вызван в главную квартиру императором Александром II, для ведения переговоров с румынским правительством, так как он по семейным своим связям, был очень близок со всеми выдающимися румынскими деятелями. Скончался он в 1886 году сенатором и статс-секретарём [*Примечание А.Д. Свербеева*].

²⁵⁰ Стурдза Ольга Александровна (?-1895)

Мусина-Пушкина, была она замужем за братом моей родной бабушки княгини Щербатовой, а потому и находилась со мной в близких родственных отношениях; часто приказывала она будить меня в 6 часов утра и возила меня по ранним обедням по разным церквям города Твери, а по вечерам приказывала приходить играть с нею в карты. Всем без исключения говорила она ты, и мы чрезвычайно удивились, когда из близких к семье Мещерских людей, доктор Н.П. Резанов, впоследствии главный врач Московской чернорабочей больницы, очень обиделся на старушку княгиню, которая никак не могла понять этой обиды, и всё время повторяла на его обиды: что ты, что ты, мой милый! Ведь я любя тебя так называю; теперь о таких патриархальных отношениях молодое наше поколение вероятно отзовется совершенным незнанием. Общественная жизнь в городе Твери проходила для меня почти незаметно, потому, что она протекала преимущественно в маленьких клубах, где все играли в карты, а молодёжь изредка танцевала. Мне пришлось показаться на некоторых благотворительных концертах и балах, где блистала красотой старшая княжна Мещерская, Екатерина Борисовна, вышедшая после за А.Н. Татищева²⁵¹, бывшего позднее Полтавским губернатором. Другую красавицей была дочь штатского генерала, вышедшая за красивого стрелка императорской фамилии Деригана, теперь сенатора. Местное общество не мало кутило и проигрывало в карты в Тверских клубах, но мы не станем останавливаться на этом слишком обычном на Руси явлении. В Июне месяце я должен был уехать из Твери за границу и тесным образом не мог ознакомиться ближе с Тверской губернией и живописной красавицей Волгой. Через год, в конце июля 1868 года я снова очутился на берегах этой же Волги и прожил на ней всего 23 года, из коих первые 10 лет в городе Костроме и Костромской губернии, к описанию коих и перехожу теперь.

Перед моим отъездом из Петербурга Министр внутренних дел П.А. Валуев, давно меня знавший по нашей совместной службе в Прибалтийском крае, предложил мне место Костромского вице-губернатора, но я отказался от этого захолустного края, тем более, что я ещё не мог определить времени моего возвращения в Россию; когда же через год я снова приехал в Петербург, то первой предложенной мне вакансией оказалась та же самая захолустная Кострома и я поспешил дать своё согласие на это назначение, потому, что убедился, что путь этот мне указан перстом Божиим, и с тех пор не позволяю себе ника-

²⁵¹ Мещерская Екатерина Борисовна (1848-1930) — дочь Тверского предводителя дворянства Бориса Васильевича Мещерского, фрейлина; в 1874 году вышла замуж за Алексея Никитича Татищева (1845-1896).

кого личного вмешательства в определение моей линии судьбы, а принимая с благодарностью, все благодеяния ниспосланные мне Божиим промыслом.

В Петербурге пробыл я несколько недель после моего назначения и познакомился несколько с Костромской губернией, для чего и воспользовался предложенными мне Департаментом общих дел сведениями из переписки тогдашнего губернатора с министром, а также и с директором того департамента. На моём пути в Кострому заехал я в нашу подмосковную Солнышково к моим родителям, у коих я оставил моих двух детей под опекой моей сестры Ольги Дмитриевны.

23-го июля, накануне памяти святых Бориса и Глеба прибыл я из Ярославля в Кострому²⁵² на волжском пароходе после одной лишь остановки у пристани Николо-Бабаевского монастыря, где в устроенной на пристани часовне, перед иконой Николая Чудотворца отслужен был обычный молебен; вечер был тёплый, летний и древний город Кострома, живописно раскинувшийся на правом берегу Волги, поразил меня своею красотой и особенно древним собором и многочисленными храмами (25). Сошедши с пристани, я направился в гостиницу «Старый двор» и занял там лучший номер и направился на Муравьёвку, бульвар над Волгой, где стоял губернаторский дом, и напротив его церковь Бориса и Глеба²⁵³, я зашёл в храм помолиться по случаю завтрашнего престольного праздника, и после всенощной пошёл знакомиться с губернатором, который меня тот час и принял²⁵⁴...

²⁵² Должен здесь прибавить, что в 1868 году Московско Ярославская железная дорога ещё строилась и что поезда доходили только до Троице-Сергиевой Лавры, откуда все путешественники должны были следовать на лошадях в собственном или почтовом экипаже. Таким образом совершилось и моё путешествие до Ярославля, с заездом в ближайший по дороге город Ростов Великий, куда я и заехал, чтобы поклониться мошам святителя Дмитрия, почивающих в Яковлевском монастыре, в серебряной раке сооружённой императрицей Елизаветой Петровной для прославления знаменитого современника Петра I, известного своими сочинениями и чети минеями [*Примечание А.Д. Свербеева*].

²⁵³ Церковь Бориса и Глеба – построена в 1800 году на средства купцов И.Д. Белянкина и И.Д. Котельникова.

²⁵⁴ Дорогобужинов Владимир Ипполитович (1822-1887) – получил образование в Харьковском университете. После окончания учёбы служил чиновником по особым поручениям в Морском министерстве. В 1858 году Дорогобужинов получил назначение на должность первого русского консула в Иерусалиме. Он был обязан поддерживать прямые отношения с турецкими властями и консулами других иностранных государств, осуществлять надзор за русскими паломниками, оказывая им необходимое содействие. В 1858-1859 годах он непосредственно занимался покупкой и оформлением земельных участков в Иерусалиме и его окрестностях. Для строительства постоянного здания

человек, лет около 50-ти, встретил меня очень любезно и предложил меня на другое утро познакомить в Губернском правлении с моими будущими сослуживцами и подчинёнными, что и было нами исполнено в указанное время. За ранним обедом у губернатора был я представлен его двум сёстрам, полинявшим и очень некрасивым барыням, но весьма приветливым и не лишённым некоторого комизма, как в наружности, так и в разговорах. Они очень любили говорить по-французски и весьма неправильно и забавно на нём выражались, так, что трудно было удержаться от смеха, слушая их неправильные обороты речи и совершенно незнакомые мне слова.

Одна из этих дам была вдовою французского эмигранта графа Доррера, имела при себе 8 летнего сына, который недавно умер в Курске губернским предводителем. Во время обеда, губернатор сообщил мне приятную для меня новость, что в Костроме инспектором гимназии близкий мне человек, мой товарищ по Московскому университету Порфирий Николаевич Масленников²⁵⁵, с коим я особенно подружился во время четырёх летнего студенчества. 8-ми летнее моё пребывание за границей прекратило на время старинное наше знакомство.

Костромская гимназия была очень недалеко от губернатора, и после обеда я поспешил проведать моего товарища. Мы встретились старыми друзьями и оба сердечно порадовались, что будем жить в одном городе. На мой вопрос Масленникову — почему узнав о моём назначении в Кострому, он не откликнулся ни одним словом и не порадовал меня доброй вестью о будущей нашей встрече, Порфирий Николаевич мне ответил, что ему было неизвестно какой я теперь сделался человек, почему он и дождался личного нашего свидания. А я в вас несколько не сомневался, что найду того же старого друга, проговорил я в ответ, и мы стали друг другу сообщать всё пережитое нами за последние 12 лет нашей разлуки. Тут же познакомился я с милым

консульства Владимиром Ипполитовичем был приобретен участок земли для планируемого будущего Российского императорского консульства в старом городе Иерусалима, недалеко от храма Гроба Господня. Однако при освоении участка были обнаружены археологические древности и Порог Судных Врат. Ввиду этих событий место впоследствии было передано в ведение Императорского православного палестинского общества, где построено Александровское подворье. С декабря 1866 года по март 1878-го он исполнял должность губернатора Костромской губернии. В свободное от службы время занимался литературным творчеством.

²⁵⁵ Масленников Порфирий Николаевич (? – 1890) — поступил на службу в 1857 году, служил по Министерству народного просвещения. Получил чин действительного статского советника в 1874 году, действительного тайного советника в 1886 году.

французским учителем гимназии, чрезвычайно умным и высокообразованным Карлом Станиславовичем Морен, с которым я тут же подружился и сохранил эту дружбу до его кончины, позднее он часто меня посещал в Самаре, и мы много лет были с ним в постоянной переписке. Мало встречал я в своей жизни таких прекрасных людей, каким был друг мой Карл Станиславович. Встреча наша с Масленниковым кончилась тем, что он меня просил переехать в его обширную гимназическую квартиру и я немедленно последовал его приглашению и переехал к нему через несколько дней, что вызвало неожиданное замечание нанятого мной в Москве человека Дмитрия, который до того времени служил дворецким в знакомом мне весьма аристократическом доме князя Урусова²⁵⁶. «А что скажет Костромское дворянство, узнав, что вы изволили переехать в гимназию к инспектору», молвил Дмитрий, когда я ему приказал перевезти мои вещи в квартиру Масленникова. Разумеется, я тут же начал искать для себя и моей семьи подходящую квартиру и с помощью Масленникова скоро её нашёл, напротив самой гимназии, и нанял для себя деревянный дом уездного Нерехтского предводителя И.Ф. Васькова за 300 рублей в год с огромным садом в две десятины, кухней и другими постройками. Та часть города Костромы, где я поселился изобиловала большими садами, а губернская гимназия составляла особо большую усадьбу с дворянским пансионом и громадным садом для гимназистов, куда я ходил для прогулки в свободное от службы время.

Костромской губернатор Владимир Ипполитович Дорогобужинов был из курских помещиков и занимал до своего губернаторства должность генерального консула в Иерусалиме, где в его время строились под наблюдением особо уполномоченного статс-секретаря Бориса Павловича Мансурова²⁵⁷ те великолепные постройки, которые до последнего времени служили местом жительства для всех многочисленных русских паломников, которые со всех концов России стекаются в Святую Землю для поклонения святому Гробу Господню и всем святым местам Палестины. Губернатор Владимир Ипполитович Дорогобужинов занимал свой пост уже несколько лет, и потому был знаком со всею Костромскою губернию, что было особенно полезно для меня, как новичка, незнакомого с краем и с административной службой. Я очень надеялся научиться у опытного представителя высшей власти в этом уголке необъятной России, и потому часто посещал

²⁵⁶ Дом на нечётной стороне Дебринской улицы.

²⁵⁷ Мансуров Борис Павлович (1828-1910) – российский государственный деятель, активно участвовал в создании и деятельности «Императорского Православного Палестинского Общества».

губернатора и прислушивался к его рассказам. Очень начитанный и образованный Владимир Ипполитович любезно передавал мне свои впечатления о крае и людях, и я надеялся, что к началу зимы или около Рождественских праздников, когда предполагался ежегодный отъезд губернатора в Петербург по делам службы, я буду достаточно в них осведомлён и познакомлюсь с местным чиновным и помещичьим обществом, но тут случилось неожиданное для нас обоих обстоятельство, которое меня заставило, по желанию губернатора, вступить в его обязанности и исполнять их в его присутствии. Причиной такой неожиданной перемены было полученное губернатором при мне в дворянском клубе за обедом грубое письмо одного местного помещика, отставного моряка Бошняка, обвинявшего Владимира Ипполитовича в незаконном покровительстве недовольным своим помещиком крестьянам, которые нарушили его владельческие права и затевали против него бунты²⁵⁸. Когда во время обеда губернатору было подано это письмо, очевидно не безызвестное всем нашим сообедникам, я запомнил смущение в лице губернатора и всё действия его предложения поспешил истолковать в истории с ним в клубе, в который, по крайнему моему разумению, нам незачем было приходиться обедать, в виду возможности такого неприятного случая, каковой, как я после

²⁵⁸ Бошняк Николай Константинович (1830-1899) – моряк, капитан 2-го ранга. Участник Амурской экспедиции адмирала Невельского. В 1852 году отправился на Сахалин для его изучения. Пешком и на собаках обследовал западное побережье острова, где открыл месторождение каменного угля, затем пересек Сахалин и перешел на его восточное побережье. Здесь открыл р. Темь и обследовал ее на всем протяжении. В низовьях Амура и бассейна р. Амгунь открыл Буреинский хребет. В 1853 г., изучая западное побережье Татарского пролива, обнаружил гавань Ходжи (ныне Советская Гавань). Несмотря на молодость (исследования начал в 18, а завершил их в 25 лет), мужественно справился со всеми трудностями экспедиционной работы. В 1856 г. был переведен на Балтийский флот. В 1865 г. вышел в отставку по болезни. Болезнь у него развилась вследствие неимоверных лишений и тягот, перенесенных в 1852-1856 годах в Амурской экспедиции. Обиды на высшее начальство, обошедшее его и чинами, и наградами, стали окончательно подрывать психическое здоровье заслуженного моряка. Но, несмотря на своё болезненное состояние, он принимает активное участие в деятельности земских учреждений в Костромской губернии. Однако очень скоро Н.К. Бошняк убеждается в иллюзорности своих мечтаний о плодотворной работе на общее благо в земстве. Он испытывает сильнейшее разочарование и результатом этого вступает в конфликт с губернатором, о котором упоминает А.Д. Свербеев. Губернатор обиделся и сумел добиться медицинского обследования для Бошняка. Его признали больным. Через несколько лет он уехал за границу на лечение. До 1899 года он прожил в психиатрической больнице в Монце на берегу озера Комо в Италии, где и умер.

узнал, всегда мог быть ожидаем, вследствие угрозы автора письма, обещавшему устроить публичный скандал губернатору. Вернувшись в губернаторский дом я должен бы прочесть помянутое письмо, и разумеется не стану приводить здесь его крайне оскорбительных выражений, по моему убеждению, совершенно не заслуженных. Тут же губернатор предложил мне вступить в его обязанности и уведомил об этом Губернское правление и всех остальных чинов губернии. Положение моё стало крайне затруднительным, ибо исправлять должность совершенно здорового и вместе со мной находящегося в городе губернатора было очень оригинально, и когда я на другое утро пришёл по делам службы в губернаторский дом, то должен был от самого губернатора выслушивать разные его личные распоряжения по губернии, ответственность за кои падала на меня лично, что и было совершенно не законно. Так, например, губернатор потребовал от старшин дворянского клуба и всех наличных дворян в Костроме извинений за допущенную в клубе грубость, а также сочувствия к его особе всего дворянства. Достигнуть этого ему не удалось, потому, что существовала партия друзей Бошняка и недовольных поступками губернатора. Больше недели прошло в исправлении мною обязанностей занятой губернаторской должностью, и я обязан признаться, что сохранил самые неприятные воспоминания об этом времени, потому, что всегда благодетельный закон не только не разрешал подобного совмещения, но даже и признать его не мог. В это самое время я продолжал свою службу в Губернском правлении, знакомился со своими сослуживцами, с тремя советниками Губернского правления и двумя техниками, т.е. губернским инженером и губернским землемером, оба последние были весьма хитроумные люди, которые никакого доверия не заслуживали и всегда придумывали каким образом они могут надуть своё губернское начальство. Об этих служебных порядках, вернее беспорядках, я буду говорить позднее, описывая своё дальнейшее служебное положение.

Теперь перехожу к посещению мною настоятельницы местного женского монастыря, знаменитой игуменьи Марии, в миру Софии Дмитриевны Давыдовой, дочери богатого помещика и сахаровара Дмитрия Александровича Давыдова, женатого на княжне Шаховской, сестре известного георгиевского кавалера генерала Ивана Леонтьевича Шаховского, семья коего пользуется и теперь большой популярностью в петербургском обществе. С.Д. Давыдова жила с родителями в Москве, имела большой успех в обществе, и отличалась замечательной красотой и необыкновенным умом. Все изумились, когда она, вдруг, в сороковых годах, под влиянием известного наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Антония Гнедлина Лысковского

князя Грузинского, известного своим большим самодурством, ... оставила мир и поступила простой монахиней в бедный Костромской Крестовоздвиженский монастырь и много лет имела там трудное монашеское послушание, пока сёстры обители не избрали её своей настоятельницей и она не получила утверждение в сане игуменьи. Но в 1848 году неожиданно сгорает игуменский Преображенский монастырь, и его великолепные храмы, кроме одного Салтыковского обратились в развалины. Мать Мария возгорела желанием возобновить сгоревший монастырь во всей его прежней славе, и стала хлопотать перед местными духовными властями и в Святейшем Синоде, чтобы погоревшие развалины Преображенского монастыря были переданы в её ведение, давая обещание, что с помощью Божьею, она может достигнуть своей благочестивой цели. Когда я приехал в Кострому, то Салтыковский храм давно уже был возобновлён и украшен, и в нём совершалось богослужение. Выстроен был большой корпус, монастырские кельи, строился такой же большой корпус с помещением для игуменьи, только что был освящён Храм Смоленской Божией матери на месте, где была часовня того же имени, заканчивался большой монастырский собор, в коем обращён был в алтарь весь древний собор мужского монастыря, к коему пристроено было огромное здание, собственное место собрания богомольцев. Именно в эти работы была поглощена мать Мария, когда я пришёл с ней знакомиться, она меня совершенно очаровала, как своим внешним обликом, так и ясным умом, редкой образованностью и богословскими познаниями. Впечатления моей беседы с ней врезались в моей памяти, и я убедился, что наше знакомство станет для меня плодотворным и дальнейшая деятельная дружба с игуменьей вполне подтвердила моё первое впечатление. Мать Мария была человек очень властный, даже деспотичный, и вследствие того, что управляла двумястами монахинями и послушницами, она не любила выслушивать чужих мнений, была резка со своими подчинёнными, но благородная и даровитая её природа смягчала эти резкости и деспотичный нрав. Я много бывал у неё и часто заслушивался её рассказами, из коих особенно мне памятно художественное её изложение лиц и описание многих смиренных старих её обители, из коих каждый её слушатель мог вынести полезные для себя нравоучения. Встречу с этой редкой женщиной я считаю знаком милости ко мне Божией.

Для знакомства с Костромским архиепископом Платоном²⁵⁹, много уже лет управлявшего своею епархией, мне пришлось ехать за 8 вёрст

²⁵⁹ Платон (в миру Павел Семёнович Фивейский) (1809-1877) – духовный писатель, в 1857-1877 епископ Костромской и Галичский.

в его летнюю дачу, в местность носящую имя Солониково, и находящуюся среди большого леса. Обширный деревянный дом заключал в себе не только архиерейские покои, но и пристроенную к ним Крестовую церковь. Здесь проводил большую часть лета архиепископ, чем вызывал большое неудовольствие среди многочисленных посетителей, которые ежедневно должны были большею частью пешим хождением прибегать из города это лишнее пространство для доклада Владыки о своих нуждах. Вокруг архиерейского дома находился благоустроенный сад со многими цветами и не один раз гуляя в этом саду с Владыкой, я получал от него срезанные цветы со словами: «Примите сие приношение от праведных трудов наших». Костромские старички рассказывали, что много лет тому назад (30 лет) здесь обитал очень общительный архиерей, преосвященный Самуил²⁶⁰, который услаждал слух собравшихся у него городских жителей и костромских дворян музыкой особенного оркестра, но, разумеется при мне, не случалось ничего подобного в Солониково. Архиепископу Платону было уже полных лет более 60, Московский уроженец и потому мы с ним скоро разговорились о московских именитых людях и преимущественно за год до того скончавшимся знаменитом Московском митрополите Филарете, коего часто посещала моя маменька, особенно его почитавшая. Владыка Платон был человек весьма умный, начитанный и богословски учёный, но весьма своенравный и самовластный, и правил своей епархией жезлом железным, так, что подчинённое ему духовенство и монашество очень его боялось и особенно страшилось его наездов, когда он совершал объезды по епархии. Зимой он жил в том известном Ипатьевском монастыре, стоящем при впадении реки Костромы в Волгу, на окраине города, где в 1613 году, укрывался от поляков юный Михаил Романов со своею матерью, перед своим избранием на русское царство. В Ипатьевском монастыре и поныне сохраняется небольшой домик, где спасалась от поляков инокиня Марфа с своим сыном. Там же над входными воротами со стороны Костромы реки поставлена церковь святых Хрисанфа и Дарьи²⁶¹, празднуемых в день прибытия из Москвы в Кострому Московского посольства с грамотой об избрании Михаила Романова. В его обширных покоях я часто бывал у владыки Платона и в праздничные дни присутствовал при его приёмах Костромских властей и городского духовен-

²⁶⁰ Самуил (в миру Степан Васильевич Запольский-Платонов) (1772-1831) – епископ Русской православной церкви, в 1817-1830 годах епископ Костромской и Галичский.

²⁶¹ Церковь воздвигнута по инициативе императора Николая I. Автором проекта явился К.А. Тон.

ства, во главе с часто сменявшимися его vikариями, и не раз слышал из уст его довольно укорительные его назидания собравшейся пастве.

Во время прожитого мною в Костроме десятилетия сменились три vikария. Первый был благодушный епископ ..., впоследствии архиепископ Ярославский, приехавший в 1878 году хоронить Костромского владыку Платона. Вторым был преосвященный Палладий²⁶², впоследствии епископ Олонецкий, известный изданием своей полковой псалтыри, и наконец третий, весьма оригинальный и неглупый хохол, епископ Геннадий который, вследствие известной слабости, не всегда сохранял необходимое для духовного лица спокойствие духа и часто меня удивлявший своими своеобразными выходками. Среди костромского духовенства я очень скоро нашёл давно мне знакомого и очень близкого, бывшего моим духовником в Прибалтийском крае отца протоиерея Иоанна Постилеева, с которым мы сейчас же возобновили наши дружеские отношения. Это был прекрасный человек, исполненный благоволения к людям, а потому и всеми любимый, настоятель древнего собора в городе Костроме, очень уважаемый среди духовенства и всего Костромского общества. Мы много виделись с ним и сблизились с его семьёй. Скончался он очень недавно и оставил после себя большое количество назидательных сочинений и проповедей, очень распространённых в северных русских епархиях.

Мою службу в Губернском Правлении я проходил со своими тремя помощниками, советниками Губернского правления. Старшим советником был Николай Константинович Смирнов, имевший небольшую усадьбу за городом, на противоположном берегу Волги. Был он человек способный и неглупый и пользовался особенным доверием у губернатора, почему хотел подчинить своему влиянию все дела в Губернском правлении, и немедленно предложил мне решать все дела в полном с ним согласии, рассчитывая наверняка, что может иметь за себя всегда голос губернатора, и таким образом получить то большинство голосов, которое необходимо для утверждения журнала по каждому делу. Я же ответил ему, что предпочитаю поступать всегда по закону, и потому буду предлагать всем советникам способы обсудить каждое дело и представить его на рассмотрение и утверждение губернатора. Вторым советником был очень умный и деловитый Александр Алексеевич Булашевич, заведовавший судебными делами по обвинениям, предоставляемым губернскому правлению. Он был хороший работник и всегда твёрдо держался своего мнения, почему вызывал

²⁶² Палладий (в миру Павел Егорьевич Пьянков) (1816-1882) – епископ Русской православной церкви, в 1869-1872 годах епископ Кинешемский, vikарий Костромской епархии.

неудовольствие начальства, которое его обвиняло в лицепритии и, совершенно бездоказательно, заподозрило его во взятках. Третьим советником был смиренный и скромнейший Павел Иванович Касторский, который более всего боялся иметь свой независимое мнение. Вследствие такого его страха, журналы Губернского правления, с его подписью, много раз были изменяемы и переписываемы, ибо Павел Иванович сначала соглашался с одним из советников, и узнав, что я этого мнения не разделяю, немедленно переходил на мою сторону, что не мешало ему впоследствии, буде губернатор со мной не согласится, изменить своё второе мнение и присоединиться к третьему, т.е. к мнению губернатора, и при том, выразить мне лично, полное ко мне сочувствие. Вот как действовала наша комиссия Губернского правления, где я впервые заседал с конца июля месяца 1868 года. Но особенно много неприятностей составляло рассмотрение дел по строительному отделению, где хозяином был Эдуард Васильевич Тиден²⁶³, губернский инженер, весьма способный, знающий, самолюбивый и хитроумный человек, сумевший заручиться полным доверием губернатора. Одновременно он состоял и епархиальным губернским архитектором, и потому заведовал всеми постройками, как гражданскими, так и духовного ведомства. Такая широта поля его действий открывала ему все возможности бесконтрольного взяточничества на этих постройках, ибо, как известно, справочные цены утверждались строительным отделением вместе с городским управлением. Постройки же производились не только в губернском городе, но и по всем 12 уездным городам, были весьма многочисленны, ибо состояли из всех тюремных зданий, полицейских и губернских управлений, и губернаторского дома, на что ежегодно испрашивались значительные суммы. В доказательство, как самовластно действовал хитроумный техник, приведу для характеристики два случая. В первом, поссорившись почему-то с Костромским городским управлением, Тиден отправился в городской театр²⁶⁴, арендованный городом у Попечительства детских приютов, и построенный на пожертвованные деньги, приступил

²⁶³ Тиден Эдуард Васильевич (Христофорович) (1834 – после 1897) – в 1858–1865 годах был городским архитектором во Владимире. После этого был губернским архитектором в Костроме и Ярославле.

²⁶⁴ Постоянное здание для театра в Костроме впервые было построено в 1863 году. «Это было одноэтажное здание с крупным мезонином, в завершении которого находился крупный лучковый фронтон, внешне похожий на сегмент круга. В средней части фасада располагался четырехколонный крытый проход. Богатство коринфского ордера колонн завершало облик центрального входа в театр. А по бокам крыльца-подъезды в виде полуротонд с колоннами. По одной из версий, основная масса кирпича для постройки была куплена при разборке сгоревшего в 1847 году здания Богоявленского монастыря.

к осмотру здания, и, в самом разгаре театрального сезона доложил губернатору, что он не может отвечать за безопасность публики в здании театра, где он, будто бы на потолке нашёл весьма опасные изъяны. Так и простоял театр некоторое время закрытым, с большими убытками для города, пока не состоялось какое-то соглашение техника и города, и внезапно театр снова открылся для публики, которой было сообщено, что необходимый ремонт совершился и театр снова стал безопасным. В другой раз, Тиден, недовольный каким-то распоряжением архиерея, отправился в уезд для осмотра готовящейся к освящению церкви, и так же сообщил, что она не безопасна для молящихся, а потому освятить её теперь невозможно, пока не будет сделан указанный им ремонт. В этом случае духовное ведомство быстро пошло на соглашение и скоро состоялось освящение храма. Так как все постройки по губернии распределялись между подчинёнными строительному отделению техниками, и тем же отделением назначались суммы на ремонт и награды строителям, то, разумеется со стороны этих техников никогда не могло поступить жалобы на губернского инженера. Когда же из Петербурга являлся кто-нибудь из высших чинов для осмотра постройки, как например по духовному ведомству, для принятия только что оконченной духовной семинарии, то ловкий техник, умел во время принести кому, что следует и прекратить всякие слухи о своём взяточничестве.

В продолжении целых десяти лет продолжались мои упорные сражения с строительным отделением, и хотя я так и не добился назначения нового старшего техника, и не мало испытал от него всех возможных неприятностей, но тем не менее, ему так и не удалось поссорить меня с губернатором, с коим мы всегда оставались в приличных отношениях. Зато борьба со вторым весьма крупным, и, донельзя отвратительным взяточником, губернским землемером Свистуновым через два года окончилась моей победой, и мне посчастливилось во время открытия новых судебных установлений, назначить через министра юстиции графа Панина²⁶⁵, талантливого и умного Леонида Николаевича Северьянова²⁶⁶, бывшего помощником губернского землемера. Бла-

Потому, когда в 1865 году новое здание театра было фактически уничтожено пожаром, многие обыватели увидели в этом Божье наказание. Правда, здание довольно быстро восстановили – уже к сезону 1866/1867 года» (<http://www.kostromadrama.ru/index.php/teatr/istoriya>).

²⁶⁵ Панин Виктор Никитич (1801-1874) – граф, министр юстиции в 1841-1862 годах. Председательствовал в редакционных комиссиях при Главном комитете по крестьянскому делу. По отзывам современника не имел каких-то определённых собственных взглядов, а был просто исполнителем воли императора.

²⁶⁶ Северьянов Леонид Николаевич (1845-1916) – на службе с 1865 года. В 1905 году получил чин действительного статского советника. Дослужился до товарища председателя Костромского окружного суда.

годаря ему я подробно познакомился с местными делами, и с его помощью был устроен в особом здании губернский межевой архив, замечательный по бесчисленному количеству и необыкновенной дробности земельных владений в громадной Костромской губернии. Недолго после этого Северьянов был назначен членом Костромского окружного суда, и поныне ещё там здравствует и всеми чтится, как знаток межевого дела в России. Во время моего десятилетнего вице-губернаторства произведена была перемена: старший советник Смирнов переведён был в Удельное ведомство, а на его место был назначен Иван Николаевич Селифонтов, ярославский помещик, бывший мировой посредник в той же губернии, недавно только назначенный костромским исправником. Иван Николаевич был прекрасный человек, но довольно странных способностей. Он всегда старался принести пользу, во всяком месте, куда его поставила судьба, и потому, как скоро он поступил на должность старшего советника, который заведовал всеми хозяйственными суммами и расходом необходимых при канцелярии материалов, он сейчас пришёл посоветоваться со мной насчёт сбережения казённых денег и принёс мне примерный конверт, который он считал возможным употреблять для переписки губернского правления со всеми официальными лицами и сказал мне: «Посмотрите Ваше Превосходительство, если раз и навсегда утвердить такой размер для всей нашей переписки, то легко можно вычислить сколько бумаги, сургуча и чернил будет на это израсходовано. Стоит только взять последний № истекающего года и вы получите верную цифру необходимых конвертов и листов бумаги для означенной переписки». Но, скажите, отвечал я ему, каким образом вы можете добиться верной суммы этих расходов, ибо вы не можете со мной не согласиться, что размер конверта и бумаги нашей официальной переписки может только определяться объёмом того канцелярского труда, который предоставит каждая бумага, а потому ваш проект не может быть определён, предлагаемой вами арифметикой. Иван Николаевич очень смутился моим замечанием, но скоро понял, что подобного рода исчисление количества бумаги, чернил и сургуча необходимо делать по другому расчёту. Новый советник был чрезвычайно медлителен в своих действиях, и никак не мог понять, что невозможно ограничиваться одними формальностями, которые он придумывал во всех обстоятельствах своей службы и деятельности. Мне рассказывали, что когда он был мировым посредником и жил в своей собственной усадьбе, он желал приносить местному населению пользу своими ручными работами, ибо хорошо знал плотничью, столярную и слесарную работы. Иван Николаевич предложил своим крестьянам обращаться к нему, когда им предстояла надобность в таких работах и назначил им дни

недели, когда ему удобно будет этим заняться, но тут явилось неожиданное затруднение в том, что крестьяне приходили за его помощью в неопределённые дни, и потому он считал для себя невозможным удовлетворять их требования. Так что похвальные его намерения не принесли никакой пользы населению.

Помню, как в 1872 году, когда в Костроме разразилась холерная эпидемия, я нашёл его внимательно рассматривавшего большое количество мух, накрытых стаканами. «Поглядите, пожалуйста на этих бедных насекомых, как они сильно страдают от голодных припадков. Несмотря на все мои усилия, я никак их вылечить не могу». Не мало времени проводил этот милый советник в таких соображениях и, разумеется никогда не мог достигнуть намеченной им цели. Скончался он совершенно внезапно, и я не могу не помянуть его добрым словом, потому что цель его жизни была помогать ближнему, и не его вина, что он часто ошибался.

Вторая комиссия, в которой я по своему званию вице-губернатора должен был заседать, собиралась под предводительством губернатора в особой комнате губернаторского дома и находилась рядом с его канцелярией. Членами этого губернского по крестьянским делам присутствия, кроме нас двух состояли: губернский предводитель дворянства Н.П. Карцев²⁶⁷, управляющий казённой палатой Д.П. Гаврилов, блестящий ум и дарование коего весьма скоро довели его до выдающегося положения – директора государственного казначейства, управляющий государственными имуществами Павел Анжелович Кампиони²⁶⁸ и два непременных члена Н.Н. Прохоров и В.В. Мошков, при секретаре крестьянского присутствия П.В. Нарбекове, одном из самых трудолюбивых и работоспособных чиновников во время всей моей долговременной службы в приволжских губерниях. Нарбеков был человек высокой честности и очень развитого ума и на него всегда можно было положиться, как на каменную стену. Другой такой же прекрасный и полезный чиновник был помощник правителя канцелярии Островский, с коим мне пришлось много поработать в моё Костромское десятилетие. Он заведовал и городскими суммами, и ему, а также Нарбекову я лично обязан, что скоро изучил эти дела, и беспрепятственно мог проникнуть в те юридические и административные дебри, которыми их окружает наша канцелярская формалистика. С глубоким ува-

²⁶⁷ Карцев Николай Павлович – губернский предводитель дворянства в Костромской губернии с 1865 по 1871 год.

²⁶⁸ Кампиони Павел Анжелович (1832-1894) – действительный статский советник. Директор Лесного департамента (1882-1886), действительный тайный советник.

жением и благодарностью вспоминаю я этих благородных и замечательных тружеников, и должен признаться, что в таких людях, русская, так называемая бюрократия, не только имеет надёжную опору, но и действительную полезную силу, составляющую прочные основания нашего государственного управления. Обязан я ещё помянуть одного труженика — помощника правителя канцелярии Америкрицкого, коему я стольким обязан, как двум выше названным, ибо с ними так много работал. И своими ценными служебными сведениями они делились со мной и не мало обогатили меня в продолжение нашей десятилетней деятельности.

Скромная деятельность этих прекрасных людей остаётся часто совершенно неизвестной широкой публике, и потому в русской печати вы нередко встретите весьма резкие и несправедливые отзывы о так называемых русских чиновниках. Заседания в Крестьянском присутствии бывали раз в неделю, и отличались большим оживлением, которое иногда доходило до немалой страстности. Разумеется, как во всякой коллегии образовались две противоположных партии, одна, состоявшая из губернского предводителя и неперменного члена из дворян, отстаивала интересы землевладельцев, другая же вместе с управляющим государственными имуществами, часто и справедливо защищала крестьянство, которое тогда едва вышло из крепостной зависимости, и между прочим гораздо ранее моего приезда, обсуждала дело Бошняка, которое возбудило столько неудовольствий против губернатора, но теперь страсти улеглись, и при мне заседания не принимали бурного характера. Губернский предводитель Карцев был человек очень самолюбивый и держался с губернатором на дипломатической ноге, хорошо понимая, что всякое его заступничество за дворян, упрочивает ему несомненные выборы в предводители на следующее 3-х летие. Непременный член Прохоров был человек необразованный и с весьма грубыми формами, и потому все его доклады отличались малыми симпатиями к крестьянству и неперменным отстаиванием всех требований землевладельцев, не всегда вполне законных. Управляющий государственными имуществами Кампиони был итальянского происхождения, а потому и весьма страстного нрава, который и проявлялся в его рассуждениях о правах обиженных, а иногда неожиданно приводил его к заключениям, не лишённым колкостей и возбуждавшим гнев оппозиции. Кампиони был человек очень способный и хороший знаток законов, а потому часто выигрывал дело на основании приведённых им законов, что послужило к его репутации большого либерала. С ним я много виделся, и мы были близкими друзьями с его семейством до его перехода на высшую должность в министерство в Петербурге, где мы снова встретились и продолжили свою дружбу.

Дмитрий Петрович Гаврилов был, как я уже вспоминал выше, из ряда вон умным и просвещённым человеком и знакомство с ним было для меня не только приятно, но и поучительно. Редко встречал я человека, который так ясно и интересно излагал свои мысли, как в деловых, так и в обыкновенных разговорах. Лучшим для меня отдыхом от служебных дел был проведённый с Гавриловым вечер в беседе с ним и умной его женой. Сам губернатор вёл себя в этих прениях весьма осторожно и дипломатично, но постоянно имел в виду своё губернаторское положение, чем на мой взгляд очень усложнял свою жизнь, ибо, охраняя свою важность, несколько надоедал своим собеседникам вне службы. Ещё более чем он, заняты были его важностью сёстры его, и постоянно об этом говорили, не называя его иначе, на французском языке, как председатель всякого общества, будь оно просто светское и доходило до забавных выражений, говоря, что он председательствовал на похоронах такого-то сановника и даже на бале в Зимнем дворце. Они очень обиделись на моё замечание, что председателем на похоронах может быть только один покойник. Однако, не могли не согласиться со мной, что в Зимнем дворце хозяин один только царь. Губернаторские сёстры очень молодились и появлялись обыкновенно в официальные дни на молебствии в кафедральном соборе в больших весенних платьях, украшенными розовыми и голубыми лентами, и так им было уже за 60 лет, и красотой они не отличались, то видом своим возбуждали общее сожаление. Ко мне и семье моей они всегда относились очень любезно внимательно, за что я сохраняю благодарную о них память. Одной из моих служебных обязанностей по званию вице-губернатора, было наблюдение за всеми тюремными учреждениями в губернском городе.

Кроме обыкновенной тюрьмы, где были заключены все обыкновенные преступники, находилось ещё особое пересыльное отделение, в тех же тюремных стенах стояло на другом конце города здание арестантских рот, из которых отпускались ежедневно арестованные на городские и частные работы, а ещё дальше, на окраине города находился работный дом с небольшим количеством заключённых. Особенностью этого работного дома было совершенное отсутствие каких бы то ни было работ, и по тому, такая праздность арестантов давала повод к разным скандалам, часто повторявшимся в этих стенах, а так же, и в общей губернской тюрьме, где содержалось несколько сот заключённых и которым совсем не хватало места и особенно в пересыльные дни, когда из Костромы передвигалось в ближайшие Поволжские города большое количество пересылаемых по этапу.

Вспоминая свои заграничные посещения немецких и швейцарских тюрем, я немедленно занялся устройством, в общей тюрьме полезных

для этого праздного люда мастерских всякого рода, т.е. сапожной, портняжной и картузной. Хотя и встретились значительные затруднения благой моей цели, ибо для сего не оказалось в тюремном комитете никаких денежных средств, и я должен был искать их в своих собственных карманах. Сочувственно отнёсся к моей затее казначей тюремного комитета портной С.К. Касаткин, а также и само тюремное начальство, ибо мне было подчинено. В скором времени все мастерские были устроены, и работа в камерах закипела. Прежде всего стали изготавливаться казённые арестантские одежды, бельё и сапоги, а потом уже заказанные мною для продажи, папиросы и разные предметы столярного искусства. Чтобы приучить публику к дешевым ценам этих тюремных работ я устроил в дворянском зале благотворительный бал и концерт с лотереей изготовленных в тюрьме вещей, где разумеется расходы покрыть не мог.

Этим и окончилась моя борьба с праздностью в тюрьмах, и дальнейшие мои попытки тоже мало имели успеха. Совершенно иное нашёл я в арестантских ротах, где имелось несколько сот заключённых, преимущественно молодых арестантов, весьма способных на все нужные для городских обывателей работы, на которые они ежедневно отправлялись партиями не менее десяти человек под присмотром своего надзирателя. Мера эта была весьма популярна, и спрос всегда превосходил предложение. Не могу забыть патриархальности отношений Костромской публики к работавшим у неё арестантам. Они пользовались полным доверием своих нанимателей, которые по окончании работы не редко подносили рюмочку водки, как работавшим у них арестантам, так и надзирателям, и не редко на улице вы могли встретить возвращавшихся с работы трезвых арестантов, ведших под руку своего пьяного надзирателя. Побег с работ случались не часто, и большею частью в летнее время, когда заключённым особенно хотелось подышать свежим воздухом и навестить свои деревенские семьи, после чего они, иногда сами возвращались в арестантское отделение. Оборудовать мастерские в рабочем доме мне совершенно не удалось, в следствии малого количества заключённых и невозможности устроить для них какую-нибудь работу, которая бы оплачивала эти расходы и могла составить достаточное вознаграждение для трудившихся арестантов. Костромским полицмейстером был очень милый и благодушный старик во всё время моего десятилетия, Никандр Васильевич Семёнов²⁶⁹.

²⁶⁹ Семёнов Никандр Васильевич — до того как занять место полицмейстера прошёл все нижестоящие должности в полиции Костромы. В середине 1850-х годов был становым приставом I стана Костромской губернии.

Состав его подчинённых был очень невелик, но и сам город Кострома был небольшой, и хотя занимал большое пространство по берегу Волги, и отличался многими пустырями, которые носили громкие названия площадей, но мостовых на них не было, и только немногие здания их окаймляли. В городе было всего 28000 жителей и разделялся он на четыре части. Количество городских я не упомяну, но могу заверить, что их было совершенно недостаточно, для сохранения порядка на улицах, и большею частью Костромская полиция украшала своим присутствием те места, где проживало начальство и где оно могло появиться пешком или в экипаже. Моя 23-х летняя служба в двух русских обширных губерниях Костромской и Самарской убедила меня, что более забавной фикции в нашем отечестве нет, какой является русская полиция. Лучшим примером, доказывающим истину моего утверждения может послужить мобилизация 1876 года, когда я лично председательствовал в том присутствии, которому была поручена эта мобилизация в городе Костроме и занимался приёмом всех тех лиц, которых должно было призвать на службу в городе Костроме.

Среди них оказались взятыми на службу почти все городовые, почти все тюремные надзиратели и нижние чины пожарной команды, так что я невольно смутился, и мысленно спрашивал себя, в каком же положении завтра утром окажется город без всякой полиции и какой бы то ни было страже при тюрьмах, а также без пожарной команды, на что мне сказали, что город Кострома пребывал в том же спокойствии при отсутствии какого бы то ни было надзора за населением. Кстати, должен здесь упомянуть, что в тюрьмах порядки были такие-же патриархальные, как я убедился в частых своих посещениях, и что заключённые там преступники обыкновенно проживали в открытых камерах и только запирались на ключ при посещении начальства. Да иначе и быть не могло, потому что тюремные надзиратели были до смешного малочисленны и с ними легко было справиться двумстам арестантам, наполнявшим эту тюрьму. Жалованье надзирателям выдавалось 15 рублей в месяц, и они естественно, очень благодушно относились к арестантам, потому что вполне зависели от их доброй воли. В уездных городах и сёлах Костромской губернии господствовала такая же патриархальность, только ещё в большей степени, потому что там цифры полицейских чинов и выдаваемого им жалованья были просто комичны. Вспоминая теперь, как, во время оно охранялось наше русское отечество, можно только воскликнуть, что только милость Божия и Святой Николай Чудотворец обеспечивали спокойствие в русском государстве. Помню, как мне несколько раз пришлось быть на фабричных беспорядках, и одними личными разговорами с недовольными толпами рабочих всегда кончать все эти неудоволь-

ствия мирными соглашениями как с ними, так и с хозяевами фабрик. Вот как жилось на Руси в те давние годы, и теперь самому не верится, как прочно было наше тогдашнее спокойствие. А между тем, в это самое время, стали появляться всякие революционные и анархические попытки, хотя ещё весьма наивные и неумно задуманные.

Перейду теперь к описанию Костромского местного общества. С губернским предводителем Карцевым и его любезной женой Александрой Фёдоровной мы находились в хороших отношениях. Супруга его была попечительницей единственного Костромского Мариинского приюта (40 девочек) и потому с нею часто виделся как в самом приюте, так и у неё. Благотворительное это дело весьма полезно и желательно, но, как и всё у нас на Руси, на воде писано, ибо у нас не было не денежных средств, ни способных людей для осуществления этой благотворительности. Приют содержался на деньги жертвователей и на те лотереи, которые устраивало попечительство через 2-3 года. Большим подспорьем служил городской театр, здание коего принадлежало приюту и было построено на деньги жертвователей, как мною было рассказано выше при описании осмотра этого театра губернским техником. Я должен вспомнить при этом, что надзирателем этого приюта, была прекрасный человек Александра Александровна Короткова и что я весьма часто её посещал, когда нанял себе новую квартиру рядом с зданием приюта.

Костромским уездным предводителем был Рябков, содержавший парходное сообщение против города с противоположным берегом Волги. Знакомство с ним у меня было самое поверхностное, потому, что я больше всего встречался с ним на его пароходах, и не мало удивлялся его развязным манерам и простонародному русскому языку с весьма откровенными и даже циничными выражениями. Председатель губернской земской управы был очень дельный и неглупый Пётр Васильевич Исаков, с которым мы скоро подружились и много виделись во всё моё десятилетие. Он был очень деятельный и работоспособный труженик и знакомство с ним было полезно для обоих нас. Я узнал подробно земское дело, а он весьма ловко достигал улаживания всяких пререканий с администрацией, часто встречающихся у земских людей. Мы с ним часто виделись и семьи наши были хорошо знакомы, ибо его единственный сын был товарищем по гимназии моего сына и часто его навещал.

Интересно будет вспомнить, что при постоянной со мной дружбе, Исаков, всегда, когда наступал срок его избрания, всячески избегал меня посещать, чтобы сохранить свою популярность в земстве, и после своего благополучного избрания, недели через две, опять продолжал частые свои посещения. В русском обществе это явление часто

встречается, и служит доказательством, что для всякого избрания необходима, хотя бы только кажущаяся оппозиция административной власти, в чём я несколько раз убеждался во время моей службы.

Павел Анжелович Кампиони (управляющий государственными имуществами) был большой мой приятель и на редкость умный и способный человек, очень весёлого и живого нрава. Был он, очень красив, и вследствие этого пользовался большим успехом в дамском обществе, и служил предметом городских сплетен и пересуд. Жена его — казанская помещица — была очень добрый и хороший человек, но слишком однообразна, чтобы нравиться своему мужу. Он преимущественно занимался службой, не забывая и своих увлечений, которые часто были изменчивы. Но дружба наша осталась всё такая, до самой его смерти.

Другой близкий мой друг был отставной моряк капитан 2-го ранга Владимир Павлович Смольянинов²⁷⁰, женатый на родовитой и богатой Голохвастовой Елизавете Петровне, весьма некрасивой, но пленившейся красотой и нравом своего мужа. С ними жила старушка 80-ти летняя мать его, Анна Алексеевна, урождённая Контова, одна из самых привлекательных русских старушек. Много сиживал я у неё, слушая интересные её рассказы, про тяжёлое крепостное время, и уродливые выходы заволжских помещиков. Она ещё помнила Екатерину II, и видела в Москве, когда была ребёнком славную эту императрицу в залах дворянского собрания. Летом я часто жила по несколько дней в живописной усадьбе Смольяниновых, на берегу Волги, близ заштатного города Плёс.

Усадьба эта была отменно красивая и отличалась роскошными пойменными лугами на самой Волге, которые тянулись вдоль реки на шесть вёрст и принадлежали Смольянинову и двум его двоюродным братья Шулейниковым, и потому, между их владениями не было никаких заборов и преград, среди этих прелестных лугов. Гостеприимный деревенский дом Смольянинова стоял на пригорке, откуда на далёкое пространство виделась широкая величественная река, и мы, после ежедневного, раннего утреннего купанья, совершали очаровательную прогулку по зелёным превосходным лугам, на которые никогда нельзя было достаточно наглядеться, и потому, я всякую субботу спешил на отдых к своим друзьям в Порошино. Хозяин его был сначала мировым посредником, а потом перешёл в судебное ведомство, и в 1871 году, при введении нового суда был назначен графом

²⁷⁰ Смольянинов Владимир Павлович (1832-1897) — в службе с 1842 года, вышел в отставку в 1864 году, в дальнейшем служил на различных должностях в Министерстве юстиции.

Паниным товарищем председателя Костромского окружного суда, и жил в великолепном доме своей супруги напротив губернатора и близ Муравьевской набережной. Довольно часто проживал и я в этом доме, когда мне приходилось менять свою городскую квартиру, и часто тут в саду собирались наши общие с Смольяниновым приятели и его новые товарищи по суду и прокуратуре, все молодой и веселый народ, любивший иногда покутить и повеселиться.

Рядом с домом, через сад, стояла Борисоглебская церковь, и мне совестно вспомнить, что по лености своей, я по воскресениям вставал не рано, и в открытые окна моей спальни не редко слышалась вся божественная литургия, что меня сейчас же поднимало на ноги. Очень дружен был я со всеми многочисленными детьми Смольянинова и его славной женой и был ею весьма избалован.

Совершенно другого типа был губернский жандармский полковник Иван Николаевич Чалтов, в сущности очень добрый и хороший человек, и по своему характеру и способностям совершенно не соответствующий служебному своему положению, каковое его преимущественно обязывало сохранять служебные и иные, по семейным обстоятельствам сообщённые ему тайны. Болтливость и добродушие полковника очень способствовали распространению в обществе всех таких тайн, и забавно было видеть смущение самого полковника, когда он узнавал в обществе разболтанные им секреты. Самую главной и интересной для него деятельностью было хозяйство в местном дворянском клубе, а также частные благотворительные спектакли, в которые всегда появлялась его хорошенькая и миленькая жена, отличавшаяся несомненным сценическим талантом. После её кончины он сочетался вторым браком с красивой барышней из многоветвистой семьи Коровиных, об отце коих Петре Ивановиче я теперь хочу сказать несколько слов. Он был великим самодуром и пьяницей, и своими безобразными выходками много обогащал современную мне хронике костромской жизни. У него было много дочерей весьма красивых и бойких. Младшая из них Марья Петровна Коровина, очень известна по Московской сцене оперным своим громадным голосом, и была замужем за Ф.Ф. Арнольд²⁷¹, бывшим председателем Московской судебной палаты, и умершим очень недавно сенатором судебного департамента, где мы вместе служили, почему я могу засвидетельствовать, что таких достойных и способных людей я мало встречал в своей

²⁷¹ Коровина (Арнольд) Мария Павловна (1860-1939) – артистка оперы (драматическое сопрано), солистка Большого театра. Арнольд Фёдор Фёдорович (1850-1915) – в службе с 1872 года. Действительный статский советник с 1896 года, тайный советник с 1904 года.

жизни. Пётр Иванович Коровин был председателем палаты гражданского суда и отличался великим легкомыслием, с утра он был очень часто пьяным, и когда он являлся на службу и садился за присутственный стол, то немедля восклицал: «долой птицу!», что означало немедленную необходимость снять со стола зеркало, потому, что Коровин сам понимал, что по открытии присутствия нельзя ему было произносить тех неприличных слов, которые так и сыпались из его уст. Ходил по городу и другой забавный про него анекдот, что когда он как-то зашёл в присутствие и ему доложили, что уже находится его товарищ (председателя) он сейчас обратился к нему с замечанием: «Какой такой вы мне товарищ! Я здесь вам председатель, а вовсе не ваш товарищ», и ни за что не захотел согласиться, когда последовал ответ: «Не могу же я вас называть мой председатель, и так и буду всегда называть вас моим товарищем». Особенным пристрастием у Петра Ивановича было совершать богослужение, для чего он сшил для себя священническое облачение, и ранним утром объезжал близких своих знакомых в этих ризах, и вернувшись домой приступал к чтению молитв и панихид, при чём обязательным клиром должна была ему помогать его собственная семья. Когда одна из красивых его дочерей была помолвлена, то он совершил крайне оригинальное богослужение, и приказывал жениху лечь на обеденный стол и прикрывать большой простыней, тогда над этим юношей совершалась обычная панихида, и иногда даже отпевание, что и доставляло огромное наслаждение будущему свёкру. Об одном только неизменно толковал Пётр Иванович, что ему никак не удастся совершить богослужение в митре, потому что никто не соглашался соорудить таковую на его голову. Кончаю характеристику моего героя рассказом о том, весьма отменном скандале, который он устроил как-то летом в дворянском клубе в летнем его помещении. За несколько лет перед тем, молодой человек, сын губернского предводителя Шипова, ухаживал за одной из красивых дочерей П.И., и последний был вполне убеждён, что их брак скоро состоится, но вдруг, неожиданно молодой Шипов влюбился в другую красавицу и женился на ней. Пётр Иванович несколько лет таил свою злобу на неудавшегося жениха, и как-то раз напившись до бесчувствия в клубе, уехал домой и вернулся обратно с револьвером в руках, стал ужинать с прочими гостями клуба, и положил револьвер возле своего прибора. Все гости тут же выразили своё изумление, но тут последовала страшная развязка: поднявши револьвер Пётр Иванович прямо направил его в голову молодого Шипова, но слава Богу, пуля пролетела мимо его и друга моего француза Морана, и ударилась прямо в стену. Этот скандал не мог пройти незамеченным. Судебная власть вмешалась в это дело, но так и не добилась доказательства вины Петра Ивановича.

ча, и когда был допрошен старшина дворянского клуба жандармский полковник Чалков, то он ответил, что он не понимает о какой пуле его, спрашивают, как будто клуб был настоящей Севастопольской крепостью.

Брат Петра Ивановича Николай Иванович Коровин был мировым посредником в Буйском уезде Костромской губернии и также любил выпить, хотя и в менее крупных размерах. Приятель мой П.Н. Максименков, бывший сперва инспектором, а потом и директором Костромской гимназии, во время своей ревизии народных училищ в Буйском уезде, остановился как-то раз на ночлег в усадьбе Н.И. Коровина и был весьма ласково принят хозяином и его семьёй. Кстати, я должен сказать, что у Николая Ивановича были две весьма красивые дочери, из коих старшая была женой Буйского уездного исправника, севастопольского героя Перелешина²⁷², племянника знаменитого севастопольского героя-адмирала. Осмотрев местные школы, директор гимназии, после обеда у гостеприимных хозяев, занялся беседой с хозяйкой и её гостеприимной дочерью, и вдруг услышал доходившее из соседней комнаты хрюканье свиньи и невольно выразил своё изумление, так как вследствие холодной осени все двери и окна в доме были закрыты. Тогда хозяйка объяснила слушателю, что это хрюканье свиньи производит сам Николай Иванович, развлекая их компанию. Буйский уезд слыл самым пьяным уездом Костромской губернии, хотя пьянство в ней было не редкость.

Рассказывали, будто бы в самом городе Буйе придуман бы особый клуб пьяниц, обязанных троекратно в сутки для того напиваться, и что незаконно попавший в этот клуб почтмейстер, которого хватило только на две выпивки, и потому должен был подвергнуться исключению, сраму такого вытерпеть не мог и вступил в драку с другими почтенными членами, при чём перекусил палец местному исправнику, когда совершенно случайно этот палец попал в рот почтмейстера. В подтверждение пьяной репутации Буйского уезда я расскажу ещё два о том свидетельства. В первый приезд на ревизию уездных властей, мне пришлось останавливаться в отведённом мне помещении клуба, и когда я кончивши ревизию, собирался выехать из города, то лакей клуба, укладывая мои вещи в тарантас, очень меня приглашал вернуться с первой станции обратно, чтобы увидеть всех уездных властей и чинов полиции в необыкновенно возвышенных чувствах. Вто-

²⁷² Перелешин Павел Александрович (1821-1901) – окончил Морской кадетский корпус. Первое время после кончания корпуса служил на Балтийском флоте. В 1837 году переведён на Черноморский флот. Участвовал в Синопском сражении и обороне Севастополя.

рым свидетельством Буйского обычного пьянства может послужить следующий случай: в 1871 году, по случаю введения нового мирового суда в Костромской губернии, в городе Буге почётным мировым судьёй был избран городской голова, местный трактирщик, по этому случаю в его трактире собралось много публики, и он пожелал ей показаться со знаками новой своей должности, а потому возложил на себя цепь мирового судьи, и с этим знаком появился среди уже достаточно разгорячённой публики. Сам он находился хотя в удовольствии хотя ещё не совершенно пьяном, но не мог стерпеть оказываемого ему публикой какого-то противоречия, и стал в ответ на него сыпать ударами кулака направо и налево, куда попало, и таким образом новая власть вступила в свою должность необычной для неё дракой. Чтобы смягчить несколько впечатление от Буйских беспорядков, привожу здесь один забавный анекдот о патриархальных в этом уезде нравах. Приехал я в Буйск в первый раз в прекрасный летний вечер и увидел около своих дверей несколько пожилых крестьян, которые обратились ко мне с просьбой, нельзя ли мне будет уговорить членов местной дворянской опеки принять от них денежные взносы в уплату оброков от их крестьянских обществ. На другое утро, во время общего приёма уездных властей, уездный предводитель мне представил членов дворянской опеки, и я к ним обратился с просьбой принимать по утрам крестьянские оброки, и только после этого ходить за грибами. Мне было сообщено в тот же день изумление членов опеки, что я, как городской житель, не мог понять, что только утром можно с успехом заниматься собиранием грибов, иначе от них к вечеру не останется и следа.

Осенью 1868 года состоялось Костромское губернское земское собрание, и я мог познакомиться со многими губернскими гласными, а также с прочими уездными предводителями и городскими головами уездных городов. Самым выдающимся из них был Ветлужский предводитель дворянства Нил Петрович Колюпанов²⁷³, кандидат Московского университета, умный и образованный человек, и часто слишком остроумный, редко останавливающийся язвить прямо в лицо своего слушателя, известный либерал и сотрудник «Петербургских Ведомостей»²⁷⁴, во время редакторства их Коршем, когда они подверглись

²⁷³ Колюпанов Нил Петрович (1827-1894) – общественный деятель, историк, публицист. Принимал активное участие в проведении крестьянской реформы. Самым известным его научным трудом явилась незаконченная биография А.И. Кошелева.

²⁷⁴ В 1863-1874 годах Валентин Фёдорович Корш (1828-1893) был арендатором и издателем газеты «Петербургские Ведомости». При нём газета отличалась либеральной направленностью.

закрытию, вследствие постоянной их оппозиции. Должен признаться, что, услышав о привычке Колюпанова язвить каждого в лицо, я поставил условием своего знакомства, чтобы со мной такой вольности Колюпанов не позволял, и должен теперь засвидетельствовать, что во всё время нашего десятилетнего знакомства, он ни разу такой неприятности меня не подверг. В Ветлужском уезде самым крупным землевладельцем был Ф.Н. Лушнин. У него было 240000 десятин земли и крупного строевого леса, и потому все выборы по этому уезду, как дворянские, так и земские вполне от него зависели. Он был большим почитателем Н.П. Колюпанова, который потому и был постоянно избираем в уездные предводители, а так как он был человек не богатый, то и получал от Лушина известную субсидию для исправления своей должности. Понятно, что сам Колюпанов избирал как уездную земскую управу, так и других местных чинов, зависящих от предводителя и все они беспрекословно подчинялись его указаниям, что и было весьма полезно для местных дел, так как Колюпанов, как человек весьма умный, зорко наблюдал за подчинёнными ему властями и с ним легко было добиваться соглашения во всяких случаях, которые обыкновенно вызывали пререкания между администрацией, дворянскими и земскими властями. Зато местами особой для него потехи служили самые заседания губернского земского собрания, где он обыкновенно избирался секретарём собрания, что и служило поводом к многочисленным весьма остроумным, а изредка и циническим его выходкам. Когда после отказавшегося губернского предводителя Карцева на его место был избран простодушный и неумный старичок, отставной штабс-капитан гвардии Семёновского полка Василий Михайлович Шипов²⁷⁵, и он потому был председателем в Земском собрании, что Колюпанов увеселял себя и всё собрание постоянными шутками и издевательствами над председателем, который, по своей простоте, и не догадывался о злости подобных шуток.

Между губернскими гласными вспоминаются мне два приятеля, оба мировые посредники, пожилые люди, из коих один Фёдор Фёдорович Моллер был женат на зажиточной помещице Чухломского уезда и особенно дружил с Василием Васильевичем Мошковым, бывшим мировым посредником в другом уезде Костромской губернии. Они всегда появлялись всюду вместе, и отличались своим добродушным нравом, который давал повод к разным над ними шуткам в Костромском дворянском клубе, где трезвость никогда не процветала. Рассказывали, будто в давние времена, после обычного кутежа, в виду особо-

²⁷⁵ Шипов Василий Михайлович – был губернским предводителем дворянства с 1875 по 1878 год.

го развлечения, публика повергла каждого из приятелей удивительной церемонии: их носили поочерёдно, накрывши простынею по залам клуба в виде покойников с пением — «Святой Боже», что и доставляло много удовольствия собравшимся в клубе их многочисленным друзьям и знакомым, а они оба охотно соглашались позабавить этим гостей. Мне, как Москвичу, совершенно непонятно было пристрастие жителей Костромы, как городских, так и сельских к подобным забавам, которые я до тех пор встречал только в детях, и я всегда возмущался этими рассказами о подобных случаях, как в костромском дворянском клубе, так и в сельских обществах Буйского уезда, где среди местного населения, в волостном правлении совершал фантастические богослужения один из образованных землевладельцев, под пьяную руку, хотя и был одним из профессоров Петербургского университета и почётным мировым судьёй в Буйском уезде. Необходимо засвидетельствовать при этом, что оба эти посредники были хорошими служаками и всегда хлопотали за крестьянское население в своих участках.

В Костроме проживала замечательная 80-ти летняя старушка Марья Ивановна Корсакова²⁷⁶, очень почтенная и богатая, с давних пор собиравшая у себя в доме, как в самом городе, так и в близкой к нему усадьбе всё костромское общество, пользовавшееся широким и радушным её хлебосольством. Она часто меня приглашала к себе, и я выносил самое приятное впечатление от беседы с этой милой хозяйкой. У неё была единственная дочь, уже овдовевшая, и у этой дочери — единственный сын, только что вернувшийся из-за границы, где он учился в Гейдельбергском университете, где к сожалению, костромичу невозможно было научиться трезвости.

Бабушка обожала внука и мать его, и захотела вследствие своих преклонных лет, ещё при жизни своей, обеспечить их своим большим состоянием, и потому передала своей дочери все свои поместья, что к сожалению, довело саму бабушку до неожиданного и грустного положения. Скоро после моего приезда, в той гостинице (Старый двор), где я остановился, внук старушки учинил большой кутёж, произведший немалую сенсацию в городе, и мне пришлось его вспомнить позднее, когда случилась роковая смерть этого внука. В Декабре месяце 1868 года, губернатор уехал в отпуск в Петербург и передал мне управление губернией на несколько месяцев. В начале января случилась та драма жертвой которой сделался внук Марьи Ивановны Корсаковой. Одиннадцатого января, когда я слушал в театре представление французской оперетки «Орфей в аду», в ложу ко мне вошёл полицмейстер

²⁷⁶ Корсакова Мария Ивановна (в замужестве Лорер) (? — 1873).

и доложил мне о только что разыгравшемся в театральном фойе скандале между двумя молодыми дворянами, сильно покутившими и совершенно непонимающими, что они делают. То была драка между внуком Корсаковой и очень умным, деятельным и честным уездным судьёй Готовцевым, который был известен своим сильным пристрастием к вину. Повалив на пол своего противника Готовцев сел на него верхом и запустил свои руки в его волосы так сильно, что их было невозможно разлучить, и только содействие городских могло этого достигнуть. Поручив полицмейстеру дальнейшее наблюдение над обоими соперниками, я немедленно уехал домой, где ожидал сведений о других последствиях и скоро узнал от полицмейстера, что вся пьяная компания уехала в дворянский клуб с привезёнными с собой револьверами, друг другу угрожала, но без каких бы то ни было опасных последствий. Я сказал полковнику Семенову (полицейстеру), чтобы на другой день, рано утром он подробно доложил всё происшествие губернскому предводителю Карцеву, и просить его принять участие в умиротворении обоих молодых дворян или какие-нибудь другие от него зависящие меры, дабы не мог последовать ещё горший скандал. 12 Января приехал ко мне губернский предводитель и стал меня успокаивать, что ничего более случиться не может, и что появление в клубе обоих сторон с револьверами вовсе не такая редкость и пугать никого не должна. Призвав к себе опять полицмейстера, я приказал ему всё время следить за соперниками, и около обеденного времени он доложил мне, что между ними состоялось примирение, которое они собрались отпраздновать в одном из местных трактиров по случаю Татьянинного дня, дорогого для всех студентов Московского университета, ибо Готовцев и его противник сами учились в этом Университете. В 8 часов вечера опять появился у меня полицмейстер с докладом о случившемся несчастье. Готовцев только что убил морским кортиком своего соперника, и вот как это случилось: во время весёлого обеда противник Готовцева вдруг вспомнил, что во время вчерашней попойки он отдал свои деньги бывшему тут молодому мичману Перемышину, и при этом легкомысленно заметил, что Перемышин уже мог потратить эти деньги. Готовцев немедленно потребовал сейчас же ехать на квартиру Перемышина, и когда последний вытащил из своей подушки данные ему накануне деньги и передал их владельцу, то разгорячённый Готовцев схватил лежавший тут же кортик мичмана Перемышина, нанёс удар прямо в грудь внуку Корсаковой, который тут же немедленно скончался. Оповестив о том губернского предводителя, я имел с ним новое свидание и узнал о заключении в тюрьму сознавшегося в убийстве Готовцева. Тут же явилась ко мне с ходатайством о помиловании заключённого красивая молодая женщина, дав-

няя его приятельница, на коленях умоляла спасти его, от слишком строгого суда. Упоминаю о ней потому, что Готовцев был героем женских сердец, и в доказательство этого привожу следующее происшествие, на другой день после убийства пришла ко мне старушка, скромная небогатая дворянка и обратилась ко мне за помощью, прося уговорить Готовцева, в которого только что влюбилась её 16-ти летняя внучка, не соглашаться на выезд его с ней на поселение в Сибирь, когда ему теперь, несомненно, будет присуждено такое наказание. Моя личная просьба, при свидании с Готовцевым в тюрьме успеха не имела, и влюблённая в него девочка вместе с ним отправилась в Сибирь, где и вышла за него замуж, и потом, по окончании срока его наказания вернулась обратно в Россию. Тогда мы после многих лет снова с ним свиделись, и он мне сказал, что очень с ней счастлив. Тяжёлое горе Марьи Ивановны Корсаковой опечалило всё Костромское общество, и со смертью внука она оказалась лишённая всего своего большого состояния, ибо дочь её, мать убитого, умерла за несколько месяцев раньше убийства сына и потому всё Корсаковское состояние, как собственность этого сына перешло в его род, т.е. в род отца его и было унаследовано многими его родственниками, из коих один Черниговский помещик Милорадович сжалился над несчастной старушкой и разрешил ей до её смерти проживать в доставшемся ему по наследству городском доме, который в сущности был её собственный. Кроме того, бедная старушка сама лишила себя своего наличного капитала в довольно крупной сумме (30000 р.) помещённого в недавно тогда выпущенных билетах 1-го выигрышного займа. За три дня до своей смерти внук просил бабушку одолжить ему все эти билеты для залога на своё имя, обещая в скором времени их выкупить и отдать. Смерть внука уничтожила всякую возможность возвращения в её руки этого капитала, и, несмотря на все наши хлопоты, мы не могли спасти для неё последнее её достояние. Так в бедности и прожила, прежняя богатая барыня, расходуя на свой прожиток принадлежавшие ей лично вещи, платье и даже бельё, и горько мне было получать иногда от разорённой старушки различные съедобные знаки внимания, хорошо зная, чего они ей стоили. До выезда моего из Костромы я у неё бывал нередко в праздничные дни, всегда пользовался её любезным расположением. Непременно должен был у неё пить чай и закусывать скромными произведениями её когда-то богатой кухни. В Октябре месяце 1868 года съездил я в Москву и привёз оттуда, не без малого затруднения свою семью, т.е. моих двух детей: сына 9-ти лет и дочь 7-ми лет, которых взялась воспитывать моя сестра Ольга Дмитриевна. С нами приехал и губернёр моего сына, только что прибывший из Гейдельберга немец, учитель одной из городских школ, в которой сын мой

был приходящим учеником. Большого труда мне стоило уговорить этого просвещённого немца сделаться гувернёром моего сына, ибо он, исповедуя немецкую педагогию, находил, что в назидание ученику, необходимо бить его по рукам камышовой тросточкой, а иногда подвергать и порке, я же не давал ему на то моего согласия и долго добрый этот немец не хотел отказываться от любезных ему германских обычаев и на этих условиях приехать в Россию. Только в последние минуты он меня уведомил, что, тщательно обдумав моё предложение, наконец решил поступить ко мне воспитателем моего сына. Десятилетнее его пребывание у меня в доме доказало мне, что я в нём не ошибся, и я ему много благодарен, что он провёл через гимназию сына моего до Московского Университета и всегда заботливо следил за ним в его научных успехах и отношениях с приходившими к нему товарищами. Звали его К.К. Дотцауер. И теперь он состоит учителем немецкого языка в Костромской гимназии, женился на дочери местного аптекаря, и один из его сыновей уже дослужился до местного судебного следователя. До последнего времени мы состояли в самых лучших отношениях, и только теперешняя ужасная война помешала мне с ним переписываться.

Первое наше с ним и с моей семьёй путешествие в Кострому показалось ему затруднительным потому, что за отсутствием железной дороги, от самой Троице-Сергиевой Лавры нам пришлось ехать в почтовых тарантасах, и когда на одном из перегонов сломалось колесо, то ему пришлось с детьми и моей сестрой ночью пройти пешком несколько вёрст и провести довольно большое количество часов на большой станции в помещении ямщиков, где мы могли только расположиться на обыкновенных лавках среди спящих ямщиков и семьи содержателя станции. Неожиданное это происшествие в холодную осеннюю ночь, неприятно поразило немца, и он немало охал, вспоминая русскую неурядицу, с которой ему внезапно пришлось познакомиться. Позднее он узнал все те бесчисленные хорошие стороны русской жизни, к коим так скоро привыкают приезжие немцы, которым оказывается, всегда на Руси жить хорошо.

Семью свою я привёз на свою новую квартиру в доме Васькова, где я поселился с начала осени, когда мой друг инспектор гимназии был переведён на должность директора Ярославской гимназии. Мы удобно зажили в новом своём помещении, и таким образом начали Костромскую жизнь, о которой мне приятно вспоминать, потому, что я приобрёл много хороших людей и добрых знакомых в то десятилетие, которое нам суждено было прожить в древней Костроме.

Среди маленького кружка, который у нас собирался, и с которым мы вели близкую дружбу, самые выдающиеся по уму и способностям были два лица: П.Л. Масленников, очень скоро вернувшийся из Ярос-

лавля в костромскую гимназию и мать игуменья Мария, с которой немедленно подружилась моя сестра и у которой мы часто бывали. Я упоминал ещё раньше о В.П. Смольянинове, П.В. Исакове и П.А. Кампиони, с семьями которых подружился мои дети и сестра моя, а потому мы часто и виделись. Кроме них очень сблизилась с семьёй Шидловских. Он был управляющим акцизными сборами и женат на графине Корф, дочери директора Публичной библиотеки в Петербурге, Марии Модестовне²⁷⁷, весьма умной, но болезненной особе. Муж её Константин Дмитриевич был очень милый и приветливый человек, и отличался таким оригинальным эгоизмом, что невольно обращал этим на себя внимание. Всегда и везде он был озабочен собственной персоной, например, чтобы чай и всякая еда были ему поданы в ту минуту, когда он пожелает, всё равно, у себя или в гостях, и потому, как только он войдёт в вашу переднюю, или входя в комнаты, требует, чтобы ему немедленно был подан чай, а если случайно вас встретит на улице, то будто бы вас не узнает, чтобы, снимая шляпу, как-нибудь не простудиться. Если же вы проведёте у него вечер, и садитесь за непременный ужин, то он уже сидит за столом, и вкушает какие-то любимые, для него одного приготовленные блюда, и приглашая вас садиться, предлагает вам налить вина, но тут же опомнится и налёт его себе прежде вас. Забавно было слушать его рассказы о сильной грозе ночью, когда он лежал в постели, и о том удовольствии, что он сам лежит в тёплой постели, а в это время бедный путник подвергается сырости, страху и всяким напастям от непогоды. Скупость четы Шидловских тоже была забавна, ибо они во время вашего ужина всегда рассчитывали во что им обойдётся всякий гость, доказывая несомненную истину, что если бы вы не пришли, то ваш кусок остался бы не съеденным на их блюде. Мне особенно памятен один случай у них в доме с моим другом, французским учителем Моренном. Мария Модестовна при переговорах с ним о цене его урока сказала, что так как он у них будет обедать, и пить чашку кофе, то она хотела бы вычесть цену этих предметов из условленной цены (5р.). Француз был в большом негодовании, которое всегда выражал любимым «шорт возьми», уверяя, что это не ругательство, а просто междометие, разумеется он на эти условия не согласился.

Совершенно иной тип представлял Геннадий Васильевич Карцев, богатый, но разорившейся помещик, живший с многочисленной семьёй, в усадьбе под городом на берегу живописной Волги. В красивом и уютном доме помещалась домовая церковь, где я часто молился,

²⁷⁷ Корф Мария Модестовна (1830-1887), Шидловский Константин Дмитриевич (1820-1887).

когда провёл часть лета 1871 года в этой усадьбе. Первая жена Геннадия Васильевича была очень богата и оставила ему сына и дочь теперь уже взрослых. Вторая его жена Наталия Александровна (рождённая Бенкендорф), была очень приветлива и не чаяла души в своём муже. Геннадий Васильевич был порядочный человек, но имел весьма смутные понятия о всякой собственности, и любил доказывать, что всякое благотворительное дело (он был председателем Костромского благотворительного общества), только тогда может быть названо успешным, когда оно бывает обременено достаточными долгами, в доказательство чего, всегда приводил свой разорённое состояние, чему он будто бы радуется. Беспечность его была изумительна: он никогда не знал сколько и где у него десятин леса и земли, и очень изумился, когда я ему сообщил, что у него есть лесное имение в Кологривском уезде, «Скажите, как это приятно узнать», хлопая в ладоши, сказал он обрадованный моею вестью. Понять что-нибудь в отчётах Благотворительного общества не мог сам председатель, а когда ежегодно приходилось его ревизировать, то его радости, от узнаваемых им при ревизии новых долгов не было конца. Трудно себе представить, как велось всё дело, и всего более удивительно, что несмотря на возрастающие долги, председателем оставался тот же Карцев, и всё также уверял всех об успешном ходе порученного ему благотворительного общества. До моего отъезда из Костромы, он, каким-то образом, ещё держался поверх воды, и мне кажется, от окончательного разорения его тогда спасали те нефтеносные участки, которые на Кавказе принадлежали семье его жены. Семья Сумароковых с коей мы особенно подружились в первую же зиму, состояла из Сергея Петровича и Екатерины Васильевны, рождённой Мячковой; это были очень состоятельные люди, у которых в Нерехтском уезде было два хороших имения, из коих в одном Лунёве, на берегах Волги, против известного во всём крае Красного села, где кустари изготовляли всякие драгоценные камни и украшения в количестве нескольких десятков тысяч экземпляров, гащивал [*гостил — комм. сост.*] я, а ещё больше мой сын, товарищ всех четырёх мальчиков Сумароковых, ставших потом очень красивыми и способными юношами, окончившими с большим успехом высшие Петербургские учебные заведения. Старший из них Василий Сергеевич скончался в очень молодых годах товарищем министра путей сообщения, а в молодости своей простым рабочим служил на железных дорогах в Германии. Третий брат Дмитрий, был особенно дружен с моим сыном и также достиг высоких чинов, назначенный в Министерство путей сообщения, и умер тоже в молодых годах. Отец их Сергей Петрович был очень популярен в Костроме, любил пожить и повеселиться, семья его обожала, и внезапная его кончина была

большим горем для неё, тем более, что кроме старшего, все ещё даже не кончили учения и не легко было поднять их на ноги, тем более, что к этому времени имущественные их дела очень пошатнулись.

В первую же зиму познакомились мы с прекрасной весьма патриархальной семьёй Купреяновых. Во главе её была старушка мать Елизавета Николаевна, родом из Вологодских дворян, у неё было несколько дочерей и три сына, из коих с одним Николаем Александровичем²⁷⁸, скоро назначенным управляющим Костромских казённых поместий, и прекрасной его женой Екатериной Павловной, рождённой Долгово-Сабуровой, мы вели самую сердечную дружбу. Старший сын его Николай, (теперь губернатор) был товарищем моего сына, большим баловнем семьи. Отец его – тихий и скромный Николай Александрович, был человеком не особенно умным, но золотое сердце и здравый ум с лихвой заменяли недостающие ему приткность ума и остроумие. Он пользовался большим уважением в Костромском обществе и среди своих подчинённых, но был под большим влиянием своей супруги, коей стремительный характер и большая страсть к разговорам были её отличительными чертами. Она тоже была чрезвычайно добра и отзывчива на всякое полезное дело. При ней муж всегда молчал, и речь её текла так беспрепятственно, что он носил прозвище «мальчика у ручья», ибо постоянное журчание её речи свободно лилось в его присутствии. Купреяновы были большие хлебосолы, мы часто у них обедали и трудно было устоять против их неустанного потчевания. После обеда старушка мать садилась с гостями за карты, а её невестка совершенно овладевала разговором, и весь вечер проходил для нас в немом слушании её монолога. Тем не менее, все мы сердечно любили Екатерины Павловну и всегда находили в ней деятельную помощь во всех скорбях и несчастьях, которые часто попадались в жизни. В этой семье я был и крёстным и посаженным отцом, и до смерти дорогих моих друзей сохранил самые близкие к ним отношения.

В 1874 году, приехала в Кострому другая семья, тоже скоро сделавшаяся нашими друзьями. То была семья губернского воинского начальника Григория Александровича Тимрот²⁷⁹, женатого на баронессе Ольге Фёдоровне Роден, сестре той баронессы Роден, которая была фрейлиной великой княгини Елены Павловны, и была известна не только в России, но и в Европе, своим умом, высокой образованнос-

²⁷⁸ Купреянов Николай Александрович (1827-1898) – действительный статский советник.

²⁷⁹ Тимрот Григорий (Готгард) Александрович (1827-1880) – генерал-майор. Роден Ольга Фёдоровна (1828-1903).

тью и умению соединять гостей самых разнообразных по своему общественному положению и талантов, как например: писатели, живописцы и музыканты, которых всегда и везде собирала вокруг себя великая княгиня.

Личная дружба моя и моих сестёр с баронессой Роден сейчас же нас сблизила с семьёй Генерала Тимрот, коего три сына поступили в гимназию и сделались близкими товарищами моего сына. Мать их была женщиной редкой доброты, но чрезвычайно обидчива, и часто приходила к нам с жалобой на Костромскую гимназию, когда кто-нибудь из учителей ставил неудовлетворительный бал её сыну, или случалась большая драка между товарищами и её сыновьями. Почему-то полагая, что все её обиды были вызваны её немецким происхождением, она всякий раз грозила взять детей из гимназии, если эти обиды не будут исправлены каким-нибудь извинением. Слава Богу, это минутное неудовольствие всегда скоро улаживалось, почему дружба наша крепла всё более и более. Генерал любил карты, и часто проигрывал в клубах, что составляло большую заботу его жены, и очень отражалось на её вспыльчивом характере. Сыновья его отличались большими способностями; теперь старший из них сенатор, а второй георгиевский кавалер и командир бригады, а младший тяжело раненный в обе руки тоже получил Георгия, и должен был выйти генералом в отставку на большую пенсию, накануне моего отъезда в Чутово. Моя дружба с директором гимназии помогла мне кончить всякие недоразумения между гимназическим начальством и знакомыми мне семьями, ибо мы, почти ежедневно виделись с директором и большим моим приятелем французом Морен²⁸⁰.

²⁸⁰ Вспоминаю ещё об одной дружной с нами семье, а именно о Василии Ивановиче Самойлове, назначенном за два года до введения новых судебных установлений Председателем Гражданской Палаты, коему поручено было закончить все старые дела судебные, и приготовить введение новых судебных установлений. Самойлов был уроженец Малороссии, из древнего рода Малороссийских Гетманов, а жена его была урождённая Муравьёва, дочь известного декабриста А.И. Муравьёва, и родилась в Сибири во время его заточения. Мать её, родом француженка, приехала в Сибирь к её отцу и вышла за него там замуж. Елена Александровна была милая, кроткая женщина, поклонявшаяся своему строгому, не общительному мужу, но с нами они сблизилась, и часто с нами виделись. Через год крестил я у них первого ребёнка — сына Александра, который часто у меня бывал в Петербурге, когда поступил на службу в Министерство Юстиции. Когда я переехал в Петербург из Самары, то мы и там продолжали своё знакомство, хотя Василий Иванович становился всё нелюдимее и относился к своей семье всё строже и строже (у них было ещё две дочери) [*Примечание А.Д. Свербеева*].

Среди Костромского духовенства были мы очень близки с семьёй настоятеля собора, отцом Иоанном Постышевым, проведшим много лет в Прибалтийском крае, где я сделался его духовным сыном. Этот достойный пастырь имел огромную семью: двух сыновей и девять дочерей, с коими тесную дружбу вела моя дочь. И теперь ещё мы часто видим Любовь Ивановну Постышеву, когда она приезжает к нам из Костромы в Петроград, или нашу Подмосковную, по делам Костромского Епархиального женского училища, где она служит его начальницей. Все дети почтенного протоиерея Постышева сделались достойными людьми, и в разных местах, куда их занесла судьба, продолжают полезную деятельность своего отца, до гроба, неустанно трудившегося на пастырской ниве в качестве проповедника и служителя алтаря. В глубокой старости он недавно скончался, в том же соборном доме, где прожил многие десятки лет.

Другое духовное лицо, с которым у меня было довольно близкое знакомство, до его отъезда в Великий Новгород на ректорскую должность в Антониев монастырь, был очень умный архимандрит Корнилий²⁸¹, ректор Костромской духовной семинарии. Я нередко у него бывал и любил его умные беседы, а также великолепные службы в семинарском храме, куда меня особенно привлекало общее пение семинаристов, составлявшее громадный хор в несколько сот человек, чему я немало способствовал, уговорив архимандрита ввести это общее пение. Отец ректор был очень болезненный человек, имел плохое зрение, и потому был весьма нервного характера, и весьма строг с учениками. Он не долго прожил в Антониевом монастыре²⁸², и, когда я в девяностых годах побывал в этой обители, то мог только поклониться его могиле.

Из Костромского именитого купечества был я последовательно знаком с тремя Костромскими городскими головами: Окатовым²⁸³, Стоюниным и Набатовым, совершенно разнovidными личностями, которые заслуживают особого к ним внимания. Ко времени моего приезда Окатов кончил свою городскую службу. Он был человек состоятельный, без образования и не позволял себе больших расходов, что не помешало ему открыть собственный лазарет в Турецкую войну

²⁸¹ Корнилий (в миру Александр Матвеевич Орлинков) (1833-1886) – в 1866-1875 годах ректор Костромской духовной семинарии, архимандрит Богородицкого Игрицкого монастыря, председатель Костромского губернского цензурного комитета.

²⁸² Антониев монастырь – монастырь, основанный в XII веке в Новгороде Великом.

²⁸³ Окатов (Акатов) Андрей Андреевич – купец I гильдии, городской голова Костромы в 1863-1870 годах.

1876 и 1877 гг. Берёг он очень городскую копейку и всегда чурался расходов из общественных сумм, и когда дума хотела усилить освещение улиц, то он всегда повторял, что предки улиц не освещали, что разумеется было справедливо, потому, что во времена предков количество городских улиц было весьма ограничено. По смерти своей он оставил большой капитал на устройство и содержание городской больницы. Избранный на его место Иван Васильевич Стоюнин²⁸⁴ был одним из трёх братьев местной богатой семьи хлеботорговцев, в зажиточности коих положила начало какая-то весьма сомнительная, или, проще сказать, подложная торговая сделка. Все три брата были очень богомольны и состояли по очереди церковными старостами в одной из самых древних и замечательных красотой своей архитектуры, церкви Воскресения на дебрях, где настоятельствовал тогда 50-й, так же древний протоиерей отец Пётр, пользовавшийся большой любовью своих прихожан, и близкий мне приятель. Семейные и хлебосольные трапезы братьев Стоюниных собирали всё так называемое Костромское общество чиновное и купеческое всегда в дни престольных праздников их храма, и в Рождество, и на Пасху, и гости всегда приглашались на их обильные обеды только после торжественных богослужений в их храме, где должны были предварительно помолиться, а потому все с удовольствием насыщались отборною их кухней и богатым погребом. Глава этого дома, сумрачный Николай Васильевич²⁸⁵, который создал всё богатство этой фирмы, держался вдали от общественных дел, а младший брат благочестивый Александр Васильевич²⁸⁶ отличался щедрой благотворительностью и особой приверженностью к Храму Божию. Он основал и обеспечил содержанием городскую богадельню. Городской голова Иван Васильевич был человек даровитый, имел скромные манеры и как член губернского тюремного комитета, занимался поставкой продовольствия в местные тюремные заведения, причём, вероятно, это совершалось не без пользы поставщика. Когда, через несколько лет скончался Иван Васильевич, то на его место был избран другой крупный хлеботорговец Набатов²⁸⁷, крупная фигура ко-его не отличалась изысканными манерами, а его речь настолько была испорчена иностранными словами, что подчас бывало трудно его по-

²⁸⁴ Стоюнин Иван Васильевич (1821-1877) – купец I гильдии, потомственный почётный гражданин.

²⁸⁵ Стоюнин Николай Васильевич (1816-1878) – купец I гильдии, потомственный почётный гражданин.

²⁸⁶ Стоюнин Александр Васильевич (1824-1891) – потомственный почётный гражданин.

²⁸⁷ Набатов Григорий Галактионович – занимал должность городского головы в 1860-1862 и в 1871-1882 годах.

нять, тем более, что сам он этих слов не понимал, хотя неоднократно занимался их повторением. С особенным шиком произносил он слово «инициативы», ни к селу, ни к городу, что весьма запутывало его изложение. Любил он устраивать у себя богатые завтраки, и не могу я забыть одного курьёзного случая при таком пиршестве у него в конце моей Костромской службы. Необходимо сказать, что эти завтраки, как и все общественные трапезы в Костроме, были весьма опасны для немногих не приверженных к вину гостей, и потому, я лично, мог на них досиживать только до 2-го блюда. Опасность их состояла в том, что по местным обычаям, каждый гость должен был выпить хотя бы одну рюмку со всяким гостем, а количество гостей можно сказать было бесчисленным, так что уже в самом начале трапезы, большинство гостей было совершенно пьяно, и за их речи и поступки отвечать было невозможно, почему я и уклонялся от сидения с ними до конца трапезы. Вот на одном из таких завтраков у Набатова, в честь новоназначенного губернатора Н.Е. Андреевского²⁸⁸, последний сам любивший выпить, обратился к новому председателю суда, в самый первый день появившемуся в незнакомом ему обществе, с изумительным вопросом: «Вы не подлец?» И услышал в ответ слова: «Никак нет Ваше превосходительство». Необходимо пояснить причину губернаторского вопроса. Только что перед этим, кто-то из гостей рассказал некрасивую выходку одного из чинов судебного ведомства и когда я выразил по этому поводу своё негодование, то губернатор, обвиняя меня в преувеличении, мне ответил, что просит меня, директора гимназии и председателя суда ответить ему, не стесняясь на его вопрос, составленный в приведённой выше фразе, адресованный председателю суда. Разумеется, обращение к нам обоим было совершенно иное, и ничего оскорбительного в себе не содержало. После губернаторских вопросов, происходивших ещё во время закуски, я уехал от Набатова, и вечером того же дня поехал объясняться с губернатором, который меня встретил уверением, что никогда ему и в голову не могло прийти сделать такой необычный запрос председателю суда. Случай этот мне доказал лишний раз, что необходимо отсутствовать в русских губернских городах, на всяких хлебосольных трапезах местного общества, дабы не видеть частых там неприятных скандалов.

Из менее богатых купцов часто бывал на обедах у губернатора и в общественных собраниях казначей губернского тюремного комитета и член Костромской уездной управы – Сергей Константинович Ка-

²⁸⁸ Андреевский Николай Ефимович (1822-1899) – российский государственный деятель, тайный советник. Занимал должности пермского (1870-1878), костромского (1878-1884) и казанского (1884-1889) губернаторов.

саткин. Был он местный портной и шил платье как мне, так и всем моим знакомым, почему мы все с ним нередко виделись.

Под впечатлением моей недавней заграничной жизни, мне захотелось устроить в Костроме потребительское общество для небогатых чиновников и других лиц среднего достатка, и мы скоро учредили, вместе с своими знакомыми, такое общество и вскоре открыли лавку, где казначеем был тот же Сергей Константинович Касаткин. Не стану описывать ни открытия, и так называемого процветания этого общества, ибо должен признаться, что после нескольких лет пришлось его закрыть, в следствии того, что члены всё брали в кредит и не платили своих долгов, и дело завершилось тем, что легковерным учредителям заграничной фантазии пришлось понести 4000 рублей убытка при её ликвидации.

На окраинах города, напротив Ипатьевского монастыря, были воздвигнуты три фабрики хлопчатобумажного производства: принадлежавшие богатым фабрикантам, т.е. фирме Третьякова и Коншина²⁸⁹, представителем коих был очень толковый управляющий Кашин, Михина — Брюханова, сердитый хозяин которых Михин, имел частые столкновения с рабочими, почему мне часто приходилось туда ездить для улаживания этих споров, и наконец Владимира Зотова и сыновей, где хозяйкой оставалась престарелая их мать, которую я не знал совсем, пока она была жива, но обязательно должен был участвовать на поминальном её обеде, в следствии приятельских отношений с её сыновьями. Старший из них Владимир был женат на красавице Наталье Александровне, которую очень любили в Костромском обществе не только за её красоту, но и за её приветливость. В костромском обществе появлялась иногда ещё другая молодая купчиха, ослепительная красавица, жена одного из наследников известного чайного торговца К. Попова²⁹⁰. Родом был он из ближнего посада Больших Солей, и начал свою деятельность мальчиком в небольшом трактире своей родины, потом стал известен, как особенный знаток чая, и стал им торговать сперва очень скромно, а после добрался до самого Китая, где

²⁸⁹ Фабрика Третьяковых и Коншина (Большая Костромская льняная мануфактура) — крупнейшая городская фабрика, отличающаяся сложной и развитой планировочной структурой и выразительными по архитектуре промышленными сооружениями в кирпичном стиле. Фабричный комплекс, расположенный на левом берегу старицы р. Костромы у ее впадения в Волгу, играет большую роль в формировании панорамы центральной части города. Предприятие было одним из крупнейших в Европе производителей льняных тканей.

²⁹⁰ Попов Константин Абрамович (1814–1872) — создатель крупнейшей чаеоторговой компании в России в XIX веке.

он имел собственные плантации. После его смерти он оставил несколько миллионов основанной им фирме «К. и С. Поповы», которая продолжала вести это дело, и ведёт его до сих пор, почему его капиталы всё множились и обеспечили самую фирму. Жене своей он оставил пожизненную пенсию только в 3000 рублей, и на родине в посаде Больших Солей выстроил великолепное ремесленное училище и обеспечил его содержание. Кроме того, К. Попов учредил в Больших Солях общественный банк и его обеспечил капиталом, а также обеспечил все многочисленные церкви в Посаде, завещав им достаточные капиталы. До самой своей смерти трудился на пользу ближнего этот замечательный костромской самородок, и в назидание костромичам следовало бы обнародовать его биографию, которой, к сожалению, и до сих пор не написано. Теперь в Костроме, рядом с фабриками, в бывшем доме Шипова, находится техническая школа в память другого деятеля Фёдора Васильевича Чижова²⁹¹, строителя Московско-Ярославской железной дороги, директора Московского купеческого банка, долго управлявшего Московско-Курской железной дорогой, и завещавшего своим трудом нажитые миллионы (4000000) своей родине — городу Костроме и губернии для устройства в них технических и ремесленных школ (Кострома, Макарьев, Чухново и Кологрив). Ф.В. Чижов был близким другом нашей семьи, очень часто у нас бывал и занимал нас, маленьких детей плетением стенок для шелковичных червей, тогда он жил в Малороссии, где завёл шелковичные плантации. Был он профессором математики в Петербургском университете, потом долго жил в Италии, где был близким другом Гоголя и знаменитого живописца Александра Иванова. Последние двадцать лет прожил он в Москве и принадлежал к кружку славянофилов. Иван Сергеевич Аксаков был его товарищем по Купеческому банку и после его кончины занял место директора банка. 14 Ноября 1877 года скончался в Москве Ф.В. Чижов, оставил Румянцевскому музею свою богатую библиотеку, несколько весьма ценных картин Европейских знаменитостей и свои записки, которые он вёл каждый день в течение 40 лет. Срок их печатания теперь приближается и можно с уверенностью сказать, что они будут большим приобретением для русской литературы. Трёх свои сёстрам, поселившимся в Костроме за Волгой, завещал он только пожизненную пенсию для обеспечения их скромной жизни. Старушек этих я часто навещал, а самого Фёдора Васильевича не раз

²⁹¹ Чижов Фёдор Васильевич (1811-1877) — славянофил, финансист, строитель железных дорог, председатель правления Московского купеческого общества взаимного кредита (1869-1877), издатель-редактор журнала «Вестник промышленности» (1858-1861) и газеты «Акционер» (1860-1863). Был близким другом семьи Свербеевых.

принимал у себя в Костроме. Нрава он был очень сурового и вспыльчивого, чего до сих пор не забыли служившие с ним чины Ярославской железной дороги.

Теперь скажу о тех Петербургских гостях, которые в моё время посетили Кострому. Первым был Министр юстиции граф Панин, прибывший в 1871 году летом для введения в Костромской губернии новых судебных учреждений. Свита его состояла из сенатора Шахова²⁹², которому он и передал сам акт введения суда, прокурора Московской судебной палаты Н.А. Манасейн²⁹³, позднее тоже министр юстиции, и состоявший при министре очень давно мне знакомый князь Трубецкой, который по уму и способностям заслуживал самой блистательной карьеры, но скоро умер от грудной болезни. Министр и его спутники осмотрели готовое здание окружного суда и привезли с собой всех новых представителей вводимого ими суда, т.е. нового председателя суда Иосифа Александровича Плеца, прокурора Лицкова и других членов суда и товарищей прокурора. Познакомили с ними Кострому, и после официального приёма всех Костромских гостей и необходимых общественных трапез, которые обязательны для всякого русского начальства, когда оно появляется в русских хлебосольных губерниях, отплыли в дальнейшее плавание по Волге. Сенатор Шахов (старейший председатель Московской судебной палаты) обревизовал старые судебные учреждения, и открыв вместе с прокурором Н.А. Манасейном торжественно новые, вернулся обратно в Москву, и предоставил Костроме возможность ближе ознакомиться с деятельностью новых судебных деятелей, отличавшихся высшим образованием и молодым возрастом. Из них самым способным был новый председатель суда Плец (из Новгородских прокуроров) и новый прокурор Лицков, с которым я сейчас же подружился, а также членом суда А.Г. Гизетти (умерший недавно сенатором). С этими тремя судебными деятелями я очень много виделся и сохраняю о них самые лучшие воспоминания. И.А. Плец был очень дельный и способный работник, и вследствие своей общительности, скоро сошёлся с Костромским обществом, любил повеселиться и не прочь иногда покутить, в чём его очень поддерживали все молодые судебные деятели, часто посещавшие местные клубы. Особенно отличался этим новый товарищ председателя А.Г. Ротинский, который скоро прославился своими весё-

²⁹² Шахов Александр Николаевич (1821–1889) – окончил училище правоведения. Служил на различных должностях в Московских сенатских департаментах. Сенатор с 1868 года.

²⁹³ Манасейн Николай Аксентьевич (1834–1895) – министр юстиции в 1885–1894 годах.

лыми кутежами, и сам про себя рассказывал следующий весьма забавный анекдот:

«Поселившись в Костроме Р., нанял себе здесь нового слугу, которому поставил в условие, что он только тогда может выпить, когда будет трезв его хозяин. Прошло целых шесть недель и так как новый слуга ни разу не мог исполнить этого условия, то явился с просьбой к своему барину его рассчитать, т.к., такая продолжительная трезвость ему не под силу». Другой интересный анекдот Р., про новгородские обычаи необходимо рассказать потому, что он необыкновенно курьёзен. В городе Демянске Новгородской Губернии проживал немолодой уездный судья (по выбору дворянства). У судьи этого оказалась редкая страсть — вместо обычных коней запрягать в свой экипаж местных баб и держать для этого немалое количество женской прислуги, которая при длинных переездах, должна была быть отпрягаема, чтобы отдохнуть от трудного пути. Узнав об этих выездах, новгородский губернатор пригласил к себе этого оригинала и указал ему на неуместность подобной упряжки, на что ему изумлённый судья ответил, что он себе никакой другой утехы не позволяет, и потому находит замечание губернатора весьма странным, т.к., его прислуга вся наёмная и охотно его возит за установленную цену, и никогда на него не обижаются. На другой день, после этого разговора, судья в отместку губернатору, нанял всю его наличную женскую прислугу, и на этой запряжке в своём экипаже прокатился мимо губернаторского дома, и любезно приветствовал губернатора, вышедшего посмотреть на это необыкновенное зрелище. Когда же губернатор приехал в город Демянск и стал ревизовать этого же судью, то последний предложил показать ему судебный архив, находившийся на чердаке его дома, и как только губернатор вошёл в архивное помещение, судья тут же его запер, и поставил заключённому в условие его освобождения — подписать приготовленную бумагу, что в суде и архиве всё найдено в прекрасном порядке и целости. За верность обоих этих анекдотов ручался мне Плец, и я не имею причин в них сомневаться. Более года прожил у нас председатель суда, и осенью 1872 года скончался неожиданно от тяжкой тифозной болезни, оплакиваемый всеми своими товарищами и уважаемый всю Костромскую губернию за честное и толковое ведение судебных дел, как в городе Костроме, так и в многочисленных уездах губернии.

К сожалению, мне не удалось быть на его погребении, т.к. я был в отпуску, и не мог потому участвовать в переговорах с Костромским духовенством, которое отказалось совершать над ним чин православного погребения, ибо Плец был протестантского вероисповедания.

Не помогло и обращение к архиерею, и так как в Костроме не нашлось протестантского пастыря, то останки Плеца были отнесены на православное кладбище, при пении обычного «Святый Боже».

Новый прокурор Лицков прожил в Костроме несколько лет, и перешёл потом на высшую должность. Он был очень способный человек, очень деятельно занимался своей службой, и был в хороших отношениях со своими товарищами, которых руководил советами и чисто материальной помощью. Много виделся я с ним, и часто в продолжении лета, во время отсутствия моей семьи, засиживался у него по вечерам, и наслаждался умной беседой его и любезной жены. Они оба были очень образованы, много читали, и потому разговоры с ними были не только интересны, но и назидательны. Из его многих товарищей прокурора, я особенно должен вспомнить А.А. Чернявского, замечательного работника и выдающихся способностей. Встречал я его позднее в Одессе и Харькове прокурором палаты, а затем в Москве сенатором и старшим председателем судебной палаты. Везде и всегда держался он в стороне от местного общества, как-то делал Лицков и в Костроме, но мои отношения были основаны на личной дружбе как с ними, так и с их семьями. Второй гость — министр, приехавший в Кострому, был генерал-адъютант Александр Егорович Тимашев²⁹⁴, когда он проезжал по Волге вниз до Нижнего. Пробыл он всего два дня в Костроме, осмотрел город и подчинённые ему, как Министру внутренних дел, губернское правление и другие учреждения. По малому моему с ним знакомству, я тогда оставался в строгих с ним официальных отношениях, и только в последствии, уже Самарским губернатором, в 80-ых годах, часто его встречал в Самаре, когда он уже в отставке, ежегодно приезжал в своё громадное Оренбургское имение, и тогда пользовался любезным его вниманием, а также и вниманием его семьи, и потому позднее в Петербурге иногда с ним виделся.

Для наблюдения за рекрутским набором были по Высочайшему повелению командированы в 73 и 74 годах два флигель-адъютанта. Первый из них был сын друга императора Александра II, министра двора графа А.В. Адлерберга — граф Николай Александрович²⁹⁵, умный, весёлый, разбитной малый. Он был большим кутилой и весьма приятный собеседник. Он был моим ежедневным посетителем и очень

²⁹⁴ Тимашев Александр Егорович (1818-1893) — генерал-адъютант, управляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии и начальник штаба корпуса жандармов (1856-1861), министр почт и телеграфов (1867-1868), министр внутренних дел (1868-1877).

²⁹⁵ Адлерберг Николай Александрович (1844-1904) — получил образование в Пажеском корпусе, служил в гвардейских частях, флигель-адъютант с 1867 года.

полюбил моего сына гимназиста. Из Петербурга привёз он много рассказов про нашу высшую администрацию, которую подвергал самой злой критике, и мне пришлось очень строго его обрезать, когда он при одном из гостей, пустился нам рассказывать свою критику. Скоро он подружился со всею судейской молодёжью, и постоянно с ними пировал в обоих клубах и у жандармского полковника Чашьева, старшины дворянского клуба. Пришлось мне и тут умерить восторги весёлого приезжего, когда он стал меня уверять, что непременно учинит скандал в одном из клубов, то так как он был человек умный, то скоро понял, что в его звании и положении, всякий скандал может увеличить его репутацию – небезызвестного кутилы, и потому его месячное пребывание в Костроме миролюбиво окончилось без всяких скандалов. Следующей зимой заменил его другой флигель-адъютант граф Николай Фёдорович Орлов-Денисов²⁹⁶, совершенно другого типа, очень милый и любезный человек, с весьма скромными, и можно сказать, даже с скупыми привычками, который берёт всякую лишнюю копейку, и торговался в клубе из-за каждой бутылки вина. Оба эти контраста принадлежали к высшему петербургскому обществу, причём последний (Орлов-Денисов) был сын очень богатой семьи, которую управляла весьма умная и скупая мать, снабжавшая своего сына весьма скудными денежными средствами. Самым интересным гостем во время моего Костромского сидения был английский писатель Макензи Уоллес²⁹⁷, известный теперь своей книгой о России. Жил он в Ярославле у своего приятеля директора Демидовского лицея²⁹⁸ М.Н. Капустина²⁹⁹, и часто приезжал в Кострому, где проводил по несколько недель. Он часто бывал у меня и подружился с Костромским обществом, весьма деятельно изучал все земские учреждения, и был постоянным посетителем всех земских собраний, так что куда лучше всяко-

²⁹⁶ Орлов-Денисов Николай Фёдорович (1839-1897) – генерал-майор свиты его императорского величества, с 1878 года.

²⁹⁷ Дональд Маккензи Уоллес (1841-1919) – британский писатель и журналист. Был корреспондентом газеты «Таймс» В 1870-х годах он несколько лет прожил в России, объездил многие губернии. Выучил русский язык и как пишут некоторые его биографы: «имел терпение прочесть всю многотомную историю Соловьёва». Результатом его путешествий явилась двухтомная книга «Россия».

²⁹⁸ Демидовский лицей – Ярославское Демидовское училище высших наук. Основано в 1803 году указом императора Александра I на средства и по инициативе промышленника Павла Григорьевича Демидова. В 1833 году училище указом императора Николая I преобразовано в Демидовский лицей.

²⁹⁹ Капустин Михаил Николаевич (1828-1899) – окончил юридический факультет Московского университета, защитил магистерскую диссертацию, специализировался по международному праву. С 1870 года директор Демидовского лицея.

го гласного, скоро ознакомился со всеми подробностями губернской и земской жизни. Познакомился я с ним в Петербурге у моих друзей Веневитиновых³⁰⁰, и тогда же от него узнал, что целью его приезда в Россию было подробное изучение нашего отечества, для написания книги о России. Обширные его знакомства в Петербургском как служилом, так и учёном обществе дали ему возможность познакомиться с влиятельными людьми и получить для прочтения самые редкие документы и мемуары. Приехав в Петербург, и убедившись, что в его космополитическом обществе он никогда не сможет научиться русскому языку, он переехал в Новгород и скоро его оставил, чтобы поселиться на берегу озера Ильмень, у сельского священника, у коего он, в продолжении нескольких месяцев научился прекрасно говорить и писать по-русски. Так что, когда он приехал в Кострому, только его акцент выдавал его за иностранца. Для большего ознакомления его с уездной жизнью и порядками, взял я его раз с собой летом на ревизию, где меня поразила его быстрая и отличная наблюдательность над всем его окружающим. Он был очень весёлый и приятный собеседник и его полюбили, и теперь он часто посещает Россию, и очень прилежно изучает её новые законодательные порядки, о коих он написал особое дополнение к своей книге и прислал мне его в подарок. Состоит он в числе приближённых свиты короля Георга, и носит теперь название сэра Ричард Маккензи Уоллес.

Семья моя часто меня посещала на новом месте моего служения. Отец мой два раза навещал меня вместе с сестрой Анной Дмитриевной и прожил с нами две недели в пригородной усадьбе Карцева в 1871 году, когда сильная холерная эпидемия прогнала всю мою семью из Костромы в нашу Подмосковную, и я принуждён был впервые заняться медицинской деятельностью, за недостатком в городе врачей, разделив весь город на много участков, где деятельно помогали друг другу все согласившиеся работать служебные чины и Костромичи всяких званий из образованного общества. Слава Богу, через месяц мы осилили пагубную заразу, но жертвы её были многочисленны.

Несколько раз посетила меня и моя маменька и обе сестры Екатерина и Софья Дмитриевны, все мои семейные гости приезжали уже до Ярославля по новой Ярославской железной дороге, что весьма нас сблизило с далёкой прежде Москвой.

Мать игуменья Мария в начале 70-х годов задумала устроить в старом Крестовоздвиженском монастыре, куда она сама в конце 40-х годов по-

³⁰⁰ Веневитинов Алексей Владимирович (1846-1885) – сенатор, товарищ министра уделов, Веневитинова Аполинария Михайловна (урождённая Виельгорская) (? -1883).

ступила простой монахиней, медицинскую помощь для городского населения, и пригласила меня к себе в помощники. Из старой обители перевела она почти всех сестёр в новую, вновь открытую, бывшую до пожара мужским монастырём, а в оставшихся помещениях Крестовоздвиженского монастыря устроила училище для дочерей духовенства, около которого, в небольшом флигеле она и захотела учредить приёмный покой для приходящих больных. Своим советником избрала она архиерейского врача, старика Данилова, очень оригинального и умного, с которым мы и начали дело, без всяких на то средств, но с Божьей помощью. Через несколько недель дело наладилось, и стали притекать доброхотные подаяния, и больные собирались во множестве. Позже игуменья устроила второй приёмный покой за городом в скиту, отведённом в жертву монастырю за восемь вёрст от города.

Туда стекалось уже сельское население и скоро пришлось обратиться за помощью ко второму врачу, городскому доктору Ивану Савичу Иванову. В обоих приёмных покоях помогали врачам в приёмах больных и приготовлении лекарств сёстры и послушницы, а в конце 74-го года, после кончины моего отца заведывание всей монастырской медициной взяла на себя моя сестра Анна Дмитриевна, которая в отведённом ей помещении Крестовоздвиженского монастыря, на свои средства устроила небольшую больницу в 4 кровати, для сестёр обители, при чём ей помогала очень милая и способная сестра Наталия.

В следующем 75-м году приехала к нам погостить моя младшая сестра Софья Дмитриевна и поселилась в монастырской квартире у сестры Анны Дмитриевны, чтобы познакомиться с её деятельностью. Должен сказать, что куда бы Софья Дмитриевна не приезжала; она сейчас же устраивала для себя какое-нибудь полезное занятие, и так как в самой Москве заведовала двумя городскими школами, и в них сама преподавала, и кроме того, занималась на высших женских курсах самообразованием. Жила она у сестры, рядом с монастырским училищем для дочерей духовенства, в коем выбрала себя занятия в одном из высших классов, и деятельно занялась образованием учениц. Между этими девочками нашлись очень способные и прилежные воспитанницы, которых она после окончания Костромского училища довела до Московской фельдшерской школы³⁰¹, а других до женских курсов, и эти ученицы и теперь сами сделались начальницами городских школ в Москве, а одна из них хорошо работает в лазарете Красного креста в Петербурге. Начатая матерью игуменьей медицинская помощь в Костроме принесла большую пользу городскому и сельско-

³⁰¹ Московская фельдшерская школа — вероятно, имеется в виду Московская военно-фельдшерская школа, основанная в Лефортово в 1871 году.

му населению, и во время турецкой войны в 76–77 годах, дала ей возможность сперва открыть лазарет в Крестовоздвиженском монастыре для привезённых с поля сражения раненных, а потом отправить в Кинешемский уезд Костромской губернии отряд своих сестёр под надзором моей сестры Анны Дмитриевны, для ухода за раненными, прибывающими в город Кинешму. Отряд провёл там всю зиму и весну 77-го года, был командирован на Кавказ, по распоряжению государыни императрицы, и поступил в ведение великой княгини Ольги Фёдоровны, супруги кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича. Великая княгиня направила Костромской отряд в Александропольскую крепость, где он обслуживал военный госпиталь. Сестра моя вместе со всеми её помощниками очень деятельно вела порученное ей дело, и строго охраняла казённый интерес и удовлетворительное продовольствие, лежавших в госпиталях раненных, охраняя кухонные котлы от всевозможных краж мяса, для чего эти котлы всегда запирала, находившимся при неё ключом. До самого окончания войны оставался в Александрополе Костромской отряд и обслуживал всех его раненных, а после окончания военных действий сестре моей поручено было объехать все лазареты Кавказа, до турецкого фронта, для их закрытия, и тогда ей пришлось для этой цели побывать и в Карсе, только что уступленном нами Турции. Таким образом, благое начинание матери Марии принесло большую пользу не только в Костроме, но и победоносной русской армии, за что и следует сохранить благодарную о ней память. За свою деятельность сестра моя получила от императрицы знак Красного креста, и после войны была избрана начальницей Одесской Стурдзавской³⁰² общины сестёр милосердия, где и провела несколько лет, а потом приехала ко мне в последние годы моего губернаторства в Самаре. Необходимо мне вспомнить одно удавшееся в Костроме дело, благодаря сочувствию всего Костромского общества, которое не было удовлетворено образованием детей в особенно для них трудной классической гимназии, почему они отозвались с большой радостью и сочувствием на моё предложение — открыть в городе реальное училище, только что предложенное самим министерством для образования русского юношества. Как только собрал я у себя всех видных костромичей всякого звания и сословия, при чём особенно были многочисленны представители купечества,

³⁰² Одесская община сестёр милосердия (Одесская богадельня сердобольных сестёр) — её возникновение связывают с жившим в Одессе после отставки Александром Скарлатовичем Стурдзой (1791–1854). Строительство здания богадельни началось в 1848 году, в 1850 император Николай I утвердил Устав Одесской богадельни сердобольных сестёр.

выразившие свою радость о возможности открытия новой школы, не только красноречивыми словами, но и щедрыми пожертвованиями, не одного города Костромы, но и присланными из всех уездов губернии. С особенной быстротой была решена необходимость немедленного открытия реального училища. Сведения о собранных, и необходимых для сего средствах, из средств города и губернии были тут же представлены в Министерство народного просвещения, которое сейчас же разрешило, осенью того же года, открыть в наёмном помещении первые низшие классы реального училища. Прошло немного времени и Костроме удалось перевести своё реальное училище в большое и прекрасно выстроенное собственное помещение. Нечасто, в жизни моей, приходилось видеть такое скорое осуществление обоюдных желаний правительства и общества, как в этом быстром открытии Костромского реального училища.

Во время моего Костромского десятилетия мне так часто приходилось управлять делами губернии, во время ежегодных отъездов в Петербург по служебным делам, а летом в продолжительные отпуска губернатора, что за это время у меня образовалось пять лет моего личного управления. Большую часть этого срока проводил я в поездках по губернии и ревизии всех учреждений в 12 уездах. В 1868 году, в начале зимы, поехал я ревизовать Кинешемский уезд, где сейчас же наткнулся на предложенную мне анонимную взятку. Чиновник губернского правления Городков, коему мною была поручена проверка всех книг полицейского управления, нашёл в одной из них 25 рублёвую ассигнацию, таинственное появление которой никто объяснить не мог. По указанию закона эти 25 рублей были переданы в приказ общественного призрения, а за тем весьма строго и подробно проверенна мною денежная отчётность, и всё канцелярское делопроизводство полицейского управления. Кинешемский уезд, как и все прочие южные уезды Костромской губернии за Волгой примыкал к Ярославской, Владимирской и Нижегородской губерниям, известным развитием своей мануфактурной промышленности, и многочисленным хлопчатобумажным фабрикам, почему мне было необходимо ознакомиться с фабричным миром и его представителями. Самым крупным фабрикантом в уезде был старообрядец Александр Иванович Коновалов³⁰³, большая фабрика коего стояла около торгового села Вичуга³⁰⁴, при великолепном единовременном храме, выстроенном владельцем, име-

³⁰³ Александр Дмитриевич здесь ошибается — основателя династии Коноваловых звали Коновалов Александр Петрович (1812-1889), потомственный почётный гражданин, купец I гильдии.

³⁰⁴ Вичуга — в настоящее время город Вичуга Ивановской области.

новавшим себя единоверцем, но преспокойно принадлежавшем старой вере³⁰⁵. Лучшим тому доказательством служила его молельня с древнейшими иконами, которым не было цены, и совершавшееся в стенах её древнее молитвословие. Коновалов предложил мне остановиться в его доме, рядом с его квартирой, и принять его хлебосольную трапезу после осмотра его огромной фабрики, где изготавливались кипы бумажных материй для отсылки в наши среднеазиатские владения и соседние с ними страны. Все товары изготавливались в азиатском вкусе, и потому были особенно ценимы в Азии, представляя значительный доход фабрике Коновалова. Сам он был пожилой человек лет 60-ти с очень быстрым и ловким умом, имел двух взрослых сыновей, жёны коих принадлежали к Московским старообрядческим семьям, и держал их властно и строго, не позволяя им сесть за стол с нами и другими почётными гостями, и только в следствие моего заявления, разрешил им пригубить бокал шампанского, когда я не захотел без них выпить это вино. Несколько месяцев тому назад, мне пришлось теперь встретить у председателя Государственной думы, новоизбранного его товарища Коновалова, так же Александра Ивановича³⁰⁶, молодого человека, получившего высшее образование за границей, отличающегося прекрасными манерами и особой выдержкой, внука старого Кинешемского фабриканта.

В отведённом для моего жительства доме, в особой столовой стоял стол с таким бесчисленным количеством бутылок, яств, закусок и десертов, что я мог бы прокормить более ста человек свиты или гостей. Блюда эти непрестанно сменялись и хлебосольству не было предела. Выставка всех произведений Коноваловской фабрики была очень интересна, но я должен был скрыть своё восхищение оригинальными азиатскими тканями, потому, что был предупреждён сопровождавшим

³⁰⁵ О богатстве Коновалова и его начале во всём крае была известна следующая легенда: во время 12 года, предок Коновалова будто бы обворовал все порученные ему капиталы богатых старообрядцев и кроме того, во время Отечественной войны себя обогатил фальшивыми ассигнациями и векселями. Впрочем, в России обыкновенно дают такое объяснение появлению новых богачей и особого доверия таким слухам давать не следует [*Примечание А.Д. Свербеева*].

³⁰⁶ Коновалов Александр Иванович (1875-1949) – внук основателя династии Коноваловых. Окончил физико-математический факультет Московского университета, после этого занимался управлением семейными предприятиями. Большое внимание уделял социальной поддержке своих рабочих. В 1912 году выступил одним из создателей Прогрессивной партии. В сентябре 1917 года стал Министром торговли и промышленности в составе Временного правительства. Вёл последнее заседание Временного правительства, происходившее после отъезда Керенского.

меня родственником, что если бы я похвалил какой-нибудь товар, то он немедленно был бы отправлен в Кострому для меня в подарок. Осмотрел я чудесный единоверческий храм, в иконостасе коего были замечательные громадные иконы, купленные после пожара в сгоревшем в 1848 году Костромском Преображенском монастыре, и после этого осмотра продолжил объезд соседних фабрик до позднего вечера, когда и мог вернуться на ночлег в Ветлугу, и был не мало изумлён, что мы с моим родственником Евреиновым остались трезвы после всех обильных угощений у Кинешемских фабрикантов.

Слава Богу, это был единственный уезд, где ожидало приезжего такое испытание. В соседнем Нерехтском уезде, была известная тогда фабрика Дьяконова³⁰⁷ и хозяин её был очень милый и приветливый человек, городской голова в городе Нерехта, но его гостеприимство было менее опасным и утомительным. В Юрьевском уезде, находящемся по ту сторону Кинешмы, была также фабрика Михаила Брюханова, но там угощение было скудно. Город Юрьевец я помню более, потому, что там жил старик предводитель Поливанов, родственник недавнего военного министра, и мой близкий приятель, тогдашний товарищ прокурора Алексей Васильевич Воеводский, из морской семьи, прекрасный человек, с которым я приятно проводил свободные от ревизии часы. Рядом с городом находился мужской монастырь, очень небогатый и с мало трезвой братией. Тут же находился довольно опасный переезд через Волгу, через который необходимо было ехать в ближний Варнавинский уезд.

В городе Варнавине отведена мне была квартира в доме старика, прежде бывшего фельдъегерем во времена императора Николая I. Словоохотливый старец рассказывал мне такие анекдоты про свою службу при царе Николае Павловиче, что я и теперь, спустя 40 лет, за их верность не ручаюсь. Разумеется, государь особенно нежно любил своего старого фельдъегеря, посылал его на гору Арарат посмотреть — там ли ещё стоит Ноев ковчег, и когда с ответом фельдъегерь случайно догнал царя на какой-то далёкой станции, то обрадовавшейся государь немедленно привёл его к императрице за перегородку, где сам будто её одевал, а императрица Александра Фёдоровна тут же от радости воскликнула: «Неужели это наш милый Трембильский!». Ещё старик мне рассказывал про себя другое забавное происшествие. В соборе города Варнавина почивают под спудом мощи чтимого местным населением преподобного Варнавы. Поселившись в городе, мой

³⁰⁷ В 1852 году после объединения в Нерехте нескольких производств образовалась объединённая «Мануфактура Нерехтских 2-ой гильдии купцов Сыромятникова и Дьяконова».

квартирохозяин соорудил, будто бы на свои средства, новую раку для святых мощей, поставив на неё кружку для жертвования населения, и все собранные деньги брал себе в собственность, и объяснил мне, что так ему и следует за праведные его труды и хлопоты о прославлении преподобного Варнавы, пользоваться всеми доходами поставленной им кружки, при чём он выразил большое негодование на местное духовенство, которое его поведения не одобряло. Приехал я в Варнавин во время ежегодной ярмарки, где между прочим шла оживлённая торговля местной дичью, которой было такое множество, что я тут же купил несколько сот пар рябчиков, приобретённых мною по 25 копеек за пару. Эти дешёвые цены мне были указаны ещё осенью моими Московскими приятелями, заказавшими мне присылку как можно больше рябчиков в Москву, для охотников покушать. Тут же в реке Ветлуге ловились прекрасные стерляди, и цена им была невысокая, что не помешало в местном городском клубе взять за мой обед, именно за эти два блюда три рубля серебром, и на моё указание на слишком дорогую плату в клубе за рыбу и дичь, дешёво купленные мною на базаре, мне было отвечено, что каждым редким случаем всякий должен пользоваться. Местным уездным предводителем был Захарьин-Юрьев, справедливо гордившийся своим происхождением от одного рода с царствующим родом Романовых. На уездных земских собраниях простодушный предводитель вёл себя так своеобразно, что о нём ходили бесчисленные анекдоты и преимущественно о его пугливости относительно иностранных слов, которые разные шутники, вроде соседнего предводителя Колюпанова хотели его заставить внести в протокол уездных земских собраний. В Варнавине, в местной городской думе, под председательством городского головы, случился другой забавный эпизод, при проверке сумм сиротского суда. Один из членов захотел себе присвоить тут же некоторую сумму, которую и спрятал за пазуху. Когда же прочие члены и голова потребовали возврата спрятанных им денег, то он предложил его обыскать, но после осмотра, денег всё-таки не оказалось, только после долгих уговоров, обвиняемый сознался, что взятую им ассигнацию он проглотил, и по сему никак не может её возвратить. Сиротский суд так и не смог вынести приговора по этому редкому исчезновению денег из кассы.

В следующем, соседнем Ветлужском уезде всё было найдено в порядке, ибо там наблюдение за всяким начальством имел способный уездный предводитель Колюпанов, который кстати своим язвительным остроумием, не мало терзал местное общество. Побывал я в имении и усадьбе О.Н. Лушнина, покровителя и друга местного предводителя. Осмотрел там местную прекрасную школу и другие полезные учреждения и съездил даже в знаменитые, громадные строевые леса,

которые составляли славу и богатство владельца Лушнина (240 тысяч). Никогда не забуду я вынесенного мною впечатления от этой лесной громады, только в этот единственный раз в жизни моей видел я такое великолепие русского строевого леса.

Для ревизии Макарьевского уезда мне необходимо было проехать такие дремучие леса и необитаемые пространства, что ни одного селения и даже избы не было видно в продолжении 60-ти вёрст, на так называемом Макарьевском волоке. Мы могли только переменить лошадей на 30-й версте, куда они были пригнаны со следующей станции. В этих необозримых лесах Макарьевского уезда, осмотрел я два знаменитых монастыря, в самой лесной глуши, где трудно было не сбиться с дороги. Достаточно сказать, что это были именно те места, которые описывал писатель Мельников-Печерский в своих знаменитых «В Лесах». Самый из них замечательный был мужской Высоковский монастырь³⁰⁸, преобразованный из старообрядческих обителей при Александре I, единственный в России единоверческий монастырь по мысли известного Московского митрополита Платона, современника Екатерины II и законоучителя Павла I, а потому известного по всей Европе. Много было храмов в Высоковском монастыре, храмов такой древности и богатых древними иконами, что мог вынести о них общее впечатление. Служба в них была весьма продолжительна, и единоверческие монахи подозрительно осматривали меня православного приезжего, а потому мне особенно приятно было зайти в келью местного игумена, прибывшего только недавно из Австрийских старообрядческих монастырей, отца Онуфрия, сподвижника известного Павла прусского, подвизавшегося тогда в Москве, в Никольском единоверческом монастыре. Беседа с игуменом Онуфрием была занимательна, но мне почему-то казалось, что он мало доверяет искренности моих православных чувств.

Второй монастырь был женский, и так же стоял в дремучем лесу, но тут игуменьей была моя знакомая, домовитая и хлопотливая мать Екатерина, которая властно и умно правила многочисленным стадом своих пасомых. Меня она приняла очень любезно, сытно накормила и напоила, и мне показалось, что я давно знаю эту обитель, и потому скоро свыкся с порядками. Находилась ли она неподалеку от описанных Печерским древних старообрядческих женских обителей с матерью Манефою и другими незабвенными типами выведенными Печерским личностями. Из обители матери Екатерины направился я в город Макарьев на Унже, где под самым городом находится мужской

³⁰⁸ Основан в 1784 году, как старообрядческая обитель. С 1801 года единоверческий монастырь.

монастырь преподобного Макария Унженского, мощи которого почитают в его соборном храме. В этом монастыре настоятелем был святитель Дмитрий Ростовский, ранее своего перехода на ростовскую кафедру. В городе Макарьеве уездным предводителем был Павел Александрович Куприянов, хороший и почётный чиновник, брат моего приятеля Николая Александровича, а потому мне хорошо знакомый Чухломской уезд не оставил мне каких-либо особых впечатлений. В одной из своих повестей Тургенев уверял, что в Чухломе царит настоящая скука, но я уже этого сказать не могу. Помню только одного добродетельного немца – мирового посредника О.О. Моллера, затем прекрасного инспектора народных училищ Катенина, родственника Кологривского предводителя дворянства, жившего в Костроме с семьёй, и очень со мной дружного. Был в уезде мужской монастырь преподобного Авраамия, изображения коего, в виде плашаницы, были постоянно разносимы по всему уезду и особенно почитались населением.

Соседний Кологривский уезд славился огромным пространством своих лесов, и в нём некогда можно было приобрести лесной участок за полтора рубля десятину в вечное владение. Один, из Кологривских предводителей, владевший несчётным количеством леса в уезде – Перфильев, потому назывался там лесным царём, и был нрава сурового, и, к сожалению, не трезвого. Кологривов считался таким захолустным городом, что почта туда только заходила, и должна была возвращаться обратно в Кострому за неимением дальше почтового тракта.

В том же положении находился город Буй, о коем существует местная поговорка: «Буй да Кадуи (упразднённый посад) чёрт три года искал, а Буй да Кадуи у ворот стоял»³⁰⁹. Не мудрено, что в Кологриве

³⁰⁹ Буй пользовался славой запущенного места: «В бытность свою губернатором в Костроме (1832-1833 гг.), отец мой поехал ревизовать город Буй. Это бедный город, без всякой промышленности.

– Чем вы, братцы, промышляете? – спросил мой отец явившихся к нему граждан.

– Да ничем, батюшка.

– Как ничем? Ну, вот эти калачи, ведь, здешние?

– Нет, батюшка, из Костромы привозим. – То же они отвечали и на другие вопросы.

– Чем же вы кормитесь? Нельзя же кормиться без всякого промысла!

– Лес продаем.

– Стало быть, вы торгуете лесом? Что же, сами ли отвозите в Кострому, или купцы сюда приезжают? Где вы рубите лес?

– Мы не рубим его. А вот повыше нас лес сплавляют по Волге, а как вода-то поднимется, его к нам и заносит, а мы ждем только у бережка, да ловим его; а потом в Кострому отправляем.

господствовали самые захолустные нравы. Опишу вам одну своеобразную их картину. Представители двух уездных начальств — исправник и начальник местной военной команды были связаны не только личной дружбой, но и нежной дружбой двух сестёр, близких им не по закону. Местное общество этого духовного родства не признавало, и сестёр этих игнорировало. Желая за подобное непростительное невнимание наказать Кологривское общество, оба начальства решили произвести в местном клубе следующий скандал: по открытии бала на масленицу, в зале среди танцующих пар, появились в шубах обе местные власти, и на учтливое предложение старшин — снять свои тёплые одежды, возразили, что они оба вызовут немедленно свои команды, чтобы расправиться с публикой как следует. За тем, при общем молчании, они проследовали в соседнюю игральную комнату и стали мешать все карты у растерявшихся игроков. Наконец (как было написано в подлинной, присланной мне по эстафете из клуба жалобе) эти господа зайдя в буфет, стали обходить толпившуюся там публику, и без всякого с нашей стороны повода, плевать каждому из них в лицо. Жалобы была подписана всеми оплётанными, при чём один из них, на личном списке не означенный, выразил своё особое негодование, что записать то его не записали, но в лицо всё-таки плевали. Случай этот непомерно меня поразил, но пришлось мне в последствии изумляться ещё более: через несколько месяцев в Кологрив, для ревизии училища поехал директор Костромской гимназии, и остановился в том же клубном помещении. Вспомнил он об этом скандале и стал расспрашивать прислугу, каковы теперь отношения между обидчиками и обиженными, и получил в ответ заявление, что действительно зимой в клубе произошло какое-то недоразумение, но что теперь всё забыто, и в клубе царит один мир и согласие. Такой финал мне и поныне кажется неожиданным.

Не менее удивительные нравы царили в соседнем Солигалическом уезде, известном своими минеральными водами. Был там предводителем очень богатый помещик В.П. Шулепников, племянник генерал-адъютанта Зиновьева, а в городе отличался весьма неглупый и буйный городской голова Касаткин. Как-то осенью, в конце Августа, получаю

-
- Почему же это вы так бедно живете, что ни промыслов нет у вас, ни торговли?
 - Да уж такой мы, батюшка, народ-то проклятой.
 - Как так?
 - Да еще царь Иван Васильевич, когда из-под Казани через наш город шел, то прогневался на нас и в сердцах проклял Буй, сказал: «пусть будет на тебя проклятие мое на вечное время!»
- С тех пор все пошло не ладно, все промыслы, всякая торговля у нас прекратились, и с тех пор мы так вот и живем: проклятой мы народ, батюшка...» (Из записок В.М. Жемчужникова).

я от предводителя эстафеты, с просьбой о немедленной защите от безбожных поступков Касаткина. Был у предводителя скромный секретарь — письмоводитель дворянской опеки, и по словам эстафеты, внезапно погиб от рук, или вернее от ног Касаткина. Картина его неожиданного убийства была следующая: в Солигаличе был на ревизии тогдашний губернатор Дорогобужников, и окончив обзор всех местных учреждений, к общему удовольствию, весьма благополучный, сам уехал в разрешённый ему отпуск. Весьма довольный отъездом начальства городской голова, после обильного пиршества, захотел устроить катание на лодках по реке Костроме, всех обревизованных и местного общества. Вечер был холодный, но гости ещё находились под влиянием возвышенных от трапезы чувств и согласились окончить свой праздник общим купанием в холодной реке Кострома. Первым вошёл в воду голова, и почувствовав холод, предложил купающейся публике тут же учинить единоборство, чтобы согреться. Касаткин был роста небольшого, но силы железной. И когда молодой секретарь предводителя, согласившийся на единоборство, вступил в борьбу с городским головой, то (как гласили слова эстафеты) городской голова — мировой судья, струящийся и покрытый тиной, так, что сама Марья Фёдоровна (его жена) не могла бы его узнать, нанёс противнику своими железными ногами такой страшный удар, что тот на другой же день умер от Антонова огня. Так кончился пир их бедой, как следовало мне написать предводителю, но по русскому обычаю, он остался без всяких последствий для виновника несчастья. Хотя подобные несчастные случаи и были редкость в Руси, но как не сказать, что для нашего отечества явлена была великая милость нашим царём — в полном запрещении зелёного змия в Русском государстве.

На возвратном пути в Кострому состоялась ревизия всех подчинённых учреждений в городе Галиче, построенном на берегу красивого Галицкого озера. Предводителем дворянства был прекрасный человек А. Девочкин, весьма популярный и приятный. В городе находился женский монастырь, чрезвычайно красивой архитектуры и такой поразительной чистоты, что всё так и сияло, и было белее снега. Игуменья мать Асенефа была немка по происхождению (из гувернанток) и вела свою монастырскую семью строго, но справедливо. Служба в монастырских храмах была истовая и вполне хорошая, так что акцент игуменьи вполне искупался её другими русскими качествами. После Галича остановился я в посаде Судиславль, где в царствование Николая I ещё существовали целыми знаменитые старообрядческие молельни, откуда великолепные древние иконы были подарены графу С. Г. Строганову, который в 1865 году мне лично показывал свои дивные сокровища, находящиеся и теперь в великолепном доме Строганова на Невском проспекте в Петербурге у Полицейского моста.

Прибавим ещё, что Судиславль³¹⁰ был центром грибной торговли в Костроме и что я никогда не видел такого количества чудесных и прекрасно сохранённых грибов, нигде во всём Костромском крае, хотя он и известен в России своими несметными грибными богатствами.

Перейду теперь к последнему году моего пребывания в Костроме. Летом был назначен новый губернатор из Перми Николай Ефимович Андреевский (брат ректора Петербургского университета), человек большого ума и большой опытности и весёлого нрава. Был у него один изъян, нажитый им на продолжительной службе, среди распущенного провинциального общества. Он слишком часто употреблял в разговорах простонародные, так называемые, непечатные слова, что весьма усложняло отношения с ним, и я всегда его предупреждал, когда он у меня обедал, что у меня при дамах, не мыслимы никакие легкомысленные выражения. Пять месяцев прослужили мы вместе и расстались друзьями, и я должен сознаться, что по уму, образованию и справедливости он был одним из лучших русских губернаторов. За полгода до назначения в Кострому Андреевского, приехал из Москвы, назначенный для Костромской епархии новый архиерей епископ Игнатий, Московского митрополита Филарета, схожий с ним малым своим ростом и тихой службой. Предшественник его – умнейший, порывистый и весьма властный архиепископ Платон был грозой Костромского духовенства. Скончался он в мае 1877 года, и я никогда не

³¹⁰ «Главная торговля, составляющая специальность Судиславля, по которой он известен всюду в торговом мире, есть торговля грибами. Судиславль в полном смысле – центр грибной торговли. Мало того, что окрестные крестьяне привозят сюда свежие, соленые и сушеные грибы для продажи оптовым торговцам, – здешние купцы и прикащики, зная в каких местах какие водятся грибы и какого качества, сами ездят по деревням и скупают грибы даже в Ярославской губернии. В Судаславле их сортируют, разумеется, не без спаровок: сухие нанизывают, соленые укладывают в кадушки и бочёнки и отправляют в Москву, Петербург, Казань и Нижний. Лучшие грибы доставляются из Кологрива и в особенности из посада Парфентьева, который так же славится своими белыми грибами, как напр. Царицын арбузами или Кизляр виноградом. Как Судиславль – центр грибной торговли, так Парфентьев может быть назван центром грибной промышленности: он окружен обширными борыми лесами на сухом, песчаном грунте; а известно, что на сухой почве грибы бывают плотные в твердые, между тем как в мшарных и болотных лесах они дряблы и ноздреваты. Некоторые Судиславльские купцы имеют из местных жителей комиссионеров для закупа грибов, другие купцы выдают задатки Парфентьевским и прочим крестьянам и заранее заказывают, чтобы они готовили им грибные запасы» (Корнилов И.П. От Костромы до Солигалича (Из воспоминаний о зимней поездке по Костромской губернии в 1837 г.) // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. 1860-1861. Книга третья. СПб., 1862.

забуду тот величественный крестный ход, который сопровождал его тело из Соленикова до Волги, с берегов которой его перевезли на особо украшенной барке в самый город Кострому, где его встретило всё многочисленное городское население, сопутствовавшее его гробу, до древнего чудного Успенского собора (на берегу самой Волги), где в продолжении двух суток совершалась погребальная молитва. На 4-й день, тело было перенесено для погребения в обширный тёплый кафедральный собор, воздвигнутый архиепископом Платоном, рядом с холодным древнейшим собором. Собор этот был освящён при мне в 1868 году, и строился на счёт пожертвований всего Костромского края, ибо в его иконостасе постоянно пребывала чудотворная икона Фёдоровской божьей матери, коей инокиня Марфа, благословила своего сына, юного Михаила Романова, на принятие русского престола в 1613 году, в следствие слёзных настояний Московского посольства. Стечение богомольцев для поклонения этой ныне родовой иконе в семье Романовых, было так многочисленно, что приносимые ими большие жертвования, совершенно обеспечили постройку нового собора, и служат постоянными с них доходами на содержание многочисленного кафедрального духовенства и на ремонт самого храма и многие другие нужды. Икона эта перевозится ежегодно в ближние Костромские уезды для поклонения, после Пасхи и до Троицына дня. Новый архиерей был весьма благочестив, но к сожалению, скудоумен, нерешителен и весьма медлителен в распоряжении по епархии. Вставал он так рано, что весьма смущало очередное духовенство, которое должно было совершать для него в Крестовой его церкви ежедневное богослужение. Свои архиерейские службы он совершал быстро, и начинал так рано, что когда приходилось мне сопутствовать обычным местным ходам вокруг города (по случаю чумы древних годов), то я едва успевал нагонять выступившую в 8 часов утра духовную процессию. За архиерея правил весьма умный и учёный секретарь консистории Семён Иванович Широкий, не только высокообразованный, но всегда поражавший меня своей богословской учёностью. Его особенно ценили в Синоде, а в Костроме обвинили, как водится, во всём, чем отличались секретари консисторий. Мне часто с ним приходилось видеться по делам епархии, и я очень наслаждался его умной и всегда содержательной беседой. Вспоминая теперь ещё одного умного человека, с которым я подружился в Костроме — то был Николай Иванович Катенин (Кологривский уездный предводитель). С ним и его семьёй виделись мы нередко и мне особенно памятен его родной племянник барон Э. Нольде³¹¹, бывший тогда гимназистом стар-

³¹¹ Нольде Эммануил Юрьевич (1854–1909) — окончил училище правоведения с золотой медалью и занесением имени на мраморную доску. Служил на различных должностях в Сенате и Министерстве Юстиции.

ших классов в Костроме, очень способный, скоро пошедший в гору, и недавно умерший в Петербурге членом Государственного совета. Сын его барон Борис Нольде³¹², так же очень даровитый человек, теперь директор департамента и юрисконсульт Министерства иностранных дел, и живя в одном доме со мной часто меня посещает, так же, как и вся милая его семья. С Катениными ещё соединяла нас дружба милых немцев — старика военного генерала инженера-топографа Шредера и его дочери Люции, близкой знакомой сестры моей Ольги Дмитриевны.

Мне следует теперь вспомнить с глубокой благодарностью все заботы и попечения, которыми окружила моя сестра Ольга Дмитриевна моих детей, посвятив себя всецело их воспитанию. Своё пребывание в Костроме я считаю для детей моих большим благополучием. Сын мой поступил в Костромскую гимназию в 73 году, и окончил её летом 78 года. Директор гимназии и прекрасные в ней учителя много способствовали его образованию, и мне приятно было видеть их у себя, когда некоторые из них стали преподавателями моей дочери в том же 78-м году, окончившей свои учебные занятия и хотя ей было только 17 лет, но она в следующем году держала при гимназии, в той же Костроме, экзамен, и получила диплом домашней учительницы (главный предмет математика). Лучшими преподавателями были: законоучитель, наш друг соборный протоиерей Поспелов, мой французский друг Морен, и выдающейся гимназической учитель русского языка Демидов, которого после его кончины заменил Сергей Михайлович Георгиевский, преподаватель реального училища, человек высокой образованности и таких нравственных качеств, какие редко встречаешь в жизни. Знакомство моё с ним требует особого примечания. Был он сын одного из Костромских священников, также отличавшегося большим умом и образованием. Единственный брат его был выдающимся кандидатом Московского университета. Сам он жил в близкой нам семье Сумароковых, где был преподавателем всех их детей. Его везде ценили и уважали, несмотря на его молодость, и, когда открылось реальное училище, его немедленно назначили одним из главных преподавателей. Он благотворил всем нуждающимся воспитанникам, на что и уходило всё его жалованье. И вот один из них, в благодарность за его добрые дела, послал на него в Петербург ложный донос, обвиняя его в революционной деятельности. Хотя в Костроме всё началось в благонадёжности Георгиевского, но его, по приказу из Петербурга немедленно арестовали и посадили в тот именно полицейский учас-

³¹² Нольде Борис Эммануилович (1876-1948) — сын Нольде Э.Ю. от первого брака с Марией Васильевной Якимовой (1855-1932). Российский юрист, государственный и политический деятель, историк.

ток, который находился против моей квартиры. Часто я навещал невольного узника во время его длительного ареста, и всегда находил его в благодушном настроении, при научных занятиях. Когда он вышел из под ареста, он пришёл ко мне с просьбой разрешить ему бесплатно давать уроки моей дочери (о чём я неоднократно просил его раньше) и когда я на бесплатность не соглашался, то он оконфузил меня своим заявлением, что моим отказом я яснее всего свидетельствую, о моих сомнениях в его благонадёжности. Пришлось-таки мне соглашаться, и сам я, и сестра моя, часто присутствовали при интересном его преподавании. В последствии, ездил он в Китай, в командировку от чайной фирмы Попова, изучил китайский язык и китайские порядки, и сделался профессором китайского языка в Петербургском университете. К сожалению, этот прекрасный и даровитый человек не долго пожил, но оставил после себя чистую и честную память в сердцах своих многочисленных друзей и знакомых.

Никогда бы я не кончил свою Костромскую повесть, если бы продолжал рассказывать о всех милостях Божьих, оказанных мне в моё Костромское десятилетие.

23-го Октября 1878 года получил я назначение Самарским губернатором, и мне необходимо было тот час направиться через Москву в Петербург, чтобы представиться государю императору и получить в Министерстве внутренних дел хоть некоторые сведения о Самарской губернии, без коих мне казалось невозможным начать свою новую службу.

В Петербурге пробыл я около месяца, представился царю, и уехавшему в отставку Министру внутренних дел генерал-адъютанту Тимашеву. Тут же я узнал от бывшего моего предместника Бильбасова³¹³, что в Самару только что приехал на жительство из Оренбурга опальный великий князь Николай Константинович, и не мало смутился этому известию. В конце Декабря навестил я в Москве мамёнку и моих сестёр, и к Рождеству вернулся в Кострому, где и последовали любезные мне проводы в благородном собрании от всего Костромского общества, а потом и вторые, не только мои, но и моей семьи, от близких наших друзей, приязню которых я пользовался в продолжении 10 лет, и которых до сего вспоминаю с сердечной благодарностью.

В начале января 78 года выехал я на новое служение через Москву и Воронеж, где остановился на несколько дней у моего брата Михаила Дмитриевича, а за тем, с Божией помощью 9-го января благополучно прибыл в город Самару. Тут и конец моему Костромскому сказанию.

РГАЛИ. Ф.472. Оп.1. Д.105.

³¹³ Бильбасов Пётр Алексеевич (1837-1910) – самарский губернатор в 1875-1878 годах.

Часть 2. Самара (1878-1891)

Прежде чем я начну свою Самарскую повесть, я хочу освежить в своей памяти те несколько недель, которые я провёл в Петербурге перед выездом моим на новое моё служение.

Мой двоюродный дядя князь Сергей Александрович Оболенский-Нелединский-Мелецкий и его жена княгиня Наталья Владимировна предложили мне остановиться у них на Сергиевской, в их собственном доме, ибо они оба были очень дружны с моей матушкой, у которой сами часто жилали в Москве в её доме близ Собачьей площадки. Мне было особенно приятно жить у таких близких родственников, которых я знал с самого раннего моего детства, так как князь Сергей Александрович был очень дружен с моей матерью, тоже с раннего детства. Жена его была очень мила и гостеприимна, очень популярна в Петербургском обществе и на еженедельных обедах собирала у себя всю наше бесчисленную Оболенскую родню, так что я у них в доме встречал почти всех моих Петербургских родственников. Дочь их, княгиня Вера Сергеевна Трубецкая только что овдовела после внезапной кончины своего мужа, которого сестра была уже вдовой моего старшего брата. Жил я в квартире княгини Веры Сергеевны Трубецкой и чувствовал себя всегда как дома. Жизнь моя в Петербурге была такая светлая, что я едва поспевал ко всем министрам и в разные департаменты, куда мне следовало являться по делам службы. Относительно этих официальных визитов я не стану распространяться, а упомяну только о двух свиданиях, которые по своим последствиям имели значение во время моей Самарской службы.

Когда я представлялся императрице Марии Александровне, в продолжении многих лет мне благоденствовавшей и по милостивому вниманию коей я получил назначение в Самару, то её величество, выразив мне своё удовольствие таким моим назначением, поручила мне быть у военного министра графа Милютина и передать ему известие о его дочери, жившей тогда в Костроме, у матери игуменьи Марии, и поручившей мне также повидаться с её отцом. Пока я сидел у военного министра, ему доложили о приезде Кавказского героя графа Лориса-Меликова, который через год и три месяца, после покушения, 4-го февраля 1880 года был назначен, как тогда выражались, диктатором России. Граф Лорис-Меликов взойдя в комнату сообщил графу Милютину, что его только что принимал у себя государь, и предложил ему немедленно отправиться в Астраханскую губернию для борьбы с азиатской чумой, появившейся в Ветлянской станице, и показав ему подробное приказание, данное императором Николаем I-м, фельд-

маршалу Дибичу, по случаю появления той же чумы в Придунайских княжествах, повторил ему, Лорис-Меликову, эти же самые слова, которыми император Николай Павлович кончил свой приказ Дибичу: «Ступай Дибич, и исполни немедля моё приказание – вся Европа на тебя смотрит!» Рассказ Кавказского генерала показался мне очень занимательным, но я не мог тогда ещё предвидеть, что через три месяца этот самый граф Лорис-Меликов станет моим непосредственным начальником и вызовет меня в Астраханскую свою губернию, когда будет назначен Астраханским, Саратовским и Самарским генерал-губернатором.

Узнав в Петербурге о том, что великий князь Николай Константинович, с высочайшего позволения, только что поселился в Самаре, я представился министру двора, графу А.В. Адлербергу для получения от него прямых указаний, какие должны быть мои отношения к великому князю. Граф сказал мне, что когда я буду представляться великому князю в Самаре, то должен надеть фрак и белый галстук, и отнюдь не представляться ему в мундире (что обязательно требуется при аудиенциях у великих князей), так как великий князь уволен государем в отставку, и я потому должен избегать с ним всяких официальных сношений. (Он был признан душевно больным). Только что перед этим он, без испрошения согласия государя, самовольно женился в Оренбурге на дочери местного полицмейстера Дрейера [*Дрейер* – *комм. сост.*³¹⁴], а потому брак его не был признан законным. Мне повелено было совершенно его игнорировать. Относительно моих отношений к великому князю, министр мне сказал, что в Самару попечителем великого князя назначен граф Николай Яковлевич Ростовцев (сын известного деятеля по освобождению крестьян) и что все необходимые указания я могу получать от графа, которые он получает из Петербурга. В заключение министр двора мне посоветовал представиться великому князю Константину Николаевичу и, после свидания с ним, вернуться к нему, министру, и сообщить ему всё, что было сказано великим князем Константином Николаевичем. К сожалению великий князь Константин Николаевич меня долгое время не принимал, и мне пришлось уехать из Петербурга не повидавшись с ним.

Приходил ко мне несколько раз бывший моим предшественником – губернатором в Самаре тайный советник Бильбасов и не один раз выражал своё сожаление, что меня ожидает такое неожиданное затруднение, как присутствие в Самаре великого князя Николая Константиновича, и прибавил, что он поспешил оставить свою должность именно по случаю такого не желательного, для всякого губернатора

³¹⁴ Дрейер Надежда Александровна (1861-1929).

обстоятельства. Указал мне также Бильбасов на так называемых Самарских либералов, земских людей и в особенности на выдающегося своими способностями и жадной деятельностью еврейского врача Португалова, известного писателя, весьма популярного в местном обществе и по всей Волге. Заехал ко мне Иркутский генерал-губернатор Синентиков и просил меня принять в мою канцелярию молодого 18-ти летнего поляка Зацвилехивского, с отцом которого был в приятельских отношениях. Приехав в Самару я этого юношу назначил дежурным при мне чиновником, и остался доволен его толковой службой. Он был назначен Саратовским полицмейстером, когда я оставил Самару.

Из министерских бумаг я не много мог почерпнуть полезных сведений о Самаре и решился познакомиться на месте с Самарскими людьми и делами, так что, когда я 9-го января 1879 года прибыл в Самару, то все и всё были мне в ней совершенно не известны, хотя на границе губернии у строящегося через Волгу моста, (1 верста длины) меня встретила полиция, которая каким-то образом, сейчас же признала меня за вновь назначенного губернатора. В то время никакого особого мундира для путешествующего начальника губернии ещё не было установлено, и форма эта вышла только в следующем году. Прибыл я в Самару вечером, и остановился в только что нанятом моим предместником очень большом и просторном доме, где всё было для меня приготовлено, но даже нанятая для меня прислуга была для меня не известна, ибо мой человек не успел ещё доехать в Самару. Встретил меня Самарский полицмейстер ..., оказавшейся впоследствии очень порядочным человеком, хотя, как и все мы, имевшим некоторые недостатки. Пока я устроился в новой обширной квартире (22 комнаты), и поручил полицмейстеру оповестить всех властей и общественных представителей о назначенном мною на другой день приёме в 2 часа, в губернаторской квартире, мне было доложено, что губернский предводитель Юрасов просит меня принять его немедленно и не официально, так как он весьма желает со мной познакомиться и ему хочется удовлетворить своё любопытства, что именно я за человек? Причин отказывать ему у меня не было и в скором времени знакомство это состоялось. Юрасов показался мне очень обходительным, хотя и не далёким, но приветливым человеком.

Вслед за ним появились ещё другие любопытные – советники губернского правления и чины губернаторской канцелярии. Само же знакомство с официальной Самарой состоялось на другой день, и особенно поразило меня множеством лиц, наполнивших огромный зал губернаторской квартиры.

<...>

Саблы – 30 Июня. Приезд мой из Чутова с Саблы вместе с моим сыном прекратил моё самарское повествование и прежде чем буду его продолжать, мне необходимо сделать некоторые объяснения. С 1879 года прошло 37 лет и потому у меня не сохранились в памяти достаточно ясно все события тех 12 лет моей самарской службы и мне придётся многое забытое мною оставить нерассказанным и только подробнее остановиться на тех выдающихся событиях, которые я хорошо помню³¹⁵.

Назначенный мною на 10 января приём, хотя и был очень многочисленный, но не соединил в квартире губернатора всё высшее самарское общество, потому именно, что представители местного судебного ведомства уговорили меня назначить для их приёма особый день и час, и заявили, что всё судебное ведомство желает мне представиться в полном сборе и в вицмундирах. И на другой день, 11-го января пришли ко мне все судебные чины, то представитель Самарского окружного суда И.И. Анненков, мне заявил, что он не мог приехать ко мне накануне, так как все представлявшееся мне лица были в мундирах, а они, как ведомство мне не подчинённое, постановили приехать ко мне в вицмундирных фраках при ордене. Ответ мой Анненкову был таков: «Вполне сознавая, что судебное ведомство мне не подчинено, я всегда относился к нему с доверием и уважением, что я теперь намерен доказать в моих с ним отношениях в Самарской губернии; но не могу не выразить сожаления, что суд пожелал отделиться от всех иных самарских властей и не приехал ко мне в первый день, когда я, как новый губернатор, в полной парадной форме знакомился со всем высшим самарским обществом; разумеется, никому никаких официальных заявлений я лично делать не буду, уверенный, что от такой мелочи никаких последствий в наших отношениях не последует».

³¹⁵ Должен прибавить, что первые десять лет моего самарского губернаторства, я писал свои записки и они хранились в моей спальне в особом помещении у меня на глазах. В прошлом году я заболел и прислуга вынесла все ящики из спальни, в марте месяце нынешнего 1916 года мне сообщил мой племянник, князь А.В. Голицын, что недавно в Академию Наук было сделано пожертвование, а именно моих записок с приложенными к ним документами; тогда я приказал принести тот чемодан, в котором эти записки хранились и нашёл в нём только две тетради; оказалось, что остальные были похищены и проданы старьёвщику одним из прежних моих слуг, большому любителю старинного добра, торговлей коего он, как я теперь узнал всегда любит заниматься. Похищение это лишило меня всех собранных мною подробностей, которые были бы мне теперь особенно полезны [*Примечания А.Д. Свербеева*].

Признаться, я и теперь не могу понять, как могло судебное ведомство поступить так бестактно, как было мною выше рассказано; прибавлю только, что в последствии мне стало известно, что министр юстиции выразил неодобрение за их непонятный поступок, и что наши личные отношения нисколько от этого не пострадали и дружба моя со всеми представителями была всегда близка до моего отъезда из Самары.

РГАЛИ. Ф.472. Оп.1. Д.105.

ВСТРЕЧИ И ЗНАКОМСТВА

Глава Первая

Император Николай I.

Помню, как сквозь сон, что видел его, когда был ребёнком в Москве на гулянье на Подновинском бульваре на Пасху³¹⁶. Государь ехал в открытой четырёхместной коляске с императрицей Александрой Фёдоровной и двумя младшими сыновьями великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами³¹⁷.

Царь поразил меня своей огромной фигурой³¹⁸; при криках «ура», собравшейся для приветствия публики царь и царица отвечали милостивыми поклонами.

³¹⁶ Гулянье на Подновинском бульваре на Пасху – являлось одним из самых популярных мест для гуляний всех жителей Москвы в первой половине XIX века независимо от их сословной принадлежности. Новинское предместье (Подновинский бульвар) получило своё название от упразднённого уже в первой четверти XIX века Новинского монастыря. Территориально сам участок предназначенный для гуляний горожан находился между Смоленским рынком и Кудринской площадью. Наблюдательный современник, описывая гулянье, пишет: «Здесь увидите вы и Русских дворян, в новомодных экипажах, сидящих подле своих жён, одетых по последней модной картинке; и купцов, со своими жирными полновесными сожителями. Чего тут нет? Вот курятник, из которого выглядывает деревенская барыня с пол дюжиной хохлатых детей; его везут четыре лошадиные мумии верёвочными постромками; она боится малейшего толчка, чтобы душа не вылетела из неё вон. Вот тянется старомодная карета с двумя лакеями в нарядной ливрее на запятках; барыня, разряженная, как жар-птица, при каждом толчке дрожит за розы и перловую белизну лица, взятую на прокат на Кузнецком мосту» (Мельгунов Н.А. Гулянье под Новинским. М., 1841. С. 15-16).

³¹⁷ Николай Николаевич (1831-1891) и Михаил Николаевич (1832-1909) – младшие сыновья императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны.

³¹⁸ Внешний вид императора Николая I оказывал сильное воздействие на детское восприятие. Князь Д.А. Оболенский, который первый раз увидел императора в 12-летнем возрасте (в 1834 году) в Калуге, пишет в своих «Записках»: «Впечатление, произведённое его необыкновенной наружностью, осталось очень живо в моей памяти. После молебна государь отправился в приготовленный для него дом купца Зюзина. Народ окружил его коляску и хотел отпрячь лошадей, чтобы везти на себе, восторг был неподдельный, он сильно подействовал на моё детское воображение. На другой день государь посетил гимназию, где встречен был Унковским. Мы вместе с детьми Унковского стояли на лестнице,

при входе в большую залу, а потом имели случай видеть государя вблизи» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 49). Для А.Ф. Тютчевой император Николай I был воплощением образа самодержавия: «Никто лучше него не был создан для роли самодержца. Он обладал для того и наружностью, и необходимыми нравственными свойствами. Его внушительная и величественная красота, величаявая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд, всё, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера – всё дышало в нём земным божеством, всемогущим повелителем, всё отражало его незыблемое убеждение в своём призвании. Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти или в законности её. Он верил в неё со слепой верою фанатика, а ту безусловную пассивную покорность, которой требовал от своего народа, он первый сам проявлял по отношению к идеалу, который считал себя призванным воплотить в своей личности, идеалу избранника Божьей власти, носителем которой он себя считал на земле. Его самодержавие милостью Божией было для него догматом и предметом поклонения, и он с глубоким убеждением и верой совмещал в своём лице роль кумира и великого жреца этой религии: сохранить этот догмат во всей чистоте на святой Руси, а вне её защитить его от посягательств рационализма и либеральных стремлений века – такова была священная миссия, к которой он считал себя призванным самим Богом и ради которой он был готов ежечасно принести себя в жертву» (Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. М., 2017. С. 44-45). Она же пишет о ограниченности императора: «Как у всякого фанатика, умственный кругозор его был поразительно ограничен его нравственными убеждениями. Он не хотел и даже не мог допустить ничего, что стояло бы вне особого строя понятий, из которых он создал себе культ. Повсюду вокруг него в Европе под веянием новых идей зарождался новый мир, но этот мир индивидуальной свободы и свободного индивидуализма представлялся ему во всех своих проявлениях лишь преступной и чудовищной ересью, которую он был призван побороть, подавить, искоренить, во что бы то ни стало, и он преследовал её не только без угрызания совести, но со спокойным и пламенным сознанием исполненного долга» (Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. С. 45). Очень любопытна одна из её встреч с императором, про которую она пишет в «Воспоминаниях»: «Когда двор находился на манёврах в Красном, я нашла убежище от жары в тенистом уголку парка, чтобы почитать там в прохладе. Книга, которая меня занимала, была «История царствования императора Николая», сочинение де Бомон-Васси. Вдруг, в ту минуту, когда я менее всего этого ожидала, передо мной предстала высокая фигура самодержца, вид которой всегда внушал мне невольный трепет. Смущённая, покрасневшая, я встала, чтобы поклониться. Одним из тех жестов изысканной учтивости, тайной которой он обладал, он пригласил меня сесть и спросил, что я читаю. «Историю вашего царствования, ваше величество» – робко отвечала я прерывающимся голосом. «Она вся перед вами, сударыня, к вашим услугам», сказал он и полупоклонился. В этой шутиливой фразе, обращённой к оробевшей девушке, он бессознательно высказался весь целиком. История его царствования, история его родины и его народа – это был он исключительно он» (Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. С. 47-48).

Глава Вторая

Император Александр II.

Помню что видел (когда сам был мал) его раз ещё наследником в казацком мундире и барашковой шапке; был он тогда очень толст, но толщина эта исчезла, когда он воцарился.

В 1856-м году государь Александр Николаевич приехал в Москву по случаю какого-то юбилея, и в первый раз всё московское общество его царём увидело в залах генерал-губернатора графа Закревского³¹⁹. Когда он обходил представлявшихся ему московских дам³²⁰ и особенно отличил своей любезностью двух известных красавиц фрейлину Екатерину Петровну Ермолову³²¹ и, будущую мою тётку (по второму мужу княгиню Оболенскую) Софию Ивановну Рахманову³²², — я (тог-

³¹⁹ Закревский Арсений Андреевич (1783-1865), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в 1828-1831 годах министр внутренних дел. В 1848-1859 — московский генерал-губернатор.

³²⁰ Первый приезд императора Александра в Москву в качестве самодержца пришёлся на Великий пост, потому бал был заменён раутом. Дельвиг А.И. Мои воспоминания. М., 1913. Т. II. С. 394.

³²¹ Ермолова Екатерина Петровна (1829-1910) — дочь генерал-майора Петра Николаевича Ермолова и Анны Григорьевны Оболенской. В 17 лет стала фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны. После смерти императора Николая I поселилась в Москве, где занималась литературной деятельностью и благотворительностью. Появлялась в Московских салонах середины XIX века. «В Москве их небольшая квартирка была одним из самых приятных центров в столице. Больших приемов никогда не было; собирались в самом тесном кругу, за обедом или вечером; но разговор всегда был умный и оживленный. Мне памятен один обед с Грановским. Кроме него, из мужчин были Лев Иванович Арнольди, брат А. О. Смирновой, и я, а из дам Екатерина Петровна Ермолова, тогда еще в полном блеске своей несколько восточной, но тонкой красоты, и приятельница этих дам Александра Николаевна Бахметева, которая поныне еще старается в своем салоне поддерживать давно угасший в Москве светоч умственных интересов. При таких блестящих собеседниках, как Грановский и сам хозяин дома, с дамами, которые умели слушать, и понимать, и поддерживать разговор, обед был одним из самых приятных, каких я запомню» (Чичерин Б.Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы (1826-1856). М., 1990. С. 260).

³²² Миллер Софья Ивановна (1822-1869). В первом браке Рахманова. «Ещё девицей она была предметом страсти тогдашнего наследника Александра Николаевича. Вышедши замуж за богатого Рахманова, она была с ним несчастлива, сходила с ума, потом выздоровела, овдовела и поселилась в Москве с малолетней дочерью. Будучи ума весьма недалёкого, она имела какую-то грациозную и привлекательную наружность, которая невольно к ней притягивала» (Чичерин Б.Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы (1826-1856). М., 1990. С. 248.).

да студент 4-го курса Московского университета) стоял рядом с этими дамами и удивлялся сильной конфузливости, стоявшей за ними, дочери г. губернатора, графини Лидии Арсеньевны Нессельроде³²³, слишком известной в Москве, по своему легкомысленному поведению, с которой государь потому и не разговаривал.

В последствии, когда царь прибыл в Августе того же года в Москву на коронацию, графине повелено было выехать из города и в празднествах не участвовать, хотя её отец оставался Московским генерал-губернатором. Она поселилась в Петровском парке, где на своей даче дала несколько блестящих балов, где собиралась часть петербургской знати и множество гвардейских офицеров. Тут же рядом, в особо устроенном петербургскими войсками и гвардией павильоне, происходили ежедневно балы, собиравшие всех августейших гостей, петербургское и московское общество и всю военную молодёжь. Многочисленность этих балов можно усмотреть из того, что в господствующей тогда мазурке, все фигуры начинались одновременно разом 25–30-ти парами; помню, что дамы танцевали в шляпах и высоких платьях, отличаясь своей изящностью.

³²³ Нессельроде Лидия Арсеньевна (1826–1884), дочь А.А. Закревского и А.Ф. Толстой. В 1847 году вышла замуж за сына канцлера Нессельроде Дмитрия Карловича. После рождения в 1850 году сына Анатолия между супругами наступает охлаждение. Лидия Арсеньевна начинает много времени проводить вдали от мужа. Она живёт, то в Париже, то в Москве, где её отец генерал-губернатор с 1848 года. «Граф Закревский по жене своей был человек богатый и не скупился веселить Москву. Сверх больших балов, на которые приглашалась масса народа, у него ещё бывали малые вечера в апартаментах его супруги, графини Аграфены Фёдоровны, куда приглашались только её родственники, близкие знакомые и друзья обоего пола самой хозяйки. По тогдашним городским слухам, некоторые из этих друзей отличались будто бы сильной развязанностью и чересчур лёгкими, скоромными разговорами, до которых была охотница старая графиня и которыми не брезговала молодая, красивая дочь её, графиня Лидия Арсеньевна Нессельроде. Вследствие этих слухов, дамы высшего общества тщательно избегали короткого знакомства с двумя умными, любезными, но несколько игривого характера, представительницами генерал-губернаторского дома. Злые языки белокаменной кружевницы шли ещё далее: они уверяли, что из числа чиновников графа Закревского, вступивших в интимный кружок его супруги, те, которые пользовались особым её благоволением, попадали, по ходатайству самого графа, в камергеры, а обратившие на себя внимание дочери в камер-юнкеры. Рассказни эти, по моему убеждению, были чистые выдумки, так как я решительно не помню, чтобы кто-либо из генерал-губернаторских чиновников был пожалован в камергеры, и только некоторые из них получали звание камер-юнкера, и то, большей частью, молодые люди, усердно исправлявшие свои служебные обязанности» (Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический Вестник. 1900. Т. 79. С. 512).

На коронационное шествие³²⁴ из Успенского собора в Архангельский и Чудов монастырь смотрел я с места у Красного крыльца, в день коронации 25 Августа вместе с моими сёстрами Екатериной Дмитриевной и Ольгой Дмитриевной³²⁵ и княгиней Натальей Владимировной Оболенской³²⁶, с которой мы прибыли в Кремль на это торжество в 6 часов утра; день был чудный, летний, единственный без дождя, но на другой день полил дождь, который испортил не только великолеп-

³²⁴ Коронационные торжества в Москве начались 26 августа 1856 года и продолжались в течение месяца. «В воскресенье 26-Августа, часов с шести утра вокруг Кремля и у дворца толпилось бесчисленное множество народа. Одни явились для занятия мест в галереях, выстроенных внутри Кремля и продававшихся по баснословной цене по 50 и 100 рублей серебром за место; другие же пришли по билетам только для входа в Кремль, которые раздавались полицией бесплатно от господина министра двора. <...> Сверх множества лиц самого высшего круга, занимавших места в Кремле по галереям, в самом Кремле по билетам и без оных было тысяч до ста двадцати народа. Когда большой колокол загудел, а прочие колокола, акомпанируя старшему собрату, заголосили на все возможные тоны, когда государь император с государыней императрицей в коронах, под балдахинном, вышли из Успенского в Архангельский и Благовещенский соборы, народ, находившийся в Кремле грянул ура; музыка заиграла национальный гимн «Боже, царя храни», после чего, будто от электрического сотрясения, вся масса, вне Кремля, грянула за Кремлёвскими зрителями ура! и эхо, долго не умолкавшее заглушало пушечные выстрелы. Но когда церемония кончилась, и государь император зашёл на крыльцо в свои апартаменты, обратив светлый взор свой на народ его окружавший, когда государь приветливо взглянул на своих подданных, никакой рёв бури, ни гром от водопада не мог сравниться с разразившимся криком ура!» (Северная Пчела. 1856. № 193. 1 Сентября). Коронация императора Александра II сыграла важную роль в карьере автора воспоминаний: «Когда в 1856 году я окончил курс в Московском университете кандидатом историко-филологического факультета, мои родители отправили меня на службу в Прибалтийский край, где я и поступил в канцелярию местного генерал-губернатора князя Итальянского графа Суворова- Рымниского. Прибыл я в Ригу в конце Ноября того же 1856 года и кроме князя Суворова, коему раньше был представлена в Москве во время празднования коронации императора Александра II, и дежурного при нём полковника Иванова, я решительно не знал ни одного человека, но на другой же день познакомился со всей многочисленной свитой князя и ещё более обширной канцелярией. Затем последовало моё знакомство с местным обществом, с русскими властями и со всеми немецкими баронами, из коих со многими скоро сблизился, чему особенно способствовала моя женитьба в 1858 году на графине Менгден, родственницы многим из прибалтийских семейств» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1 Д. 103. Л. 60-61).

³²⁵ Свербеева Екатерина Дмитриевна (1832-1897).

³²⁶ Оболенская Наталья Владимировна (1820-1895), в девичестве Мезенцева, вышла замуж за Оболенского Сергея Александровича, в 1842 году.

ную иллюминацию, но и народный праздник и блистательный фейерверк против Лефортовского дворца³²⁷.

В 1864 году я был представлен государю императору в Киссенгене³²⁸, где он пребывал с императрицей Марией Александровной и дочерью великой княжной Марьей Александровной, где императрица пила местные воды.

Его Величество сам представил меня императрице, в это же самое время к их величествам подошла императрица Австрийская Елизавета, славившаяся своей необыкновенной красотой, т. е. аудиенция моя состоялась действительно только на другой день, когда государыня сама подошла ко мне на гулянье. По случаю приезда в Киссенген русской императорской четы, для их встречи собрались: австрийский император Франц-Иосиф с супругой³²⁹, молодой красавец 18-ти летний Баварский король Людовик II³³⁰ и множество других немецких принцев, т.е. Киссенген был битком набит многими знаменитостями.

Для свидания с августейшим братом прибыла также Вюртембергская кронпринцесса великая княгиня Ольга Николаевна с супругом кронпринцем Карлом Вюртембергским³³¹; несколько дней спустя эти

³²⁷ Лефортовский дворец, построенный в 1698 году по указанию Петра I для его сподвижника Франца Лефорта. В дальнейшем использовался в качестве парадной резиденции императоров и места проведения торжественных мероприятий. С середины XIX в. во дворце размещается военный архив.

³²⁸ Киссенген (Бад-Киссенген), город-курорт в Баварии. Минеральные источники, вокруг которых возник курорт, известны с XVI века. Курорт специализируется на лечении больных с заболеваниями желудочно-кишечного тракта.

³²⁹ Франц-Иосиф I (1830-1916), император Австрийской империи при котором в 1867 году она превратилась в двуединое государство Австро-Венгрия. Его супруга императрица Елизавета Австрийская (1837-1898), дочь герцога Баварского Максимилиана Иосифа. Известна под семейным прозвищем «Сиси». Её брак с Францем-Иосифом не был счастливым. Виною этому во многом мать императора эрцгерцогиня София, которая планировала женить сына на сестре Елизаветы принцессе Елене, но была вынуждена уступить сыну, который влюбился в Елизавету с первого взгляда.

³³⁰ Людовиг II (1845-1886), четвёртый король Баварии. Вошёл в историю как сказочный король или король-загадка, благодаря построенным при нём замкам самый известный из которых Нойшванштайн.

³³¹ Ольга Николаевна (1822-1892), дочь императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны. Получила хорошее домашнее образование. Одним из её наставников был Василий Андреевич Жуковский, с которым она поддерживала отношения на протяжении всей его жизни. Поэт считал её очень способной ученицей: «Ольга Николаевна очень прилежна. Она раз в неделю занимается уже и со мною и всегда очень, очень внимательна. Слушает прилежно, и что поймёт, то не забывает. Жаль мне только того, что не имею боле

королевские высочества должны были внезапно покинуть Киссенген, получивши известие из Штутгарта, что старик король Вильгельм, отец кронпринца скончался и потому новый король Карл с королевой Ольгой Николаевной поспешили вернуться в свою столицу и вместе с ними в одном поезде вернулся и я, потому что в это время служил при императорской русской миссии в Штутгарте.

времени: с нею очень приятно заниматься» (Жуковский В.А. Сочинения. СПб., 1885. Т. VI С. 560). Для Ольги Николаевна также было важно поддерживать отношения со своим наставником, особенно, когда она решила наконец выйти замуж: «В числе писем, которые я получила после моих помолвок, мне не доставало вашего, любезнейший Василий Андреевич, а теперь благодарю вас за милое ваше письмо, которое наполнило мне душу чувством умиления» (Письмо королевы Вюртембергской Ольги Николаевны к В.А.Жуковскому // Русский Архив 1895. Т.II. С.447). Современники видевшие её в годы юности оставили в своих воспоминаниях восторженные отзывы о её красоте: «Что до великой княжны Ольги Николаевны, то бюст её мог присниться одному лишь ваятелю древнегреческого искусства» (Записки графа М.Д. Бутурлина. М., 2006. Т. II. С.17).

Её брак с наследным принцем Вюртемберским Карлом (1823-1891) был заключён довольно поздно (ей было 24 года) по меркам европейских монархий XIX века. В начале 1846 года в Палермо, где она находилась на лечении вместе с матерью, она увидела своего будущего мужа. Молодые люди полюбили друг друга. Ольга Николаевна описывает в своих воспоминаниях их объяснение в любви очень романтично: «Я встретилась с кронпринцем после службы в комнате Мама. По её предложению мы спустились вниз, в сад. Не помню, как долго мы бродили по отдалённым дорожкам и о чём говорили. Когда снова мы приблизились к дому, подошла молодая крестьянка и с лукавой улыбкой предложила Карлу букетик фиалок «пер ля Донна» (для госпожи – ит.) Он подал мне букетик, наши руки встретились. Он пожал мою, я задержала свою в его руке, нежной и горячей» («Сон юности» Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. Режим доступа http://dugward.ru/library/olga_nick.html#016). Наследник Вюртембергского престола в тот же день сделал ей предложение выйти за него замуж: «Когда у дома к нам приблизилась Мама, Карл сейчас же спросил её: «Смею я написать государю?» – «Как? Так быстро?» – воскликнула она и с поздравлениями и благословениями заключила нас в свои объятия» (Там же). Свадьба состоялась в Санкт-Петербурге 1 июля 1846 года в день рождения императрицы Александры Фёдоровны и в день её свадьбы с императором Николаем. Решили, что такая дата для свадьбы принесёт счастье новой паре. Одна из наблюдательных современниц присутствовавшая на торжествах написала в своих «Автобиографических записках»: «Красивейшей из дочерей нашего императора суждено было выйти за учёного дурака в Виртембергию; la Belle et la Bete (красавица и чудовище – фр.) – говорили в городе» (Смирнова-Россет А.О. Автобиографические записки // Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 219-220). Семейная жизнь Ольги Николаевны сложилась благополучно, но детей у них не было. В 1864 году, умер отец её супруга, Карл вступил на трон и она стала полноправной королевой Вюртемберга.

В следующем 1865 году Александр II, проезжая в Ниццу, к больному наследнику, посетил свою августейшую сестру в Штутгарте и принимал нас всех вместе с нашим посланником В.П. Титовым³³²; затем в 1866-м году, после известного спасения государя во время первого покушения 4-го Апреля³³³, я на другой день 5-го Апреля был в Зимнем

³³² Титов Владимир Павлович (1807-1891), литератор, переводчик. Окончил с золотой медалью благородный пансион при Московском университете. В 1823 году поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. С 1827 года перешёл на службу в Азиатский департамент МИД. Занимал должности генерального консула в Дунайских княжествах, посла в Константинополе и в Штутгарте (1860-1865). Был представителем России на Венских переговорах во время Крымской войны. С 1865 года член Государственного совета. Был женат на графине Елене Иренеевне Хрпетович (?- не ранее 1884). Отец мемуариста, Д.Н. Свербеев был знаком с Титовым: «Однако, тут, как и везде, бывают исключения, так напр.: приятель мой Титов, будучи посланником в Константинополе, отличался своей бережливостью, более, нежели где-нибудь, не уместной на таком спорном и задорном восточном пункте» (Фрагмент 27 [О привычках российских дипломатов] // Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 603). Д.Н. Свербеев в целом разделял бытовавшее в кругу его друзей мнение, что неудачные действия В.П. Титова стали одной из причин начала Крымской войны (Свербеев Д.Н. Мои записки. С. 622). Другие представители его круга высказывались насчёт В.П. Титова иначе, делая его одного причиной целой войны: «Титов будет заседать с князем Горчаковым на Венской конференции. Не позор ли это, Титов, который, по признанию всех, был причиной первоначально унижения России и войны против нас» (Аксакова В.С. Дневник. Письма. СПб., 2013. С. 143-144).

³³³ 4 Апреля 1865 года у решёт Летнего Сада в Санкт-Петербурге Каракозов попытка произвести выстрел в императора Александра II. Спас императора от покушавшегося крестьянин Костромской губернии, Осип Комисаров, ударивший стрелявшего по руке с пистолетом. Комисаров происходил из села Молвитино, которое находилось в 12 верстах от села Домнино – родины Ивана Сусанина. Известие о том, что император был спасён простым русским крестьянином имело большой резонанс в русском обществе. На событие откликнулись самые разные люди – Н.А. Некрасов написал панегирическое стихотворение «Осипу Ивановичу Комисарову». От императора в благодарность он получил орден и потомственное дворянство. В Английском клубе в Санкт-Петербурге был устроен в честь него обед: «Обедал в Английском клубе, где в честь Комисарова, приглашённого гостем, было до 300 человек – тосты, речи, стихи и музыка. Я в первый раз видел Комисарова. Небольшой, бледный, тщедушный, но с спокойным выражением лица. Бесконечные овации ему уне вскружили головы и не сбили его с толка. Во всех приёмах скромность. Кроме русского крестьянина, никто бы не выдержал подобного опыта». (Дневник П.А. Валуева Министра внутренних дел. М., 1961. Т. II. С. 117). Несколько городов провозгласили его своим почётным гражданином. По всей стране для него был организован сбор денег, на которые по словам М.П. Погодина, можно было купить для него имение и назвать его «Домнино второе».

дворце на общем приёме его величества³³⁴ и несколько дней спустя на большом бале в Зимнем дворце (3000 человек), где их величествам представлялись многочисленные депутации приехавшие со всех концов России с выражением всеобщей радости о спасении царя.

Последний раз представлялся я государю по случаю моего назначения Самарским губернатором и удостоился милостивого приёма его величества.

Глава Третья

Император Александр III³³⁵.

До воцарения императора Александра III я представлялся его высочеству, когда он был ещё наследником в 1866 г., а в 1882-м году представился ему после воцарения, когда в первый раз приехал из Самары после четырёх лет своего губернаторства. Впоследствии государь несколько раз принял меня во время моих приездов в Петербург и большею частью я удостоивался отдельного приёма во время коего мне было возможно более подробно докладывать его величеству о нуждах вверенной мне губернии, в которой тогда свирепствовала чума рогатого скота и были налёты азиатской саранчи.

³³⁴ П.А. Валуев в своём дневнике пишет о приёме в Зимнем дворце: «5 Апреля. Утром в Исаакиевском соборе. Молебствие. Потом в Зимнем дворце приём депутатов от дворянства и города или точнее, всех сословий, потому что было до 600 человек налицо. Гр. Орлов-Давыдов очень хорошо произнёс свою речь. Крики ура! были самые искренние, которые мне привелось слышать» (Дневник П.А. Валуева Министра внутренних дел. М., 1961. Т. II. С. 117).

³³⁵ Л.5 об. Единственное место в рукописи, где вставлен текст на обороте листа: «26 Июля «Сегодня прочёл замечательную статью в «Историческом Вестнике» (Июль 1916 г.) Наши государственные люди В.И. Семиханского (?) и хочу выписать здесь совершенно правильную оценку государственной деятельности Александра III: «Вспомним хотя бы только Бисмарка, этого по уверению Каткова (и его ли одного?) лучшего нашего друга. Тройственный союз (Германия-Австрия-Италия) давно им уже был заключён против нас (в 1879 г.), а он нас продолжал уверять в солидарности интересов России и Германии, пока наконец правитель, умевший иногда вдохновляться традициями Петра и возвыситься над освободительной и охранительной политикой, не заявил ему твёрдо, что Россию обманывают, что Германия сама решительно нарушает солидарность интересов трёх империй, пока наконец этот «самодержавный» правитель не протянул первый руку «республиканской» Франции, указав этим, что внешняя политика России не должна иметь ничего общего ни с освободительными, ни с охранительными началами, а должна быть всецело направлена к ограждению реальных интересов России».

Глава Четвёртая

Николай II Александрович.

В первый раз был я принят государем наследником Николаем Александровичем 28-го Июля 1891 года в г. Бузулуке³³⁶, на железнодорожном вокзале, когда его высочество возвращался из своего кругосветного плавания³³⁷ и намеревался из Бузулука продолжить свой путь в Уральскую область, где праздновали юбилей Уральского казачьего войска.

После встречи государя наследника я представлял его высочеству всех самарских губернских властей во главе с епископом Владимиром³³⁸, ныне Киевским митрополитом, а за тем и всех Бузулукских чинов, при чём выслушал от прибывшего в свите наследника командующего войсками Казанского округа генерал-адъютанта Мещеринова³³⁹, что его величество намерен сопровождать его высочество до самого Уральска, несмотря на то, что тут же состоявший при его высочестве генерал-адъютант князь Барятинский³⁴⁰ сообщил мне, что гене-

³³⁶ Бузулук, город в Оренбургской области, до 1934 года находился в составе Самарской области.

³³⁷ Обладавшие хорошей памятью мемуаристы, как Борис Николаевич Чичерин, проводили параллели между двумя путешествиями: «Каково же было всеобщее удивление, когда много лет спустя, другого наследника, тоже Николая Александровича, отправили путешествовать на восток и руководителем поставили Владимира Барятинского! Граф Сергей Григорьевич Строганов и Владимир Барятинский! Одно сопоставление этих имён показывает, какое коренное изменение во взглядах произошло в промежуток двух царствований, как прежде смотрели на путешествие наследника и как смотрят на него ныне» (Чичерин Б.Н. Воспоминания. М., 2010 Т. II. С.96).

³³⁸ Епископ Владимир (Богоявленский) (1848-1918) — духовный писатель и проповедник, первый новомученик Русской Православной Церкви. Самарский епископ в 1891-1892 гг.

³³⁹ Мещеринов Григорий Васильевич (1827-1901) — потомственный военный, его отец Василий Дмитриевич Мещеринов — во время Отечественной войны 1812 года командовал дивизией. Григорий Васильевич Мещеринов получил образование в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Служил в Гвардейском Генеральном Штабе. Участвовал в Крымской войне и в Русско-Турецкой войне 1877-1878 годов. С 1882 года командующий войсками Казанского военного округа.

³⁴⁰ Барятинский Владимир Андреевич (1843-1914), князь, племянник генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. Получил домашнее образование. Начал службу в Преображенском полку. С 1864 года состоял при наследнике престола великом князе Николае Александровиче, а после его смерти, при наследнике великом князе Александре Александровиче (будущем императоре Александре III). С 1866 адъютант наследника. Довольно быстро продвигался по служебной лестнице. В 1879 году произведён во флигель-адъютанты. В 1890-1891 годах сопровождал наследника цесаревича великого князя Николая Александровича в его заграничном путешествии.

рал Мешеринов дальше не поедет. Хотя это обстоятельство доставило мне не мало хлопот и неожиданный спутник на всех станциях ворчал и бранился, что для него лошади не были готовы, но его ворчанье составило приятную забаву высокому гостю и всей его свите.

На железнодорожной станции чрезвычайно красиво убранной, были мною представлены его высочеству только что назначенные земские начальники, впервые появившиеся в нашей самарской стороне и один татарский мулла. Состоялся тут же на станции завтрак у его высочества, на коем кроме епископа самарского Владимира, присутствовал соседний уфимский губернатор свиты е.и.в. генерал-майор Норд³⁴¹ и все самарские власти.

После завтрака государь наследник и вся его свита вместе со мною выехали в дальнейший путь по Самарской губернии, где на самой границе Уральской области был устроен ночлег для высокого гостя; в этом небольшом селе не было ни одного дома, в котором можно бы было отвести приличную квартиру для высокого гостя, и потому, я предварительно съездив туда, что бы осмотреть местность, решил выстроить особый дом, в котором мог бы ночевать наследник и принять к обеду сопровождавших его лиц; тогда же осмотрел я и церковь, весьма скромную; и познакомился с местным священником, для коего приобрёл новое облачение для встречи его высочества и подробно ему рассказал, как именно он обязан встретить его высочество; должен прибавить, что мои объяснения нисколько не помешали скромному иерею сделать молчаливое приглашение рукой наследнику — как он и намеревался (по его словам) это сделать раньше, встать возле него, священника, на самой солее, но его высочество, движением головы, дал понять иерею, что останется на избранном им месте. Кроме генерал-адъютанта князя Бярятинского, в свите его высочества находились флигель-адъютант кн. Н.Д. Оболенский³⁴² (мой троюродный брат) и адъютанты наследника — кн. В.С. Кочубей³⁴³ и лейб-гусар

³⁴¹ Норд Лев Егорович (1847-1894), флигель-адъютант (1877), генерал-майор (1888), уфимский губернатор 1889-1891.

³⁴² Оболенский Николай Дмитриевич (1860-1912), младший из трёх сыновей члена Государственного совета, князя Дмитрия Александровича Оболенского. Николай Дмитриевич получил образование в Пажеском корпусе, по окончании которого начал службу корнетом лейб-гвардии Конного полка, где последовательно занимал различные должности. В 1890 году пожалован во флигель-адъютанты. В 1890-1891 годах находился в свите наследника цесаревича великого князя Николая Александровича во время его заграничного путешествия.

³⁴³ Кочубей Виктор Сергеевич (1860-1923), князь, внук В.П. Кочубея, министра и сподвижника императора Александра I. Получил домашнее образование, служил в Кавалергардском полку. Сопровождал будущего императора Николая II в его заграничном путешествии.

Е.Н. Волков, а также сопровождавший его высочество в кругосветном плавании кн. Э.Э. Ухтомский теперешний редактор Пет. Ведомостей, издавший впоследствии большой том со многими иллюстрациями и рассказами обо всех путешествиях государя наследника.

Путь наш лежал ещё 80 вёрст по Самарской губернии от г. Бургузина³⁴⁴, и местное население встречало августейшего гостя в селениях, где он останавливался (4 остановки), а окрестные жители составляли как бы живую изгородь между этими селениями; на всех остановках государь наследник милостиво разговаривал с крестьянским населением и особенно отличал тех солдат, которые его встречали и между коими нашлись несколько лейб-гусаров того полка, где его высочество только что отбывал свою последнюю службу.

Одна остановка была в доме священника и его высочество предварительно зашёл в сельскую церковь рядом с жилищем местного иерея, прежде чем посетить его квартиру; часов в 6 вечера прибыли мы на место нашего ночлега, где во вновь выстроенном доме в столовой был накрыт стол для трапезы и комната была украшена колосьями, — несмотря на выдающееся сушливое и жаркое время, вследствие коего к зиме обозначился полный неурожай хлебов во всей Самарской губернии.

Свиты генерал-майор Шипов³⁴⁵, уральский губернатор и атаман казачьего войска прибыл на место ночлега, что бы встретить его высочество близ своей границы и на другой день мы рано тронулись в путь, — но до самой уральской границы я ехал впереди наследника вместе с начальником уральского конвоя, высланного для встречи его высочества и поставленного по всему пути до Уральска³⁴⁶. Когда дежурный казак встречал на своём пути его высочество, то он немедленно следовал за его экипажем, что и составляло большой казачий конвой при дальнейшем следовании государя наследника. От самарской границы до г. Уральска считается 120 вёрст и мы останавливались в казачьих станицах, где население встречало высокого гостя, а местные казачки подносили его высочеству арбузы, дыни и другие плоды со своих бах-

³⁴⁴ Бургузин, здесь ошибка в рукописи, имеется в виду Бузулук.

³⁴⁵ Шипов Николай Иванович (1846-1911), генерал от кавалерии. Службу начал юнкером в 1865 году в Кавалергардском полку. В следующем году произведён в офицеры. Занимал разные должности в своём полку. В 1881 году стал его командиром. В 1883 году произведён в генерал-майоры. В 1885-1893 годах был губернатором Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска. Был женат с 1867 года на Софье Петровне Ланской, дочери Натальи Гончаровой от брака с генералом Ланским.

³⁴⁶ Уральск, до 1775 года, Яицкий городок. Крупнейший город западного Казахстана. До начала XX века являлся столицей Уральского казачества.

чей; если на пути находилась единоверческая церковь, то наследник входил в неё и слушал краткий молебен; заметно было малое рвение посещений этих церквей казаками, хотя на другой день Оренбургский архиерей за обедом рассказал наследнику, как много уральцев присоединялось ежедневно к единоверию³⁴⁷, но для нас стало очевидно, что уральское население открыто держалось своей старой веры.

После завтрака в одной из станиц казачьего войска, где шампанское лилось рекой, и, помнится было большое оживление, при чём его высочество, а также и его свита, нам рассказывали про своё путешествие по Индии, Цейлону и другим азиатским странам; когда мы прибыли в г. Уральск, то прежде всего посетили кафедральный собор и были встречены архиереем и всеми местными властями; в этом храме меня особенно поразили русские наряды всего местного женского населения, на коих были белые сарафаны и кокошники, шитые серебром и большие белые фаты, которые очень украшали особенно молодое поколение. В Уральске встретил нас бывший Уральский губернатор свиты генерал-майор князь Григорий Сергеевич Голицын³⁴⁸, так же ещё недавно правивший Уральской областью, где я его посетил и пользовался его хлебосольством; были мы с ним очень дружны и первый вечер провели вместе в Уральске, не мешая отдыху высококого гостя, с коим встретились на другой день в 6 часов утра (по случаю жары) на смотре Уральского казачьего войска, проезжавшего мимо своего августейшего атамана, и встречавшего его в первый раз в своей Уральской области.

Красивую картину представлял этот смотр Уральских казаков; после него последовала джигитовка, смотреть которую мы были приглашены государем наследником в устроенную для него беседку вместе с моим другом кн. Голицыным, с коим мы скромно поместились в галереях отведённых для публики.

Князь Голицын пробыл семь лет наказным атаманом казачьего войска и был там очень популярен, потому что неустанно работал для нужд и пользы местного населения и отличался своею мудрою деятельностью, вставал в 4 часа утра, появлялся на базарах и всегда разговаривал с приезжим населением и входил во все его нужды; в 6 утра он принимал все доклады и когда я, бывши у него гостем только год тому

³⁴⁷ Единоверие – направление старообрядчества, которое отстаивая неизменность древних богослужебных книг, признаёт юрисдикцию официальной Православной церкви.

³⁴⁸ Голицын Григорий Сергеевич (1838-1907) – генерал от инфантерии, участник Кавказской войны. В 1876 году был назначен командующим войсками Уральской области и атаманом Уральского казачьего войска.

назад, вставал утром в 8 часов, то он уже кончал свои приёмы и показывал мне достопримечательности города, где всё местное население было одето в один и тот же военный наряд, т.е. мундиры Уральского войска, что не могло не сближать население со своим начальством.

Вернёмся теперь к пребыванию наследника в Уральске; после джигитовки смотрели мы на скачки уральских казаков и в 9 ч. утра поехали дальше в только что выстроенную сельскохозяйственную школу и присутствовали там при освящении домового храма и вслед за тем молились за обедней, после которой гостям был предложен обильный и вкусный завтрак. Оттуда состоялось путешествие к киргизам и мы присутствовали на борьбе этих инородцев, умыкании невесты, которую по обычаю непременно должен был силой увести жених из её семьи, отбивая её от преследования её конных родственников; наконец, смотрели красивых лошадей, подводимых киргизами в подарок высокому гостю, под великолепными попонами, сшитыми киргизскими женщинами которые тут же в своих замысловатых уборах разносили чай и угощения собравшимся гостям.

Смотря на киргизов, сидевших на конях, я узнал от высокого гостя, что за Оренбургом в калмыцкой стороне государя наследника сопровождало в виде конвоя, 150 местных жительниц, что мне казалось большой редкостью. Из киргизской среды его высочество направился в город осмотреть местную уральскую выставку, а я уехал домой, чтобы отдохнуть до обеда и только перед самой трапезой явился в квартиру его высочества, чтобы присутствовать на прибытии новых знамён, которые на другой день должны были быть переданы Уральскому войску на площади перед собором на войсковом кругу, где в первый раз наследник цесаревич появится в звании их верховного атамана. Обед был очень оживлён и соединял всё начальствующее общество, как военное, так и гражданское и едва окончился, как мы отправились на бал, даваемый казачьим войском своему атаману. В длинной зале нас ожидало множество дам — супруг и дочерей уральских казаков и во главе их жена генерал-майора Шипова со своими дочерьми, а так же жена начальника штаба г-жа Родзянко, рождённая княжна Оболенская³⁴⁹ — моя кузина; только эти четыре дамы были одеты в европейские бальные платья, все же прочие уроженки уральской области носили свой национальный костюм, т.е. русские наряды: сарафаны, кокошники и фаты, украшенные серебром, что придавало этому балу удивительно красивое впечатление; августейший гость всё время много танцевал и преимущественно с уральскими молодыми дамами.

³⁴⁹ Оболенская Зоя Алексеевна (1858-1897), жена Николая Владимировича Родзянко (1852-1918).

Бал окончился очень поздно — около 2-х часов ночи и пол ужина я любовался, никогда не виданным мною зрелищем: сперва вышла танцевать «казачка» одна молодая пара, затем — вторая, несколько постарше женатых людей, и наконец в конце праздника проплясала перед нами уже пожилая пара и кавалером в ней выступал полный старик; эти казачьи танцы имели большой успех у высокого гостя и всей собравшейся публики; наконец в 3 часа ночи нас отпустили домой и, признаться, мы были очень рады отдохнуть после такого занятого и суетного дня.

На другой день 30-го Июля мы были собраны на площади древнего уральского собора, в коем, когда-то Пугачёвым был замучен священник, потому что не согласился обвенчать его. Вокруг площади было собрано Уральское войско и были сооружены несколько галерей для публики, посредине устроен нарядный навес для августейшего атамана, вокруг коего собралось всё военное начальство и состоялся войсковой круг, где коленнопредклонённые перед новым знаменем, только, что пожалованным казачьему войску, и которое держал августейший атаман, приносил присягу наказной атаман генерал-майор Шипов, а затем последовало благодарственное молебствие; после торжественной службы и не смотря на самое знойное время дня, с этой площади шествовал крестный ход до другого конца города, где архиерей совершил закладку нового собора в память трёхсотлетнего юбилея казачьего войска; наследник цесаревич шёл всё время пешком с булавой Петра Великого в руках. По окончании этой церемонии все власти и публика вместе с августейшим гостем проследовали в так называемую Ханскую Рощу³⁵⁰, находившуюся за городом на берегу Урала, где состоялось редкое и по своей картинности чрезвычайно красивое зрелище.

Как известно в летнее время рыболовство на Урале не дозволено и делается одно исключение для атамана войска, что и называется «атамановым кусом». В честь юбилея и приезда верховного атамана всех русских казачьих войск состоялось на реке Урал в этот день необычно торжественное рыболовство и разом с обоих берегов реки ринулись в воду 600 приготовленных лодок с сидящими на них казаками; подъезжая к месту, где остановился наследник, каждая лодка выбрасывала к ногам его высочества по огромному осетру и все эти наловленные в этот день сотни больших рыб, были пожалованы его высочеством Уральскому войску.

³⁵⁰ Ханская роща — одна из достопримечательностей города Уральска, расположена у слияния рек Урала и Чагана, занимает площадь 400 гектаров. Получила своё название по месту присяги ханов Внутренней Орды России.

Тут же на берегу против опушки Ханской рощи был выстроен огромный павильон, в коем казацкое войско угощало торжественным пиршеством своего высокого гостя; всё пространство от этого павильона до самой рощи было заставлено столами, в виде лучей от рощи до беседки наследника; за эти столы было посажено 6000 казаков и один угол особенно выдавался своими оригинальными киргизскими нарядами; обед был очень оживлённый и весёлый, и когда его высочество вышел на балкон и выпил за здоровье Уральского войска, то бурное «Ура!» всех 6000 казаков нас так оглушило, что мы долго не могли придти в себя и успокоиться, увлечённые народным восторгом. В конце обеда была подвезена наследнику коляска с великолепной тройкой лошадей — дар Уральского войска — но когда его высочество сел в экипаж, то казаки отпрягли лошадей и сами на себе везли своего атамана от места обеда до самого города.

Вечером того же дня мы были собраны на губернаторской даче, где и обедали в многочисленном составе; архиерей занимал наследника рассказами об успехах православия в уральском крае, а мой приятель кн. Гр. С. Голицын занимал всех нас своими остроумными рассказами. Так как на другое утро предполагался обратный выезд наследника, то меня занимала мысль, как бы мне скорее выехать из Уральска, что бы принять его на границе своей губернии. Но предварительно следовало получить разрешение на мой выезд от наследника цесаревича и я мог только с трудом этого добиться, потому что его высочество настаивал, что бы мы выехали вместе из Уральска на другое утро. Получив разрешение я в ту же ночь выехал из города и на другой день утром был на месте нашего самарского ночлега и успел заказать обещанную мною простоквашу, которую и приготовили к часу приезда его высочества.

Моего возвращения, ожидало множество женщин, с приготовленными ими шитыми подношениями в виде скатертей, полотенец и даже пары носков для высокого гостя (на одном носке был вышит вензель «Н.А» под императорской короной, а на другом — «Боже Царя храни», и замечательный этот экземпляр был в последствии выставлен со всеми прочими подношениями государю наследнику во время его кругосветного путешествия).

Выставка этих подарков была интересна и богата, однако носки не могли не привлечь внимания своею бесхитростною наивностью.

Тут же нашёл я двух близких мне приятелей: художника Д.П. Куроедова, которому я поручил для поднесения наследнику написать вид, выстроенного нами для его ночлега дома, что он и исполнил во время нашего пребывания в Уральске; другой приезжий был крестьянин Бузулукского уезда, которого я открыл несколько лет перед тем,

во время моих ревизионных поездок; назывался он Григорием Журавлёвым и, будучи калекой со дня рождения – т.к. он был лишён возможности ходить и действовать руками, вследствие атрофии мышц (он с трудом двигался на коленях), тем не менее он сделался иконописцем и писал свои иконы держа кисть в зубах, и хотя живопись его была не мудрёная, и состояла в копиях с образов его сельской церкви, но Бог помог мне дать ему возможность усовершенствовать свой талант даже не прибегая к его обучения в какой-нибудь школе, потому что он настойчиво отказывался оставить свою семью и своё село, да и всякая школа отказывалась принять его в следствие его нездоровья. Возил я его с собой в Москву и Троицкую Лавру, где он несказанно любовался иконописью московских соборов, храма Спасителя и древнего иконостаса у преподобного Сергия и получил благословение и подарки от многих духовных лиц – много икон прекрасного письма. С этих икон он начал списывать копии и таким образом достиг весьма хороших результатов, что ему помогло доставить пропитание себе и некоторую помощь своей семье, которая не была нуждающейся и охотно помогала ему в его работе, чем особенно занимались его дедушка и бабушка. Кстати сказать, наследнику были поднесены две его иконы: 1-я в Бузулуке, епископом Самарским Владимиром – икона московского святителя Алексия, покровителя города Самары; другая же – на месте ночлега при проезде в Уральск – иереем местной церкви столь наивно приглашавшим государя наследника стать возле себя на молебне.

Ему самому Григорию Журавлёву посоветовал я устроить цветочную арку на пути выезда из Самарской губернии наследника цесаревича и он очень успешно с помощью художника Куроедова, изобразил на ней надпись: «Доброго пути».

Когда наследник приехал, я ему представил обоих живописцев, его высочество милостиво пожаловал 100 рублей живописцу калеке, а Куроедову – за поднесённую картину драгоценный перстень; тут же сделали свои подношения местные крестьянки, которым было вручено денежное поощрение.

После простокваши его высочество тронулся в обратный путь и когда стемнело мы вернулись на железнодорожную бузулукскую станцию; по всему пути стояло непрерывной цепью местное население с зажжёнными фонарями в руках, а на станции Бузулук нас ожидал очень красивый фейерверк.

В вагоне его высочества состоялся обед, во время коего все мы обменивались воспоминаниями о пережитых нами на уральском юбилее весьма интересных днях, коими, его высочество остался чрезвы-

чайно доволен. Ночью поезд тронулся дальше и всю ночь свита наследника вместе со мной разбирала поданные его высочеству прошения и передавала мне, назначенные денежные пособия и вещественные награды для всех лиц, потрудившихся во время пребывания его высочества в Самарской губернии.

На рассвете приехали мы в Самару и я доехал с его высочеством до Сызрани, где его встретило Симбирское губернское начальство в лице губернатора Н.П. Долгова-Сабурова³⁵¹ и епископа Варсанофия³⁵², который войдя в вагон, так сильно сконфузился, что остановился в дверях вагона, не зная как поступить с иконой, которую держал в руке. Стоя за спиной наследника, я указал архиерею движением руки, что бы он благословил его высочество и когда он на это решился, то между ними произошёл обмен приветствий. Сам я стал прощаться с наследником цесаревичем и благодарить его за милостивое внимание и за приглашение сопутствовать ему в Уральск, где я мог участвовать в торжествах по случаю юбилея Уральского казачьего войска. Впечатление, которое оставила во мне эта поездка и, в особенности сам государь наследник было самое благоприятное и я должен признаться, что его высочество своей приветливостью, сердечной учтивостью и большим тактом привлёк к себе все сердца и оставил в Уральске самое лучшее о себе воспоминание. Никогда не забуду этих пяти дней проведённых мною в постоянном общении с наследником цесаревичем, когда я мог оценить его ум и дарования и услышать от него многие замечательные мысли и суждения о людях и обстоятельствах, и между прочим врезавшиеся в мою память слова о том, что его высочеству совершенно не понятно, как можно преследовать людей за их веру, что бывало ошибкой у некоторых правителей русской земли (наших предшественников).

Отпуская меня его высочество в знак своего благоговения, подарил мне свой большой фотографический портрет в серебряной раме и прибавил, что очень извиняется за такой громоздкий подарок.

³⁵¹ Долгов-Сабуров Николай Павлович (1828 (по другим сведениям 1838)-1903) – из древнего дворянского рода. Окончил императорский Александровский лицей. Служил на различных должностях в Министерстве внутренних дел. В 1873 году был назначен Симбирским гражданским губернатором. Находился во главе Симбирской губернии самый продолжительный срок из всех губернаторов. Это время считается одним из самых благотворных во всей истории Симбирской губернии.

³⁵² Варсанофий (Охтин) (1830-1895) – епископ Симбирский и Сызранский.

Глава Пятая

Императрица Мария Александровна

Тихая, кроткая, болезненная, праведная – почти можно сказать – святая женщина была императрица Мария Александровна³⁵³; и всю

³⁵³ «Она не любила ни светской жизни, ни роскоши, ни нарядов, не требовала этого от других и сама одевалась просто и жила уединённо. В этом отношении она представляла резкий контраст с своею предшественницею, Александрой Фёдоровной. Когда посторонним удавалось иногда видеть её ещё великою княгиней, скромно одетою и окружённою детьми, она производила самое отрадное впечатление. Говорили, что она вся погружена в семью и занимается исключительно воспитанием детей» (Чичерин Б.Н. Воспоминания. М., 2010. Т. II. С. 62). «Императрица Мария Александровна бесспорно была женщина умная, образованная и с возвышенным характером. Воспитанная в скромной доле, она с первого раза привлекла к себе внимание тогдашнего наследника Александра Николаевича, когда он поехал за границу отыскивать невесту. Сделавшись его женой, она не возгордилась и перенесла на престол привычки своей уединённой молодости. Будучи характера несколько холодного и сдержанного, она не обладала той приветливостью, которая имеет дар обворазивать сердца, но общественную свою роль она играла умно и с большим достоинством, а в тесном кругу она была чрезвычайно приятна. Разговор у неё был умный, тонкий, живой, в сношениях проявлялась мягкость и обходительность. Окружающие её любили, а некоторые из детей, в том числе старший, относились к ней особенно нежно. Но все эти высокие качества подрывались одной чертой, которая парализовала их в самом корне. У неё была изумительная инерция, которая делала её неспособной к какой бы то ни было деятельности. Выйти из обычной колеи было для неё подвигом, стоившим невероятных усилий» (Чичерин Б.Н. Воспоминания. С. 62-63). Видевший её чаще, чем Чичерин Оболенский пишет: «Россия её совершенно не знает, хотя она более русская, чем всё её окружение. Она отлично говорит по-русски, и не только усвоила язык русский, но замечательно ясно понимает особенности нашей жизни. В этом помогает её искреннее православное убеждение. Я имел неоднократный случай удивляться её верному чутью и пониманию многих вещей, редко доступных пониманию иностранцев. Два года, почти ежедневно, в течении вечеров я читал ей всегда русские литературные произведения и могу положительно сказать, что мало знаю русских женщин, которые так ясно и верно понимали тонкие стороны читаемого» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 314). Другой образ императрицы, в ту пору, когда она была ещё великой княгиней, оставила в своих «Воспоминаниях» А.Ф. Тютчева: «Когда я впервые увидела великую княгиню, ей было уже 28 лет. Тем не менее она выглядела очень молодой. Она всю жизнь сохранила эту молодую наружность, так что в 40 лет её можно было принять за женщину лет тридцати. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатления красавицы;

свою жизнь, как незримый ангел хранитель, оберегала своего царственного супруга, который пережил её менее одного года.

Помню, я был в Саратове, когда было получено известие о внезапной кончине императрицы – чей голос на поминании её величества в кафедральном соборе – тут же выразился, что государя покинул его ангел-хранитель, так действительно и было.

При жизни императрицы, общественное мнение всегда отказывало ей в способности влиять на государя; но в великие и исторические минуты его царствования, как например во время освобождения русского народа от крепостной зависимости в 1861 году и во время освобождения славянских народов в 1876-77 годах, вся Россия чувствовала, что императрица Мария Александровна всею душой участвовала в этом освобождении и разделяла радость русской земли; она совершенно слилась с народом в самых дорогих его верованиях, была истинно православной, и всегда помогала всем замечательным русским людям в трудные минуты их жизни при помощи близких ей лиц: графини Блудовой³⁵⁴ и А.Ф. Аксаковой, рождённой Тютчевой³⁵⁵, бывшей

но она была чрезвычайно изящна – тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всём их существе чувствуется неумолимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворённое и целомудренное изящество идеальной отвлечённости. Черты её не были правильны. Прекрасны были её чудные волосы, нежный цвет лица, большие голубые, немного навькат глаза, смотревшие коротко и проникновенно. Профиль её не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами, свидетельствующий о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам, а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению её глаз. Я настаиваю на всех этих подробностях потому, что я редко видала человека, лицо и наружность которого лучше выражали оттенки и контрасты его внутреннего, чрезвычайно сложного «я» (Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. М., 2017. С. 26-27).

³⁵⁴ Блудова Антонина Дмитриевна (1813-1891) – русская писательница, активная благотворительница. Дочь Дмитрия Николаевича Блудова и Анны Андреевны Щербатовой. С 1863 года камер-фрейлина императрица. Оставила мемуары.

³⁵⁵ Аксакова (Тютчева) Анна Фёдоровна (1829-1889) – дочь поэта Фёдора Ивановича Тютчева и его первой жены Элеоноры Фёдоровны Петерсон. Родилась в Германии. Получила образование в Мюнхенском королевском институте. В 1853 году стала фрейлиной будущей императрицы Марии Александровны. С 1853 по 1882 года Анна Фёдоровна вела дневник, который является богатым источником информации о придворной жизни России второй половины XIX века. В 1866 году она вышла замуж за славянофила И.С. Аксакова.

до замужества воспитательницей её единственной дочери великой княгини Марии Александровны.

После первого моего свидания с императрицей в Киссенгене³⁵⁶, я представлялся её величеству несколько раз в Петербурге и Царском Селе и особенно помню последнюю мою аудиенцию в 1878 году, когда её величество отпуская меня в Самару, выразила своё удивление по поводу моего назначения; в этот день меня особенно поразила худоба и болезненный вид императрицы.

— «Вы, кажется, находите, что я сильно изменилась? Это совершенно справедливо; я только что встала после тифозной болезни, которую заразилась, принимая многочисленных сестёр милосердия во время их больничной деятельности» — сказала мне императрица. Это было в последний раз, что я видел государыню; скончалась она внезапно 22 Мая 1880 года; в этот день, когда за ней зашли утром в её спальню, то удостоверились, что она тихо и незаметно отошла в вечность. Её большой друг А.Н. Мальцева³⁵⁷ рассказала мне, что провела накануне вечер у государыни, которая весьма оживлённо разговаривала с нею и окружавшими её собственными детьми, из коих особенно долго беседовала наедине с наследником цесаревичем. Когда, в 12 часу ночи вся августейшая семья оставила императрицу, то ничто не предвещало её близкой кончины, и для всех эта весть была совершенно неожиданной; государь в этот день уехал в Царское Село и уже не

³⁵⁶ Киссенген — город и курорт в Баварии. Посещение курорта рекомендовалась больным различными болезнями желудочно-кишечного тракта и внутренних органов. В середине XIX века курорт был очень популярен у представителей европейских монарших дворов. «Из Берлина мы поехали прямо в Киссенген, где императрица пила воды и где находился сам государь. Наследнику тоже было предписано лечение ваннами. Перед отъездом из России у него вдруг сделалась сильная боль в пояснице. В отсутствие Рихтера, который уехал на несколько дней в Остзейский край простится с родными, он в сырую погоду отправился на охоту с Николаем Максимилиановичем Лейхтенбергским. Говорили, что он тут простудился и схватил lumbago. Доктора, созванные на консилиум, не нашли ничего серьёзного и предписали ванны и затем морские купания в Схевенингене. Но ваннами великий князь не пользовался, ибо чувствовал себя совершенно хорошо. На вид он казался бодрым и здоровым. Никто не подозревал, что в нём таилась уже болезнь, которая через несколько месяцев должна была свести его в могилу. В Киссенгене был большой съезд. Тут находился Баварский король (Имеется в виду Людвиг II-М.Б.), в то время ещё совершенно юный, с интересной наружностью. Он был неразлучен с наследником, которому, однако скоро надоел своими фантазиями. Был также большой сбор дипломатов: сам канцлер князь Горчаков, наш посол в Париже — барон Будберг, человек умный, сметливый, живой, но интриган и неразборчивый на средства; приехал из Турина и граф Штакельберг» (Чичерин Б.Н. Воспоминания М., 2010. Т. II. С. 98-99).

³⁵⁷ Мальцева (Мальцова) Анастасия Николаевна (1820-1894), урождённая княжна Урусова, фрейлина императрицы Марии Александровны.

застал в живых свою супругу. Летом 1880 года государь женился на княгине Юрьевской³⁵⁸ и этот морганатический брак внёс большое осложнение, как в царское семейство, так и в русскую государственную жизнь. Ужасная катастрофа 1 Марта положила конец царствованию Александра II и повергла в ужас всю Россию, – но об этом я расскажу отдельно, когда буду продолжать свои самарские записки.

Глава Шестая

Государь наследник Николай Александрович 1843-1865

Сердечной для меня потребностью было рассказать о моих двух встречах с покойным первым наследником этого имени, старшим сыном царя освободителя и императрицы Марии Александровны. Это была первая моя встреча с августейшим лицом нашего царствующего дома.

Сам я был ещё очень молод в 1860 году и личность наследника живо запечатлелась в моей памяти; это был тогда очаровательный 17 летний юноша, настоящий портрет своей матери: чрезвычайно красивый, с ласковым выражением лица и большой грацией в своей походке и манерах. Он был любимым сыном своей матери, а воспитанием его особенно занимался отец, а образованием – многие выдающиеся, замечательные русские люди, которые окружали его с самого детства. 8 Сентября 1859 года я был в Петербурге, когда праздновалось совершеннолетие наследника цесаревича и был свидетелем общей радости, которая оживляла столицу. Помню, что в этот день прибыл с Кавказа флигель-адъютант граф Николай Грабе³⁵⁹ с известием о сда-

³⁵⁸ Долгорукова Екатерина Михайловна (1847-1922) – фаворитка императора Александра II. С 1880 года, после смерти императрицы Марии Александровны, его вторая жена, получившая титул светлейшая княгиня Юрьевская. Умные и наблюдательные чиновники обратили внимание на эту сердечную привязанность императора ещё в 1857 году: «Княжна Долгорукая – фрейлина – пользуется и теперь особенным вниманием царя, но до сих пор это ограничивается более или менее платонической любовью. Отношения эти, без сомнения, изменятся, ежели императрицы не станет, и тогда откроется обширное поприще всякой мерзости и дряни» (Записки князя Дмитрия Михайловича Оболенского. СПб., 2005. С. 166).

³⁵⁹ Граббе Николай Павлович (1832-1896), родители Павел Христофорович Граббе и Екатерина Евстафьевна. Получил образование в Пажеском корпусе. Начал службу в Кавалергардском полку. В 1858 году переведён по его просьбе на Кавказ, где состоял при главнокомандующем русскими войсками князе А.И. Барятинском. Участвовал во многих сражениях с горцами, в 1859 году пожалован во флигель-адъютанты.

че Шамиля, что означало конец наших Кавказских войн с местным населением; помню так же, что в этот день вечером, я вместе с тогдашним Петербургским губернатором Н.М. Смирновым³⁶⁰ ездил смотреть великолепную иллюминацию города, которая к сожалению, вследствие толпы экипажей, собранных на Дворцовой площади, была ознаменована небольшой катастрофой — провалом на Невском одного из небольших мостов, с находившейся на нём публикой. В последствии этот несчастный случай объясняли неким предзнаменованием безвременной кончины наследника.

В 1860 году, кажется в июле месяце, его высочество прибыл в Ригу, где тогда генерал-губернатором был князь Суворов³⁶¹, а я состоял тогда при его светлости. В первый день приезда наследника цесаревича

³⁶⁰ Смирнов Николай Михайлович (1807-1871) — чиновник. Получил образование в Московском университете. Служебную карьеру начал в Министерстве иностранных дел. В 1825-1828 годах служил в российских миссиях в Флоренции, в 1835-1837 годах в Берлине. Смирнова во время службы в Италии знал Д.Н. Свербеев, который пишет о нём в своих мемуарах: «Чтобы одним словом указать на его тамошнее житьё-бытьё, довольно сказать, что на его конюшне было 18 лошадей, по сему же и прочее разумеется. Мне может быть, ещё придётся написать много кое-чего о Смирнове, если более крупные, нежели он, личности не отвлекут меня от описания этого своего рода оригинала, человека чрезвычайно доброго, во всех отношениях благородного и честного, но вбалмошного и горячего иногда до бешенства» (Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 408). В 1833 году Смирнов женился на фрейлине Александре Осиповне Россет (1809-1882). Женильба на одной из самых красивых женщин Санкт-Петербурга сделала его одним из членов великосветского общества столицы. В их доме частым гостем бывал А.С.Пушкин. В 1845-1851 годах был гражданским губернатором Калужской губернии. В 1855-1861 годах — губернатором Санкт-Петербурга. С 1861 года сенатор.

³⁶¹ Суворов Александр Аркадьевич (1804-1882) — генерал-адъютант, член Государственного совета. С 1848 по 1861 прибалтийский генерал-губернатор. В 1861-1866 годах генерал-губернатор Санкт-Петербурга. Видевшая многих представителей русской аристократии второй половины 50-х годов XIX века, А.Ф. Тютчева описывает его в своём Дневнике: «В этом человеке странный контраст. В выражении его лица и во всей его манере держать себя есть что-то в высшей степени честное, открытое, рыцарственное и тем не менее в разговоре он проявляет самовлюблённость и тщеславие, совершенно не совместимые с натурой сколько-нибудь широкой. «Я» в его устах имеет не один только слог, он говорит о себе и кстати и некстати, и его разговоры никогда не касаются других тем. К нему можно применить мысль Ларошфуко, что можно хорошо говорить о разного рода предметах, но со вкусом и со страстью можно говорить только о себе. Поэтому меня притягивает его внешность, и отталкивает его беседа» (Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. М., 2017. С. 347).

я был ему представлен князем Суворовым и тот час же почувствовал его обаяние; ездили мы с его величеством вместе с прочей свитой на пароходе в Динамюнде³⁶², где он осматривал крепость и гавань, а после этого сопровождали его величество во время его поездки в Лифляндскую Швейцарию³⁶³, где его принимало в живописных садах Треддена лифляндское дворянство и угощало обедом, после коего наследник, с ближайшими к нему лицами, провёл ночь в старинном замке Зейдельвод³⁶⁴ у графини Борх³⁶⁵, а я с семьёй нашёл приют у князя Павла Ливена в его живописном замке Кремен³⁶⁶.

Наследник был очень доволен сделанным ему приёмом, и я должен сказать, что лифляндское дворянство очень красиво и интересно устроило для его высочества этот праздник. Сам наследник всех очаровал своей приветливостью и любезностью с многочисленной публикой и оставил у всех самое лучшее впечатление, которое только и может оставить молодость, красота и приветливый нрав.

³⁶² Динамюнде — так называлась до 1893 года крепость Даугавгрива, которая контролировала устье Западной Двины. С 1893-го по 1924 год Усть-Двинская крепость.

³⁶³ Лифляндская Швейцария — живописная местность в Латвии расположенная в районе города Сигулда.

³⁶⁴ Зейдельвод (Зегевольд), замок в Сигулде. Впервые был построен в начале XIII века во времена ордена меченосцев. Название замка в переводе с немецкого означает лес побед. Замок считается первым замком крестоносцев построенным за пределами Риги. Во времена Ливонского ордена в замке находилась резиденция главного судьи ордена фогта. Замок сильно пострадал в годы Ливонской войны. Окончательно был разрушен в ходе Северной войны. С конца XVIII века замок принадлежит семье Борхов.

³⁶⁵ Борх Софья Ивановна (1809-1871), графиня урождённая Лаваль. Родители Иван Степанович и Александра Григорьевна Лавали. Её сестра вышла замуж за Сергея Петровича Трубецкого. Софья Ивановна была фрейлиной. Много занималась благотворительностью и участвовала в различных филантропических обществах. В 1833 году она вышла замуж за графа Александра Михайловича Борха (1804-1867) дипломата и камергера, который впоследствии стал директором Императорских театров. Современники отмечали её незаурядные способности. Пётр Владимирович Долгоруков не щадивший в своих произведениях представителей высшего общества Санкт-Петербурга писал о ней: «Она, одна из самых выдающихся русских женщин, одарённых высоким умом, пронизательным в высшей мере и в тоже время обаятельным, превосходным сердцем и благородным характером. Она дала доказательство своих качеств в своём поведении по отношению к своей сестре, жене князя Сергея Трубецкого, когда она последовала в Сибирь за мужем, которого император Николай продержал там в ссылке в течение 18-ти лет. Графиня Борх в течение всей ссылки была добрым ангелом своей сестры, её мужа и детей» (Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860-1867. М., 1992. С. 380).

После этой первой встречи, я в следующий раз увидел государя наследника³⁶⁷ в 1864 году в сентябре месяце, когда его высочество возвращался после своей помолвки из Дании и только что был объявлен женихом принцессы Догмар³⁶⁸ и собирался продолжить своё заграничное путешествие в Италию, до назначенной ему зимовки в Ницце, где он должен был поселиться со своей августейшей матерью.

Его высочество сравнительно возмужал со времени первой нашей встречи в 1860 году, но, как мне показалось, уже не пользовался цветущим здоровьем, и когда меня спросил, сопровождавший его генерал-адъютант граф Строганов (бывший попечитель Московского университета)³⁶⁹ о произведённом на нас впечатлении, когда мы встреча-

³⁶⁶ Кремен (Крумен) — замок в Латвии, основанный в XIII веке Ливонским орденом. В описываемое время замок принадлежал князю Павлу Ивановичу Ливену (1821-1881), который проводил на его территории археологические раскопки.

³⁶⁷ Николай Александрович (1843-1865) — старший сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Отличался умом, приятной внешностью и добрым характером. Его характер, по отзывам современников больше был похож на характер матери, а не отца. В 1855 году, после восшествия на престол его отца Александра II, был объявлен наследником престола. В начале 1860-х годов вместе со своим воспитателем графом Строгановым совершил поездку по России. Частью этой поездки было путешествие по Прибалтийскому краю, о котором упоминает Свербеев.

³⁶⁸ Мария София Фредерика Догмар (1847-1928) — дочь Кристиана IX короля Дании. Первоначально была невестой великого князя Николая Александровича, старшего сына императора Александра II. После его смерти была объявлена невестой, а потом стала и супругой (при крещении в православие получила имя Мария Фёдоровна) великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III.

³⁶⁹ Строганов Сергей Григорьевич (1794-1882) — граф, русский государственный деятель, меценат, историк искусства. Происходил из знаменитого рода Строгановых, которые получили баронство в 1722 году по указу Петра I. Сергей Григорьевич Строганов получил домашнее воспитание. Участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813-1814 гг. После окончания войны несколько лет жил в Париже, где изучал музеи и научные учреждения. После возвращения в Россию женился на представительнице графской ветви рода Строгановых, своей двоюродной племяннице Наталье Павловне и от этого брака получил графский титул. В 1825 года основал бесплатную Строгановскую школу рисования, которая с 1860 года стала называться Строгановским училищем. С восшествием на престол императора Николая I был назначен его флигель-адъютантом. В 1826 году был отправлен императором в Москву для проведения ревизии Московского университета. В ходе ревизии своих должностей лишились некоторые профессора и администраторы, а также в университете было прекращено преподавание философии.

ли наследника, я ответил графу, что наследник всех нас поразил своим болезненным видом, но Строганов выразил, что вероятно, это есть последствия волнений его жениховства; должен прибавить, что никто в это время не имел ни малейшего понятия о серьёзной болезни цесаревича, которая развилась впоследствии зимой в 1864 году и ускорила его кончину, последовавшую в Ницце 12 Апреля 1865 года. Необходимо прибавить, что в 1864 году я был на службе при императорской миссии в Штутгарте и свидание наше с его высочеством состоялось во дворце их величеств короля и королевы Вюртембергских³⁷⁰, где я и удостоился чести обедать с его высочеством у их величеств. Перед обедом королева подвела меня к цесаревичу, и когда она меня назвала, его высочество с живой милой приветливостью, начал вспоминать о нашей встрече в Риге Лифляндской Швейцарии и так же меня очаровал, как и тогда – в первую нашу встречу.

Четыре года, прошедшие с тех пор, были проведены цесаревичем в путешествии по России и он внимательно изучал все посещаемые им места, города и селения и пользовался чтением и беседами, представленных к нему замечательных русских людей, от коих он многому и научился. Такое редкое воспитание наследника цесаревича обещало России просвещённого и обогатившегося уже некоторым знанием людей будущего государя и всё наше отечество поэтому жило светлыми надеждами на будущее России.

За обедом цесаревич был очень оживлён и радостен, а после обеда опять милостиво беседовал с нами; одно только обстоятельство не сходилось с общей радостью от его посещения, а именно то, что все мы, начиная с августейшей его тётки – хозяйки обеда – были вовлечены в глубочайший траур по случаю недавней кончины старого короля, отца только что воцарившегося супруга Ольги Николаевны – короля Карла I. После обеда провёл я вечер у графа Строганова и слушал его рассказы о путешествии цесаревича по Голландии и других

Строганов С.Г. принимал активное участие в разработке нового университетского устава, который был принят в 1835 году. 1 Июля 1835 года Николай I назначил его попечителем Московского учебного округа. Его усилиями в Московский университет было привлечено большое количество молодых профессоров, которые заложили традиции научных школ в разных отраслях знания и сделали Московский университет ведущим научным центром России.

³⁷⁰ Имеются в виду король Карл I (1823-1891), и великая княжна Ольга Николаевна (1822-1892), дочь императора Николая I, вышедшая в 1846 году за него замуж.

близких немецких княжествах. Граф меня просил рекомендовать несколько немецких книг об Италии для чтения его высочества и его спутников; и когда я назвал довольно количество таких чтений; то адъютант наследника Козлов выразил мне большое сожаление, что моя хорошая память усложняет их путешествие, заставляя их прочитывать такое множество неинтересных сочинений.

На другое утро цесаревич выехал из Штутгарта в дальнейшее путешествие и мы все его провожали до поезда, где уже ожидал его граф Строганов и, только что прибывшие брат его высочества великий князь Владимир Александрович³⁷¹. Прощаясь со мною наследник передал мне письмо к своей невесте и поручил отослать его к ней через первого курьера.

Больше я его высочество не видал, но скоро узнал о его серьёзной болезни, которая лишила Россию всех, возложенных на него надежд.

Глава Седьмая

Императрица Мария Фёдоровна

Пол века тому назад, в светлый летний, хотя и сентябрьский (17) день прибыла в Петербургскую столицу 19-летняя Датская принцесса Дагмара, наречённая невеста наследника цесаревича Александра Александровича, а ныне вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, помолвленная в 1864 году с рано угасшим наследником цесаревичем Николаем Александровичем, во время кончины коего она присутствовала в Ницце и тогда всех очаровала своею простою, но искреннюю скорбью после смерти своего жениха; утверждают, будто умирая, Николай Александрович соединил руки окружавших его брата и принцессы Дагмары. Два года после его кончины она была помолвлена с цесаревичем Александром Александровичем и въезжала в Россию при таких выражениях общей радости, что и теперь, после 50 лет, невольно вспоминается то светлое время, полное надежды на безоблачное счастье жениха и невесты.

Мне не случилось быть в Петербурге в это время, но не могу забыть тех восторженных выражений печати и публики, которыми вся Россия встретила тогда молодую невесту. И действительно, прибыв-

³⁷¹ Владимир Александрович (1847-1909) — третий сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Служил в различных гвардейских частях. Принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 годов.

шая Датская принцесса вскоре стала в России любимой цесаревной, так сумела она своей привлекательной простотой завоевать все сердца. 16 лет прожила она русской цесаревной и когда, в 1881 году, император Александр вступил на престол в страшный день 1 Марта, то нашёл в своей супруге всё богатство любви и дружбы, которое скрасило его семейную жизнь. Вот почему нельзя не чувствовать глубокой благодарности к императрице Марии Фёдоровне мужественно поддерживавшей своего царственного супруга в тяжёлые дни горя и печали и верно оберегавшей его покой в продолжении всего славного, почти 14 летнего, его царствования.

Лично я представлялся цесаревне в первый раз, когда был назначен Самарским губернатором и удостоился её весьма милостивого приёма и пленился её очаровательной простотой и, смею сказать, весьма сердечными выражениями в её разговоре. Мне, как губернатору, часто приходилось в последствии обращаться к государыне Марии Фёдоровне, когда она стала императрицей, со многими просьбами о помещении неимущих сирот воспитанниц в разные учебные заведения и я всегда встречал не только милостивое, но и сердечное внимание к моим просьбам; и когда я в один из приёмов её высочества приносил ей глубокую благодарность за её всегдашнее сочувствие к нуждам сирот и беспомощных — государыня мне ответила, что не я, а она должна благодарить меня за возможность оказать милость и помощь нуждающимся.

Говорят, что всякого человека можно судить по его друзьям и знакомым, а потому — государь Александр III и его супруга, выбрав окружающих их лиц, останутся памятными в русском обществе, ибо избранные и окружавшие их лица были такими же благородными и честными людьми, как сами их величества. Мне пришлось иметь дело с многими из этих лиц и я должен сказать, что они всегда заслуживали глубокое уважение и сердечную признательность за их готовность доложить всякую просьбу их величествам, которые всегда отзывались на каждое доброе дело с глубоким сердечным вниманием. Никогда не пришлось мне заметить в этих приближённых лицах и тени лести и искательства, в коих с незапамятных времён так обычно обвиняются царедворцы всяких государей, и потому я постоянно благословляю память почившего императора Александра III и глубоко уважаю его супругу, сумевших окружить себя благородными людьми.

Глава Восьмая

Великая княгиня Елена Павловна

Одной из замечательнейших русских женщин, была великая княгиня Елена Павловна, супруга великого князя Михаила Павловича³⁷², прибывшая в Россию в 1824 году и обвенчанная со своим супругом в Каменностровеком дворце, где всегда проживал император Александр I и где по случаю этого бракосочетания была поставлена временная церковь, в коей и совершилось их венчание, по случаю нездоровья царствующего императора брата жениха. Великая княгиня прибыла в Россию 16 лет и скончалась только за несколько месяцев до своего 50-летнего юбилея. Она была дочь принца Павла Вюртембергского³⁷³, младшего брата императрицы Марии Фёдоровны, матери обоих императоров: Александра I и Николая I, воспитывалась она в одном из парижских пансионеров, куда была помещена своим отцом.

Юная Вюртембергская принцесса сумела обворожить всё Петербургское общество своим любезным нравом и умною речью, она занялась русским языком и старалась изучать своё новое отечество, коему не мало принесла пользы за свою долгую жизнь в России. Сам русский царь Николай I пленился умом и интересною речью своей молодой родственницы, ставшей в последний год царствования императора Александра I единственной русской княгиней, и посещал её ежед-

³⁷² Михаил Павлович (1798-1849) — четвёртый сын императора Павла I и императрицы Марии Фёдоровны. Единственный ребёнок, родившейся у них в период правления Павла I. Живой и общительный Михаил Павлович с детства был особо привязан к своему старшему брату Николаю Павловичу. Последний очень ценил своего брата и считал его примером настоящей братской любви и преданности. Одновременно с этим считался автором большого количества разнообразных шуток и острог. В юности он позволял себе подтрунивать и над старшими братьями, но с изменением их статуса вольностей себе не позволял.

³⁷³ Павел Фридрих Август Вюртембергский (1785-1852) — второй сын короля Вюртемберга Фридриха I и Августы Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Родился в Санкт-Петербурге. Его отец тогда состоял на российской службе и был генерал-губернатором Финляндии. В дальнейшем Павел Вюртембергский сделал карьеру в российской армии, где дослужился до генерал-лейтенанта. В 1805 году женился на Шарлотте Саксен-Гильдбурггаузенской (1787-1847). Их старшей дочерью была Фридерика, которая под именем великой княгини Елены Павловны (1807-1873) вышла замуж за великого князя Михаила Павловича.

невно до конца своей жизни в 1855 году, после чего её постоянным посетителем стал вззошедший на престол император Александр II.

В ранней моей юности я много слышал о В.кн. Елене Павловне от моего отца; в бытность свою серпуховским предводителем он, как-то встречал в. княгиню в этом уездном городе и она так его пленила своим ласковым приёмом и замечательным умом, что он не раз рассказывал нам детям, об этой встрече³⁷⁴ и с этих пор я постоянно интересовался, неизвестной ещё многим великой княгиней.

Несколько позднее, другое обстоятельство в нашей семье, уже в начале 50-х годов, сделалось причиной особого для нас любопытства — узнать поближе в.кн. Елену Павловну. В конце 1851-го года великая княгиня, через нашего родственника кн. Д.А. Оболенского³⁷⁵, обратилась к моим родителям с предложением отпустить к ней для состояния лично при ней фрейлиной старшую мою сестру Варвару Дмитриевну, которая только что после серьёзной болезни уехала с матушкой и двумя сёстрами для поправления здоровья в заграничном путешествии; почему мои родители и должны были отказаться от лестного предложения великой княгини. Этим ответом В. Кн. не удовлетворилась и повторила своё предложение сперва второй моей сестре — Екатерине Дмитриевне, а наконец и третьей — Ольге Дмитриевне, которой в это время только что минуло 15 лет; но Екатерина Дмитриевна поехала с выздоравливающей сестрой для попечения об укреплении её здоровья, а Ольга Дмитриевна по юности своей не могла оставить

³⁷⁴ Подробная история встречи великой княгини Елены Павловны в Серпухове рассказана Д.Н. Свербеевым в мемуарном отрывке «О великой княгине Елене Павловне». См. Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014 С. 556-560.

³⁷⁵ Оболенский Дмитрий Александрович (1822-1881) — князь, государственный деятель. Однокурсник И.С. Аксакова по училищу правоведения и двоюродный брат Ю.Ф. Самарина. Во время службы в Морском министерстве (1853-1860 гг.), стал близок к Константину Николаевичу и кружку, группировавшихся вокруг него либеральных деятелей. «Все эти работы послужили поводом к сближению моему с некоторыми из тогдашних деятелей Морского министерства, товарищей и сотрудников А.В. Головина: М.Хр. Рейтерном, Д.Н. Набоковым, князем А.Д. Оболенским и другими. Почти все эти лица в последнее время занимали высшие государственные должности». (Милютин Д.А. Воспоминания 1843-1856. М., 2000. С. 355). В дальнейшем Д.А. Оболенский принимал активное участие в разработке нового закона о печати: «Составление проекта нового устава о печати было возложено на особую комиссию, под предводительством статс-секретаря князя Дмитрия Александровича Оболенского, служившего в Морском министерстве» (Милютин Д.А. Воспоминания 1860-1862. М., 1999. С. 457). После этого Д.А. Оболенский был директором Департамента Таможенных сборов Министерства финансов, управлял Министерством Государственных имуществ.

дом и семью. Эти две причины были переданы через князя Д.А. Оболенского Великой Княгине, которая потому желала приблизить к себе моих сестёр, что узнала о тщательном и строгом их воспитании³⁷⁶.

Несмотря на полученный отказ всех трёх сестёр Великая Княгиня и после того, всегда и везде во встречах с моим отцом и моими сёстрами (первый раз — на коронации Александра II) относилась к ним с милой приветливостью, и когда мы, в 1865 г., проживали с великой княгиней в Швейцарском курорте Рогоил, — особенно отличала отца моего и сестру Ольгу Дмитриевну и постоянно приглашала их и меня на свои частные вечерние собрания, где мы всегда проводили время в весьма интересном обществе разных проезжающих знаменитостей всякого рода — русских и иностранных.

Добрую память оставила по себе в России Великая Княгиня Елена Павловна особенно потому, что создала во время крымской кампании первую общину сестёр милосердия (Крестовоздвиженскую)³⁷⁷, полезная деятельность которой была весьма известна во время славной Севастопольской осады. Ещё Великая Княгиня особенно известна своей неутомимой деятельностью в подготовке освобождения крестьян от крепостной зависимости. Для чего она окружила себя самыми выдающимися людьми, как например: Милютин³⁷⁸, Самарин³⁷⁹, князь Чер-

³⁷⁶ Моральные стандарты самой великой княгини были необычайно высоки. Хорошо знавший её Д.А. Оболенский пишет в своих «Записках»: «Помню, однажды, покойная великая княгиня Елена Павловна, говоря со мною о своих предложениях, об устройстве разных будущих благотворительных заведений, ею учреждённых, и о том, что будет с ними, после её смерти, сказала мне, что она старается внушить дочери своей — великой княгине Екатерине Михайловне — *il faut se faire pardonner d'être grande Duchesse de Russie* (Надобно приучать себя к тому, чтобы чувствовать свою вину уже за одно только своё положение великой княгини — фр.). До такой высоты сознания своего долга, конечно могла дойти только такая необыкновенная женщина, какую была покойная княгиня Елена Павловна (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 386).

³⁷⁷ Крестовоздвиженская община сестёр милосердия учреждена в Санкт-Петербурге в 1854 году в день праздника воздвижения креста господня. Считается первым в мире женским медицинским формированием сестёр милосердия по оказанию помощи раненым во время войны.

³⁷⁸ Милютин Дмитрий Александрович (1816-1912) — генерал-фельдмаршал, член комиссии по проведению военной реформы.

³⁷⁹ Самарин Юрий Фёдорович (1819-1876) — публицист, славянофил. После окончания Московского университета, служил в различных департаментах Сената, затем по Министерству внутренних дел. Был членом Редакционных комиссий по крестьянскому делу, членом Московской городской думы. Первый издатель сочинений А.С. Хомякова.

касский³⁸⁰, — много проработавшими во всех комиссиях по этому делу и долгое время проживавших для сего в Каменноостровском дворце, где и прожила до конца своих дней Великая Княгиня по смерти своего супруга Великого Князя Михаила Павловича, наследовавшего этот дворец по смерти Императора Александра I и его супруги Императрицы Елизаветы Алексеевны.

В продолжении своей жизни Великая Княгиня собирала вокруг себя всё Петербургское Общество и знакомила его с теми замечательными русскими людьми, которые съезжались в столицу со всех концов обширной русской империи; и давала в своём знаменитом Михайловском дворце такие великолепные балы, спектакли и концерты, которые и до сих пор не могут быть забыты Петербургским обществом.

По мысли великой княгини была создана Петербургская музыкальная консерватория и во главе её был поставлен знаменитый русский музыкант А. Рубинштейн³⁸¹; также она была известна своим покровительством представителям русской медицины и потом в память Её Высочества была выстроена известная огромная клиника на Кирочной, против Таврического сада. Таким образом Елена Павловна была известна в России, как покровительница всех талантов, прославивших русскую науку, русскую медицину и русскую живопись, и вместе с тем широкой своей благотворительностью приходила на помощь везде, где только могла быть полезна её помощь.

Личное моё знакомство с Её Высочеством началось в 1863 году во время пребывания моего с семьёй в известном курорте Баден-Баден; здесь я в первый раз был представлен Великой Княгине, помнится, на её проходах на вокзале железной дороге, — был представлен

³⁸⁰ Черкасский Владимир Александрович (1824-1878) — славянофил, публицист. Был главой Правительственной комиссии внутренних и духовных дел в Царстве Польском, где проводил крестьянскую реформу. В 1868-1870 гг. — Московский городской голова. Наблюдательный современник сравнивал его и Ю.Ф. Самарина в «Воспоминаниях»: «Наконец, кн. Владимир Андреевич Черкасский (с 1869 г.), вступивший прямо в городские головы, искусный председатель, обладавший даром слова, но отличавшийся от Ю.Ф. Самарина своей горячностью и тем, что в его суждениях можно было встретить нередко скрывавшиеся задние мысли» (Найдёнов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 140). В 1877-1878 гг. Черкасский находился при русской армии во время русско-турецкой войны. Разработал проект конституции для Болгарии.

³⁸¹ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829-1894) — композитор, пианист, дирижёр, музыкальный педагог. В 1859 учреждает при финансовом участии великой княгини Елены Павловны Русской музыкальное общество, а в 1862 перую консерваторию в России.

Её Высочеством – королю прусскому Вильгельму I³⁸² (в последствии Императору). Его Высочество ежегодно проводил часть лета в Б.Б., где весь сезон обыкновенно проводила супруга короля – королева Августа; о моей аудиенции у королевы я расскажу позднее.

Когда мы, в 1865 году, проводили вместе с великой княгиней около шести недель в Рогаце³⁸³, её высочество не раз приглашала меня на свои обеды и вечера, где я встречал великого герцога Саксен-Веймарского, принца Николая Нассауского³⁸⁴ (родного племянника великой княгини), женатого впоследствии на дочери нашего великого Пушкина – Наталье Алексеевне Дуппельт – известной красавице; принцессу Евгению Макс. Лейхтенбергскую³⁸⁵ и, среди выдающихся русских людей – графа Муравьёва Амурского³⁸⁶ (у коего служил в Сибири мой брат Николай Дмитриевич), бывшего русского посла Кисилёва³⁸⁷ и его

³⁸² Вильгельм I Фридрих Людовик (1797-1888) – родной брат императрицы Александры Фёдоровны, дядя императора Александра II, первый правитель объединённой Германии. Вступил на престол в качестве короля Пруссии в 1861 году. Был провозглашён германским императором в 1871 году.

³⁸³ Рогац, современное название Бад-Рагац, курорт в Швейцарии, расположенный неподалёку от Цюриха.

³⁸⁴ Николай Вильгельм Нассауский (1832-1905), сын герцога Вильгельма I Нассауского и его супруги Паулины Вюртембергской. В 1856 году, как представитель княжества Нассау посетил Россию, где принял участие в коронационных торжествах по случаю вступления на престол императора Александра II. На одном из приёмов он познакомился с дочерью А.С. Пушкина Натальей.

³⁸⁵ Евгения Максимилиановна Лейхтенбергская (1845-1925) – третья дочь великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лихтенбергского. Её прабабушкой по линии отца была французская императрица Жозефина, первая жена императора Наполеона Бонапарта.

³⁸⁶ Муравьёв-Амурский Николай Николаевич (1809-1881) – государственный деятель, граф (с 1858 г.) генерал от инфантерии. В 1847-1861 годах генерал-губернатор Восточной Сибири. Руководитель экспедиций по Амуру (1854-1855). Брат мемуариста Николай Дмитриевич Свербеев (1829-1860) служил у него чиновником по особым поручениям в 1851-1856 гг.. Отец мемуариста о прибавлении слова «Амурский» к фамилии Муравьёва писал: «Мы его называли так, чтобы отличать от двойника его Карского». (РО ИРЛИ Ф.598. Оп. 1. Д. 891. Л. 222).

³⁸⁷ Кисилёв Павел Дмитриевич (1788-1872) – государственный деятель, происходил из старинного дворянского рода. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года. Командовал русскими войсками в Дунайских княжествах во время русско-турецкой войны 1828-1829 г. Выступал в качестве последовательного противника крепостного права. В 1836 году провёл реформу управления государственными крестьянами. В 1839 году был возведён в графское достоинство. Занимал должность министра государственных имуществ. 1856-1862 гг. – посол России во Франции.

брата Николая Дмитриевича Киселёва³⁸⁸ – посланника в Риме; русского посла во Франции графа Стокенберга³⁸⁹ и наших посланников в Штутгарте и Швейцарии – В.П. Титова и А.П. Озерова³⁹⁰.

На вечерних собраниях великой княгини слушали мы великолепную музыку Рубинштейна, при чём между слушателями был брат великой княгини – принц Фридрих Вюртембергский³⁹¹, а также профессор Каро³⁹² из Лейпцига, очень интересный человек, приглашённый великой княгиней для прочтения ей лекций о разных конституциях в Европейских государствах. Кроме того, великая княгиня часто приглашала к себе выдающегося иностранца или русского прочитав его имя в списках приезжих на курорт; но самой интересной особой на этих вечерах была фрейлина её высочества, известная баронесса Роден³⁹³, женщина редкого ума и высокой образованности, сделавшаяся известной в Петербурге этими своими качествами и соединившая в своём маленьком салоне всё то общество, которое великая княгиня

³⁸⁸ Киселёв Николай Дмитриевич (1802-1869) – русский дипломат. В 1841-1854, посол в Париже. В 1855-1864 посол в Риме и Флоренции.

³⁸⁹ Вероятно, имеется в виду Штакельберг Эрнст Густавович (1814-1870), сын действительного тайного советника дипломата Густава Оттоновича Штакельберга (1766-1850). Эрнст Густавович получил домашнее образование и службу начал в армии. Служил на Кавказе, участвовал в различных столкновениях с горцами. С 1852 года служит на различных должностях в ведомстве иностранных дел. С 1868 по 1869 года – чрезвычайный и полномочный посол России во Франции.

³⁹⁰ Озеров Александр Петрович (1817-1900) – выпускник Царскосельского лицея, профессиональный дипломат. Посланник в Швейцарии с 1861 по 1869 гг.

³⁹¹ Фридрих Вюртембергский (1808-1870) – брат великой княгини Елены Павловны, супруги великого князя Михаила Павловича.

³⁹² Каро Яков (1835-1904) – немецкий историк, сопровождавший великую княгиню Елену Павловну в поездках.

³⁹³ Роден (Раден) Эдита Фёдоровна (1823-1885), фрейлина, баронесса из старинного курляндского рода Роденов. В совершенстве владела немецким, французским и русскими языками. Умела хорошо читать вслух, за что была взята в качестве чтицы к великой княгине Елене Павловне. Она пользовалась особым доверием великой княгини и выполняла функции связующего звена между ней и представителями русского общества: «Ел<ена> Павл<овна> желает познакомиться со всеми замечательными и умными людьми в Москве и просила его доставить ей случай познакомиться с Константином. М<ихаил> Оболонский> говорит, что Ел<ена> Павл<овна> не требует никакого этикета, принимает у своей фрейлины Раден» (Аксакова В.С. Дневник 1855 г. // Аксакова В.С. Дневники. Письма. СПб., 2013. С. 226). Эдита Фёдоровна была приятельницей и постоянным корреспондент Ю.Ф. Самарина, В.А. Черкасского, Б.Н. Чичерина. Особенно тёплые отношения связывали её с Ю.Ф. Самариным и современники даже шутили, что они тайно обвенчаны.

желала запросто видеть, почему и устроила эти интересные собрания не в своих апартаментах, а в небольшой квартире своей фрейлины.

Великая княгиня появлялась всегда самым неожиданным образом, этикета не соблюдалось и общество проводило время в оживлённой беседе, отдельно от великой княгини, которая тут же избирала себе собеседником одного из более интересных лиц. Баронесса Роден известная своей перепиской с Ю.Ф. Самариным о религиозных вопросах; после кончины великой княгини в 1874 году, стала очень приближенной к императрице Марии Фёдоровне, которой усердно и толково помогала в её попечениях о воспитании русских девушек в подведомственных её величеству институтах.

В заключение не могу не вспомнить несколько интересных разговоров с великой княгиней, когда она удостаивала меня особых приёмов, как в Рогоце, так и в последствии в Петербурге, где я в последний раз видел её высочество в 1872 году, за два года до её кончины.

Помню, что как-то раз великая княгиня вспоминая князя В.А. Черкасского, выражала лестное мнение о его уме и способностях, и когда я выразил сомнение, что бы князь был такой выдающейся государственный деятель, то она с особой похвалой стала говорить о Н.А. Милютине, одном из самых выдающихся работников по освобождению крестьян, которого она считала одним из способнейших государственных деятелей. Великая княгиня так же была высокого мнения о Юрии Фёдоровиче Самарине и много с ним видалась, как и с Милютиным; К.П. Победоносцев³⁹⁴ был одним из её обычных гостей и близким другом баронессы Роден.

Кончаю передачей одного интересного факта, который мне передала великая княгиня по случаю вмешательства Европы в польские дела 1863 года; в это самое время князь Бисмарк сделал предложение русскому правительству завладеть Галицией, которая была собственностью Австрии и советовал за эту свою услугу, уступить Пруссии, принадлежавшее нам королевство польское с Варшавой и тем избавить себя от этой вечно недовольной страны и вечно несносных с нею хлопот.

³⁹⁴ Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) – государственный деятель консервативного толка, правовед, историк церкви. Главный идеолог политики императора Александра III.

Глава Девятая

Королева Ольга Николаевна Вюртембергская, её супруг король Карл, его семья и Вюртембергский двор (моё шестилетнее пребывание в Германии)

Осенью 1861 года, в Ноябре месяце, проездом в Ниццу, вместе с моей семьёй заехали мы в Штутгарт навестить мою больную тещу графиню З.И. Менгден, лечившуюся в санатории д-ра Рюля в Конштатте и получили приглашение нашего посланника В.П. Титова провести у него вечер, на коем и были мы представлены Её Императорскому Королевскому Высочеству Великой Княгине Ольге Николаевне и супругу её кронпринцу Карлу Вюртембергу; это и была первая моя встреча с Вюртембергскими кронпринцем и кронпринцессой и послужила впоследствии поводом к моему переходу на службу в русскую императорскую миссию при Вюртембергском дворе, где я и прожил следующие шесть лет.

Великая княгиня Ольга Николаевна была тогда в расцвете красоты (ей ещё не было 40 лет) и поражала своей царственной осанкой и весьма любезной приветливостью. Приглашённый в этот вечер играть в карты с их высочествами и нашим посланником, я провёл очень приятный вечер в беседе с ними; но признаюсь, был весьма обеспокоен, что я проиграл им, казавшуюся мне довольно крупную сумму и успокоился только тогда, когда узнал, что играли мы по ... крейцера (1/4 коп.) и мне пришлось уплатить два талера.

Кронпринц был также весьма любезен, но окружал себя некоторым этикетом и не отличался красивой наружностью. В.П. Титов был старым другом моих родителей, и я часто видел его, когда он приезжал в Москву из-за границы, вот почему во время этого моего посещения у меня и появилась мысль перейти на службу под его начальство.

На другой день после нашего визита мы покинули Германию и отправились через Францию (Лион-Марсель) в Ниццу, на берега Средиземного лазоревое моря. Всю тёплую зиму провели мы в этом благодатном краю, в небольшом городе Ментоне³⁹⁵, отличающимся замечательною красотой и живописностью своего местоположения и роскошью тёплого климата; нельзя было не восхищаться красотой местности, а тёплая зима весьма благотворно подействовала на здоровье всей моей семьи.

В Июне 1862 года переехали мы в Швейцарию и после переписки с В.П. Титовым, получили согласие в. кн. на мой переход на службу

³⁹⁵ Ментона — город на юге Франции, расположенный недалеко от Ниццы.

в Штутгартскую миссию, а в конце 1862 года, в конце Ноября, прибыли на жительство в Штутгарт, где я предварительно, ещё летом, наметил себе квартиру, куда и переехал с семьёй и обзавёлся всей обстановкой, купив её у теперешнего моего сотоварища по службе графа Ламсдорфа³⁹⁶, коему уступил своё право на жительство в квартире посланника, приглашавшего меня к себе с семьёй гораздо раньше моего приезда.

Начались тогда обычные представления ко двору всем августейшим особам и знакомство с местным Штутгартским обществом, которое нас весьма радушно приняло после особенно милостивого приёма у их высочеств, — кронпринца и кронпринцессы.

Молодость, совершённое незнакомство с придворным этикетом как-то особенно нам помогли и мы не только веселились на придворных балах и приёмах, а также на более скромных собраниях местного светского общества, но вскоре устроили и у себя на нашей обширной и красивой квартире еженедельные, воскресные приёмы, куда приезжало не малочисленное светское общество и придворные лица, но и члены королевской семьи; как напр. сестра короля принцесса Августа Веймарская и её супруг принц Герман Веймарский³⁹⁷, с коим мы особенно подружились; кроме того, бывали у нас принц и принцесса Гогенлоэ Вольденбургские — очень милые люди и приятные собеседники; муж был родственником английской королевы, а жена принцесса из Баденского великогерцогского дома³⁹⁸, в последствии принц был наместником Эльзас-Лотарингии³⁹⁹, а сын их женился на дочери герцогини Кобургской, великой княгини Марии Александровны⁴⁰⁰.

³⁹⁶ Ламсдорф Александр Николаевич (1835-1902) — из дворян Курляндской губернии. Родители Николай Матвеевич Ламсдорф, директор Лесного департамента и Александра Романовна фон Рене. Воспитывался в Пажеском корпусе. По окончании поступил на службу в Кавалергардский полк. В 1861 году причислен к миссии в Штутгарте. В 1857 году женился на своей троюродной сестре Марии Ивановне Бек (1839-1866), которая была внучкой П.А. Вяземского.

³⁹⁷ Герман-Бернхард-Георг Саксен Веймар-Эйзенахский (1825-1901) — принц Саксен-Веймар-Эйзенахский, герцог Саксонский. Служил в армии Вюртемберга, имел чин генерала, командовал дивизией. В 1851 году женился на вюртембергской принцессе Августе Вильгельмине. У них было шестеро детей.

³⁹⁸ Баденский великогерцогский дом — правящая династия в великом герцогстве Баден, располагавшемся на юго-западе Германии, на правом берегу Рейна. Герцогство существовало с 1806 по 1918 гг.

³⁹⁹ Эльзас-Лотарингия — спорные территории между Германией и Францией в XIX-XX вв.

⁴⁰⁰ Мария Александровна (1853-1920) — великая княжна, дочь императора Александра II и императрицы Марии Александровны. По словам очевидцев была любимицей своего отца. В 1874 году вышла замуж за принца Альфреда герцога

Великая княгиня Ольга Николаевна была дочь императора Николая Павловича и императрицы Александры Фёдоровны, родная племянница короля Прусского Вильгельма I и, как я уже говорил редкая красавица; в 1846-м году она вышла за Вюртембергского кронпринца Карла, отец коего король Вильгельм I в первом браке был женат на сестре императора Николая Павловича великой княгине Екатерине

Эдинбургского, второго сына королевы Виктории. Свадьба была очень пышной: «Сегодня происходило, согласно с стародавним церемониалом, бракосочетание вел. кн. с принцем Альфредом. Я никогда ещё не видал Зимнего дворца таким полным и переполненным. Из августейших лиц присутствовали кроме государя и императрицы, и цесаревича, и цесаревны, десять вел. князей, четыре вел. княгини, кронпринцы прусский и датский, принц Валлийский, принцесса Валлийская, кронпринцесса Прусская, принцесса М.М. Баденская принцесса Ольденбургская, принц Артур Великобританский, герцог Кобургский, три принца Ольденбургских и принц Александр Гессенский. Иностранцев разных свит до 50. Многочисленность наших придворных чинов со дня на день становится неудобнее. От них нигде нет места. Я должен был выйти из церкви и потому не присутствовал на бракосочетании по нашему обряду, но я хорошо видел и слышал английский обряд, совершавшейся в Александровском зале деканом Вестминстерским. Выражение лица императрицы во время этого обряда было до того страдательное нравственно и физически, что при каждом взгляде на неё мои глаза тускнели от присутствия слёз, и я вынужден был обращать их на других лиц. Вел. княжна несмотря на бремя бриллиантового венца, бархатной мантии и пр., выдержала оба обряда без изнеможения. В 5 часов был обед на 700 кувертов и действительно обедало 690, тогда как до сих пор не случалось, чтобы обедавших за один раз было больше 560» (Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел. М., 1961. Т. II. С. 292-293.). Свадьба великой княгини Марии Александровны ознаменовалась праздниками не только в Петербурге, но и в Москве: «Празднествам нет конца. Герцог и герцогиня Гальские, по-видимому, очень любят танцевать и веселиться, а герцог кроме того, говорят, большой охотник выпить, и наши молодые князья — Владимир и Алексей, и в особенности первый, ему не уступают, потому попойкам и кутежам нет конца. В особенности, говорят, молодёжь отличилась в Москве, где каждую ночь во время их пребывания происходил кутёж с цыганами. Редко двор приезжает в Москву, и потому каждое действие каждого лица строго замечается и судится. Скандал последнего пребывания, говорят, произвёл самое неприятное впечатление. Хорошо, по крайней мере, то, что, ни государь, ни наследник, ни молодой муж не принимали участия в этих вакханалиях» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского 1855-1879. СПб., 2005. С. 350). В 1893 году, когда её муж стал герцогом Саксен-Кобург-Готским она стала именоваться герцогиней Саксен-Кобург-Готской, сохранив за собой и титул герцогини Эдинбургской.

Павловне⁴⁰¹, любимой сестре императора Александра I, и известной по своей дружбе с Карамзиным, который читал ей и Александру I Историю Российского государства в Твери, где проживала тогда великая княгиня со своим мужем герцогом Ольденбургским, бывшим тогда генерал-губернатором Тверским и Ярославским (в 1812 году). Недавно вышла интересная её переписка с Александром I, изданная великим князем Николаем Михайловичем⁴⁰².

Екатерина Павловна не долго прожила со своим вторым мужем королём Вюртембергским и скончалась в 1819 году, оставив после себя двух дочерей, из коих одна – королева Голландская – Софья⁴⁰³, была весьма умная и образованная женщина.

Кронпринц Карл Вюртемберг, был сыном второй жены короля, королевы Паулины, весьма скромной и незаметно прошедшей сквозь долговременное царствование своего мужа, хотя и была весьма приветлива и добродетельна. Мне пришлось представляться её величеству несколько раз, при чём я должен признаться, она каждый раз меня смущала своей конфузливостью, т.е. разговор с ней представлял огромное затруднение, тем более, что она лишена была дарования отпустить вас своевременно благодаря своей излишней скромности; и всякая аудиенция у королевы Паулины⁴⁰⁴ была столько же тягостна для её величества, как и для лица, удостоенного её высокого приёма.

Сам же король Вильгельм I был человек большого ума и не малый политик, умевший сохранить свою независимость, но друживший более с Австрийским двором, чем с королём Прусским. Представление моё Вюртембергскому королю состоялось в 1863 году в Сентябре, в день рождения его величества, когда и я был принят вместе с многочисленным дипломатическим корпусом и удостоился разговора с его величеством, который отличался умелой находчивостью. Это была единственная моя встреча с королём Вюртемберга, которому минул 86 год, ибо в следующем (1864) году он скончался в июне месяце.

⁴⁰¹ Екатерина Павловна (1788-1818) – великая княгиня, четвёртая дочь императора Павла. В 1809 году вышла замуж за Петра Фридриха Георга Ольденбургского (1784-1812), бывшего в 1809-1812 гг. генерал-губернатором Тверской, Ярославской и Новгородской губерний. После его смерти, в 1816 г. Екатерина Павловна вышла замуж за короля Вюртемберга Вильгельма I (1781-1864).

⁴⁰² Имеется в виду изданная в 1910 г. великим князем книга «Переписка императора Александра I с великой княгиней Екатериной Павловной».

⁴⁰³ Дочь Екатерины Павловны и короля Вюртемберга Вильгельма I София (1818-1877).

⁴⁰⁴ Паулина Тереза Луиза Вюртембергская (1800-1873) – вторая жена короля Вюртемберга Вильгельма I, урожденная герцогиня Вюртембергская.

Вильгельм I был довольно популярен в своём королевстве и мало вращался в придворном обществе, находя более интересную среду в средних классах, где и избирал себе собеседников среди круга писателей и образованных представителей науки; у него была старая приятельница, которая играла роль гораздо более, чем его собственная семья. Со своими дочерьми он был не особенно нежен, а к единственному своему сыну кронпринцу относился не без иронии, не находя в нём ни особого таланта, никаких либо дарований. Уверяли, что король даже пописывал в местной газете и приходилось часто догадываться, что перу его принадлежит ироническая статья о верхах Вюртембергского общества. Однако, везде и всегда король относился с особой предупредительностью и глубоким уважением к кронпринцессе, супруге его единственного сына. Более всего его величество был привязан к своей старшей дочери королеве Голландской, которая часто его посещала и проводила с ним всё своё время.

Другая дочь короля от Екатерины Павловны, была принцесса Мария, супруга графа Нейтгерга, сына императрицы Марии Луизы, жены императора Наполеона от её второго, морганатического брака. Представлялся я принцессе Марии и нашёл весьма умную женщину, с которой можно было вести интересную беседу без всяких испугов с обеих сторон. Принцесса вела жизнь очень одинокою и никогда не появлялась при дворе. Две остальные дочери короля от второго брака были: моя приятельница принцесса Августа-Веймарская и старшая её сестра принцесса Екатерина, супруга брата великой княгини Елены Павловны, принца Фридриха, отца нынешнего короля Вильгельма II Вюртембергского, коего я знал ещё очень юным принцем, весьма скромным, очень не глупым и приветливым; не могу того же сказать об его матери, но полагаю, что она обязана своей конфузливостью, что была очень не популярна в обществе, ибо её приёмы отличались ещё большей тягостью, чем приёмы её матери — королевы Паулины; вот с какой семьёй пришлось жить нашей великой княгине Ольги Николаевне, пользовавшейся такой любовью не только в своей царской семье, но и среди Петр. большого света, где она провела первые счастливые годы своей молодости; понятно, что ей трудно было привыкнуть к новой среде; тем более, что в придворных кругах мало встречалось высоко образованных лиц и, что обычный придворный этикет не способствовал возможности интересной и оживлённой беседы.

Их лиц, составлявших двор великой княгини, мы должны вспомнить умную графиню Таубенгейм и её симпатичного мужа обер-гофмаршала двора, состоявшую при великой княгине графиню Таубе и умную её фрейлину баронессу Массенбах, к сожалению слишком изощрённую во всяких придворных интригах; среди адъютантов будущего

короля необходимо упомянуть столь знаменитого теперь графа Ципеллина, который и тогда, будучи совсем юным офицером только и мечтал об аэропланах. Бывал он у нас очень часто и впоследствии женился на баронессе Вольф, двоюродной сестре моей жены, весьма богатой наследнице огромного имения в Остзейском крае, после умершего своего брата. Самым близким человеком к великой княгине был её духовник протоиерей отец Иоанн Базаров, магистр духовной академии, известный автор священной истории, которая была введена учебником во все школы Российской Империи. Это был прекрасный человек не только высокого образования, но и редких душевных качеств; лично я пользовался его давней дружбой, потому что познакомился с ним в 1858 году, когда он обвенчал меня с графиней В.С. Менгден в храме Святой Екатерины в Роттенберге, где прежде возвышался древний замок Вюртембергских государей и где, в 1819 году была погребена первая жена короля Вильгельма I, королева Екатерина Павловна. Отец Базаров пользовался особым уважением всей русской колонии и так же имел многочисленных друзей в местном немецком светском и придворном обществе.

Русский посланник В.П. Титов был также очень близок с королевой и, как друг моих родителей, мне знаком с моего детства; выдающийся русский дипломат — он долго был посланником в Константинополе до Крымской войны и участвовал во многих Европейских конгрессах, которые, между прочим, только отдалили войну на малое время. После того, т.е. покинув Царьград, В.П. Титов был назначен воспитателем наследника цесаревича Николая Александровича, но к сожалению, не долго при нём оставался, вследствие каких-то недоразумений по славянскому вопросу, возбуждённому его, Титова перепиской с известным М.П. Погодиным⁴⁰⁵, за сим последовало его назначение посланником при Вюртембергском Дворе.

Супруга его, Елена Михайловна Титова, (рождённая Хребтович), очень милая и общительная, но весьма болезненная, страдавшая особым нервным киванием головы и часто отсутствовавшая по болезни. Их прелестная дочь Мария Владимировна вскоре вышла за светлейшего князя Чернышова⁴⁰⁶, единственного сына бывшего военного министра. Сын Титова был тогда ещё мальчиком и постоянно являлся в сопровождении своего английского гувернёра и мало доставлял радости своим родителям, хотя был очень неглуп и весьма некрасив.

⁴⁰⁵ Погодин Михаил Петрович (1800-1875) — писатель, историк, профессор Московского университета. О какой переписке своей с Титовым упоминает он установить не удалось.

⁴⁰⁶ Титова Мария Владимировна (1840-1878), её муж Лев Александрович Чернышов (1837-1864).

Русская миссия, к которой я был причислен, состояла тогда из гр. Ламсдорфа, красивого кавалергардского офицера, женатого на прелестной гр. М.И. Бек, большой моей приятельницы и матери таких красавцев детей, каких мне редко случалось встречать на моём веку. Зимой 1863 года Ламсдорфы прожили в квартире русского посланника и угощали своих товарищей и всё местное общество весьма вкусными и тончайшими обедами, которые мне лично не нравились, потому что всё время трапезы было посвящено разговорам о подаваемых блюдах и о выдающемся таланте их автора — знаменитого повара Евгения. Гр. Мария Ивановна была женщина весьма красивая и таких прекрасных качеств души и сердца, что была весьма любима во всяком обществе, где она появлялась.

Первым секретарём русской миссии был чрезвычайно умный барон Феликс Мейендорф⁴⁰⁷, отличавшийся своим острословием, и потому, внушавший к себе малую привязанность. Женат он был на кн. Горчаковой, дочери главнокомандующего русской армией в Крымскую войну.

Вторым секретарём нашей миссии был добродушный граф Толь⁴⁰⁸, очень любимый в местном обществе и женатый на красавице гр. Елене Карловне Штрандман, бывшей фрейлине при в.к. Елене Павловне; она отличалась своей любезностью и большим искусством давать маленькие вкусные обеды, для коих она собственноручно разрисовывала портреты своих лакомых блюд. Не могу забыть, как во время Рождественских праздников, она занялась устройством особой ёлки для любимой собаки французского секретаря барона Рейнака, и опять таки

⁴⁰⁷ Мейендорф Феликс Казимирович (1834-1871) — барон, дипломат. Происходит из одного из древнейших немецких родов, переселившихся в Прибалтику ещё в эпоху ордена меченосцев. Получил основательное домашнее образование. В 1857 году поступает на службу в качестве чиновника по особым поручениям при наместнике Царства Польского князе Горчакове. В этом же году Мейендорф женится на его дочери Ольге (1837-1926). В 1858 году перешёл на службу в Министерство иностранных дел. Первым местом его службы стало посольство в Штутгарте, где он занимал должность младшего секретаря. В 60-е годы, одновременно с занятиями по службе, принимал участие в дискуссии, развернувшейся после выхода книги Ю.Ф. Самарина «Окраины России», посвящённой ситуации в Прибалтике.

⁴⁰⁸ Толь Карл Карлович (1834-1893) — сын генерала от инфантерии Карла Фёдоровича Толя (1777-1842) и Ольги Густавовны Штрандман (1796-1861). Получил образование в Пажеском корпусе. Начал службу в Кавалергардском полку, но по болезни в 1858 году был уволен из армии и поступил на гражданскую службу. В 1858 году назначен младшим секретарём миссии в Штутгарте. Был женат на своей кузине Елене Карловне Штрандман (1834-1910).

собственноручно украшала её разнообразными вкусными костями для избалованной собаки. Необходимо прибавить, что все молодые дамы русского посольства производили большое впечатление, когда появлялись на балах и собраниях местного общества и потому пользовались большой популярностью, где бы их не видали.

Среди русской колонии выдавалась семья адмирала гр. Путятина⁴⁰⁹, бывшего министра народного просвещения, оставившего эту службу после известных беспорядков в Петербургском университете. Граф отличался своим особым благочестием и был, кроме того, известен своей службой на Дальнем Востоке во время Крымской Войны. Супруга его была английского происхождения, прекрасная женщина и чрезвычайно нежная мать; у них было три сына и несколько дочерей; старший сын воспитывался в Англии, а прочие находились тогда при родителях.

Вторая знатная русская семья, были близкие родственники моих друзей бар. Эдуард Вольф⁴¹⁰ и жена его Софья Яковлевна (рождённая Потёмкина); они принадлежали к известной семье Лифляндских Вольфов, а мать его была графиня Менгден, сестра моего тестя. Сам Вольф был красивый бывший конногвардейский офицер и во всех отношениях прекрасный человек, чрезвычайно преданный своему лифляндскому отечеству, почему он и воспользовался расположением в княгини и во время одного из посещений императора Александра II, добился через неё приёма государем протестантской депутации, которая уговорила его величество, отменить закон, предписывавший в смешанных браках русских с остзейскими уроженцами, крестить детей по православному обряду. Единственная дочь Э.Вольфа вышла замуж за младшего брата графа Ципеллина, знаменитого изобретателя аэропланов, а сын его Борис, был секретарём королевы Ольги Николаевны до последних дней его жизни.

⁴⁰⁹ Путятин Егор Васильевич (1803-1883), адмирал, В 1852 г. руководил русской экспедицией в Японию, где несмотря на различные преграды сумел заключить в городе Симодэ выгодный для России торговый договор. По возвращении из этой экспедиции получил титул графа. Министром народного просвещения был назначен в июле 1861 года. На этом посту он постарался провести назревшие в ведомстве преобразования. Его действия вызвали резкое неприятие со стороны студентов Санкт-Петербургского и Казанского университетов, которое переросло в беспорядки. В столице произошла первая в России политическая манифестация. В результате, в начале 1862 года Путятин подал в отставку. В 1845 году Путятин женился на дочери начальника департамента английского морского ведомства Mary Knowles (1823-1879).

⁴¹⁰ Вольф Эдуард Генрихович (1817-1883) — барон, дипломат.

С семьёй Вольфов мы много виделись, а также с Титовыми и графиней Ламсдорф, с коими устраивали у себя очень интересные чтения лучших произведений Шекспира, которые прекрасно читал другой остзейский уроженец — старик Липгард⁴¹¹ (отец известного живописца) сам большой знаток живописи и ценитель Шекспира. Чтения эти кончались подробным обсуждением пьес и большими спорами; примечательно было, что наш милый посланник Титов при самом начале чтения немедленно засыпал и так крепко спал, что когда Липгард останавливался, чтобы отдохнуть на каком-нибудь выдающемся месте, то, разбуженный нами Титов немедленно вступал в разговор и весьма остроумно обсуждал только что прочитанное место, как будто мы не слышали перед тем его здорового храпа.

Графиня Ламсдорф была очень образована и начитана и особенно увлекалась философской перепиской Титова с известным энтомологом академиком Бером⁴¹², знаменитым исследователем жизни насекомых. Переписка эта должна находиться в моих бумагах, и я постараюсь её найти.

Дипломатический корпус, весьма многочисленный, часто собирался на наших воскресеньях; особенно хорошо были мы знакомы с прусским дипломатом графом Шуленбург и заместившим его бароном Кониц — и его красивой супругой — графиней Альтен; но особенно дружны были мы с английским поверенным в делах мистером Бейли⁴¹³ и его умной и приветливой супругой — леди Францис, дочерью

⁴¹¹ «Старик Липгард», Карл Эдуард фон Липгард — барон, крупнейший специалист по истории искусства эпохи Возрождения. Известный живописец Эрнст Карлович Липгард (1847-1929), учился во Флоренции, куда его семья переехала из Германии из-за его слабого здоровья. В 1886 году приезжает в Петербург и остаётся там до конца своих дней. Александр Бенуа так описал его в те годы: «Эрнест Карлович был тогда далеко не старый человек, но его впалые и прямо-таки провалившиеся щеки, его изможденное лицо и невероятно тощая фигура, напоминавшая классический образ Дон Кихота, вызывала представление о каких-то долгих годах лишений, о каком-то многолетнем подвиге аскезы. Это не помешало Липгарту со временем пережить многих своих с виду куда более крепких коллег, а усердие его во все времена было совершенно баснословным... С первых же минут беседы Липгард обнаруживал редкую воспитанность. Это сказывалось и в чуть аффектированном французском (или немецком) говоре, и в том, как он мило коверкал русскую речь. Во всем сказывался подлинный балтийский барон, ein hoechst feiner Herr» (Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1993. Т. II. С. 580). Работал в Петербурге, как портретист и как декоратор. Его работы до сих пор сохранились в некоторых особняках.

⁴¹² Бер Ганс Герман (1818-1904) — немецкий ботаник и энтомолог.

⁴¹³ Эван Питер Монтегю Бейли (1824-1874), Фрэнсис Анна Бейли (1831-1894).

лорда Элгина, вице-короля Индии и сестры леди Августы Стенли, супруги знаменитого декана Вестминстерского аббатства⁴¹⁴, с этой четой виделись мы ежедневно, а дети их были очень дружны с моими детьми.

Из немецкого общества я опишу нескольких министров; например министра иностранных дел барона Гюгеля, женатого на русской, рождённой Верещагиной, двоюродной сестры поэта Лермонтова и Столыпина; у них мы часто собирались и были дружны с этой семьёй. Когда барона Гюгеля заменил новый барон Варенбюллер⁴¹⁵, очень даровитый человек, то и с ним мы были хорошо знакомы и часто виделись с его умной дочерью вышедшей за барона Шпиценберга.

Отец её барон Варенбюллер также принимал участие в философской корреспонденции Титова и Бера. Необходимо сделать особую оговорку о положении министров в местном придворном обществе; когда на одном из наших «воскресений» появился военный министр старый генерал Мюллер, то один из близких к королю камергеров заметил, что я принимаю гостей без всякого разбора; что должно было означать, что он генерал Мюллер, как не дворянского происхождения, в светском и придворном обществе не принимается; так как это мне было не известно и я считал всякого министра настолько высокой персоной, и мне в голову не могло прийти подобное недоразумение, что я и высказал своему собеседнику. Но он мне ответил, что министров в высшем обществе не принимают и был очень удивлён, когда я на это выразил своё несогласие и сказал, что всегда буду принимать всех министров, как отмеченных особым доверием короля и высшей правительственной властью. Ещё более того меня удивило другое исключение, а именно: одной очень милой супруги королевского адъютанта Фабера-дю-Фура⁴¹⁶ (хорошего живописца), потому что она была дочерью английского музыканта Бенедикта; она часто у нас бывала и затем приглашалась на маленькие собрания у крон-принцессы, а впоследствии — королевы Ольги Николаевны.

⁴¹⁴ Августа-Элизабет-Фредерика Стенли (1822-1876) — пятая дочь сэра Томаса Брюса, седьмого графа Элгина (Elgin) (1766-1841) и леди Элизабет Данникер (Dunniker) (1790-1860). Декан Вестминстерского аббатства Артур Пенрин Стенли (1815-1881).

⁴¹⁵ Варенбюллер Фридрих Карл Готлиб (1809-1889) — вюртембергский государственный деятель. В 1864-1870 гг. занимал должности министра иностранных дел и министра двора.

⁴¹⁶ Отто фон Фабер-дю-Фор (1828-1901) — немецкий батальный живописец, сын известного своими батальными картинами генерала Христиана Вильгельма Фабера-дю-Фора (1780-1857).

Зима и весна 1863 года изобиловала придворными и светскими приёмами и мы рады были всей семьёй, вместе с поселившейся у нас сестрой моей Ольгой Дмитриевной, переехать на лето в живописный известный курорт Баден-Баден, где и провели лето в очень небольшом дружеском кружке вместе с семьёй Ламсдорфов, сестрой её княгиней Горчаковой, Титовыми и прелестной их дочерью княгиней Чернышовой.

В Баден-Бадене в это время жил постоянно наш знаменитый писатель И.С. Тургенев, с коим я был знаком в Москве во время моего студенчества; разумеется, я сделал тотчас визит Тургеневу, с коим тогда обитала его дочь со своей французенкой гувернанткой; к сожалению, я должен сказать, что дочь Тургенева была и не красива и не интересна и впоследствии была выдана замуж за некоего француза, имя которого я теперь не упомяну. Иван Сергеевич часто к нам заходил и бывал у нас запросто; охотно у нас обедал когда мы его приглашали на русские белые грибы со сметаной, не смотря на то, что наша немецкая кухарка считала их опасной отравой (в Германии несмотря на большое количество белых грибов — немцы ими не питаются). Иван Сергеевич пленял нас своими интересными рассказами и я до сих пор помню, как он живописно описал русский крестьянский обычай, как средство от чумы рогатого скота, когда три девы, запряжённые в плуг, непременно ночью, при огне, должны были опухать крестьянское поле и были сопровождаемы совершенно обнажённым, как и они сами, всем женским населением, вооружённым всякого рода орудием для нанесения смертных побоев каждому встречному в коем они признавали воплощение этой страшной заразы. Тургенев рассказывал, что желая лично убедиться в справедливости такого опухивания, он залёг в одном ржаном поле Орловской губернии, и скрытый высокой рожью, ожидал появления страшной процессии; и когда, наконец, иступлённая бабья толпа стала подходить к тому месту, где он скрывался, то, как он выразился, у него буквально стали дыбом волосы (а у него волосы были длинные, как у крестьянина), мы удивлённо слушали его рассказ, кончившийся, разумеется, его бегством с ржаного поля.

Другое подобное же бегство, рассказывал Тургенев, случилось с вышедшим поучить крестьянскую толпу приходским сельским священником, облачившимся в ризу и вышедшим с крестом для сего случая; когда бабы увидели батюшку, то с такой свирепостью на него накинулись, что он, испугавшись смертного боя, тут же убежал с поля, бросив свою ризу и крест; вот в каком иступлении действует бабья толпа и как трудно бороться с народной темнотой.

В Бадене познакомился я и очень сошёлся со знаменитой всемирной известной певицей Г. Виардо-Гарсия⁴¹⁷, дочерью столь же известного тенора⁴¹⁸ и сестрой не менее известной певицы Малибран⁴¹⁹, рано умершей после своих огромных триумфов на сцене. Ещё в Москве в 1854 году слышал я Г. Виардо в большом концерте в благородном собрании и был очарован её пением, которое до такой степени одушевило московскую публику⁴²⁰, что я не могу забыть её восхищения, а потому, когда в 1863 году в Бадене я был представлен знаменитой певице, то я снова был совершенно очарован не только её великолепным пением, но и прелестью её ума и художественными дарованиями. Мы часто бывали у неё на маленьких собраниях и наслаждались её дивным голосом; жила она в своей прелестной вилле, украшенной великолепными картинами старых Европейских мастеров; — между ними выдавалась картина Веласкеса и знаменитый портрет её сестры Малибран известного художника Ари Шеффера⁴²¹ над роялью, на коем она сама аккомпанировала своё дивное пение. Встречали мы у неё знаменитых музыкантов со всех концов света, а также славных певцов и певиц того времени, коим она давала уроки; и среди коих я назову известную в России Арто⁴²²; так же в это лето учился у неё король Голландский Вильгельм — отец нынешней королевы⁴²³; а на больших

⁴¹⁷ Виардо Гарсия Мишель Полина (1821-1910) — певица меццо-сопрано, композитор, возлюбленная Ивана Сергеевича Тургенева, выступавшая в различных театрах Европы и в том числе в Москве и Санкт-Петербурге. Её выступления в Санкт-Петербурге запомнились современникам: «Состав Итальянской оперной труппы был весьма хорош. Примадонной была Полина Виардо Гарсия, сестра умершей Малибран), знаменитая и голосом и игрой, но лица далеко не красивого» (Записки графа М.Д. Бутурлина. М., 2006.Т. II. С. 61).

⁴¹⁸ Гарсия Мануэль дель Популо Висенте Гарсия (1775-1832) — испанский оперный певец тенор, музыкант и педагог.

⁴¹⁹ Малибран (Фелиция Гарсия) Мария (1808-1836) — легендарная испанская оперная певица, сестра другой знаменитой певицы меццо-сопрано Полины Виардо.

⁴²⁰ Концерт в Москве в 1854 г.

⁴²¹ Шеффер Али (1795-1858) — французский исторический и жанровый живописец. Известен его портрет Полины Виардо, который, вероятно имеет в виду А.Д. Свербеев, говоря о портрете её сестры.

⁴²² Маргарита Жозефина Монтань (Арто Дезире) (1835-1895) — французская певица (сопрано), бельгийского происхождения. Училась пению у Полины Виардо. Неоднократно приезжала с гастролями в Россию. Была в близких отношениях с П.И. Чайковским. Ходили упорные слухи об их возможном браке, но он так и не состоялся.

⁴²³ Вильгельмина Елена Паулина Мария (1880-1962) — единственная дочь короля Виллема III (1817-1890) от брака с Эммой Вальде Пермонтской (1858-1890). Королева Нидерландов, правившая с 1890 по 1948 гг.

концертах у себя дома она собирала всех государей, приезжавших в Баден, как например короля и королеву Прусских, королев: Бельгийского, Саксонского и многих других царственных лиц.

Самым пламенным поклонником и постоянным посетителем знаменитой певицы был И.С. Тургенев, в жизни коего она сыграла господствующую роль; писал он либретто для её опер и сам был действующим в них лицом, когда они исполнялись у неё дома; мы часто с ним проводили там вечера и удивлялись изобретательности И.С., который выдумывал всевозможные способы для оживления этих собраний, так например: рисовал, и прекрасно рисовал, разные головы мужские и женские и предлагал собравшимся гостям под этими рисунками написать биографию или характеристику нарисованных лиц, причём мы не имели право открыть то место, где писал наш сосед, и только когда все присутствующие лица окончат свои характеристики, то сам Тургенев или другое избранное лицо, прочитывал всё написанное присутствующими. Необходимо прибавить, что ни с одной из означенных характеристик никогда не сходились другие мнения и потому, изобретённая Тургеньевым игра всегда имела большой успех и все гости требовали частого её повторения.

Как то раз устроили мы на своей даче небольшую вечеринку и Г. Виардо обещала исполнить несколько музыкальных арий для наших близких друзей и я отказывался приглашать многих и многих искавших случай послушать знаменитую певицу – как вдруг последовало некоторое осложнение: мать знаменитого Скобелева⁴²⁴, которую я часто встречал, непременно потребовала для себя и для своей дочери приглашения к нам на вечер и принудила меня дать своё согласие, но с тем, что я от неё потребовал, чтобы она обратилась к Г. Виардо и через неё получила бы приглашение к нам и таким образом желание г. Скобелевой осуществилось и она привезла к нам с собой свою дочь (теперешнюю кн. Белосельскую⁴²⁵), тогда же, ученицу Г. Виардо-Гарсия.

Знакомство моё с Г. Виардо, побудило впоследствии великую княгиню Ольгу Николаевну передать ей приглашение приехать на следующую зиму в Штутгарт для исполнения во дворце великой княгини

⁴²⁴ Скобелева Ольга Николаевна (1823-1880) – жена генерала Скобелева Дмитрия Ивановича (1821-1880), мать генерала Михаила Дмитриевича Скобелева (1843-1882).

⁴²⁵ Скобелева Надежда Дмитриевна (1847-1920) – сестра генерала М.Д. Скобелева, с 1865 года замужем за князем Константином Эсперовичем Белосельским-Белозерским (1843-1920).

знаменитого произведения и дать одно представление в придворном театре, где она в «Севильском цирюльнике» блистательно исполнила роль Розины. В продолжении лета 1863 года мы несколько раз слушали в Бадене чудесное пение Г. Виардо в концертах и местном театре, где она имела всегда огромный успех.

Кончая моё повествование о нашем пребывании в Бадене, мне надлежит ещё упомянуть об аудиенции, испрошенной мною у королевы Августы, супруги короля Вильгельма Прусского.

Королева была дочерью русской великой княгини Марии Павловны, сестры императоров Александра I и Николая I, была ею строго воспитана и научена всем требованиям придворного этикета, для чего уже в ранней молодости обязана была ежедневно брать уроки обыкновенного приёма августейшими особами, представлявшихся им лиц. Фиктивные же лица были обычно представляемы 12 стульями или креслами и каждому их сих предметов молодая Веймарская принцесса обязана была сказать несколько приветливых слов. Не трудно было убедиться на обычных приёмах у королевы, что её величество свято хранила предания Веймарского двора, и потому, никогда не слушала ответов представлявшихся ей лиц, а только говорила сама, не обращая внимания на даваемые ей ответы. Я должен прибавить, что случайно за несколько перед тем лет, королева часто встречала моего покойного брата Н.Д. и его жену; здесь же в Бадене у нашей русской кн. Бутера⁴²⁶, с которой я в 1858 году крестил второго сына у моего брата, а потому в начале моего приёма королева вспомнила моего брата и, узнав подробности его кончины, весьма трогательно выражалась о нём и его вдове.

После такого отдельного приёма каждого из нас (а нас было человек 30), королева пригласила нас всех сесть вокруг огромного круглого стола и начала так называемую общую беседу с нами; эта общая беседа состояла в том, что к каждому из сидящих тут лиц королева обращалась с особой любезной фразой, и не обращая никакого внимания на следующий ответ, обращала свою любезность к следующему соседу и таким образом, одарив каждого присутствующего приветом, оканчивала свой приём и приветливо нас всех отпускала. Как видите, мы представители 12 стульев её первой молодости, а между тем, королева Августа была очень умная особа и много интересовалась тем, что было достойно внимания.

Несмотря на оригинальность её приёмов, я должен сказать, что всё-таки предпочитаю её обычную беседу томительному молчанию старой королевы Вюртембергской и её немолодой дочери.

⁴²⁶ Вероятно речь идёт о Варваре Петровне Шуваловой Полье-Бутеро-Родали (урождённой Шаховской) (1796-1870).

1863 год известен польским восстанием, которое немало доставило работы нашему посольству; особенно деятельна была переписка с великим князем Константином Николаевичем⁴²⁷, тогдашним наместником Царства Польского; эту переписку очень осложняли, постоянно являвшиеся к нам польские и еврейские эмиссары (шпионы); они к нам приносили много писем из Парижа, адресованных к вождю польской революции Мирославскому⁴²⁸, и между прочим, письма принца Наполеона⁴²⁹, двоюродного брата императора Наполеона III, весьма сочувствовавшего польскому восстанию.

Известно, что все старания Европы за поляков – им не помогли и только увеличили раздражение России против этого Европейского вмешательства.

Великий князь Константин Николаевич должен был оставить Варшаву и осенью 1863 года приехал с семьёй навестить свою сестру Ольгу Николаевну, которая вскоре взяла к себе на воспитание вторую дочь великого князя великую княжну Веру Константиновну, впоследствии её усыновила, выдала замуж за принца Евгения Вюртембергского и оставила ей всё своё состояние.

Великий князь был женат на принцессе Саксен-Альтенбургской Александре Иосифовне, такой волшебной красавице⁴³⁰, что она и в

⁴²⁷ Константин Николаевич (1827-1892) – великий князь, генерал-адмирал, сын императора Николая I. В 1862-1863 гг. наместник Царства Польского. В 1865-1881 гг. председатель Государственного совета. Был женат на Александре Иосифовне Саксен-Альтенбургской (1830-1911). У них было шестеро детей. Супруга Константина Николаевича была склонна к мистицизму и увлекалась верчением столов: «Так много и так часто проводила свои магнетические опыты, что кончила тем, что с ней сделался выкидыш и она чуть не сошла с ума» (Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. М., 2008. С. 364).

⁴²⁸ Мирославский Людовик Казимир (1814-1878), польский революционер, имел обширный боевой опыт. Участвовал во многих военных кампаниях в Европе в середине XIX века. В 1863 году был назначен военным диктатором Польского восстания, но потерпел поражение от русских войск и был вынужден сложить с себя обязанности и уехать за границу.

⁴²⁹ Бонапарт Наполеон Жозеф (1822-1891), второй сын Жерома Бонапарта и его второй жены Екатерины Вюртембергской. Имел репутацию либерала в императорской семье.

⁴³⁰ Женильба великого князя Константина Павловича имела продолжительную историю. Первый раз он увидел свою будущую супругу случайно в 1845 году и она сразу же завладела его сердцем. Следующее свидание состоялось через год. Сам он писал о своём сватовстве: «Теперь же Папа решил послать меня за границу для того, чтобы проездом чрез Альтенбург её увидеть, получить первое впечатление и узнать то, которое я произвёл на неё. Когда я буду там, он мне говорил, я не должен являться comme un pretendu (словно

какой-то жених — фр.) , а просто будто по случаю. Потом он говорил, что я далеко ещё молод, чтоб думать о женитьбе и даже, чтоб выбирать себе невесту, и что он посылает меня только, чтоб узнать понравилась ли она мне, и тогда смотреть на неё как на такую, которая со временем может сделаться моей невестой и женой, что о женитьбе думать нельзя прежде, чем года через два или три, что до тех пор надо и поучиться, и поездить, и послужить, но что тем полезнее иметь такую суженную всегда перед глазами, ибо теперь я вхожу в такие годы, что буду часто в обществе молодых людей, где много говорят и делают, что не должно, и где легко можно сбиться с пути, что посему вдвое тогда полезнее иметь, которая бы служила талисманом через всю жизнь, таким, который удерживал бы всегда на прямом пути и не позволял с него сходить. Таким образом, говорил он, было и с ним самим. Он увидел в первый раз и полюбил Мама на восемнадцатом году, а женился только через три года, и что в этот промежуток, также и после, Мама оставалась ему как бы талисманом, его удерживающим. Наконец, что если с Божией помощью наше дело пойдёт на лад, то может быть, родители и согласятся отпустить её к нам, в наше семейство раньше, чтоб она выросла и обрусела под глазами Мама. После этого я стал на колени, и Папа меня поцеловал» (Головин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 113). Сама помолвка великого князя произошла в Октябре 1846 года в Альтенбурге: «Да, точно в этой дивной Санни готовятся для земли новая Адини [*Семейное имя сестры великого князя Александры Николаевны (1825-1844) — комм. сост.*], и я не первый и не единственный, который находит в её наружности сходство с Адини. Чем больше я её вижу, тем больше сердце моё воспламеняется к ней истинною любовью. Какое это святое, новое, сладкое состояние души, когда она исполнена этим необъяснимым чувством, которое согласились называть любовью. Я воображал, что я уже знаю, что такое любовь, я ошибался; то были скоро преходящие игры сердца и особенно воображения; но вот настоящая любовь, это то чувство, которое меня теперь жжёт и от которого я просто нахожусь в лихорадке, когда слышу её чудный голос» (Головин А.В. Записки для немногих. С. 114). Окончательное объяснение молодых состоялось весной 1847 года: «Мы пили чай вместе, как бывало осенью. У меня сердце билось от того, что предстояло. Я пошёл с герцогом в другу комнату и отдал ему письмо Папа. Оно его тронуло; и он поцеловал меня и повторил своё согласие на наш союз. Тогда я воротился в кабинет герцогини и отдал ей и Санни письма Мама. Когда они прочли эти письма, которые их очень тронули, я в первый раз обнял Санни мою невесту. Я не могу сказать, как я был счастлив в эту минуту. Право. Чем долее я с Санни, тем более я люблю её. Я ей тот час дал кольцо с крестиком, сказав, что оно есть знак, что наши души должны быть соединены в вечности верую... Мы вдвоём одни пошли в церковь и помолились там на коленях для того, чтобы испросить благословение Божие на новую жизнь, которую мы начинали. Я видел, что Санни моя усердно молилась и на лице её было написано такое дивное выражение, что я её горячо обнял» (Головин А.В. Записки для немногих. С. 114). Александра Иосифовна произвела очень противоречивое впечатление на А.Ф. Тютчеву: «Великая княгиня изумительно красива и похожа на портреты Марии Стюарт. Она это знает и для усиления сходства носит туалеты,

старости в 1894 году на свадьбе нынешнего государя, когда ей уже минуло 70 лет, обращала на себя общее внимание своей величественной фигурой и совсем белыми локонами и поразительной красотой своего лица; в 1863 году во время своего пребывания в Штутгарте великий князь был ещё так страстно влюблён в свою жену, что почти от неё не отходил, причём называл её не иначе, как «моя баба». При них была тогда красивая 12 летняя девочка, нынешняя королева греческая Ольга Константиновна, а за ними казак нёс на руках младшего сына великого князя, Вячеслава Константиновича (умершего после ещё юношей)⁴³¹; младшая их дочь великая княжна Вера Константиновна была очень не красива, хотя и поразительно похожа на свою мать и весьма строптивого нрава, что, впрочем, уступило тому нежному воспитанию, которым её окружила августейшая тётка. Великая княжна позднее так привязалась к новому немецкому отечеству, что даже обратилась в протестантскую веру и только изредка бывала в России, проживая со своими двумя дочерьми в Германии, где она сама рано овдовела – выдала их замуж за двух братьев германских принцев Шаубер-Липпе⁴³².

Зима 1863-64 годов была богата визитами августейших родственников великой княгини; у неё мы были представлены её младшему брату Михаилу Николаевичу, отъезжавшему на Кавказ, по случаю назначению его наместником Кавказским, его супруге великой княгине Ольге Фёдоровне⁴³³ – умной, но довольно высокомерной принцессе Баденской; а также племяннице, дочери её сестры великой

напоминающие костюмы Марии Стюарт. Великая княгиня не умна, ещё менее образованна и воспитана, но в её манерах и в её тоне есть весёлое, молодое изящество и добродушная распушенность, составляющие её прелесть и заставляющие снисходительно относиться к недостатку в ней более глубоких качеств. Её муж в неё очень влюблён, а государь к ней весьма расположен» (Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. М., 2017. С. 186).

⁴³¹ Ольга Константиновна (1851-1926) – королева Греции. Вячеслав Константинович (1862-1879), великий князь, сын Константина Николаевича и Александры Иосифовны Саксен-Альтенбургской.

⁴³² Принцы Шубер-Луппе – представители одной из ветвей владетельного дома Липе.

⁴³³ Ольга Фёдоровна (Цецилия Августа) (1839-1891) – урождённая принцесса и маркграфиня Баденская. С 1857 года супруга великого князя Михаила Николаевича.

княгини Марии Николаевны⁴³⁴ – принцессе Баденской Марии Максимилиановне, только что вышедшей замуж за принца Баденского, брата великой княгини Ольги Фёдоровны.

Мария Максимилиановна была красива, приветлива и очень проста в обращении, т.е. с ней приятно было беседовать; а с нами русскими она была так любезна будто мы были её самыми близкими друзьями. Несколько позднее мы встретили великую княгиню Марию Николаевну у её сестры и были поражены отсутствием всякого этикета и любезной простотой её обращения, она была тогда замужем за вторым своим мужем графом Григорием Строгановым, весьма популярным в петербургском обществе; с великой княгиней виделись мы

⁴³⁴ Мария Николаевна (1819-1876) – великая княгиня дочь императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны. По отзывам современников не отличалась красотой, как две её сестры: Ольга и Александра Николаевны: «Имели мы удобный случай видеть вблизи и на досуге полюбоваться без посторонней помехи громадною недоконченною ещё картиною «Взятие на небо Пресвятой Богородицы», что ныне находится за престолом в Казанском соборе. Главные в ней фигуры в полтора раза более натурального роста, но это скрадывается отдалённостью. Можно только, по-моему, упрекнуть художника в том, что фигура Пресвятой Девы немного массивна; а что до пестроты колорита, то Брюллов изучил химию палитры и писал намеренно яркими колерами, зная, что они от времени потемнеют. В сонме ангелов находятся, как мне рассказывали портреты трёх тогдашних великих княжон: Марии, Ольги и Александры Николаевны. Двум последним не надо было льстить, что бы изобразить лики их ангельскими, до того они были хороши собою» (Записки графа М.Д. Бутурлина. М., 2006. Т. I. С. 557). Мария Николаевна отличалась независимостью суждений по разным политическим вопросам. В первом браке (с 1839 г.) была за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817-1852), который был вторым сыном пасынка Наполеона Бонапарта Евгения Богарне. После свадьбы молодые жили в России. Максимилиан Лейхтенбергский занимался благотворительностью и управлял корпусом горных инженеров. «Герцог Лейхтенбергский был хороший человек. Его все любили за любезное, гуманное обращение, и когда он умер, буквально говоря – весь Петербург о нём сожалел» (Никитенко А.В. Записки и дневник. М., 2005. Т. I. С. 556). После смерти первого мужа Мария Николаевна вышла второй раз замуж (в 1853 г.) за графа Григория Александровича Строганова (1823-1878). Хорошо информированный о закулисной стороне жизни сановного Петербурга П.В. Долгоруков писал о нём: «Граф Григорий Александрович Строганов, умный, честный и вполне благородный человек. Положение его весьма затруднительно, и он держится в нём с большим тактом. Преданность свою Марии Николаевне он доказал самой свадьбой с ней, которая совершена была в тайне, в последние месяцы жизни Николая Павловича, и могла повести Строганова в Сибирь» (Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860-1867. М., 1992. С. 126).

в летней резиденции королевы Ольги Николаевны и короля Карла осенью 1865 года в Фридрихсгафене, когда я в день рождения королевы 30 Августа обедал там у их величеств. Король тогда особенно отмечал своим поведением с графом Строгановым, как мало он сочувствовал маргонатическому браку сестры – королевы великой княгини Марии Николаевны. В заключение приведу ещё одну встречу при Вюртембергском дворе с королевой Софией Голландской. Её величество, коей забыл меня представить наш посланник, встретила меня на вечере у одной из придворных дам гофмейстерины кронпринцессы и очень меня сконфузила, когда велела мне сказать, что хотя я и не желаю ей представляться, но она сама хочет познакомиться со мной, несмотря на такое предисловие, моя беседа с королевой была отмечена её любезностью и весьма интересным содержанием её разговора.

В продолжение этой же зимы и у нас самих были семейные гости, сперва мой тесть граф Менгден⁴³⁵ а потом и мой отец вместе с братом Дмитрием Дмитриевичем⁴³⁶, который тут же поступил вольнослушателем в сельскохозяйственный институт в близком к Штутгарту местечке Гогенгейм⁴³⁷. Сестра моя Ольга Дмитриевна всю зиму много с нами выезжала и пользовалась особым расположением великой княгини, которая была необыкновенно любезна со всеми дамами русского посольства и много их приглашала к своему двору на все малые и большие собрания.

Летом 1864 года, в июне мы отправились в Киссенген на свидание с моим шурином графом Григорием Менгден и его семьёй; в это самое время прибыл туда же на лечение государь Александр II со своей супругой императрицей Марией Александровной и дочерью великой княжной Марией Александровной⁴³⁸.

⁴³⁵ Граф Фридрих Мориц фон Менгден.

⁴³⁶ Свербеев Дмитрий Дмитриевич (1845-1921) – четвёртый сын Дмитрия Николаевича Свербеева. Служил в министерстве юстиции. В 1885-1891 гг. был вице-губернатором в Туле. В 1891-1905 гг. губернатор в Курляндии.

⁴³⁷ Гогенгейм (Хохенхайм) – пригород Вюртемберга в XIX веке. В XX веке вошёл в состав города. Сельскохозяйственный институт был основан в 1818 году по указу короля Вюртемберга Вильгельма I. В 1847 году преобразован в сельскохозяйственную академию.

⁴³⁸ Мария Александровна (1855-1920) – великая княжна, с 1874 года замужем за сыном королевы Великобритании Викторией I герцогом Альфредом Эдинбургским (1844-1900).

Здесь уже находились император и императрица Австрийские и молодой 18-летний красавец король Баварии Людвиг II⁴³⁹, столь несчастно погибший много лет спустя в водах Старнбергского озера, где он утонул не без содействия спасавшего его придворного врача. Императрица Елизавета Австрийская⁴⁴⁰ была всемирно известная красавица и постоянно гуляла со своим двоюродным братом молодым королём Баварским среди многочисленной толпы приезжих гостей и местного населения.

На свидание с императором Александром II приезжали в Киссенген многие германские государи и члены их семейств, а так же прибыла любимая сестра Александра II Ольга Николаевна со своим супругом кронпринцем, но этот визит продолжался не долго по случаю неожиданной кончины престарелого короля Вильгельма I и тогда новые король и королева поспешили вернуться в свою столицу. В том же поезде уехал и я со своей семьёй в Штутгарт, где мы присутствовали на придворных погребальных церемониях в залах королевского дворца. Покойный король составил особый церемониал своего погребения и пожелал лечь в склеп русской церкви на Ротенберг, построенном им для упокоения его любимой супруги, королевы Екатерины Павловны, скончавшейся в 1819 году. Там в одном мраморном саркофаге, где находился гроб покойной королевы, король Вильгельм велел поставить свой гроб «при первых лучах восходящего солнца», как было написано в его завещании и тело его должны были сопровождать только самые близкие люди вместе с его гвардией, а семья и придворные были приглашены не беспокоиться ночью в такое раннее время провожать его до могилы. Желание короля было в точности исполнено, но сын его новый король, и все принцы вместе с двором участвовали в его погребении. Необходимо заметить, что в Германии, как и вообще за границей, дамы и вообще женское население не допускаются на похороны и умершего провожают одни мужчины, но существует обыкновение, что знакомые покойного, в знак особого уважения к умершему, посылают свои кареты и экипажи для его проводов к месту погребения.

После кончины своего отца король Карл I, казавшийся таким застенчивым и конфузливим, резко переменял своё обращение и ввос-

⁴³⁹ Людвиг II (1845-1886) – король Баварии (1864-1886) из династии Виттельсбахов. Прославился как покровитель композитора Вагнера и строитель большого количества замков, в том числе знаменитого Нойшвайштайна.

⁴⁴⁰ Елизавета Австрийская (1837-1898) – баварская принцесса, известная под семейным именем «Сиси». В 1854 году вышла замуж за императора Австрии Франца Иосифа I.

ледствии не только был мало внимателен к своей семье, но даже позволял себе неприятные выходки в адрес своей супруги, с которой до того времени был всегда особенно почтительным и даже нежным. Разумеется, эта перемена совершилась не вдруг и мы особенно её заметили через год, когда в 1865 году, были приглашены со всей моей семьёй на трёхдневное пребывание в Фридрихсгофене⁴⁴¹ на берегах озера, где мы и прожили это время в гостинице в приготовленных нам комнатах. Весь день проводили мы во дворце с их величествами и участвовали на обязательных трёх трапезах, а между обедом и ужином катались с их величествами и их свитой, при чём даже приглашались мои маленькие дети 5-6 лет, которые особенно этим забавлялись. Особенно памятна мне поездка на пароходе по Констанскому озеру на близкий остров Майнау, принадлежавший великому герцогу Баденскому, там в придворном саду местного дворца мои малыши нарвали столько цветов, что даже возбудили неудовольствие короля, заявившего, что нельзя так бесцеремонно себя вести в чужестранном государстве, к сожалению мои дети совсем не поняли своей бестактности и не заявили никакого раскаяния, а поспешили поднести сорванные цветы королеве, которая очень ласково их благодарила за их приношение.

По вечерам во дворце играли в «секретарь» и другие умные литературные игры и довольно было затруднительно громко читать вслух, те слишком пикантные выражения, которыми (как оказалось) любил щеголять король.

Летом 1864 года я по совету врачей должен был уехать в Швейцарский курорт Рогац для лечения больной ноги и потому, к великому моему сожалению, не мог присутствовать в составе русского посольства в Фридрихсгафене во время посещения императором Александром II королевы Ольги Николаевны и её супруга. Кончив своё лечение, мы всей семьёй уехали на Итальянские озёра и провели в этой живописной местности почти два лета, в это время мы совершили поездку в Милан и Геную, посетив Комское озеро и озеро Гарда. Воспоминания об этом чудном путешествии остались у меня на всю жизнь, так красивы все эти местности, начиная с местечка Балько на озере Маджоре, где мы прожили почти шесть недель, дети мои наслаждались живописными видами и чудесной погодой, которая ни разу не изменилась в продолжении всего нашего пребывания, жили мы против известных Баромейских островов и

⁴⁴¹ Фридрихсхафен (Фридрихсгофен) — город на северном берегу Боденского озера.

часто посещали их владельцев графов Барромео⁴⁴², живших в великолепном дворце в несколько сот комнат на главном острове, из этих благодатных стран вернулись мы в Штутгарт на зиму.

Во время моего пребывания в Италии государь Александр II, награждая в Фридрихсгафене чинов русского посольства, пожаловал меня камер-юнкером двора его величества, и потому я, вернувшись на свою службу начал с принесения благодарности королеве Ольге Николаевне. Скоро после нашего возвращения приехал навестить свою августейшую тётку наследник цесаревич Николай Александрович из Дании, женихом принцессы Дагмары; не буду повторять подробности его пребывания, особо от сего уже записанные в биографии покойного наследника.

В начале зимы император Александр II вторично посетил свою жену в Штутгарте и мы снова были приняты его величеством, по случаю траура больших приёмов и празднеств при дворе зимой 1864–65 годов не было, да и само немецкое общество встречалось только на маленьких вечерах в интимном кругу.

В начале 1865 года появились печальные слухи о серьёзной болезни, пребывавшего в Ницце с матерью, наследника и недели за две до Пасхи отправился туда наш посланник Титов, чтобы навестить своего бывшего воспитанника, он уверял нас, что хотя оставил наследника серьёзно больным, но вне всякой опасности для его жизни, а между тем, не прошло и десяти дней, как весть о кончине наследника всех нас огорчила, тяжело было думать, что Россия лишилась такого даровитого великого князя, на коего она возлагала столько надежд в ожидании его царствования. По случаю этой кончины наш посланник вернулся в Ниццу и сопровождал тело покойного своего воспитанника длинным морским путём до Петербурга.

В.П. Титов был назначен членом Государственного Совета и вернулся в Штутгарт, чтобы откланяться их величествам и проститься со своими сослуживцами, грустно нам было расставаться с прекрасным высокообразованным начальником, коего мы все глубоко ценили и уважали и который заслужил общую любовь всего местного общества, начиная с королевской четы. На место Титова был назначен русский поверенный в делах при Баденском велико-герцогском дворе — Н.А. Столыпин⁴⁴³, брат известной княгини Вяземской, очень

⁴⁴² Барромео — аристократическое семейство северной Италии. Его представители играли большую роль в жизни региона начиная с эпохи Возрождения.

⁴⁴³ Столыпин Николай Аркадьевич (1814–1884) — российский дипломат. Был посланником в Штутгарте и Гааге. Его сестра Столыпина Мария Аркадьевна (1819–1889), была замужем два раза — первый муж Бек Иван Александрович (1807–1842), второй (с 1848 г.) — Вяземский Павел Петрович (1820–1888).

близкой к императрице Марии Александровне. Н.А. был человек очень представительный, весьма приветливый, но по способностям своим менее заметный, чем его предшественник, женат он был на очень умной племяннице гр. Нессельроде, пользовавшейся большой благосклонностью королевы Ольги Николаевны.

Прибавлю здесь, что лето 1865 года провёл я с семьёй в Рogaце, где мы много виделись с лечившейся там великой княгиней Еленой Павловной, подробности там нашего пребывания можно найти в моих записях о великой княгине Елене Павловне

Осенью 1865 года мне лично пришлось внезапно, вследствие болезни моей сестры С.Д., выехать в Петербург и оставаться там, на зиму, имея в виду запрещение врачей моей сестре путешествовать по железным дорогам; пребыванием моим в Петербурге я хотел воспользоваться, что бы выдержать дипломатический экзамен в Министерство иностранных дел для продолжения моей службы при русском посольстве за границей.

Таково было моё намерение, когда я оставлял Германию; но, когда вернувшись на свою родину, я повидался с моими родителями и многими друзьями, во мне пробудилось такое страстное желание остаться в России и посвятить мою дальнейшую жизнь служению моему отечеству, что я вернулся в Германию весной 1865 года с твёрдым решением оставить чужеземные страны и навсегда поселиться в России и продолжить там свою государственную службу.

В Мае месяце 1866 года повёз я своих сестёр морем; через Балтийское и Северное море, где мы посетили Датскую столицу Копенгаген и могли полюбоваться художественными произведениями знаменитого датского ваятеля Торвардсена [*Торвальдсена — комм. сост.*], мы после сильной бури в Северном море, продолжали свой путь до голландского города Роттердама, где должны были пересесть на другой пароход, чтобы дальше плыть по Рейну до города Майнца. В Роттердаме прожили мы два дня, изумляясь его сказочной чистоте, так как ежедневно обмывалась вся мостовая этого города и ездили оттуда посмотреть голландскую столицу Гаагу и загородный дворец Короля, где и любовались знаменитыми произведениями фламандских живописцев всемирно известных.

В это время началась Австро-Прусская война и когда мы прибыли в известный курорт Шлангенбад⁴⁴⁴, то уже дальше не было железнодорожного движения и мне пришлось в простом омнибусе доехать до близкого Висбадена, который в самый день моего приезда

⁴⁴⁴ Шлангенбад — курорт в Германии, расположен недалеко от Дармштадта. Известен благодаря своим минеральным водам с XVIII века.

был занят вошедшими в него победоносными Пруссаками. Эта война двух главных немецких государств и положила начало будущего величия Пруссии, превратившуюся с тех пор в Германскую Империю и доведшую нас до нынешней войны за преобладание в Европе немецкого народа.

Устроивши моих сестёр в лечебном курорте Шлангенбад, я вернулся домой в Штутгарт и простившись с сестрой О.Д., уехавшей в Россию, я перевёз на лето свою семью в Шварцвальдское местечко⁴⁴⁵, где мы и остались до осени.

В продолжение лета мне несколько раз случалось приезжать в Штутгарт и видеть там общее волнение по случаю побед Пруссии, т.к. Вюртемберг и Бавария были союзниками Австрии и вместе с ней терпели поражение от общего врага. Помню, как теперешний Вюртембергский Король Вильгельм II, бывший тогда 18-летним принцем, мне рассказывал про битву при Ашаффенбурге⁴⁴⁶ (баварский город), где появившееся тогда впервые в Прусской армии игольчатое ружьё произвело громадную сенсацию, поражая своей быстротой и множеством вылетающих пуль, производивших ранение многих сотен и тысяч в неприятельских армиях южно-германских союзников; помню также, как 11-го Июля, в день именин королевы, мы в небольшом обществе русского посольства ужинали у их величеств в великолепных оранжереях знаменитой их виллы Вильгельма и слушали резкие выходки короля Карла против дяди королевы Вильгельма I Прусского, так что даже королева должна была успокоить расходившегося супруга и прекратить весьма неудобный для нас разговор.

Среди местного дипломатического корпуса и многих лиц придворного общества было большое беспокойство, где бы поместить принадлежавшее каждому из них оружие, что бы в случае появления Пруссаков, оно не могло быть конфисковано; я взялся поместить у себя на квартире принадлежавшие Австрийскому посольству ружья и другие военные орудия; общее раздражение против торжествующих Пруссаков было так сильно, что постоянно слышались уверения, что все они желали бы скорее быть под гнётом французов, но только не пруссаков. Вот так думали тогда милые культурные немцы всего юга Германии.

⁴⁴⁵ Шварцвальд, расположенный на юго-западе Германии, в Баден-Вюртемберге, — одно из красивейших мест Германии.

⁴⁴⁶ Битва произошла в 1866 в ходе австро-пруско-итальянской войны, которую также иногда называют Германской или Семинедельной войной. В ходе этой битвы австрийские и союзные с ними войска южногерманских государств потерпели поражение.

Вспоминаю теперь, что весной 1866 года до Пасхи, приехала навестить своего любимого брата – Александра II, королева Ольга Николаевна и потому находилась в Петербурге во время первого покушения (4 Апреля того года) на царя, когда известный потом Комиссаров спас царя, загородив его от пуль собою, видел я ее величество на большом балу, данном по случаю спасения царя и позднее до её отъезда представлялся королеве в Царском Селе, куда она переехала вместе с царской семьёй.

Решение моё вернуться на службу в Россию мне хотелось теперь поскорее осуществить и потому в начале Ноября 1866 года я снова отправился в Петербург, чтобы приступить к осуществлению моего желания. В Петербурге я остановился у моего шурина в Кавалергардских казармах на Захарьевской и с начала моих хлопот о дальнейшей службе, съездил в Москву повидаться с родителями и получить их согласие и указания, на пути в Петербург я побывал у моих сестёр, поселившихся на зиму в университетском городе Гейдельберге и нашёл сестру Софью Дмитриевну поправившейся после летнего лечения, в Петербурге нашёл я моего бывшего начальника В.П. Титова, он так же пришёл мне на помощь своими советами, как и бывший мой первый начальник – князь Суворов, который теперь был уже Петербургским генерал-губернатором. В это время министром внутренних дел был П.А. Валуев⁴⁴⁷, с коим мы вместе служили в Остзейском крае, где он при князе Суворове был Курляндским губернатором, и часто наезжал в Ригу, много дружески видался с нами всеми, служившими при том же князе Суворове, так что Валуев давно и хорошо меня знал.

При первом же нашем свидании Валуев очень одобрил задуманное мною мечтание и обещал мне полное содействие, когда я выразил ему своё желание быть назначенным в одну из русских губерний вице-губернатором и ссылаясь при том на только что назначенного на эту должность в Черниговскую губернию князя Андрея Ливена⁴⁴⁸ моего давнего товарища и по Москве и по службе в Остзейском крае. Затем, министр занялся моим чинопроизводством и к 1 Января я стал надворным советником с огромным старшинством, а к

⁴⁴⁷ Валуев Пётр Александрович (1815-1890) – русский государственный деятель. В 1861-1868 министр внутренних дел. Разработчик Земской реформы 1864 года. С 1879 года председатель Комитета министров. Его перу принадлежит несколько романов, а также дневник, который он вёл на протяжении всей своей службы.

⁴⁴⁸ Ливен Андрей Александрович (1839-1913) – государственный деятель. В 1870-1872 гг. губернатор Москвы. В 1879-1881 гг. министр государственных имуществ.

Пасхе уже и коллежским, т.е. получил чин, обязательный для вице-губернатора, тогда я просил министра, при коем состоял всё время моей прикомандировки к русской миссии в Штутгарте, дать мне особое поручение и командировать меня по своему выбору в одну из ближайших к Петербургу губерний, дабы я там мог подробно ознакомиться со всеми требованиями будущей моей службы. Министр предложил мне отправиться в Тверь и под руководством местного губернатора Князя Багратиона⁴⁴⁹ приступить к необходимому для меня изучению всех губернских учреждений, а так же и уездных, мне до сих совершенно не знакомых.

Но тут со мной случилась неожиданная серьёзная болезнь, я заболел тифом, который продолжался три месяца и только в Апреле после Пасхи, я мог оставить Петербург и переехать на жительство в Тверь, где и остался до конца Июля и тогда возвратился в Петербург, где министр мне предложил место вице-губернатора в Костроме, но так как этот город находился далеко от железной дороги, то я не решился принять это назначение до моего окончательного возвращения в Россию.

Описание моего пребывания в Тверской губернии находится в недавних моих записках, конченных мною в Чутове в прошлом Июне месяце⁴⁵⁰.

В продолжение зимы 1866 года я много бывал в Петербургском обществе, где меня любезно принимали и особенно у моих родственников князей Оболенских, у любезной вельможной старушки графини Протасовой⁴⁵¹ — гофмейстерины императрицы Марии Александровны и вдовы известного обер-прокурора Синода — бывшей грозы членов Синода и всего духовного ведомства.

Графиня Протасова широко раскрыла двери своего великолепного дома и принимала не только всё петербургское общество и русскую знать, но и самого царя, императрицу и весь царствующий дом, кроме того в прекрасной домово́й церкви графини всякое воскресенье собирались её близкие друзья и знакомые и по окончании службы, нередко велась в её салоне интересная беседа между выдающимися сановниками и замечательными русскими людьми.

⁴⁴⁹ Багратион Пётр Романович (1818-1876) — племянник знаменитого героя Отечественной войны 1812 года, генерал-лейтенант. Занимал должности лифляндского, курляндского и эстляндского губернаторов. В 1862-1868 гг. — тверской губернатор.

⁴⁵⁰ Эта рукопись находится в фонде семьи Свербеевых в РГАЛИ (Ф.472).

⁴⁵¹ Протасова Наталья Дмитриевна (1803-1880) — графиня, статс-дама императрицы Марии Александровны с 1861 г. В 1865 г. пожалована в гофмейстерины.

Здесь встречал я князя П.А. Вяземского⁴⁵², близкого друга Пушкина, воспитан Пушкиным в лицее и его товарища вице-канцлера князя Горчакова, В.П. Титова и всеми любимого поэта Тютчева, который кроме своих прекрасных стихотворений, славился остроумной речью. Особенно припоминается мне тот интересный вечер у графини Протасовой, где среди большого света появилась известная артистка Вера Васильевна Самойлова⁴⁵³ и читала нам среди близких друзей Пушкина, вдохновенное письмо Татьяны из «Онегина» и другие стихотворения Пушкина, после её чтения, слышали мы любопытные рассказы друзей о самом Пушкине и вечер этот на долго остался у меня в памяти. На вечере этом случился забавный эпизод, ярко характеризующий присутствующих дам большого света, пока мы восторженно слушали чудесное чтение знаменитой Самойловой, присутствующие здесь дамы были увлечены совсем другим предметом, а именно – великолепным жемчужным ожерельем на шее артистки, так как жемчужины эти были величиной в небольшую вишню и представляли огромную ценность, если они были настоящие, а не фальшивые, но тут явилось сомнение, что бы В.В. могла иметь такую дорогую собственность, дамская суета не могла успокоиться, пока не было произведено расследование, которое вскоре удовлетворило всех любопытных, когда было дознано, что дарителем ценного ожерелья был известный богач граф Потёмкин⁴⁵⁴, муж княжны Елизаветы Петровны Трубецкой (тётки Е.С. Давыдовой и вдовы моего брата Н.Д. Свербеева). Успокоенные этим известием, дамы стали слушать чтение Самойловой и тут же начали им восхищаться.

Мною было уже сказано, что в конце Июня я выехал из России в Штутгарт и по дороге навестил своих сестёр в Гейдельберге, но тут неожиданно случилась перемена в моих семейных обстоятельствах и я должен был перевести моих детей в Гейдельберг к моим сёстрам, где я вместе с ними и провёл следующую зиму. До этого мне пришлось ликвидировать все мои Штутгартские дела и представиться королеве, чтобы откланяться её величеству и доложить ей об оставлении мною службы в русском при ней посольстве. Её величество милостиво меня приняла и благосклонно отпустила на новую службу в родное отечество.

⁴⁵² Вяземский Пётр Андреевич (1792-1878) – князь, поэт, журналист, вице-директор Департамента внешней торговли Министерства финансов (1832-1846), товарищ министра народного просвещения (1855-1858), камергер.

⁴⁵³ Самойлова Вера Васильевна (1824-1880) – актриса из актёрской династии Самойловых.

⁴⁵⁴ Потёмкин Сергей Павлович (1787-1858) – граф, старшина Московского Английского клуба. Трубецкая Елизавета Петровна (1796-1870).

Подробности о моей зиме в Гейдельберге и о моём возвращении в Россию по морскому пути, и о новой моей службе можно узнать из только что оконченных мною записок о моём безвыездном пребывании в России с возвращения моего в 1868 году, в конце мая.

В заключение я должен вспомнить, что видел королеву ещё раз в России, когда она приезжала туда в 70-х годах. Это было последнее наше свидание, и её величество, и в сей последний раз обладала меня своим милостивым вниманием. Королева была из царственных особ самая для меня близкая и её величеству я обязан счастливыми годами моей молодости проведённой в Штутгарте под её покровительством, она представляла редкое соединение в одной личности обаяния чарующей женской красоты вместе с величавой осанкой, которую она унаследовала от своего отца императора Николая I, но у неё было и другое сходство, семейное, с любимым её братом Александром II, а именно — у них обоих были высокие, благородные качества души и сердца и кроткий приветливый нрав, который к ним привлекал всех, их окружавших, коих они дарили своим вниманием.

Скончалась королева в 1892 году, 70-ти лет и погребена в старой замковой церкви возле своего супруга, умершего за год до неё, с коим она прожила 46 лет своей многотрудной, полезной жизни, посвящённой делам благотворения и заботам о каждом нуждающемся. Светлая её память свято хранится в её Германском отечестве, а мы — русские обязаны помянуть её добрым словом, за всегдшний её тёплый привет и доброе внимание ко всем её соотечественникам, когда либо приезжавшим в её столицу.

Глава Десятая

Императрица Александра Фёдоровна

Супруга ныне царствующего государя императора Александра Фёдоровна прибыла в Россию в Октябре 1894 года и была встречена в Алуште в Крыму своим женихом наследником цесаревичем Николаем Александровичем и оттуда уже с ним вместе доехала до Ялты, где пребывала вся царствующая семья около тяжело больного государя Александра III. Принцесса Алиса Гессен-Дармштадская, таково было имя августейшей невесты, поселилась в Ливадии и там в малой дворцовой церкви приняла православную веру. Памятные были эти дни как для царской семьи, так и для всей России, ибо угасал тот могучий царь, которого так любила русская земля, своё

царство оставлял он и такой высоте положения в Европе, никогда кажется Россия не пользовалась таким почётом и уважением как теперь, когда умирал возвеличивший её государь, начавший своё трудное царствование после ужасных дней 1-го Марта 1881 года и достигший признания величия России всеми Европейскими государствами при сохранении мира и общего спокойствия. Скончался государь Александр III 20-го Октября 1894 года и вместе с его царственной вдовой и вступившим на престол Николаем II, августейшая невеста сопровождала тело почившего государя до Петербурга, где впервые увидела её вся столица в печальный день перевезения тела почившего царя в Петропавловскую крепость. 1-го ноября в 8 часов утра началось погребальное шествие с вокзала Николаевской дороги и только к 2 часам дня дошли мы до Петропавловской крепости. Шествие было в такой степени громадно, что когда гроб царя был поставлен на печальную колесницу на Николаевском вокзале, то головные части этой процессии уже вступали в ограду крепости (тут около 7 вёрст). В этой процессии я должен был нести корону Таврического царства, ибо престарелый адмирал Палабридт, при коем я состоял старшим ассистентом уже так утомился в самом начале шествия, что должен был передать корону мне и когда я донёс её до Петропавловского собора, то сам едва успел возложить её на приготовленное место и почти лишился чувств от усталости.

Все государства Европы были представлены на погребальных церемониях и во главе иностранных государей находился король Кристиан Датский⁴⁵⁵ отец вдовствующей императрицы и принц Валлийский вместе со своей супругой, сестрой императрицы Марии Фёдоровны. Многочисленные депутации со всех стран мира окружали гроб царя и доказали своим присутствием, как глубоко уважалась и почиталась память славного русского царя.

Среди бесчисленных членов царской семьи и других семейств иностранных государей, общее внимание привлекла высокая красавица, стоявшая в глубоком трауре возле августейшего своего жениха. Наречённая невеста была необычайно стройна с величественной осанкой и весьма печальным выражением в лице столь понятной в эти грустные дни общей царской печали.

Ежедневно, два раза в день, собирались все вышеназванные лица с огромной свитой и военными депутациями на панихиды, и на четвёртый день совершилось торжественное погребение почившего царя, с телом коего происходило непрерывное прощание во все эти дни и

⁴⁵⁵ Кристиан IX (1818-1906) – король Дании с 1863 по 1906 гг. Принадлежал к династии Глюксбургов.

ночи огромного числа Петербургских жителей и приехавших для сего со всей России многих тысяч лиц, желавших поклониться телу своего любимого государя.

14-го Ноября в 12 ч. утра было торжественно совершенно бракосочетание молодого царя с его невестой, которая тут впервые была провозглашена императрицей Александрой Фёдоровной. Вся царская семья, король Датский, принц Валлийский и прочие иностранные принцы сопровождали брачную чету в большую церковь Зимнего Дворца, где и совершилось торжественное бракосочетание при огромном стечении приглашённых лиц, их насчитывалось 3000 человек, которые и наполнили все залы Зимнего Дворца.

Впервые после Петра Великого иностранная принцесса после своего венчания стала императрицей, минуя положение супруги наследника цесаревича, каковыми были все её предшественницы начиная с Екатерины II.

Призывая благословение божие на юную царственную чету, как-то невольно думалось, что трудна будет её доля, потому что оба они были так молоды, неопытны и незнакомы с средой, куда вступали, а молодой император, кроме того и совершенно не знал своего отечества. Им не дано было ни одного дня, чтобы приготовиться к своему великому служению и такое отсутствие возможности сближения, как с царской семьёй, так и с русским обществом, не могло не осложнить их новую жизнь.

Вот как началось новое царствование и мне кажется, что все его затруднения объясняются ... среды и обстоятельств, с которыми пришлось молодой чете начать своё царское служение ... Рано осиротела государыня Александра Фёдоровна после своей матери, она была тогда почти ребёнком и едва вышла из отрочества, как скончался её отец, осталась она при единственном брате, молодом великом герцоге, ещё не женатом, а потому большую часть юности провела в Англии близ своей бабки королевы Виктории и по большей части у своей родной сестры принцессы Виктории супруги принца Людвига Баттенбергского, адмирала британского флота. Понятно, что проживая почти постоянно в Англии, принцесса Алиса сделалась англичанкой и отличалась своим английским воспитанием и привычками. Эти британские убеждения, вкусы и привычки она внесла и в свою новую русскую жизнь.

В самых первых начинаниях её благотворительной деятельности вы не можете не усмотреть англо-британских форм внесённых ею в эту сферу. Первым её делом было учреждение Общества попечения неимущих с обязательством при небольших денежных взносах собственноручно шить три предмета из одежды для бедных. Вто-

рое, введённое ею в России благотворение были дома трудолюбия, где призреваемые должны были собственной работой себя прокармливать, и наконец третьё — охрана материнства, ею были основаны для призрения малолетних, устройство яслей и прочего.

Все эти благотворительные дела отличались своею разумностью, практичностью и отсутствием всякой сентиментальности, столько обычной в нашем русском обществе. Вместе с тем, государыня Александра Фёдоровна отличается большой самостоятельностью и сдержанностью характера и во время общих приёмов всегда бывает милостива и внимательна, со всякой сердечной близостью. Характер этих приёмов очень напоминает все приёмы и обычаи английского двора, почему я и полагаю, что императрица всегда руководствовалась воззрениями своей царственной бабки королевы Виктории и никогда не допускает той сердечной приветливости, которую с первого её появления в России привлекала к себе вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. А между тем, мне самому доподлинно известно, какие благородные движения сердца и сколько любвеобильного внимания к больным, скорбящим и несчастным беспрестанно оказывает молодая царица и как она ищет возможности оказать облегчение во многих несчастных случаях. Давно она тщательно скрывает свои добрые дела и является как бы случайной утешительницей всякого горя, когда оно доходит до её слуха.

Расскажу здесь только два близко известных мне случая. У моей родной племянницы княгини Голицыной⁴⁵⁶ почти внезапно скончалась 8 летняя дочь, красавица Елена и кончина её повергла в большое уныние её родителей, особенно не утешаема мать, императрица узнала об этой скорби, потому что многочисленные родственники хоронили эту девочку с особым сочувствием к горю её родителей. В день погребения матери было прислано изображение святой девы с младенцем на руках и на обороте картины неизвестной рукой были начертаны прекрасные английские стихи с утешением в вашей скорби. Печати никакой не было, а мать уверена была почти наверняка — императрица. Сердечным своим сочувствием государыня положила начало последующим своим отношениям с княгиней Голицыной, у них началась переписка и я не могу не сказать, что редко читал такие задушевные письма, какими с тех пор часто обменивались императрица с моей племянницей.

⁴⁵⁶ Имеется в виду Марья Дмитриевна Голицына (1873-1923), урождённая Свербева, дочь брата А.Д. Свербева, Дмитрия Дмитриевича Свербева. У неё в 1909 году в возрасте 8 лет скончалась дочь Елена.

Другой случай, что я теперь вспоминаю, была тяжёлая болезнь жены одного моряка, которая также была совершенно неизвестна государыни и которую она окружила такими сердечными заботами и таким вниманием во всё время её продолжительной болезни: то была жена моряка Весёлкина, бывшего в последствии адъютантом великого князя Алексея Александровича⁴⁵⁷.

Теперь, во время общей европейской войны, всем известны великие труды императрицы в лазаретах и поездах для раненых. Она не только исполняет обязанности сестры милосердия, но даже к этому побуждает своих дочерей и с ними объезжает все госпитали в огромной Русской империи для утешения наших раненых доблестных воинов. Эта её святая деятельность не может не отозваться благодарностью в каждом русском сердце.

Про себя хочу только сказать, что я был принят императрицей единственный раз в Царском селе в первые годы царствования и удостоился милостивой улыбки её величества.

РГАЛИ. Ф.472. Оп.1. Д.104.

⁴⁵⁷ Алексей Александрович (1850-1908) — четвертый сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны.

Научное издание

КЛАССИКА САМАРСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Антология. Выпуск 6

Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербева

Составители: П.С. Кабытов, М.В. Батшев, Э.Л. Дубман,
В.А. Тюрин, А.А. Мякотин

Под научной редакцией
проф. П.С. Кабытова, проф. Э.Л. Дубмана, доц. М.М. Леонова

Публикуется в авторской редакции

*Художественный редактор Л.В. Крылова
Титульное редактирование Т.А. Мурзиновой
Компьютерная верстка, макет Л.Н. Законовой*

Подписано в печать 01.04.2019.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 16,75. Уч.-изд. л. 16,75. Гарнитура «Newton».
Тираж 250 экз. Заказ № 1775.

ООО «Слово»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Слово»

